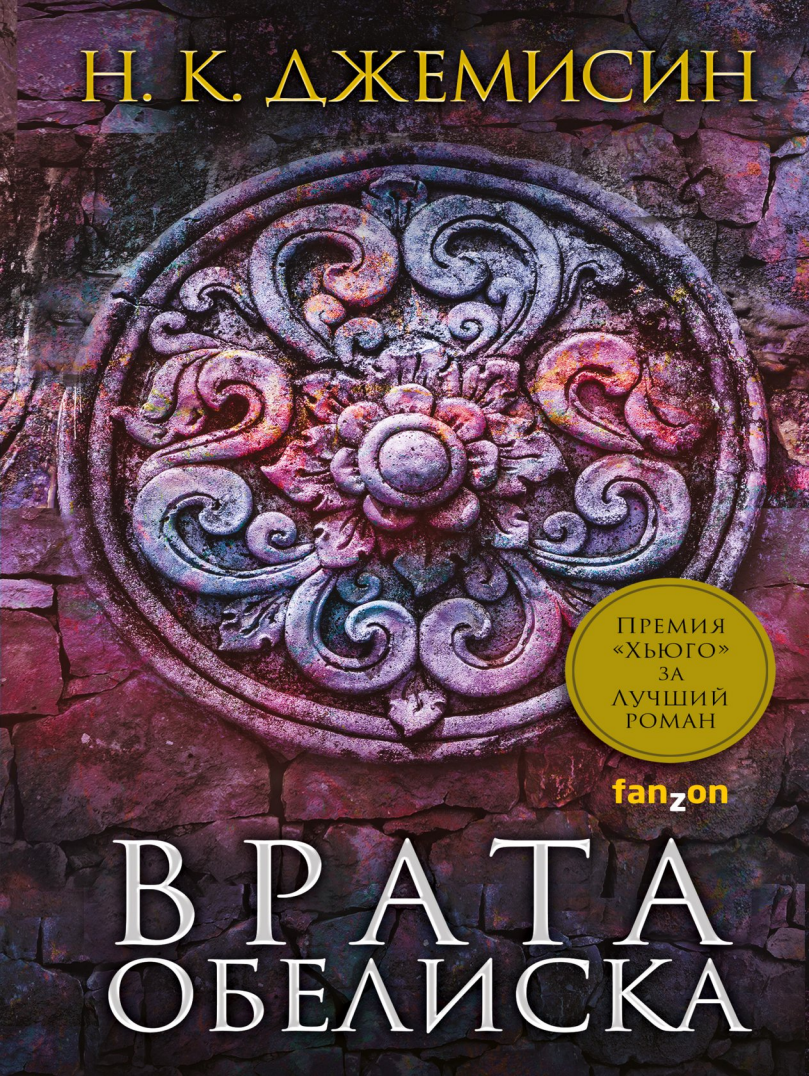
Н. К. ДЖЕМИСИН



ПРЕМИЯ «ХЬЮГО» ЗА ЛУЧШИЙ РОМАН

fanzon

ВРАТА ОБЕЛИСКА

Врата Обелиска
Нора Кейта Джемисин

Аннотация
Нора Кейта Джемисин. Врата Обелиска
1. Нэссун, на скалах
2. Ты, продолжение
3. Шаффа, забытый
4. Тебе бросают вызов
Интерлюдия
5. Нэссун берется за вожжи
6. Ты принимаешь решение
7. Нэссун находит луну
8. Ты получаешь предупреждение
9. Нэссун, необходимая
10. Тебе предстоит большая работа
11. Шаффа, ложась спать
12. Нэссун, в падении вверх
13. Ты, среди древних останков
Интерлюдия
14. Ты получаешь приглашение!
15. Нэссун, отказ
16. Ты снова встречаешь старого друга
17. Нэссун, в противопоставлении
18. Ты, в обратном отсчете

Интерлюдия
19. Ты готовишься громыхнуть
Интерлюдия
20. Нэссун, ограненная
Приложения
Приложение 1. Перечень Пятых времен года или Зим, что были занесены в хроники до и после основания Экваториального Объединения Санзе От самых недавних к более древним
Приложение 2. Глоссарий общеупотребительных для всех квартентов Спокойствия терминов Благодарности

Аннотация

Эта Зима будет длиться тысячи лет. Человечество ее не переживет.

Алебастр – безумец, сокрушитель миров, спаситель – вернулся с миссией: обучить свою преемницу, Иссун, и изменить судьбу Спокойствия.

Иссун ищет дочь, украденную отцом и найденную врагом.

Обелиски парят над миром, и древняя тайна наконец приоткрывается. Идет война, которой уже много тысяч лет. Камнееды хранят память о ней, ведь они – одна из сторон.

Но чтобы у мира появился шанс на спасение, нужно вернуть ему потерянную Луну.

Нора Кейта Джемисин
Врата Обелиска

Тем, у кого нет иного выбора, кроме как готовить своих детей для поля боя

N.K. Jemisin
THE OBELISK GATE

Copyright © 2016 by N.K. Jemisin
Cover design by Wendy Chan
Cover photo © Shutterstock
Cover © 2016 Hachette Book Group, Inc.

© Н. Некрасова, перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

1. Нэссун, на скалах

Хмм. Нет. Я неправильно рассказываю.

В конце концов, личность определяется как ею самой, так и окружением. Окончательно образ разумного существа вычеканивают взаимоотношения. Я есть и я, и ты. Дамайя была собой и семьей, которая отвергла ее, и жителями Эпицентра, отшлифовавшими ее до мелочей. Сиенит была Алебастром и Иннoном, и народом несчастных погибших Аллии и Миова. Теперь ты Тиримо и осыпанные пеплом бредущие по дороге странники, и твои мертвые дети… и то, последнее дитя, что осталось в живых. Та, которую ты вернешь.

Это не спойлер. В конце концов, ты Иссун. Ты знаешь это заранее. Разве не так?

Значит, следующая — Нэссун. Нэссун, которой к концу мира всего восемь лет.

Неизвестно, что происходило в маленькой голове Нэссун, когда она однажды днем вернулась с учебы домой и увидела, что ее младший братик мертв, а над его трупиком стоит отец. Мы можем лишь предположить, что она подумала, почувствовала, сделала. Но знать мы не можем. Может,

и к лучшему.

Но есть одно, что я знаю точно, — я ведь упомянул об учебе?

Нэссун обучалась на лориста.

У Спокойствия странные отношения со своими самопровозглашенными хранителями предания Камня. Есть записи, что лористы существовали еще в пору пресловутой Зимы Скорлупы. Это то самое Пятое время года, когда выброс какого-то газа привел к тому, что все дети, рождавшиеся в Арктике в течение нескольких лет, имели хрупкие кости, ломавшиеся от прикосновения и сгибавшиеся, когда они вырастали — если они вырастали.

(Юменесские археоместы веками спорили по поводу того, вызвано ли это было стронцием или мышьяком и считать ли это Пятым временем года при том, что пострадали всего лишь несколько сотен тысяч слабых, бледных малорослых варваров северной тундры. Именно тогда жители Арктики заслужили свою репутацию слабаков.) Это было около двадцати пяти тысяч лет назад, согласно самим лористам, что большинство людей считает неприкрытым враньем. На самом деле лористы — самая древняя форма жизни в Спокойствии. Просто двадцать пять тысяч лет

назад их роль была извращена практически до бесполезности.

Они все еще существуют, хотя уже и забыли, как много они забыли. Каким-то образом их орден, если это можно назвать орденом, выжил, несмотря на то что университеты от Первого до Седьмого считают их работу апокрифической и, вероятно, неточной, несмотря на то что правительства во все века своей пропагандой унижают их знания. И несмотря на Зимы, конечно. Некогда лористы происходили только из расы регво — западных побережников с землисто-красной кожей и черными от природы губами, поклонявшиеся сохранению истории так, как люди в менее суровые времена поклонялись богам. Они высекали Предание камня на склонах гор на табличках под самыми небесами, чтобы все видели мудрость, необходимую для выживания. Увы, в Спокойствии горы рушатся так же легко, как малыш-ороген впадает в гнев. Уничтожить целый народ лишь чуть затратнее.

Итак, лористы больше не из регво, но большинство их красят губы черным в память о регво. Да они уже и не помнят почему. Лориста сейчас узнают вот как: по черным губам, стопке пластиковых табличек и убогой одежде, которую

они предпочитают носить, а еще потому, что они, как правило, не имеют общинного имени. Они, видишь ли, не неприкаянные. В теории они могут вернуться в родную общину в случае Зимы, хотя из-за своей профессии они обычно уходят так далеко, что возвращаться нет смысла. На деле многие общины принимают их даже во время Зимы, поскольку даже самым стоическим общинам хочется развлечений в холодные длинные ночи. Для этого лористы обучаются искусствам — музыке, комедии, вот этому всему. Они также умеют обучать малышей и ухаживать за ними, когда больше некому это поручить, и, что еще важнее, служат живым напоминанием того, что в прошлом люди и худшее переживали. Каждой общине такое нужно.

Лорист, пришедшая в Тиримо, носит имя Ренфри Лорист Камень. (Все лористы берут общинное имя Камень и функционал-имя Лорист, одной из редчайших функционал-каст.) Роль у нее небольшая, но есть причина, по которой вам следует о ней узнать. Некогда она была Ренфри Селект Тентик, но это было до того, как она влюбилась в лориста, заглянувшего в Тентик и соблазнившего молодую тогда женщину, после чего она забросила скучную жизнь стеклокова.

Ее жизнь стала бы чуть более интересной, если бы Зима настала до ее ухода, поскольку обязанности Селекта в эту пору ясны — возможно, это тоже заставило ее уйти. Или, возможно, это было просто безумие юношеской влюбленности? Трудно сказать. Любовник-лорист Ренфри в конце концов бросил ее в пригороде экваториального города Пенфен с разбитым сердцем и головой, забитой Преданием, а также кошельком, наполненным колотым нефритом, кабошонами и одним перламутровым ромбиком с подковообразным пятном.

Ренфри купила за перламутр собственный комплект табличек у резчика, отдала осколки нефрита за дорожные припасы и постой на несколько дней в гостинице, пока резчик не закончит, а кабошоны потратила на крепкое пойло в таверне. Затем, подлатав раны и снарядившись, она пустилась в путь. Так продолжается их ремесло.

Когда Нэссун появляется на путевой станции, где Ренфри устроила свою лавку, возможно, та подумывает — не взять ли себе ученицу? (Дело не в соблазне — Ренфри предпочитает женщин постарше — подчеркиваю, женщин. Просто глупые мечты.) За день до того Ренфри прошла через

Тиримо, скупилась на рынке, весело улыбаясь своими черненными губами, чтобы продемонстрировать свое присутствие в окрестностях. Она не видела Нэссун, которая возвращалась домой из школы и остановилась, воззрившись на нее во внезапном, иррациональном порыве надежды.

Нэссун сегодня пропустила школу, чтобы найти ее и принести подношение. Это традиция — подношение, в смысле, а не то чтобы дочь учительницы пропускала школу. Двое взрослых из города уже сидят в дорожном доме на скамье и слушают Ренфри, и ее чаша для подношений уже полна яркими осколками с клеймом квартента. Ренфри моргает от удивления при виде Нэссун: нескладная девочка, у которой больше ног, чем тела, глаз больше, чем лица, и которая явно слишком мала, чтобы покинуть школу так рано, поскольку сейчас не время сбора урожая.

Нэссун останавливается на пороге, переводя дыхание, так что явление ее весьма картинно. Два других посетителя оборачиваются к ней, глядя на обычно тихую дочку-первенца Джиджи, и лишь их присутствие не дает Нэссун с порога выпалить свое желание. Мать научила ее вести себя очень осмотрительно. (Ее мать узнает о том, что она прогуляла школу, но Нэссун все равно.)

Она, однако, сглатывает и тут же подходит к Ренфри, чтобы что-то дать ей: темный кусок камня, в котором можно увидеть крохотный, почти кубический алмаз.

У Нэссун нет денег, кроме карманных, понимаешь ли, и она уже потратила их на книги и сладости, когда пришла весть, что в городок пришла лорист. Но никто в Тиримо не знает, что в окрестностях есть перспективные алмазные копи — за исключением орогенов.

Да и то если те поищут. И лишь Нэссун заглянула туда за несколько тысяч лет. Она понимает, что ей не следовало находить этот алмаз. Мать учила ее не демонстрировать своей орогении и не использовать ее вне пределов тщательно определенных часов практики, которую они проводили в долине по соседству каждые несколько недель. Никто не использует алмазы в качестве валюты, поскольку их трудно расколоть, но они используются в промышленности, горном деле и так далее. Нэссун знает, что они имеют ценность, но она понятия не имеет, что красивый камушек, который она только что отдала Ренфри, стоит пару домов. Ей всего восемь лет.

И Нэссун так возбуждена, когда видит, как расширяются глаза Ренфри при виде блестяще-

го кусочка в черном камне, что ей становится все равно, что тут есть еще другие люди, и она выдает:

— Я тоже хочу быть лористом!

Нэссун, конечно же, понятия не имеет, чем на самом деле занимаются лористы. Она просто знает, что очень-очень хочет покинуть Тиримо.

Потом я еще вернусь к этому.

Ренфри была бы дурой, если бы отказалась от подношения — она и не отказалась. Но она не дает Нэссун ответа сразу отчасти потому, что считает Нэссун симпатичной, а ее заявление всего лишь минутным порывом ребенка. (Она в какой-то мере права; в прошлом месяце Нэссун хотела стать джинером.) Вместо этого она просит Нэссун сесть, а затем остаток дня рассказывает своей маленькой аудитории всякие истории, пока солнце не начинает отбрасывать длинные тени на склоны долины и сквозь стволы деревьев. Когда два остальных посетителя встают, чтобы идти домой, они смотрят на Нэссун и делают намеки, пока та неохотно не уходит с ними, поскольку жителям Тиримо не хочется, чтобы говорили, будто бы они непочтительны к лористу, оставив при ней ребенка, который весь вечер будет донимать ее своей болтовней.

Когда посетители уходят, Ренфри разводит костер и начинает готовить себе ужин из куска свиной подбрюшины, зелени и кукурузной крупы, которую купила вчера в Тиримо. Пока еда готовится, она грызет яблоко и зачарованно вертит в руках камушек Нэссун. И она встревожена.

Утром она идет в Тиримо. Несколько осторожных вопросов выводят ее на дом Нэссун. К тому времени Иссун уже ушла вести урок в последнем классе в ее карьере школьного учителя. Нэссун тоже уходит в школу, хотя просто убивает время, пока ей не удается удрать во время обеда и снова найти лориста. Джиджа в своей «мастерской», как он называет подобие подвала, где весь день работает над заказами своими шумными инструментами. Уке спит на соломенном тюфячке в том же помещении. Он может спать в любой обстановке. Песни земли всегда были его колыбельной.

Джиджа подходит к дверям, когда Ренфри стучит, и на миг она даже чуть пугается. Джиджа — срединник смешанных кровей, как и Иссун, хотя в предках у него больше крови санзе; он крупный, смуглый, мускулистый и бритый наголо. Пугающий. Однако его приветственная улыбка вполне искренняя, и у Ренфри, уже ре-

шившей, что делать, отлегает от сердца. Это добрый человек. Она не может обманывать его.

— Вот, — говорит она, протягивая ему камень с алмазом. Она ни в коем разе не может взять такой ценности у ребенка в обмен на несколько историй и ученичество, тем более что Нэссун за несколько месяцев может и передумать. Джиджа хмурится в замешательстве и берет камушек, рассыпаясь в благодарностях после ее объяснений. Он обещает рассказать о благородстве и честности Ренфри всем, кому сможет, что может дать ей больше возможностей показать свое искусство прежде, чем она покинет город.

Ренфри уходит, и больше в этой истории о ней речи не будет. Но это важная часть, потому я тебе о ней и рассказываю.

Понимаешь ли, ничто не могло настроить Джиджу против сына. Просто в течение многих лет он подмечал некоторые странности в поведении жены и детей, что зародило в глубине его души подозрения. Эти подозрения превратились в какой-то зуд, затем, к тому моменту, когда начинается наша повесть, они стали его раздражать, но отрицание не позволяло ему дальше думать об этом. В конце концов, он любил свою семью, а правда была просто… немыслима.

В буквальном смысле.

В конце концов он узнал бы о ней так или иначе. Повторяю: *в конце концов он узнал бы.* Некого винить, кроме него самого.

Но если тебе нужно простое объяснение, то если что и стало переломным событием, той соломинкой, что переломила спину верблюду, экструзивным бисмалитом на лавовой трубке… это был тот самый камушек. Поскольку Джиджа, понимаешь ли, знал этот камень. Он был великолепным резчиком. Он знал камень, он знал Тиримо и знал о жилах магматических пород древнего вулкана, что тянутся везде по округе. Большинство их не выходило на поверхность, но вполне возможно, что Нэссун могла случайно найти алмаз в породе там, где и любой другой мог его подобрать. Маловероятно. Но возможно.

Эта мысль плавает на поверхности в мозгу Джиджи весь день после того, как Ренфри уходит. И под этой поверхностью истина, левиафан, готовый вынырнуть, но пока воды его разума спокойны. Отрицание — сильная штука.

Но тут просыпается Уке. Джиджа ведет его в дом, спрашивает, не голоден ли он; Уке говорит, что нет. Затем он улыбается Джидже и с безошибочной чувствительностью ребенка — мощного

орогена показывает на карман Джиджи и говорит:

— А тё туть блестит, па?

Его шепелявые младенческие слова так милы. Но знание, которым он обладает, поскольку камень и правда в кармане Джиджи и Уке никак не мог знать, что он там, обрекает его.

Нэссун не знает, что все началось с камня. Когда увидишь ее, не говори ей.

Когда днем Нэссун возвращается домой, Уке уже мертв. Джиджа стоит над его остывающим тельцем, тяжело дыша. Забить малыша насмерть — много ли надо? Но пока он убивал его, он слишком глубоко дышал. Когда Нэссун входит, в крови Джиджи все еще мало двуокиси углерода; у него кружится голова, его трясет, ему холодно. Он не в себе. Потому когда Нэссун резко появляется на пороге, глядя на зрелище, и медленно осознает, что именно она видит, Джиджа выкрикивает:

— Ты тоже?

Он крупный мужчина. Это громкий, резкий выкрик, и Нэссун подпрыгивает. Ее взгляд отрывается от тела Уке и устремляется на него, что спасает ей жизнь. У нее глаза серые, как у матери, но черты лица — как у Джиджи. Один лишь взгляд на нее выводит его из состояния

первобытной паники.

Она говорит правду. Это помогает, поскольку ничему другому он не поверил бы.

— Да, — говорит она.

В тот момент она даже не по-настоящему напугана. Вид тела брата, отказ разума интерпретировать увиденное — все это затормозило ее восприятие. Она даже не уверена, о чем ее спрашивает Джиджа, поскольку понимание контекста его слов потребовало бы от нее осознать, что кулаки отца в крови и что ее братик не просто спит на полу. Она не может. Сейчас — нет. Но при отсутствии более связных мыслей и, как порой бывает с детьми в экстремальных ситуациях, Нэссун… впадает в ступор. Ее пугает то, что она видит, хотя она и не понимает почему. И из двух родителей Нэссун всегда была ближе с Джиджей. Она его любимица: первенец, которого он и не ждал, с его чертами лица и его чувством юмора. Ей нравится его любимая еда. У него большие надежды на то, что она пойдет по его стопам в ремесле резчика.

Потому когда она начинает плакать, она сама не понимает почему. Мысли кружатся у нее в голове, сердце ее вопит, и она делает шаг к нему. Он крепче сжимает кулаки, но она не видит в нем

угрозы. Он ее отец. Она хочет утешения.

— Папочка, — говорит она.

Джиджа вздрагивает. Моргает. Смотрит на нее, словно прежде никогда не видел. Осознает. Он не может ее убить. Даже если она… нет. Она его малышка. Она снова делает шаг вперед, тянется к нему. Он не может заставить себя попятиться, стоит на месте. Она хватает его за руку. Он стоит над телом Уке, и она не может схватить его за ту руку, какую хочет. Но она, однако, прижимается лицом к его бицепсу, такому утешительно крепкому. Она дрожит, и он чувствует ее слезы у себя на коже.

Он стоит, его дыхание постепенно успокаивается, а она плачет. Через некоторое время он полностью оборачивается к ней, и она обнимает его за пояс. Повернуться к ней — значит отвернуться от того, что он сделал с Уке. Это легко.

Он шепчет ей:

— Собери вещи. Так как если бы ты уехала на несколько ночей к бабушке. — Мать Джиджи снова вышла замуж несколько лет назад и теперь живет в Суме, городке в соседней долине, который вскоре будет полностью уничтожен.

— Мы поедем туда? — спрашивает Нэссун, уткнувшись ему в живот.

Он касается ее затылка. Он всегда так делает, и ей нравится. Когда она была грудничком, она гулила громче, когда он держал ее под головку в этом месте. Это потому, что в этом отделе мозга расположены сэссапины, и когда он к ним прикасается, она чувствует его лучше, как все орогены. Никто из них не знал, почему ей это так нравится.

— Мы поедем туда, где тебе будет лучше, — ласково говорит он. — В одно место, о котором я слышал, там тебе помогут.

Снова сделают ее маленькой девочкой, а не… Он отворачивается и от этой мысли.

Она сглатывает, затем кивает и отступает на шаг, глядя на него.

— А мама тоже поедет?

Что-то незаметно проходит по лицу Джиджи, как землетрясение.

— Нет.

И Нэссун, которая была готова уехать на закате с какой-то лористкой и которая сейчас действительно бежит из дому, чтобы скрыться от матери, в конце концов расслабляется.

— Хорошо, пап, — говорит она и идет в свою комнату собираться. Джиджа смотрит ей вслед, долго, не дыша. Он снова отворачивается от Уке,

собирает собственные вещи и выходит запрячь лошадь в фургон. Не проходит и часа, как они уже далеко, едут на юг долины, а за ними по пятам идет конец света.

* * *

В дни Джьямарийи, который умер в Зиму Затопленной Пустыни, считалось, что если отдать последнего ребенка морю, то оно не будет наступать на землю, чтобы забрать остальных.

– Из «Павильона Селекта», истории, записанной от лориста в квартенте Ханль, Западное побережье близ Отломанного полуострова. Апокриф.

2. Ты, продолжение

— Что? — говоришь ты.

— Луна. — Алебастр, возлюбленное чудовище, мудрый безумец, самый могучий ороген в Спокойствии и будущая закуска для камнееда, смотрит на тебя. В этом взгляде вся его былая энергия, и ты ощущаешь его волю, то, что делает его силой природы, которой он и является. Его взгляд обладает почти физической силой. Стражи были дураками, считая, что его можно укротить.

— Спутник.

— Что?

Он раздраженно хмыкает. Он все тот же, как в те дни, когда вы с ним были меньше чем любовниками и больше чем друзьями, разве что наполовину превратился в камень. Десять лет и одна жизнь назад.

— Астрометрия — не чушь, — говорит он. — Я знаю, что тебя, как и всех в Спокойствии, учили, что изучение неба — пустая трата сил, когда земля пытается убить нас, но огонь же земной, Сиен! Я думал, что ты уже немного научилась подвергать сомнению порядок вещей.

— Мне было о чем подумать и без этого, — отрезаешь ты, как обычно. Но мысли о прошлом заставляют тебя подумать о том, к чему ты тогда стремилась. А это заставляет тебя подумать о твоей уцелевшей дочери и погибшем сыне, и твоем вскорости бывшем, в полном смысле слова, муже, и ты вздрагиваешь. — И теперь меня зовут Иссун, я уже говорила.

— Да как угодно. — Со скрежещущим вдохом Алебастр осторожно садится, привалившись спиной к стене. — Мне сказали, с тобой пришла геомест. Пусть объяснит тебе. У меня в эти дни не так много сил. — Поскольку, наверное, нелегко, когда тебя жрут. — Ты не ответила на мой первый вопрос. Ты еще можешь это делать?

Можешь позвать для меня обелиски? Когда он впервые задал этот вопрос, он не имел смысла, вероятно, потому, что тебя отвлекло осознание того, что он: а) жив, б) превращается в камень, и в) этот ороген виноват в том, что континент раскололся пополам и началась Зима, которая может и не кончиться никогда.

— Обелиски? — Ты качаешь головой, скорее от смятения, чем отказывая. Твой взгляд привлекает странный предмет возле его кровати, похожий на очень длинный стеклянный нож, который

ощущается как обелиск, хотя никак не может им быть. — Могу… нет. Не знаю. После Миова я не пыталась.

Он тихо стонет, прикрывая глаза.

— Ты такая, ржавь тебя побери, бесполезная, Сиен. Иссун. Совершенно не уважаешь ремесло.

— Очень даже уважаю, я просто не…

— Ровно настолько, чтобы прожить, чтобы преуспеть, но лишь ради дохода. Тебе говорили — прыгай вот досюда, и ты не прыгала дальше, все ради того, чтобы получить жилье получше да еще одно кольцо…

— Ради личного пространства, скотина, и хоть какой-то власти над собственной жизнью, и хоть какого-то ржавого уважения…

— И ты действительно слушалась своего Стража, и никого другого…

— Эй. — Десять лет работы школьной учительницей придали твоему голосу остроту обсидиана. Ты говоришь очень спокойно: — Ты прекрасно знаешь, почему я его слушалась.

На миг воцаряется тишина. Оба вы пользуетесь этим моментом для перегруппировки сил.

— Ты права, — говорит он наконец. — Извини.

Поскольку каждый имперский ороген слушается — слушался — назначенного ему Стража.

Тот, кто не слушался, умирал или кончал в узле. Опять же, за исключением Алебастра; ты так и не узнала, что он сделал со своим Стражем.

Ты натянуто киваешь в знак перемирия:

— Извинения приняты.

Он осторожно вздыхает. Вид у него усталый.

— Попытайся, Иссун. Попытайся дотянуться до обелиска. Сегодня. Мне надо знать.

— Зачем? Что это за… путаник? Что это…

— Спутник. И все это не имеет смысла, если ты не можешь контролировать обелиск.

Его глаза закрываются. Наверное, это хорошо. Ему понадобятся силы, если он хочет пережить то, что с ним происходит, что бы то ни было. Если, конечно, это можно пережить.

— Хуже чем бессмысленно. Помнишь, почему я сразу не рассказал тебе об обелисках, да?

Да. Однажды, прежде чем ты обратила внимание на эти огромные летающие полуреальные кристаллы в небесах, ты попросила Алебастра объяснить, как он добился некоторых своих замечательных достижений в орогении. Он не стал тебе говорить, и ты возненавидела его за это, но теперь ты понимаешь, насколько опасно было это знание. Если бы ты не поняла, что обелиски — усилители, усилители орогении, ты никогда бы

не дотянулась до того граната, чтобы защититься от нападения Стража. Но если бы гранатовый обелиск не был полудохлым, треснувшим, с камнеедом внутри, он бы убил тебя. У тебя не было ни силы, ни самоконтроля, чтобы не дать ему выжечь тебя, начиная от мозга.

А теперь Алебастр хочет, чтобы ты нарочно дотянулась до одного из них, чтобы посмотреть, что выйдет.

Алебастр читает тебя по лицу.

— Иди и попробуй, — говорит он. Теперь его глаза закрыты полностью. Ты слышишь легкий перестук в его дыхании, словно у него в легких гравий. — Топазовый плавает неподалеку. Позови его сегодня вечером, а утром посмотри… — Он резко слабеет, теряя силы. — Посмотри, придет ли он. Если нет, скажи, и я найду кого-нибудь еще. Или сам сделаю, что смогу.

Кого найдет, для чего — ты даже не можешь предположить.

— Так ты мне скажешь, зачем все это?

— Нет. Потому, что, несмотря ни на что, Иссун, я не хочу твоей гибели. — Он делает глубокий вдох и медленно выдыхает. Следующие слова звучат мягче обычного: — Приятно видеть тебя.

Тебе приходится стиснуть челюсти для ответа.

— Да.

Он больше ничего не говорит, и это «до свидания» для вас обоих. Ты встаешь, глядя на стоящего рядом камнееда. Алебастр называет ее Сурьмой. Она стоит неподвижно, как изваяние — как все они, ее слишком черные глаза следят за тобой слишком внимательно, и хотя поза ее классическая, ты видишь в этом намек на иронию. Голова ее элегантно наклонена вбок, одна рука на бедре, вторая поднята с расслабленными пальцами. Может, это приглашение, может, прощание, может, то, что делают люди, когда у них есть секрет и они хотят, чтобы ты об этом знала, но не хотят им делиться.

— Побереги его, — говоришь ты ей.

— Как любое сокровище, — отвечает она, не шевеля губами.

Ты даже не задумываешься о смысле ее слов. Ты идешь к выходу из лазарета, где ждет тебя Хоа. Хоа, который выглядит как очень странный человеческий мальчик, на самом деле камнеед, который считает драгоценностью тебя.

Он смотрит на тебя с несчастным видом, как всегда с тех пор, как ты поняла, кто он такой. Ты качаешь головой и проходишь мимо него. Он следует за тобой по пятам.

В общине Кастрима ранний вечер. Судить о времени трудно, поскольку мягкий белый свет гигантской жеоды, невероятным образом источаемый массивными кристаллами, составляющими ее, никогда не меняется. Вокруг суетятся люди, таскают грузы, перекрикиваются, занимаются обычными делами без снижения активности по необходимости, как в других общинах с наступлением темноты. Ты подозреваешь, что несколько дней спать будет трудно, по крайней мере пока не привыкнешь. Не важно. Обелискам плевать на время суток.

Лерна вежливо ждал снаружи, пока вы с Хоа встречались с Алебастром и Сурьмой. Когда вы выходите, он пристраивается к вам с ожиданием на лице.

— Мне надо выйти наверх, — говоришь ты.

Лерна кривится.

— Охрана не выпустит тебя, Иссун. Новичкам в общине не доверяют. Выживание Кастримы зависит от секретности.

Встреча с Алебастром вызвала множество воспоминаний и былое упрямство.

— Они не смогут остановить меня.

Лерна останавливается.

— И ты сделаешь так же, как в Тиримо?

Ах ты, ржавь клятая. Ты тоже останавливаешься, чуть покачиваясь от силы удара. Хоа тоже останавливается, задумчиво глядя на Лерну. Взгляд Лерны не злобен. Выражение его лица слишком бесцветно, чтобы это было злобой. Проклятье. Ладно.

Через мгновение Лерна вздыхает и подходит к тебе.

— Пойдем к Юкке, — говорит он. — Скажем ей, что нам надо. Попросим выйти наверх — если захочет, пусть стражу приставит. Хорошо?

Это звучит так разумно, что ты удивляешься, почему ты сама даже не подумала об этом. Ну, ты понимаешь почему. Юкка, может, и ороген вроде тебя, но ты провела слишком много лет, будучи отвергнутой и преданной орогенами Эпицентра; ты знаешь, что не стоит ей доверять только потому, что она из Своих. Но поскольку она из Своих, стоит все же дать ей шанс.

— Хорошо, — говоришь ты, следуя за ним к Юкке.

Жилище Юкки не больше твоего, и по нему никак не поймешь, что это дом главной женщины общины. Просто еще одно жилье, непонятно как вырезанное в стенке гигантского светящегося кристалла. У дверей, однако, ждут двое, один

привалился к кристаллу, вторая смотрит через перила на просторы Кастримы. Лерна становится в очередь за ними и велит тебе сделать так же. Это справедливо — дождаться своей очереди, а обелиск никуда не денется.

Женщина, облокотившаяся о перила, мерит тебя взглядом. Она чуть старше, с кровью санзе, хотя и смуглее большинства, и грива ее слегка вьющихся пепельных волос скорее похожа на пушистое облачко, чем на спутанную проволоку. В ней есть кровь восточного побережья. И западного — она смотрит оценивающе, настороженно и невозмутимо из-под век с эпикантальной складкой.

— Ты новая, — говорит она. Это не вопрос.

Ты киваешь в ответ:

— Иссун.

Она криво усмехается, и ты моргаешь. Ее зубы остро заточены, хотя даже санзе перестали это делать несколько веков назад. Это было дурно для их репутации, особенно после Зимы Зубов.

— Хьярка Лидер Кастрима. Добро пожаловать в нашу нору. — Она расплывается в улыбке. Ты сдерживаешь гримасу от этого каламбура, хотя, услышав ее имя, ты задумываешься. Обычно дело плохо, когда в общине Лидеры не у дел.

Недовольные Лидеры имеют мерзкую привычку устраивать перевороты во время кризиса. Но это проблема Юкки, не твоя.

Другой в очереди, мужчина, опирающийся на кристалл, вроде и не смотрит на тебя — но ты замечаешь, что его глаза не двигаются, взгляд его блуждает где-то далеко. Он худ, ростом ниже тебя, с волосами и бородой, напоминающими о землянике в сене. Тонкое давление его непрямого внимания — это все твое воображение. Но инстинкт, который говорит тебе, что он из таких, как ты, — уже не воображаемый. Поскольку он не реагирует на твое присутствие, ты ничего ему не говоришь.

— Он пришел несколько месяцев назад, — говорит Лерна, отвлекая тебя от новых соседей. На миг ты думаешь, что он говорит о мужчине с волосами цвета земляники в сене, а затем до тебя доходит, что он об Алебастре. — Просто возник посреди здешнего варианта городской площади внутри жеоды — на Плоской Вершине. — Он кивает куда-то тебе за спину, и ты оборачиваешься, пытаясь понять, о чем он. А, вот посреди острых кристаллов Кастримы один выглядит так, будто с него срезали половину — осталась шестиугольная приподнятая платформа близко к центру

общины. К ней ведут несколько лесенок-мостов, и на ней есть перила и сиденья. Плоская Вершина.

Лерна продолжает:

— Без всякого предупреждения. Орогены, сдается, ничего не сэссили, а глухачи, что стояли на страже, ничего не увидели. Они с этой камнеедкой просто вдруг… оказались здесь.

Он не видит, как ты удивленно хмуришься. Ты никогда прежде не слышала, чтобы глухач использовал слово *глухач*.

— Может, камнееды знали, что он идет, но они редко говорят с кем-то, кроме избранных ими. А в этом случае даже им не сказали. — Взгляд Лерны скользит к Хоа, который именно в этот момент старательно игнорирует его. Лерна качает головой: — Юкка, конечно, попыталась выгнать его, хотя и предложила милосердно убить его, если он захочет. Его прогноз очевиден — мягкие наркотики и постель в лучшем случае. Он, однако, сделал что-то, когда она позвала Опор. Свет погас. Воздух и вода остановились. Это длилось всего минуту, но показалось годом. Когда он снова все вернул, все были в смятении. Потому Юкка сказала, что он может остаться и что мы будем лечить его раны.

Звучит похоже.

— Он десятиколечник, — говоришь ты. — И сволочь. Давай ему все, что он хочет, и будь доволен.

— Он из Эпицентра? — в священном ужасе выдыхает Лерна. — Пламень земной. Понятия не имею, почему хоть один имперский ороген выжил.

Ты смотришь на него, слишком пораженная, чтобы удивиться. Но откуда ему знать? Тебя угнетает другая мысль.

— Он превращается в камень, — тихо говоришь ты.

— Да, — с сожалением говорит Лерна. — Ничего подобного не видел. И с каждым днем ему все хуже. В первый день камнеедка… забрала… только пальцы. Я не видел, как это происходит. Он старается это делать, только когда поблизости нет меня или моих помощников. Я не знаю, она ли делает это с ним, или он сам, или… — Он мотает головой. — Когда я его спрашивал, он просто ухмылялся и говорил: «Потерпи немного, пожалуйста. Я кое-кого жду». — Лерна, задумчиво нахмурившись, смотрит на тебя.

Вот оно — Алебастр каким-то образом знал, что ты идешь. Или, может, не знал. Может, надеялся, что придет кто-то, хоть кто-нибудь с необходимы-

ми умениями. Здесь шанс высок, поскольку Юкка как-то притягивает сюда всех рогг за несколько миль в округе. Но ждал он только тебя, поскольку только ты можешь призвать обелиск.

Через несколько мгновений из-за занавеси высовывает голову Юкка. Она кивает Хьярке, сердито смотрит на Землянику-и-Сено, пока тот не вздыхает и не поворачивается к ней лицом, затем украдкой смотрит на Лерну и Хоа.

— О. Привет. Хорошо. Заходите все.

Ты начинаешь протестовать:

— Мне надо поговорить с тобой наедине.

Она отвечает тебе суровым взглядом. Ты моргаешь — смущенная, обиженная, раздраженная. Она продолжает смотреть на тебя. Лерна переминается с ноги на ногу рядом с тобой, молча принуждая тебя. Хоа просто смотрит, ожидая твоего примера. Наконец ты понимаешь: ее община — ее законы, и если ты хочешь тут жить… Ты вздыхаешь и входишь следом за всеми.

Внутри теплее, чем в большинстве жилищ общины, и темнее — хотя стены и светятся, полог свое дело делает. Создается впечатление ночи — может, наверху она и стоит как раз. Хорошая мысль, надо так обустроить собственное жилище, думаешь ты — прежде чем одернуть себя,

поскольку ты не должна загадывать надолго. И ты снова одергиваешь себя, поскольку ты потеряла след Нэссун и Джиджи, так что *придется* загадывать надолго. А потом…

— Ладно, — устало говорит Юкка, подходя к простому низкому дивану, и садится на него, скрестив ноги, подперев подбородок кулаком. Остальные тоже садятся, но смотрит она на тебя. — Я уже думала о кое-каких новшествах. Вы двое пришли как раз вовремя.

На миг ты думаешь, что «вы двое» — это ты и Лерна, но Лерна сидит на диване рядом с ней, и в его поведении есть что-то такое, какая-то свобода движений, что говорит тебе о том, что он уже слышал эти слова прежде. Значит, речь идет о Хоа. Хоа садится на пол, что делает его похожим на ребенка… хотя он не ребенок. Странно, что тебе так трудно это запомнить.

Ты осторожно садишься.

— Вовремя для чего?

— Я по-прежнему не считаю это хорошей идеей, — говорит Земляника-и-Сено. Он смотрит на тебя, хотя лицо его чуть повернуто к Юкке. — Мы ничего не знаем об этих людях, Юк.

— Мы знаем, что они дожили до вчерашнего дня, — говорит Хьярка, облокотившись на подло-

котник дивана. — Это кое-что.

— Это ничто. — Земляника-и-Сено — тебе действительно хочется узнать его имя — выпячивает челюсть. — Наши Охотники способны выживать наверху.

Охотники. Ты моргаешь. Это одна из старых функционал-каст — по Имперскому закону запрещенная, так что больше никто в ней не рождается. Цивилизованному обществу не нужны охотники-собиратели. То, что Кастриме они нужны, говорит о состоянии общины больше, чем все, что рассказала тебе Юкка.

— Наши Охотники знают местность, как и Опоры, — говорит Хьярка. — Местность по соседству. Новички знают больше о ситуации за пределами нашей территории — о людях, опасностях, обо всем таком.

— Не уверена, что знаю что-то полезное, — начинаешь ты. Но даже говоря эти слова, ты хмуришься, поскольку вспоминаешь, что начала замечать кое-что несколько дорожных домов назад. Шарфы или обрывки тонкой шелковой ткани у слишком многих экваториалов на запястьях. То, как они украдкой смотрели на тебя, их внимание, когда остальные сидели, замкнувшись в себе. Каждый раз в лагере ты замечала, как они выис-

кивали своих выживших, выбирая всех с кровью санзе, которые были лучше экипированы, или выглядели здоровее, или как-то еще выделялись на общем уровне. С этими избранными они говорили приглушенными голосами. Наутро они уходили бо`льшими группами, чем прибыли.

Значит ли это что-нибудь? Подобное тянется к подобному, это старая истина, но расы и национальности уже давно не имеют значения. Общества, объединенные одной целью и с разными специализациями, куда более эффективны, как доказала Старая Санзе. И все же сейчас Юменес — шлак на дне Разлома, и законы и традиции Империи больше ничего не значат. Может, это первый признак перемен. Может, через несколько лет тебе придется покинуть Кастриму и найти общину срединников вроде тебя, смуглых, но не слишком, крупных, но не слишком, с волосами вьющимися или курчавыми, но не пепельными или прямыми. В этом случае Нэссун могла бы пойти с тобой.

Но как долго вы могли бы скрывать то, кто вы есть? Ни одной общине не нужны рогги. Ни одной, кроме этой.

— Ты знаешь больше нас, — говорит Юкка, прерывая твои грезы, — и в любом случае у меня

не хватит терпения на споры. Я скажу тебе то, что сказала ему несколько недель назад. — Она кивает на Лерну. — Мне нужны советники — люди, которые разбираются в этой Зиме досконально. Ты будешь советницей, пока я не заменю тебя.

Ты более чем удивлена.

— Я же ни ржави не знаю об этой общине!

— Это мое дело, и его, и ее. — Юкка кивает на Хьярку и Землянику-и-Сено. — В любом случае научишься.

У тебя челюсть падает. Затем до тебя доходит, что ведь она и Хоа позвала на это собрание, не так ли?

— Огонь подземный и ржавь земная, ты хочешь в советники камнееда?

— Почему бы и нет? Они тут тоже есть. Их даже больше, чем мы думаем. — Она смотрит на Хоа, который отвечает ей непроницаемым взглядом. — Ты так мне сказал.

— Это правда, — спокойно говорит он. Затем: — Я правда не могу говорить за них. И мы не часть вашей общины.

Юкка наклоняется, чтобы жестко посмотреть на него. Выражение ее лица — что-то среднее между враждебностью и опасливостью. — Вы влияете на нашу общину, а то и вообще представ-

ляете потенциальную угрозу, — говорит она. Ее взгляд переходит на тебя. — А те, к кому вы, э-э-э, привязаны, являются частью общины. По крайней мере, вам не все равно, что с ними случится. Разве не так?

Ты осознаешь, что не видела камнееда Юкки — той женщины с рубиновыми волосами, уже несколько часов. Однако это не значит, что ее нет рядом. Ты уже хорошо поняла, что нельзя доверять их присутствию или отсутствию на примере Сурьмы. Хоа ничего не отвечает Юкке. Тебя охватывает внезапная иррациональная радость оттого, что он снисходит до зримого присутствия рядом с тобой.

— Что же до того, почему ты и почему доктор, — говорит Юкка, выпрямляясь и обращаясь к тебе, хотя продолжает смотреть на Хоа, — то это потому, что мне нужны мнения со всех сторон. Лидера, даже если она и не хочет быть лидером. — Она смотрит на Хьярку. — Еще одного местного рогги, который не умеет держать язык за зубами и треплется повсюду, какая я дура, по его мнению. — Она кивает Землянике-и-Сену. Тот вздыхает. — Стойкости и доктора, которые знают дороги. Камнееда. Меня. И тебя, Иссун, которая может угробить всех нас. — Она натянуто улы-

бается. — Так что есть смысл не давать тебе для этого повода.

Ты понятия не имеешь, что на это ответить. У тебя мелькает в голове мысль, что если способность разрушать — нужное качество, то ей следовало бы позвать в совет Кастримы Алебастра. Но это привело бы к неприятным вопросам.

Хьярке и Землянике-и-Сену ты говоришь:

— Вы оба отсюда родом?

— Нет, — говорит Хьярка.

— Да, — говорит Юкка. Хьярка зло смотрит на нее. — Ты тут с юности живешь, Хьяр.

Хьярка пожимает плечами.

— Никто, кроме тебя, этого не помнит, Юк, — говорит Земляника-и-Сено. — Я тут родился и вырос.

Два орогена, дожившие до взрослого возраста в общине, которая их не убила.

— Как тебя зовут?

— Каттер Опора. — Ты ждешь. Он улыбается половиной рта — но не глазами.

— Тайна Каттера, скажем так, не была раскрыта, пока мы росли, — говорит Юкка. Теперь она приваливается к стене за диваном и трет глаза, словно устала. — Но люди все равно как-то догадались. Слухов было достаточно, чтобы при

прежнем главе его не принимали в общину. Конечно, я уже раз пять предлагала дать ему имя.

— Если я откажусь от имени Опоры, — отвечает Каттер. На его губах по-прежнему бумажно-тонкая улыбка.

Юкка опускает руку. Челюсти ее стиснуты.

— Отрицая свою сущность, ты не сможешь помешать людям узнать это.

— А выставляя напоказ — не выживешь.

Юкка делает глубокий вздох. Желваки на ее скулах разглаживаются.

— Потому я и просила тебя это сделать, Каттер. Но продолжим.

И все продолжается.

Ты сидишь всю эту встречу, пытаясь понять замеченные тобой подводные течения и все еще не веря, что ты вообще здесь находишься, пока Юкка излагает все проблемы, стоящие перед Кастримой. Ты никогда о таком не думала: жалобы на то, что вода в общественных прудах недостаточно горяча. Серьезная нехватка гончаров, но переизбыток умеющих шить. Грибок в одном из пещерных зернохранилищ — придется сжечь урожай нескольких месяцев, чтобы не заразить остальное. Нехватка еды. Ты перестаешь быть одержимой мыслью об одном человеке, думая о

многих. Это немного внезапно.

— Я только что мылась, — выдаешь ты. — Вода была в самый раз.

— Для тебя-то конечно. Ты несколько месяцев скиталась, мылась в холодной воде, если вообще мылась. Большинство людей Кастримы никогда не жили без надежного водоснабжения и туалетов. — Юкка трет глаза. Совет продолжается не больше часа, но кажется куда дольше. — Каждый по-своему приноравливается к Зиме.

Жалобы без повода не кажутся тебе приноравливанием, но ладно.

— Нехватка мяса — вот настоящая проблема, — нахмурившись, говорит Лерна. — Я заметил, что в последних нескольких общинных пайках его нет или хотя бы яиц.

Юкка мрачнеет.

— Да. И вот почему. — Она добавляет для тебя: — В этой общине нет зеленых зон, если ты еще не заметила. Почва вокруг скудная, хороша для огородничества, но не для травы и сена. Последние несколько лет до Зимы все были слишком заняты обсуждением того, не восстановить ли нам стену, оставшуюся со времен еще до Удушливой Зимы, так что никто не удосужился договориться с сельскохозяйственной общиной о нескольких

телегах чернозема. — Она вздыхает, потирая переносицу. — Да и все равно много скотины по лестницам и шахтам вниз не затащишь. Не знаю, о чем мы думали, пытаясь выжить здесь, внизу. Потому мне и нужна помощь.

Ее усталость не удивляет. А вот то, что она напрямую признает ошибку, — это да. А еще это беспокоит. Ты говоришь:

— В Зиму у общины может быть только один лидер.

— Да, и это я. Не забывай об этом.

Это могло бы быть предупреждением, но звучит не похоже. Ты подозреваешь, что это сознательная констатация факта: люди выбрали ее, и пока они ей доверяют. Они не знают тебя, Лерну или Хоа и, вероятно, не доверяют Хьярке или Каттеру. Она нужна тебе больше, чем любой из вас — ей. Юкка внезапно качает головой:

— Не могу больше обсуждать это дерьмо.

Хорошо, поскольку давящее ощущение разобщенности — этим утром ты думала о дороге, выживании и Нэссун — становится невыносимым.

— Мне надо выйти наверх.

Это слишком резкая перемена темы ни с того ни с сего, и какое-то мгновение все они смотрят

на тебя.

— Ради какой ржави? — говорит Юкка.

— Ради Алебастра.

Юкка тупо смотрит на тебя:

— Того десятиколечника в лазарете?

— Он попросил меня кое-что сделать.

Юкка кривится:

— А. Он. — Ты невольно улыбаешься в ответ на эту реакцию. — Интересно. Он не разговаривал ни с кем с тех пор, как попал сюда. Просто сидит, пользуется нашими антибиотиками и жрет нашу еду.

— Я только что сделал партию пенициллина, Юкка, — закатывает глаза Лерна.

— Я в целом.

Ты подозреваешь, что Алебастр успокаивал местные микроземлетрясения и все афтершоки северной катастрофы, так что более чем заслужил свое содержание. Но если Юкка сама не способна такое сэссить, объяснять бессмысленно — и ты пока не уверена, что можешь ей достаточно доверять, чтобы говорить об Алебастре.

— Он мой старый друг. — Вот. Хорошее, пусть и неполное объяснение.

— Не похож он на тех, что заводит друзей. Да и ты тоже. — Она долго смотрит на тебя. — Ты тоже

десятиколечница?

Ты невольно сгибаешь пальцы.

— Когда-то я носила шесть.

Лерна резко поднимает голову и смотрит на тебя. Хорошо. Лицо Каттера дергается, и ты не понимаешь почему. Ты добавляешь:

— Алебастр был моим наставником в Эпицентре.

— Вижу. И чего он от тебя хочет наверху?

Ты открываешь рот и снова закрываешь. Ты не можешь отвести взгляда от Хьярки, которая фыркает и встает, а также Лерны, лицо которого становится натянутым, когда он понимает, что ты не хочешь говорить при нем. Он заслуживает лучшего, но все же… он глухач. Наконец ты говоришь:

— Это дело орогенов.

Слабый довод. Лицо Лерны становится непроницаемым, глаза жесткими. Хьярка машет рукой и идет к занавеси.

— Тогда я пошла. Идем, Каттер. Ты же Опора, — смеется она.

Каттер подбирается, но, к твоему удивлению, встает и выходит за ней. Ты смотришь на Лерну, но тот складывает руки на груди. Никуда не уходит. Ладно же. Под конец Юкка смотрит на тебя

скептически.

— И что же это? Последний урок твоего старого наставника? Он явно долго не протянет.

Ты стискиваешь челюсти прежде, чем успеваешь спохватиться.

— Это предстоит увидеть.

Юкка еще мгновение сидит в задумчивости, затем решительно кивает и встает.

— Что же, ладно. Дай собрать нескольких Опор, и пойдем.

— Подожди, ты тоже идешь? Зачем?

— Из любопытства. Хочу увидеть, на что способна шестиколечница из Эпицентра. — Она ухмыляется тебе и берет длинную меховую безрукавку, в которой ты впервые ее увидела. — Посмотрю, может, и я такое могу.

Тебя корежит от мысли, что самоучка попытается связаться с обелиском. Это дикость.

— Нет.

Лицо Юкки становится бесстрастным. Лерна пялится на тебя, не веря, что ты достигла цели только затем, чтобы в то же мгновение все порушить. Ты быстро поясняешь:

— Это опасно даже для меня, а я уже это делала.

— Это?

Ладно, хватит. Безопаснее, если она не будет знать, но Лерна прав — тебе придется завоевать эту женщину, если ты собираешься жить в ее общине.

— Обещай не пытаться, если я тебе скажу.

— Да никакой ржави я не буду обещать. Я тебя не знаю. — Юкка складывает руки на груди. Ты крупная женщина, но она чуть выше, и даже волосы не помогают. Многие с кровью санзе любят отращивать свои пепельные волосы такой громадной пушистой гривой, как у нее. Так пугают противника звери, и это помогает, если за этим стоит еще и уверенность. У Юкки есть и грива, и уверенность. Но у тебя есть знание. Ты встаешь и смотришь ей в глаза.

— Ты не сможешь, — говоришь ты, страстно желая, чтобы она поверила. — У тебя образования нет.

— Ты не знаешь, какое у меня образование.

И ты моргаешь, вспоминая ту минуту наверху, когда осознание того, что ты потеряла след Нэссун, чуть не лишило тебя рассудка. Это странное, всеобъемлющее дуновение силы, которое пустила против тебя Юкка, похожее на пощечину, но более доброе и в чем-то орогенистическое. Затем эта ее маленькая хитрость — приманивать

орогена издалека, за много миль от Кастримы. Может, Юкка и не носит колец, но орогения — это не про ранги.

Значит, тут ничем не поможешь.

— Обелиск, — уступаешь ты. Ты смотришь на Лерну, который моргает и сдвигает брови. — Алебастр хочет, чтобы я призвала обелиск. Я хочу посмотреть, смогу ли.

К твоему изумлению, глаза Юкки вспыхивают, и она кивает:

— Ага! Я всегда думала, что эти штуки что-то значат. Тогда пошли. Я определенно хочу это увидеть.

О, твою ж мать.

Юкка влезает в безрукавку.

— Дай мне полчаса, встречаемся у смотровой площадки. — Это вход в Кастриму, та маленькая платформа, на которой новички непременно пялятся на странную общину внутри гигантской жеоды. С этими словами она протискивается мимо тебя наружу. Качая головой, ты смотришь на Лерну. Он скованно кивает — он тоже хочет пойти. Хоа? Он просто по обыкновению пристраивается позади тебя, спокойно глядя тебе в лицо, словно говоря — а ты сомневалась? Что же, пошли.

Юкка встречает тебя у смотровой площадки через полчаса. С ней еще четверо других кастримитов, вооруженных и одетых в неброскую одежду, чтобы слиться с местностью на поверхности. Подниматься вверх труднее, чем спускаться: много подъемов, много лестниц. Ты не выдохлась, как некоторые из сопровождения Юкки, когда вы выбираетесь, но ты проходила по много миль каждый день, пока они жили в безопасности и комфорте в подземном городе. (Юкка, как ты замечаешь, лишь чуточку запыхалась. Держит себя в форме.) В конце концов вы доходите до ложного подвала в развалинах одного из домов наверху. Это, однако, не тот же подвал, через который ты вошла, что не должно тебя удивлять — конечно же, у них много входов и выходов. Подземные ходы более запутаны, чем ты думала сначала, — надо взять это на заметку, если тебе когда-то придется спешно уходить.

В развалинах дома караулят Опоры — некоторые охраняют подвальный вход, другие наверху лестницы наблюдают за дорогой. Когда верхние часовые говорят тебе, что все чисто, ты выходишь в пеплопад раннего вечера.

Ты вроде провела в жеоде Кастримы меньше суток? Удивительно, какой странной тебе кажется

поверхность. Впервые за многие недели ты замечаешь сернистый смрад в воздухе, серебристый туман, постоянный мягкий шорох падающих пухлых хлопьев пепла и мертвых листьев. Тишина, заставляющая тебя осознать, насколько шумно в нижней Кастриме, полной людских разговоров и скрипа блоков, звона кузниц и постоянного гула странной потаенной машинерии жеоды. Наверху ничего этого нет. Деревья сбросили листву, ничего не движется среди рваного, иссохшего мусора.

В ветвях не слышится птичьего пения — большинство птиц прекращают Зимой отмечать территорию и спариваться, а пение лишь привлекает хищников. Не слышно голосов никаких животных. На дороге нет путников, хотя ты можешь сказать, что там слой пепла потоньше. Недавно проходили люди. Даже ветер улегся. Солнце село, хотя небеса еще достаточно светлые. Облака, даже так далеко на юге, все еще отражают пламя Разлома.

— Кто проходил? — спрашивает Юкка одного из часовых.

— Вроде как семья, около сорока минут назад, — говорит он. Он говорит, как подобает, тихо. — Хорошо снаряжены. Человек двадцать, всех возрастов, все санзе. Шли на север.

Все смотрят на него. Юкка повторяет:

— На север?

— На север. — Часовой с прекраснейшими длинными ресницами смотрит на Юкку и пожимает плечами: — Шли целенаправленно.

— Хм. — Она складывает руки на груди. Вздрагивает, хотя снаружи не особо холодно — холоду Пятого Времени года нужно несколько месяцев, чтобы войти в полную силу. В нижней Кастриме настолько тепло, что привыкшим к этому в верхней Кастриме холодно. Или, может, Юкка просто реагирует на запустение поселения вокруг нее. Столько молчаливых домов, мертвых садов и засыпанных пеплом тропинок, по которым некогда ходили люди. Ты считала прежде наземный уровень общины приманкой — так оно и есть, это ловушка для привлечения нужных людей и отпугивания враждебных. Но все же прежде это была настоящая община, живая, светлая и совсем не мертвая.

— Ну? — Юкка делает глубокий вздох и улыбается, хотя тебе ее улыбка кажется натянутой. Она кивает на низкие пепельные облака: — Если тебе нужно видеть эту штуку, то вряд ли тебе это удастся в скором времени.

Она права: воздух — сплошная пепельная дым-

ка, и за пузырящимися, с красным оттенком облаками ты ни черта не видишь. Ты выходишь за порог и все равно смотришь в небо, не зная, с чего начать. Ты даже не уверена, что следует начинать. В конце концов, в первый и второй раз, когда ты пыталась взаимодействовать с обелиском, ты чуть не погибла. Алебастр этого хочет, это факт, но этот человек уничтожил мир. Может, не следует делать то, чего он хочет?

Но он никогда не причинял тебе зла. Мир — но не он. Может, мир и заслуживает гибели. И может, Алебастр заслуживает хоть немного твоего доверия после всех этих лет.

Ты закрываешь глаза и пытаешься успокоить мысли. В конце концов ты замечаешь звуки вокруг себя. Слабый скрип и треск деревянных частей Кастримы под весом пепла или из-за изменения температуры воздуха. Какая-то живность, шуршащая среди сухих стеблей огорода: крысы или еще какая мелочь, не о чем волноваться. Один из кастримитов почему-то по-настоящему громко сопит. Теплая дрожь земли под твоими ногами. Нет. Не туда. В небе действительно слишком много пепла, чтобы ты смогла как-то захватить облака своим сознанием. Пепел — это превращенный в пудру камень, в конце концов.

Но тебе нужны не облака. Ты пробираешься сквозь них ощупью, как по пластам земных пород, не совсем уверенная, что ты ищешь…

— Еще долго? — вздыхает один из кастримитов.

— А у тебя свидание горит? — цедит Юкка. Он не имеет значения. Он…

Он…

Что-то резко тянет тебя на запад. Ты дергаешься и поворачиваешься к нему, втягивая воздух как в ту памятную давнюю ночь в общине под названием Аллия, с другим обелиском. Аметистом. *Ему не требовалось, чтобы ты его видела, ему нужно было, чтобы ты повернулась к нему лицом.* Линия видимости, линия силы. Да. И там, далеко, на линии твоего внимания, ты сэссишь, как твое сознание тянет к чему-то тяжелому… и темному.

Темному, такому темному. Но ведь Алебастр говорил, что это топаз, не так ли? Это не он. Ощущение чем-то знакомое, напоминает гранат. Но не аметист. Почему? Тот гранат был нарушен, безумен (ты не уверена, почему тебе на ум приходит именно это слово), но если не считать этого, он был также каким-то образом более мощным, хотя *мощь* — слишком простое слово для описания того, что заключает в себе эта штука. Многоликость.

Странность. Более темные тона, более глубокий потенциал? Но если так…

— Оникс, — говоришь ты вслух, открывая глаза.

Другие обелиски жужжат где-то на периферии твоего зрения, они, вероятно, ближе, но не откликаются на твой полуинстинктивный зов. Темный обелиск так далеко, за Западным Побережьем, где-то над Неведомым морем. Ему понадобится несколько месяцев, чтобы добраться сюда. Но.

Но. Оникс *слышит* тебя. Ты знаешь это, как однажды поняла, что твои дети услышали тебя, хотя и сделали вид, что нет. Он тяжело поворачивается, таинственный процесс пробуждается в первый раз за все века земли, когда он испускает звуковую волну и вибрацию, сотрясающую море на много миль в глубину. (Откуда ты знаешь? Ты не сэссишь этого. Просто знаешь.)

Затем он начинает приближаться. Злой, пожирающий Земля…

Ты резко отступаешь по линии, ведущей тебя назад, к себе. По пути что-то резко привлекает твое внимание, и почти запоздало ты зовешь и его — топаз. Он легче, живее, намного ближе и почему-то отзывчивее, возможно, потому, что ты чуешь намек на Алебастра в промежутках его

решетки, как стружечку цедры в остром блюде. Он приправил его для тебя.

Затем ты приходишь в себя и оборачиваешься к Юкке, которая хмуро на тебя смотрит.

— Ты все поняла?

Она медленно качает головой, но это не отрицание. Она каким-то образом что-то почувствовала. Ты видишь это по ее лицу.

— Я… это… что-то было. Не уверена что.

— Не тянись ни к тому ни к другому, когда они будут здесь. — Поскольку ты уверена, что они придут. — Не тянись ни к одному. Никогда. — Ты не хочешь произносить слова «*обелиск*». Слишком много глухачей вокруг, и даже если они еще не убили тебя, им не надо знать, что что-то может сделать орогена еще более опасным, чем уже есть.

— А что будет, если я это сделаю? — Это вопрос из чистого любопытства, не вызов, но некоторые вопросы опасны.

Ты решаешь быть честной.

— Ты погибнешь. Как — я не уверена. — На самом деле ты совершенно уверена, что она тут же превратится в раскаленно-белый вопящий столб огня и силы, вероятно уничтожив вместе с собой Кастриму. Но ты уверена не на сто процентов,

потому цепляешься за то, что знаешь. — Эти… штуки похожи на батареи, которыми пользуются некоторые экваториальные общины. — Проклятье. — Пользовались. Ты слышала о таких? Батареи запасают энергию, чтобы у тебя было электричество, даже если гидро- и геотермальные станции…

У Юкки оскорбленный вид. Она же санзе, это они изобрели батареи.

— Знаю я эти, ржавь, батареи! При малейшем сотрясении повсюду кислота, и все ради хранения запасов сока! — Она качает головой. — То, о чем ты говоришь, не батарея.

— Когда я покинула Юменес, там делали сахарные батареи, — говоришь ты. Она не произносит слова «обелиск». Хорошо, она поняла. — Они безопаснее кислотно-металлических. Батареи можно делать не единственным способом. Но если она слишком мощная для контура, к которому ты ее присоединишь…

Ты считаешь это достаточным, чтобы передать свою мысль.

Она снова качает головой, но ты думаешь, что она поверила тебе. Когда она отворачивается и начинает расхаживать в задумчивости, ты замечаешь Лерну. Все это время он сидел тихо,

слушая твой с Юккой разговор. Теперь он в глубокой задумчивости, и это беспокоит тебя. Тебе не нравится, что глухач так напряженно об этом думает. Но затем он заставляет тебя удивиться.

— Юкка. Как ты думаешь, насколько на самом деле стара эта община?

Она останавливается и хмуро смотрит на него. Остальные кастримиты неуютно переминаются. Может, им неприятно напоминание, что они живут в развалинах мертвой цивилизации.

— Понятия не имею. А что?

Он пожимает плечами:

— Просто думал о сходстве.

И ты понимаешь. Кристаллы в нижней Кастриме светятся каким-то непонятным для тебя образом. Кристаллы в небе летают непонятным для тебя образом. И оба механизма предназначены для использования орогенами, и никем, кроме них.

Камнееды проявляют необычный интерес к тем, кто их использует.

Ты смотришь на Хоа.

Но Хоа не смотрит ни на небо, ни на тебя. Он вышел за порог и сидит на корточках на засыпанной пеплом земле, пристально глядя на что-то. Ты прослеживаешь его взгляд и видишь малень-

кий холмик в некогда переднем дворе соседнего дома. Он выглядит как обычная куча пепла где-то в три фута вышиной, но ты замечаешь, что с одной стороны из него торчит высохшая лапка какого-то животного. Может, кошка или кролик. Вокруг, наверное, валяются десятки маленьких скелетиков, погребенных под пеплом. Начало Зимы, вероятно, вызвало великое вымирание. Странно, однако, что эти скелетики засыпаны гораздо сильнее, чем земля вокруг.

— Слишком старые, чтобы их есть, парень, — говорит один из людей, который тоже заметил Хоа и явно понятия не имеет, кем на самом деле является этот «паренек». Хоа моргает и прикусывает губу, в совершенстве изображая тревогу. Он так хорошо притворяется ребенком. Затем он встает и идет к тебе, и ты понимаешь, что он не играет. Что-то на самом деле беспокоит его.

— Другие твари съедят, — очень тихо говорит он тебе. — Надо уходить.

Что?

— Ты же ничего не боишься.

Он стискивает зубы. Алмазные зубы. Мускулы поверх алмазных костей? Немудрено, что он никогда не позволял тебе понимать себя — он должен быть тяжелым, как мрамор. Но он говорит:

— Я боюсь того, что может причинить тебе зло.

И… и ты веришь ему. Потому, что ты внезапно осознаешь, что видишь некую закономерность в его странном поведении. Его готовность сразиться с киркхушей, которая слишком быстра даже для твоей орогении. Его свирепость в отношении других камнеедов. Он защищает тебя. Слишком немногие за всю твою жизнь пытались защитить тебя. Этот порыв заставляет тебя поднять руку и погладить его по странным белым волосам. Он моргает. Что-то возникает в его глазах, и это выражение никак нельзя назвать нечеловеческим. Ты не знаешь, что и думать. Однако именно потому ты прислушиваешься к нему.

— Идем, — говоришь ты Юкке и остальным. Ты исполнила просьбу Алебастра. Ты подозреваешь, что он не будет недоволен по поводу лишнего обелиска, когда ты расскажешь ему — если, конечно, он уже не знает. Может, наконец, он скажет тебе, что за ржавь творится.

* * *

Сначала собери в скальном закуте годовой запас на каждого гражданина: десять кубических саженей зерна, пять овощей, четверть от этого в виде сушеных фруктов и половину в виде жира, сыра или консервированного мяса. Умножь на каждый год желаемой длительности жизни на каждого. А потом поставь охранять закут по меньшей мере трех крепких людей – один для охраны схрона, два – чтобы присматривать за стражем.

– Табличка первая, «О выживании», стих четвертый.

3. Шаффа, забытый

Да. Ты еще и он тоже, или была до момента после Миова. Но теперь он некто другой.

* * *

Силы, что раскололи «Клалсу», — орогения, примененная к воздуху. Орогения не предназначена для применения к воздуху, но нет причины, почему она могла бы не сработать. У Сиенит уже был опыт применения орогении к воде — в Аллии и после нее. В воде есть минералы, а в воздухе — частицы пыли. У воздуха есть температура и трение, масса и кинетический потенциал, как и у земли, просто молекулы воздуха сильнее разнесены, и атомы имеют другое строение. В любом случае вмешательство обелиска делает все эти детали формальными.

Шаффа понимает, что грядет, в тот самый момент, как чувствует пульсацию обелиска. Он стар, стар, Страж Сиенит. Очень стар. Он знает, что делают камнееды с сильными орогенами, если у них есть шанс, и он знает, почему так важно, чтобы ороген смотрел на землю, а не на небо. Он

видел, что бывает, когда четырехколечник — а он по-прежнему считает Сиенит таковой — связывается с обелиском. Он искренне заботится о ней, понимаешь ли (она не понимает). И дело не совсем в контроле. Она его малышка, и он защищал ее от того, чего она и не подозревает. Мысль о ее мучительной смерти невыносима для него. То, что случается потом, — ирония судьбы.

В тот момент, когда Сиенит цепенеет, и ее тело наполняется светом, и воздух в маленьком переднем отсеке «Клалсу» дрожит и превращается почти в твердую стену неудержимой силы, Шаффа случайно оказывается сбоку от навесной перегородки, а не перед ней. Его напарнику, Стражу, который только что убил дичка — любовника Сиенит, не так везет: когда сила отбрасывает его назад, переборка выпирает из стены как раз под таким углом и на такой высоте, чтобы снести ему голову прежде, чем слететь самой. Однако сам Шаффа свободно пролетает назад сквозь обширный пустой трюм «Клалсу», поскольку корабли уже некоторое время не выходили в пиратский набег. Этого хватает, чтобы несколько погасить его скорость, и основной удар силы Сиенит проходит мимо него. Когда же он наконец врезается в перегородку, то с силой, которая ломает кости,

но не превращает их в месиво. Переборка прогибается, крошится вместе с остальным кораблем, когда он врезается в нее. Это тоже способствует.

Затем, когда зазубренные, кинжальные скалы с океанского дна начинают пропарывать корабль, разбрасывая обломки, Шаффе снова везет — ни один не пронзает его тела. Сиенит в этот момент теряет связь с обелиском и ощущает первые приступы горя, которое пройдет афтершоком по всей жизни Иссун. (Шаффа видел ее руку на личике ребенка, зажимающую его рот и нос. Невообразимо. Неужели она не понимала, что Шаффа будет любить ее сына так же, как любил ее? Он бы нежно, так нежно уложил дитя в проволочное кресло.) Она теперь часть чего-то огромного и глобально мощного, и Шаффа, некогда самый важный человек в ее мире, теперь не достоин ее внимания. Он в какой-то мере это понимает, даже летя сквозь бурю, и это понимание оставляет глубокий болезненный ожог в его сердце. Затем он уже в воде и умирает.

Стража убить трудно. Множественных переломов и повреждений внутренних органов самих по себе недостаточно, чтобы убить Шаффу. Даже утопление не проблема в обычной ситуации. Стражи — иные. Но у них есть свой предел, и

утопление плюс повреждение органов плюс травмы от ударов тупым предметом — этого хватит. Он понимает это, когда падает в воду, ударяясь об осколки камня и обломки разбитого корабля. Он не знает, где верх, просто в одном направлении чуть светлее, чем в остальных, но его затягивает прочь от света быстро погружающаяся корма корабля. Он разворачивается, бьется о скалу, приходит в себя и пытается грести против нисходящего потока, хотя у него сломана рука. В легких ничего не осталось. Воздух выбило из них, и он пытается не вдохнуть воду, поскольку тогда точно погибнет. Он не может умереть. Еще столько надо сделать.

Но он всего лишь человек — по большей части, — и когда чудовищное давление нарастает, и черные пятна затягивают его зрение, и все его тело немеет от тяжести воды, он ничего не может поделать и вдыхает полные легкие. Это больно — соль жжет его грудь, в гортани огонь, и воздуха нет. И вдобавок ко всему — он может вынести остальное, в своей долгой жуткой жизни и не такое выносил — это вдруг становится чересчур для размеренной, выверенной рациональности, что вела и хранила разум Шаффы до этого момента.

Он впадает в панику.

Стражи никогда не паникуют. Он это знает, и тому есть весомые причины. Но он все же паникует, размахивает руками и вопит, проваливаясь в холодную тьму. Он хочет жить. Это самый первый и главный грех для таких, как он.

Ужас внезапно исчезает. Плохой признак. Мгновением позже его сменяет гнев, такой сильный, что стирает все остальное. Он перестает вопить и дрожит от ярости, но в то же время понимает — это не его гнев. В панике он открыл себя опасности, и то, чего он боится больше всего, вошло в дверь, словно уже овладело им.

Оно говорит ему:

Если хочешь жить, то это можно устроить.

О, Злая Земля…

Опять предложения, обещания, предложения и награды. Шаффа может получить больше силы — достаточно, чтобы бороться с течением, болью и недостатком кислорода. Он сможет жить… но за плату.

Нет. Нет. Он знает цену. Лучше умереть. Но одно дело решиться умереть, другое дело — реально выполнить это намерение в процессе умирания.

Что-то жжет в затылке Шаффы. Это холодный ожог, не такой, как жжение в носу, глотке и груди. Что-то там просыпается, согревается, собирается

воедино. Готовится сломать его сопротивление. *Мы все делаем то, что должны*, шепчет соблазн, и это та же мотивация, при помощи которой Шаффа убеждал себя столько раз, на протяжении стольких веков. Оправдывал слишком много жестокостей. Делай что должен ради долга. Ради жизни.

Довольно. Холодное нечто овладевает им.

Сила наполняет его конечности. За какие-то несколько ударов внезапно снова забившегося сердца срастаются сломанные кости и внутренние органы снова начинают выполнять свои обычные функции, хотя несколько обходным путем из-за недостатка кислорода. Он крутится в воде и начинает плыть, чувствуя нужное направление. Но уже не вверх — внезапно он обнаруживает кислород в воде и дышит ею. У него нет жабр, но его альвеолы вдруг начинают поглощать кислорода больше, чем должны бы. Однако кислорода все же мало — даже недостаточно, чтобы как следует питать его тело. Клетки гибнут, особенно в определенном отделе его мозга. Он с ужасом это осознает. Он осознает медленную гибель всего, что делает его *Шаффой*. Но цена должна быть уплачена.

Конечно же, он борется. Гнев пытается толкать

его вперед, держать под водой, но он знает, что, если будет так продолжаться, все, чем он является, умрет. И он плывет вперед, но также и наверх, вглядываясь в сумрак в поисках света. Умирание занимает много времени. Но в конце концов часть ярости в нем его собственная, ярость оттого, что его вынудили оказаться в этом положении, ярость на себя за то, что сдался, — она поддерживает его, хотя в его руках и ногах начинается покалывание. Но…

Он достигает поверхности. Прорывает ее. Жестко концентрируется на том, чтобы не паниковать, пока выблевывает воду, еще больше выкашливает и, наконец, втягивает воздух. Это очень больно. Но с первым вздохом прекращается умирание. Его мозг и конечности получают то, что необходимо. Перед глазами все еще плавают пятна, в затылке по-прежнему пугающий холод, но он Шаффа. *Шаффа*. Он держится за это, вцепляется когтями и рычит, изгоняя внедрившийся в него холод. Огонь подземный, он все еще Шаффа и не позволит себе об этом забыть.

(Однако он куда больше теряет. Пойми: Шаффа, которого мы до сих пор знали, Шаффа, которого научилась бояться Дамайя, которому Сиенит научилась противостоять, теперь мертв. Остался

мужчина с привычкой улыбаться, искаженным родительским инстинктом и яростью, которая не совсем его, которая с этого момента будет руководить всеми его поступками. Возможно, ты будешь жалеть о погибшем Шаффе. Это нормально. Когда-то он был частью тебя.)

Он снова плывет. Примерно через семь часов — столько силы стоили его воспоминания — он видит все еще дымящийся конус Аллии на горизонте. Это дальше, чем прямо к берегу, но он корректирует направление и плывет к нему. Откуда-то он знает, что там ему помогут.

Солнце давно село, полностью стемнело. Вода холодна, он хочет пить, все болит. К счастью, ни одно морское чудовище не напало на него. Единственная угроза — его собственная воля: дрогнет ли она в сражении с морем или холодной яростью, пожирающей его мозг. И не помогает то, что он один, не считая безразличных звезд… и обелиска. Он один раз видит его, оглядываясь: дрожащий ныне бесцветный силуэт на искрящемся небе. Он кажется не дальше, чем когда он впервые заметил его с палубы корабля и проигнорировал, сосредоточившись на своей добыче. А надо было бы уделить больше внимания, посмотреть, не приближается ли он, вспомнить, что в

определенных условиях даже четырехколечник может стать угрозой, и…

Он хмурится, на некоторое время перевернувшись на спину. (Это опасно. Усталость немедленно начинает овладевать им. Силы, поддерживающей его, осталось не много.) Он смотрит на обелиск. Четырехколечник. Кто?

Он пытается вспомнить. Это был кто-то… важный.

Нет. Он Шаффа. Это все, что важно. Он продолжает плыть.

Перед рассветом он ощущает под ногами зернистый черный песок. Спотыкаясь, выходит из воды, чужой сам себе, не зная, как двигаться на суше, наполовину выползает. Прибой отступает у него за спиной, впереди растет дерево. Он падает у его корней и забывается чем-то вроде сна. Но это ближе к коме.

Когда он приходит в себя, солнце уже встало и у него болит все, что только может болеть: легкие горят, конечности ноют, боль пульсирует в несросшихся до конца костях, глотка пересохла, кожа потрескалась. (И еще одна, более глубокая боль.) Он стонет, и какая-то тень падает ему на лицо.

— Ты в порядке? — говорит голос под стать его

боли. Грубый, надтреснутый, низкий.

Он с трудом открывает глаза и видит перед собой сидящего на корточках старика. Это восточнобережник, тощий и видавший виды. Его курчавые белые волосы по большей части выпали, не считая венчика вокруг затылка. Когда Шаффа оглядывается, он видит, что они в маленькой бухте в тени деревьев. Лодка старика лежит на берегу неподалеку. Из нее торчит удочка. Деревья вокруг бухты все мертвые, и песок под ногами Шаффы перемешан с пеплом — они слишком близко к вулкану, который прежде был Аллией.

Как он сюда попал? Он помнит, что плыл. Почему он оказался в воде? Это он забыл.

— Я, — начинает было Шаффа и давится собственным сухим распухшим языком. Старик помогает ему сесть и протягивает открытую флягу. Солоноватая, с привкусом кожи вода никогда не казалась ему такой сладкой. Старик после нескольких глотков отнимает ее, Шаффа понимает, что это разумно, но все равно стонет и тянется к ней. Но только раз. Он достаточно силен, чтобы не просить.

(Пустота внутри его — не только от жажды.)

Он пытается сфокусировать взгляд.

— Я. — На сей раз говорить легче. — Я не знаю,

в порядке ли я.

— Кораблекрушение? — Старик вытягивает шею и осматривается. Поблизости хорошо виден гребень острых как ножи рифов, которые подняла Сиенит от пиратского острова до самой суши.

— Ты оттуда? Это что было, землетрясение, что ли?

Кажется невероятным, что старик не знает — но Шаффу всегда изумляло, как мало обычные люди знают о мире. (Всегда? Его всегда так изумляло? Правда?)

— Ронга, — говорит он, слишком усталый, чтобы выговорить все три гласных их невульгарного названия. Этого достаточно. Лицо старика становится жестким.

— Грязные уродцы Земли. Именно потому их во младенчестве топить надо. — Он качает головой и смотрит на Шаффу. — Ты здоров для меня, не подниму, а волочить больно будет. Встать сможешь?

С помощью старика Шаффа встает и, шатаясь, идет к лодке. Он сидит на носу, его бьет дрожь, в то время как старик выгребает из бухты и идет вдоль берега на юг. Он дрожит отчасти от холода — его одежда все еще мокрая там, где он лежал, — а отчасти от запоздалого шока. Однако отчасти по

совершенно иной причине. (Дамайя! С огромным усилием он вспоминает это имя и образ, с ним связанный, — маленькая испуганная девочка-срединница, на образ которой накладывается образ высокой упрямой женщины-срединницы. В ее глазах любовь и страх, в сердце ее печаль. Он причинил ей боль. Он должен ее найти, но, когда он ищет ощущение от нее, которое должно было быть впечатано в его разум, он ничего не находит. Она исчезла вместе со всем остальным.)

Всю дорогу старик болтает. Он Литц Опора Меттер, а Меттер — маленькая рыбацкая деревушка в нескольких милях к югу от Аллии. Они решали, не переселиться ли после всего, что стряслось с Аллией, но вулкан вдруг заснул, так что, может, Злая Земля до них не доберется, в конце концов, хотя бы не на этот раз. У него двое детей, один тупой, второй самовлюбленный, и трое внуков, все от тупого, он надеется, что не такие тупые, как папаша. Они небогаты, Меттер всего лишь обычная прибрежная община, не может себе позволить даже настоящей стены вместо куртины деревьев да частокола, но люди делают что могут, ты же знаешь, как это, о тебе хорошо позаботятся, не боись.

(Как тебя зовут? — спрашивает старик по ходу

болтовни, и Шаффа отвечает. Старик просит еще имен кроме этого, но у Шаффы только одно. Что ты тут делаешь? Немота внутри Шаффы зевает в ответ.)

Деревня из особенно ненадежных, поскольку стоит наполовину на берегу, наполовину в воде, дома плавучие и постоянные связаны волнорезами и причалами. Когда Литц помогает Шаффе сойти на причал, вокруг собираются люди. Они трогают его, и он вздрагивает, но они хотят помочь. Не их вина, что в них так мало того, что ему нужно, потому ощущение от них неприятное. Они подталкивают, направляют его. Он под холодным душем пресной воды, затем на него надевают короткие штаны и домотканую рубаху без рукавов. Когда он во время мытья приподнимает волосы, они дивятся шраму у него на шее, он толстый, зашитый, уходящий в волосы. (Он сам ему удивляется.) Они гадают над его одеждой, так выцветшей от солнца и соли, что она почти утратила цвет. Она кажется серо-коричневой. (Он помнит, что она должна быть бордовой, но не помнит почему.)

Еще вода, хорошая вода. На сей раз он может напиться вдоволь. Он немного ест. Затем спит много часов, и гнев непрерывно шепчет на за-

дворках его сознания.

Когда Шаффа просыпается поздним вечером, перед его кроватью стоит маленький мальчик. Фитиль лампы прикручен, но горит достаточно ярко, чтобы Шаффа мог увидеть свою старую одежду, выстиранную и высушенную, в руках мальчика. Мальчик вывернул один карман — только здесь сохранился первоначальный цвет. Бордовый.

Шаффа опирается на локоть. В мальчике что-то… возможно.

— Привет.

Мальчик так похож на Литца, что через несколько десятков лет, обветрившись и полысев, он будет его двойником. Но в глазах мальчика отчаянная надежда, которая совсем не была бы к месту у Литца. Литц знает свое место в мире. Мальчик, которому одиннадцать или двенадцать, достаточно взрослый, чтобы быть принятым своей общиной… что-то сорвало его с якоря, и Шаффа думает, что знает, что именно.

— Твое, — говорит мальчик, протягивая одежду.

— Да.

— Ты Страж?

Мимолетное почти воспоминание.

— Что это?

Мальчик выглядит сконфуженным почти так же, как ощущает себя Шаффа. Он делает еще шаг к кровати и останавливается. (Подойди ближе. Ближе.)

— Говорят, ты многое не помнишь. Тебе повезло, что ты жив. — Мальчик облизывает губы. — Стражи… хранят.

— Хранят что?

Недоверие смывает страх. Мальчик подходит еще ближе.

— Орогенов. В смысле… вы охраняете людей от них. Чтобы они никому не причинили зла. И их тоже охраняете от людей. Так рассказывают.

Шаффа садится, свесив ноги с края кровати. Боль от ранений почти ушла, его тело восстанавливается быстрее нормального, когда в нем правит гнев. Он чувствует себя хорошо, за исключением одного момента.

— Охраняю орогенов, — задумчиво говорит он. — Правда?

Мальчик смеется, затем его улыбка быстро гаснет. Почему-то он очень боится, но не Шаффы.

— Люди убивают орогенов, — тихо говорит мальчик. — Когда находят их. Если только они не при Стражах.

— Правда? — Как нецивилизованно. Но он вспоминает гребень острых камней в океане и полную свою уверенность, что это сделал ороген. *Вот почему их надо топить во младенчестве*, сказал Литц.

Одного упустили, думает Шаффа, затем ему приходится бороться с истерическим смехом.

— Я не хочу никому причинять зла, — говорит мальчик. — Но однажды я это сделаю без… без обучения. Я почти сделал, когда тот вулкан начал выделывать всякое. Так трудно удержаться.

— Если бы ты сделал, это убило бы тебя и, вероятно, многих других, — говорит Шаффа. Затем моргает. Откуда он знает? — Горячая точка слишком подвижна, чтобы ты ее безопасно притушил.

Глаза мальчика вспыхивают.

— Так ты знаешь. — Он подходит, садится на корточки у колена Шаффы. — Пожалуйста, помоги мне, — шепчет он. — Я думаю, моя мать… она видела меня, затем этот вулкан… я пытался вести себя как нормальный и не смог. Я думаю, она знает. Если она скажет деду… — Он внезапно резко втягивает воздух, словно задыхается. Он подавляет рыдание, но движение кажется тем самым.

Шаффа знает, каково тонуть. Он протягивает руку и гладит мальчика по облаку густых волос, от макушки к затылку, и позволяет пальцам задержаться на затылке.

— Я кое-что должен сделать, — говорит Шаффа, поскольку это так. Гнев и шепот внутри его имеют цель, в конце концов, и все это стало и его целью. *Собрать их, обучить их, сделать их оружием, каковым они и предназначены быть.* — Если я заберу тебя с собой, нам придется уехать далеко отсюда. Ты никогда больше не увидишь семьи.

Мальчик отводит глаза, выражение его лица становится горестным.

— Они убили бы меня, если бы узнали.

— Да. — Шаффа еле заметно нажимает и вытягивает из мальчика первую меру — чего-то. Чего? Он не может вспомнить, как это называется. Возможно, у этого нет названия. Имеет значение лишь то, что это существует, и оно ему нужно. С этим, откуда-то знает он, он сможет более прочно уцепиться за рваные остатки того, что он есть. (Был.) Потому он делает первый глоток этого — внезапного и сладкого, как пресная вода после галлонов жгучей соли. Он заслужил выпить это до конца, он тянется за оставшимся так же жадно, как за флягой Литца, хотя заставляет себя

остановиться по той же причине. Он может пока продержаться на том, что у него есть, и, если будет терпелив, у мальчика будет больше этого для него потом.

Да. Теперь его мысли проясняются. Легче думать на фоне этого шепота. Ему нужен этот мальчик и прочие вроде него. Он должен пойти и найти их, и с их помощью он сможет добраться до…

…до…

…ладно. Не все прояснилось. Кое-что не вернется никогда.

Но он вернет.

Мальчик вопросительно вглядывается в его лицо. В то время как Шаффа пытается собрать себя из осколков, мальчик сражается со своим будущим. Они созданы друг для друга.

— Я пойду с тобой, — говорит мальчик, видимо, последние несколько минут думая, что у него есть выбор. — Куда хочешь. Никому не хочу причинить зла. Не хочу умирать.

Впервые с момента на корабле несколько дней назад, когда он был другим человеком, Шаффа улыбается. Он снова гладит мальчика по голове.

— У тебя добрая душа. Я помогу тебе, если смогу. — Напряженность мальчика исчезает сразу

же, глаза его влажнеют от слез. — Иди и собери вещи в дорогу. Я поговорю с твоими родителями.

Эти слова выходят из его уст естественно, легко. Он и прежде произносил их, хотя не помнит когда. Однако он помнит, что иногда события идут не так хорошо, как он обещает.

Мальчик шепотом благодарит его, хватает Шаффу за колено, словно пытается вдавить в него свою благодарность, затем убегает. Шаффа медленно встает. Мальчик оставил выцветшую форму, и Шаффа снова натягивает ее, его пальцы вспоминают, как должны лежать швы. Должен быть еще плащ, но он пропал. Он не помнит где. Когда он делает шаг вперед, его взгляд привлекает зеркало на стене комнаты, и он останавливается. Дрожит на сей раз не от удовольствия.

Неправильно. Все так неправильно. Его волосы висят, прямые и сухие, после нескольких дней под жестоким действием солнца и соли — они должны быть черными и блестящими, а они тусклые и тонкие, выгоревшие. Форма болтается на нем, поскольку часть своей плоти он перевел в топливо, чтобы добраться до берега. Цвет формы тоже неправильный, и нет никакой уверенности в том, кто он был, кем должен быть. И его глаза…

Злая Земля, думает он, глядя в льдистые, почти

белые глаза. Он не знал, что они так выглядят.

Возле двери скрипит половица, и его чуждые зрачки смещаются в сторону. Там стоит мать мальчика, моргая от света лампы у нее в руках

— Шаффа, — говорит она. — Мне показалось, что ты встал. А где Эйтц?

Наверное, это имя мальчика.

— Он заходил и принес мне это. — Шаффа касается своей одежды.

Женщина входит в комнату.

— Хм, — говорит она. — Выжатая и высушенная, она походит на форму.

Шаффа кивает:

— Я узнал о себе нечто новое. Я Страж.

Ее глаза распахиваются.

— Правда? — В ее глазах вспыхивает подозрение. — А Эйтц надоедал тебе.

— Не надоедал. — Шаффа улыбается, чтобы подбодрить ее. Почему-то лицо женщины вздрагивает, и она еще сильнее хмурится. А, да, он разучился еще и очаровывать людей. Он поворачивается и идет к ней, а она пятится. Он останавливается, изумленный ее страхом. — Он тоже кое-что узнал о себе. Я заберу его прямо сейчас.

Зрачки женщины расширяются. Мгновение

она немо двигает губами, затем стискивает зубы.

— Я знала.

— Знала?

— Не хотела знать. — Она сглатывает, ее рука застывает, и маленькое пламя лампы дрожит от эмоций, захлестывающих ее. — Не забирай его. Пожалуйста.

Шаффа склоняет голову набок.

— Почему нет?

— Это убьет его отца.

— Не его деда? — Шаффа подходит на шаг ближе. (Ближе.) — Не его дядюшек, тетушек и кузенов? Не тебя?

Она снова вздрагивает.

— Я… не знаю, что я сейчас ощущаю. — Она качает головой.

— Бедняжка, бедняжка, — тихо говорит Шаффа. Это сочувствие тоже автоматическое. Он глубоко чувствует печаль. — Но сумеешь ли ты его защитить от них, если я его не заберу?

— Что? — Она смотрит на Шаффу в изумлении и тревоге. Неужели это и правда не приходило ей в голову. Видимо, нет. — Защитить… его?

То, как она спрашивает, как понимает Шаффа, доказывает, что она не годится для этой задачи. Потому он встает, протягивает руку, словно для

того, чтобы положить ее ей на плечо, и качает головой, словно сожалея. Она на мгновение расслабляется и не замечает, как его рука обвивает ее шею. Его пальцы становятся на место и сразу же твердеют.

— Чт…

Она падает мертвой.

Шаффа моргает, когда она падает на пол. На миг его охватывает смятение. Это должно было случиться? А потом — потом его собственные мысли проясняются от порции *того*, что она дала ему, такую малость по сравнению с тем, чем обладает Эйтц, — он понимает. Такое безопасно проделывать только с орогенами, у которых этого более чем достаточно, чтобы делиться. Эта женщина наверняка была глухачкой. Но Шаффе становится лучше. На самом деле…

Возьми еще, шепчет ярость на задворках его разума. *Возьми остальных. Они угрожают мальчику, а это угрожает тебе.*

Да. Это кажется разумным.

И Шаффа встает и идет по тихому темному дому, прикасаясь к каждому члену семьи Эйтца и пожирая часть их. Большинство не просыпается. Тупой сын дает больше остальных — почти ороген. (Почти Страж.) Литц дает меньше всего

— вероятно, потому что он стар — или потому, что просыпается и пытается бороться с рукой, которой Шаффа зажимает ему рот и нос. Он пытается ударить Шаффу рыбацким ножом, который вытаскивает из-под подушки. Жаль, что ему приходится переживать такой страх! Шаффа резко поворачивает голову Литца, чтобы добраться до его затылка. Слышится треск, которого он даже не замечает, когда поток *того*, что исходит из Литца, ослабевает, мертво обмякает и становится бесполезным. А, да, запоздало осознает Шаффа, с мертвыми это не работает. В будущем он будет осторожнее.

Но ему настолько лучше теперь, когда тугая боль внутри его затихает. Он… не то чтобы здоров. Больше так никогда не будет. Но когда в нем так много чужого присутствия, отвоевать даже немного территории уже благословение.

— Я Шаффа Страж… Уоррент? — шепчет он, моргая, когда ему в голову приходит последнее слово. Что это за община — Уоррент? Он не может вспомнить. Но все равно рад. — Я сделал лишь то, что было необходимо. Только то, что ко благу мира.

Слова звучат правильно. Да. Ему было нужно ощущение цели, которое сейчас лежит свинцом

в его мозгу. Удивительно, что у него не было этого раньше.

Что теперь?

— Теперь у меня есть работа, которую нужно сделать.

Эйтц застает его в жилой комнате. Мальчик запыхался, он возбужден. В руках у него небольшой ранец.

— Я слышал, ты говорил с мамой. Ты… сказал ей?

Шаффа садится на корточки, чтобы его глаза были на одном уровне с глазами мальчика, и берет его за плечи. — Да. Она сказала, что не знает, что ощущает, и больше не сказала ничего.

Лицо Эйтца кривится. Он смотрит в коридор, ведущий к комнатам взрослых. Там все мертвы. Двери закрыты и тихи. Шаффа оставил в живых братьев, сестер и кузенов Эйтца, поскольку он не совсем чудовище.

— Я могу с ней попрощаться? — тихо спрашивает Эйтц.

— Мне кажется, это опасно, — отвечает Шаффа. Он искренен. Он пока не хочет убивать мальчика. — Такое лучше делать чисто. Идем. Теперь у тебя есть я, а я никогда тебя не оставлю.

Мальчик кивает и чуть выпрямляется, затем

неуверенно кивает. Он слишком большой, чтобы эти слова имели над ним власть, как обычно. Но они срабатывают, подозревает Шаффа, поскольку Эйтц последние месяцы жил в страхе перед своей семьей. Обыграть такой одинокий, усталый разум не стоит труда. Это даже не ложь.

Они оставляют за спиной полумертвый дом. Шаффа знает, что должен отвезти мальчика… куда-то. В какое-то место с обсидиановыми стенами и золочеными решетками, в место, которое погибнет в пламени, не пройдет и десяти лет, так что, наверное, хорошо, что он слишком пострадал, чтобы вспомнить, где это. В любом случае злой шепот уже начал вести его в другом направлении. Куда-то на юг. Где он должен сделать какую-то работу.

Он кладет руку на плечо Эйтцу, чтобы утешить мальчика или, возможно, себя. Вместе они выходят в предрассветные сумерки.

* * *

Не давайте себя обманывать. Стражи намного, намного старше Старой Санзе, и они служат не нам.

– Последние слова императора Мут-

шати, записанные перед его казнью.

4. Тебе бросают вызов

После вызова обелиска ты устала. Когда ты возвращаешься к себе и на какое-то мгновение вытягиваешься на голом матрасе, который шел в придачу к комнате, ты засыпаешь так быстро, что даже не понимаешь, что засыпаешь. Среди ночи — или так говорят твои биологические часы, поскольку свечение стен неизменно, — ты резко открываешь глаза, как будто прошло всего лишь мгновение. Но рядом с тобой свернулся Хоа, словно действительно заснул, и ты слышишь тихое похрапывание Тонки в соседней комнате. Ты чувствуешь себя куда лучше, чем прежде, хотя и голодной. Хорошо отдохнувшей, возможно, впервые за много недель.

Голод заставляет тебя встать и пойти в гостиную. На столе стоит маленькая пеньковая сумка, которую наверняка добыла Тонки. Она наполовину открыта. В ней грибы, небольшая кучка сушеных бобов и прочей еды из схрона. Все верно — теперь, принятые в члены Кастримы, вы получаете часть запасов еды. Такой едой не закусишь, разве что грибами, но ты прежде никогда таких

не видела, а некоторые грибы прежде, чем есть, надо приготовить. Ты испытываешь соблазн, но… вдруг Кастрима из тех общин, которые дают новичкам опасную еду, не предупреждая?

Хм. Ладно. Ты берешь свой дорожный рюкзак, роешься в нем в поисках остатков провизии, которую принесла с собой в Кастриму, и делаешь себе перекус из сушеных апельсинов, крошек галет и комка мерзкого на вкус сушеного мяса, который ты выторговала в последней общине, которую вы проходили. Ты подозреваешь, что это крысятина. Лористы говорят: еда — это то, что питает.

Ты только что запихала в себя мясо и сидишь в сонных раздумьях о том, что простой вызов обелиска отнял у тебя столько сил — как будто ко всему, что связано с обелиском, применимо слово «просто». И тут ты осознаешь высокий, ритмичный скребущий звук снаружи. Ты тут же отмахиваешься от него. В этой общине все ненормальное. Тебе понадобится несколько недель, если не месяцев, чтобы привыкнуть к здешним звукам. (Месяцы. Ты так легко отказалась от Нэссун?) Так что ты не обращаешь внимания на звук, хотя он все громче и ближе, и продолжаешь зевать. Ты уже готова снова лечь и направляешь-

ся к постели, когда до тебя запоздало доходит, что это *крики*.

Нахмурившись, ты идешь к дверям своего жилья и отдергиваешь толстый полог. Ты не особенно волнуешься — твои сэссапины даже не дрогнули, да и в любом случае, если бы по нижней Кастриме прошел толчок, все уже были бы мертвы, как бы поспешно ни выскочили из домов. Снаружи повсюду полно народу. Мимо твоей двери проходит какая-то женщина с большой корзиной тех самых грибов, которые ты чуть не съела. Она рассеянно кивает тебе, когда ты входишь, затем почти роняет ношу, пытаясь обернуться на шум, и чуть не влетает в мужчину, толкающего крытую бочку на колесах, воняющую как незнамо что — видимо, из сортиров. Без функционального суточного цикла Кастрима никогда по-настоящему не спит, и ты знаешь, что здесь шесть рабочих смен вместо трех обычных, поскольку тебя поставили в одну из них. Она не начнется до середины дня — или двенадцати ударов, как говорят в Кастриме, — тогда ты должна будешь найти какую-то женщину по имени Артит возле кузницы.

Но все это не имеет значения, поскольку сквозь россыпь и выступы кристаллов Кастримы ты

видишь группку людей, заходящих в устье большого квадратного туннеля, являющееся входом в жеоду. Они бегут и несут еще кого-то, который и вопит.

Даже тогда тебя подмывает оставить все это без внимания и пойти спать. Это Зима. Люди умирают, тут ты ничем не поможешь. Это даже не твой народ. Что тебе беспокоиться?

Затем кто-то кричит: *Лерна!* — и в этом вопле столько паники, что ты вздрагиваешь. Ты видишь приземистый серый кристалл дома Лерны со своего балкона, через три кристалла от твоего и чуть ниже. Полог его дома отлетает в сторону, и он сбегает по ближайшей лестнице. Он бежит к лазарету, куда вроде бегут и те люди.

Сама не понимая почему, ты оглядываешься на вход в собственный дом. Тонки спит, как окаменевшее дерево, и не выходит, но Хоа здесь, неподвижный, как статуя, смотрит на тебя. Что-то в его лице заставляет тебя нахмуриться. Похоже, он неспособен сделать каменное лицо, как его сородичи, наверное, потому, что его лицо не по-настоящему каменное. Как бы то ни было, первое, что приходит тебе в голову при виде его лица, — это… жалость. Ты выскакиваешь из дома и вмиг слетаешь на нижний уровень почти

прежде, чем успеваешь об этом подумать. (На бегу ты думаешь — жалость замаскированного камнееда взбудоражила тебя так, как не смогли крики человека. Вот какое ты чудовище.) Кастрима, как всегда, угнетающе запутана, но на сей раз тебе помогает тот факт, что люди начинают бежать в направлении тревоги, так что ты просто бежишь в потоке.

Когда ты добираешься до места, вокруг лазарета уже собралась небольшая толпа, большинство из любопытства, тревоги или опасений. Лерна с группой людей заносят раненого товарища внутрь, и этот жуткий вопль теперь становится понятен — это раздирающий глотку вой человека, испытывающего чудовищную боль, невыносимую, но тем не менее вынужденного терпеть ее.

Ты почти бессознательно начинаешь проталкиваться вперед, чтобы войти. Ты ничего не знаешь о медицинском уходе… но ты разбираешься в боли. К твоему удивлению, люди смотрят на тебя сначала раздраженно, затем моргают и сторонятся. Ты замечаешь, как ошеломленно смотрят те, кого оттащили в сторону и шепнули что-то на ухо. Ого-го. Кастрима говорит о тебе.

Затем ты уже внутри, и тебя чуть не сбивает с ног женщина санзе, пробегающая мимо с чем-то

вроде шприца в руках. Это небезопасно. Ты следуешь за ней в лазарет, где шестеро держат на постели одного, который кричит. Ты бросаешь взгляд на его лицо, когда один из них отклоняется в сторону — ты его не знаешь. Просто еще один срединник, явно был наверху, судя по серому слою пепла на коже, одежде и волосах. Женщина со шприцем отталкивает плечом в сторону кого-то и, видимо, выдавливает содержимое шприца. Мгновением позже мужчина содрогается с ног до головы, и его рот начинает закрываться. Его крик медленно угасает, медленно, медленно. Медленно. Он один раз сильно вздрагивает, встряхивая всех, кто его держит. Затем наконец он теряет сознание.

Тишина почти вибрирует. Лерна и санзе-лекарка продолжают что-то делать, хотя те, кто держал пострадавшего, отходят и переглядываются, словно спрашивая друг друга, что дальше. В молчаливом смятении ты не можешь заставить себя не смотреть в дальний конец лазарета, где все еще сидит Алебастр, не замечаемая новыми гостями. Его камнеедка стоит там же, где ты видела ее в последний раз, хотя ее взгляд тоже устремлен на зрелище. Ты видишь лицо Алебастра над одеялом; его взгляд устремляется к

твоему, но затем он отводит глаза. Твое внимание снова привлечено к человеку на постели, когда некоторые из окружающих его отступают. Сначала ты не понимаешь, в чем проблема, разве что его штаны покрыты странными мокрыми пятнами, поверх которых запекся грязный пепел. Мокрота не красная, это не кровь, но вокруг стоит запах, который ты не уверена, как описать. Мясо в рассоле. Горячий жир. Его ноги босы, ступни конвульсивно подергиваются, растопыренные пальцы неохотно расслабляются, даже когда он без сознания. Лерна распарывает одну штанину ножницами. Когда он снимает мокрый участок, ты сначала видишь маленькие синие полусферы, усеивающие кожу мужчины тут и там, каждый дюйма в два в диаметре и дюйм высотой, блестящие, чуждые плоти. Их десять или пятнадцать.

Каждый находится в центре участка распухшей розово-коричневой плоти, покрывающей примерно пядь площади его ноги. Ты в первый момент думаешь, что эти сферы — драгоценные камни. Они кажутся такими — металлически синими, красивыми.

— Блин, — говорит кто-то слабым от потрясения голосом, и другой добавляет: — Ржавь клятая…

Кто-то протискивается в лазарет у тебя за

спиной после короткого спора с людьми, перекрывающими вход. Она встает рядом с тобой, и ты смотришь на Юкку, чьи глаза распахиваются от смятения и отвращения прежде, чем она успевает овладеть собой. Затем она спрашивает, достаточно резко, чтобы люди перестали тупо пялиться:

— Что случилось?

(Ты запоздало — а может, как раз вовремя замечаешь еще одного камнееда в комнате, не так далеко. Она тебе знакома — женщина с рубиновыми волосами, которая приветствовала тебя вместе с Юккой, когда ты впервые пришла в Кастриму. Сейчас она с жадностью смотрит на Юкку, но ее каменный взгляд постепенно переходит и на тебя. Внезапно ты осознаешь с тревогой, что Хоа не пошел с тобой из дому.)

— Патруль внешнего периметра, — говорит Юкке еще один покрытый пеплом срединник. Он не выглядит как Опора, слишком невысок. Может, один из новых Охотников. Он обходит группу у постели, не сводя взгляда с Юкки, будто она — единственное, что не дает ему смотреть на пострадавшего, пока он не сойдет с ума. — Мы вышли к соляному к-карьеру, думая, что это неплохое место для охоты. Там было что-то вроде

колодца возле стока ручья. Белед… не знаю. Он пропал. Сначала я услышал, как они оба закричали, но не понял почему. Я был выше по течению, искал звериные следы. Когда я прибежал туда, там был один Тертейс, и выглядел он так, словно пытался выбраться из пепла. Я помог ему, но они уже были на нем, и еще больше карабкались по его ботинкам, так что я срезал их…

Шипение сквозь зубы отвлекает тебя от говорящего. Лерна качает головой, держа пальцы жестко, словно они болели.

— Дай мне, ржавь побери, пинцет! — говорит он другому мужчине, который вздрагивает и поворачивается выполнить приказ. Ты прежде никогда не слышала, чтобы Лерна бранился.

— Какой-то нарыв, — говорит женщина-санзе, делавшая пострадавшему укол. Она говорит неуверенно. Она говорит с Лерной, словно пытаясь убедить его, а не себя. (Лерна продолжает мрачно тыкать в края ожога своей поврежденной рукой, не обращая на нее внимания.) — Не иначе. Он упал в выход пара, гейзер, старую ржавую геотермальную трубу.

То есть жуки — просто совпадение.

— …или они забрались бы и на меня. — Второй Охотник продолжает говорить своим гулким го-

лосом. — Я думал, что колодец — просто воронка в груде пепла, но на самом деле… не знаю. Вроде муравейника. — Охотник сглатывает, стискивает зубы. — Оставшихся я вытащить не смог, потому принес его сюда.

Юкка поджимает губы, но закатывает рукава и идет вперед, расталкивая ошеломленных людей. Она кричит:

— Дорогу! Если не можете помочь, уйдите с дороги, ржавь вашу мать!

Некоторые из толпы начинают оттаскивать других. Кто-то еще хватается за одну из этих драгоценных штук и пытается ее вырвать, затем отдергивает руку, вскрикивая, как Лерна. Предмет меняется, на блестящей синей поверхности раскрываются два блестящих крылышка и потом становятся на место — и внезапно до тебя доходит: это не драгоценные камни, это насекомые. Какие-то жуки, и радужная оболочка — это их панцирь. За то мгновение, когда он поднимает надкрылья, ты видишь его круглое прозрачное тело, в котором внутри что-то бурлит и прыгает. Ты сэссишь его тепло с того места, где ты стоишь, горячее, как кипяток. Вокруг него испаряется человеческая плоть.

Кто-то дает Лерне пинцет, и он пытается выта-

щить одного жука. Он снова поднимает надкрылья, и тоненькая струйка чего-то бьет прямо по пальцам Лерны. Тот вскрикивает, роняет пинцет и отскакивает.

— Кислота! — говорит кто-то. Кто-то еще хватает его за руку и пытается стереть жидкость, но ты понимаешь, что это, прежде чем Лерна успевает ахнуть.

— Нет! Просто вода. Кипяток.

— Осторожно, — запоздало говорит другой Охотник. На одной из его рук ты замечаешь полосу пузырей. Ты также видишь, что он не смотрит на медицинский стол или людей внутри.

На это слишком страшно смотреть. Эти ржавые жуки выкипятят человека до смерти. Но когда ты отводишь глаза, ты видишь, что Алебастр смотрит на тебя. Алебастр, который сам весь в ожогах, который должен был бы умереть. Никто не может оказаться рядом с эпицентром разлома через весь континент и отделаться лишь пятнами ожогов третьей степени. Он должен быть пеплом, разбросанным по расплавленным улицам Юменеса.

Ты понимаешь это, когда он смотрит на тебя, хотя на лице его безразличие к огненной пытке другого человека. Это знакомое безразличие — знакомое по Эпицентру. Это безразличие, по-

рожденное слишком многими предательствами, потерей без причины слишком многих друзей, слишком многих жестокостей, «невыносимых для глаза».

И все же. Дрожь орогении Алебастра беспечно мощна, точна как алмаз и настолько болезненно знакома, что тебе приходится закрыть глаза, чтобы отогнать воспоминания о вздымающейся корабельной палубе, одиноком виадуке, продуваемом ветрами скалистом острове. Торус, который он раскручивает, ничтожно мал — едва ли в дюйм шириной, столь слабый, что ты не можешь найти его булавочного эпицентра. Он все еще лучше тебя.

Затем ты слышишь резкий вздох. Ты открываешь глаза и видишь, как один жук дрожит и шипит, как живой чайник, — и замерзает. Его лапки, которыми он, как крючками, впивался в кипящую вокруг него плоть, ослабевают. Он мертв.

Но затем ты слышишь тихий стон, и орогения рассеивается. Ты смотришь на Алебастра, уронившего голову и сгорбившегося. Его камнеедка медленно, как поворачивается жернов, садится рядом с ним, и что-то в ее позе выражает заботу, хотя лицо безмятежно как всегда. Красноволосая

камнеедка — которую ты от внутренней безнадеги пока назвала Рубиновлаской — тоже смотрит на него.

Ну что же. Ты снова смотришь на мужчину, и твой взгляд останавливается на Лерне, который зачарованно смотрит на замороженного жука. Он поднимает взгляд, окидывает им комнату, напарывается на твой, останавливается. Ты видишь в его глазах вопрос и качаешь головой — нет, не ты заморозила жука. Но это не тот вопрос, может, он даже и не его задавал. Его не волнует, ты ли это сделала. Ему нужно знать, можешь ли ты это сделать. Лерна, Хоа, Алебастр — сдается, сегодня тобой движут молчаливые, многозначительные взгляды.

Горячие точки этих насекомых сэссятся как геотермальные скважины, и ты шагаешь вперед и фокусируешь свои сэссапины. В их маленьких телах большое контролируемое давление — так они заставляют воду закипать. Ты поднимаешь руку в направлении мужчины по привычке, чтобы все понимали, что ты что-то делаешь, и ты слышишь ругань, брань, шарканье ног и толкотню, когда люди пятятся от тебя, подальше от торуса, который ты можешь создать. Дураки. Неужели они не понимают, что тебе нужен торус

только в том случае, когда ты тянешь из окружающего? В жуках полно того, что тебе нужно. Трудность в том, чтобы ограничить твое тянущее движение только ими, но не перегретой плотью человека под ними.

Камнеед Юкки подходит на шаг ближе. Ты скорее сэссишь ее движение, чем видишь — это словно гора идет к тебе. Затем Рубиновласка резко останавливается, словно на пути ее другая гора — Хоа, неподвижный и спокойно холодный. Откуда он взялся? Но сейчас ты не можешь тратить внимание на этих существ.

Ты начинаешь медленно, пользуясь глазами и сэссапинами, чтобы точно понять, когда остановиться… но Алебастр показал тебе, как это делается. Ты тянешь торус от их маленьких горячих тел, как и он, один за другим. Когда ты это делаешь, один из них трескается с громким злым шипением, а один даже выскакивает, отлетая к стенке комнаты. (Люди отскакивают от него даже быстрее, чем от тебя.) Затем все заканчивается.

Все смотрят на тебя. Ты — на Юкку. Ты тяжело дышишь, поскольку такая степень точного фокуса намного тяжелее дается, чем подъем холма.

— Ничего не надо тряхнуть?

Она моргает, тут же понимая, о чем ты. Затем

хватает тебя за руку. Что?.. Инверсия. Отвод энергии. Как было у тебя с обелиском, только обелиска нет, и ты не делаешь отвода, хотя это твоя орогения. Ты сразу начинаешь слышать крики людей снаружи и бросаешь взгляд в дверь. Лазарет построен, а не вырезан в гигантском кристалле жеоды; внутри он освещен электрическими лампами. Однако сквозь незанавешенный пологом вход ты видишь, как по всей общине заметно ярче загораются кристаллы.

Ты в упор смотришь на Юкку. Она понимающе кивает в ответ, как коллега коллеге, словно ты понимаешь, что она только что сделала или тебя должно удовлетворять то, что дичок делает то, чего не может окольцованный ороген Эпицентра. Затем Юкка отходит и берет второй пинцет, чтобы помочь. Лерна извлекает жука, несмотря на ошпаренные пальцы, и на сей раз тварь вылезает. Хоботок длиной с его тело выскальзывает из вскипевшей плоти, и ты — ты больше не можешь смотреть.

(Краем глаза ты снова замечаешь Рубиновласку. Она не смотрит на Хоа, который стоит неподвижно, как статуя, между вами, и теперь она улыбается Юкке. Ты замечаешь блеск зубов. Выбрасываешь это из головы.)

Ты отходишь в дальний угол лазарета, садишься рядом с Алебастром на подушки. Он все еще сгорблен, дышит, как меха, хотя камнеедка держит его за плечо одной рукой, чтобы не дать ему упасть. Ты запоздало понимаешь, что он прижимает к животу одну культю, и — о, Земля. Серо-коричневый камень, некогда обтягивавший его кисть, теперь дополз до локтя.

Он поднимает голову; лицо его блестит от пота. У него такой измотанный вид, будто он только что заткнул очередной супервулкан, хотя сейчас он по крайней мере в сознании и улыбается.

— Ты всегда была хорошей ученицей, Сиен, — шепчет он. — Но, ржавь земная, как же дорого тебя учить.

Шок осознания звенит в тебе, как оглушительная тишина. *Алебастр больше не может вершить орогению*. Не может без… последствий. Ты инстинктивно смотришь на Сурьму, и у тебя тошнота подступает к горлу, когда ты понимаешь, что камнеедка смотрит на его свежеокаменевшую руку. Однако она не шевелится. Через мгновение Алебастр умудряется выпрямиться, бросает на нее благодарный взгляд за поддержку.

— Позже, — тихо говорит он. Ты понимаешь, что это значит — *ты съешь мою руку позже*. Она

перемещает руку, чтобы поддерживать его под спину. Порыв отшвырнуть ее, самой поддержать его настолько силен, что ты на это тоже не можешь смотреть.

Ты выпрямляешься, проходишь мимо всех из лазарета и садишься на низкую, плоскую верхушку кристалла, который лишь начинает расти из стены жеоды. Никто не тревожит тебя, хотя ты ощущаешь и слышишь шепотки. Ты не намеревалась оставаться надолго, но остаешься. Ты не понимаешь почему.

Наконец на твои ноги падает тень. Ты поднимаешь взгляд и видишь Лерну. За его спиной уходит Юкка вместе с тем, кто пытается с ней поговорить; похоже, она сердито игнорирует его. Остальная толпа в конце концов расползается, хотя сквозь открытые двери ты видишь, что в лазарете пока еще больше, чем обычно, народу — видимо, навещают полусваренного Охотника.

Лерна не смотрит на тебя. Он уперся взглядом в дальнюю стену жеоды, тающую в туманном свечении десятков кристаллов между ней и этим местом. Он курит сигарету. Ее вонь и желтоватая обертка говорят тебе, что это мелло: листья и бутоны мятной дыньки, в сухом виде мягкий наркотик. Таким славится Южное Срединье, если

Южное Срединье вообще чем-то может славиться. Тебя, однако, удивляет, что он курит такое. Он доктор. На тебе мелло сказывается плохо.

— Ты в порядке? — спрашиваешь ты.

Он не сразу отвечает, делая долгую затяжку. Ты уж начинаешь думать, что он не ответит тебе, когда он говорит:

— Я намерен убить его, когда вернусь внутрь.

И ты понимаешь. Эти жуки прожгли кожу, мускулы, может, даже до самой кости. С командой юменесских врачей и притупляющими боль биоместрическими наркотиками этого человека, возможно, можно было бы продержать в живых достаточно долго, чтобы вылечить — да и тогда он мог бы потерять способность ходить. Но при том оборудовании и лекарствах, что есть в Кастриме, лучшее, что может сделать Лерна, — ампутировать ему ногу. Может, он даже это переживет. Но сейчас Зима, и каждый общинник должен отрабатывать свой хлеб и кров. Мало общин найдет занятие для безногого Охотника, а эта община и так уже содержит одного обгоревшего инвалида.

(Юкка уходит, не обращая внимания на человека, который выглядит так, словно отстаивает свою жизнь.)

Так что Лерна очень даже не в порядке. Ты

решаешь немного сменить тему.

— Я никогда не видела ничего подобного этим жукам.

— Местные говорят, что их называют жуки-кипячи, хотя прежде никто не знал почему. Они плодятся вокруг ручьев, содержат в себе воду. Животные едят их во время засухи. Обычно они падальщики. Безобидные. — Лерна стряхивает пепел с руки. Он одет только в свободную рубаху без рукавов, поскольку в Кастриме тепло. Кожа его предплечий… в каких-то мелких пятнах. Ты отводишь взгляд.

— Зимой порядок вещей меняется.

Да. Вареная падаль, возможно, хранится дольше.

— Ты могла бы достать эту хрень из него как только вошла, — добавляет Лерна.

Ты моргаешь. Затем твой разум интерпретирует это как атаку. Она такая завуалированная, с такого неожиданного направления, что ты слишком изумлена, чтобы обозлиться.

— Не могла, — говоришь ты. — По крайней мере, не знала, что могу. Алебастр…

— От него я ничего не жду. Он пришел умереть здесь, а не жить.

Лерна оборачивается к тебе, и внезапно ты

понимаешь, что его спокойное поведение прикрывает совершенную ярость. Взгляд его холоден, но она сквозит во всем остальном — в белых губах, желваках на скулах, трепещущих ноздрях.

– *Зачем* ты здесь, Иссун?

Ты вздрагиваешь.

— Ты знаешь. Я пришла искать Нэссун.

— Тебе ее не найти. Твоя цель изменилась — теперь ты здесь, чтобы выжить, как и у всех нас. Теперь ты *одна из нас*. — Его губы кривятся от презрения. — Я говорю это потому, что, если я не заставлю тебя это понять, на тебя может накатить эта ржавь, и ты убьешь всех нас.

Ты открываешь рот, чтобы ответить. Но он делает шаг к тебе, и в нем столько агрессии, что ты садишься.

— Скажи, что это не так, Иссун. Скажи, что мне не придется покидать *эту* общину среди ночи, надеясь, что никто из тех, кого ты разозлила, не перехватит меня и не вспорет мне глотку. Скажи мне, что мне не придется сражаться за свою жизнь и помогать умирать людям, которых я лечу, снова и снова, пока меня не сожрут эти жуки…

Ему перехватывает горло, и он замолкает, резко отворачиваясь. Ты смотришь на его напряжен-

ную спину и не говоришь ничего, поскольку сказать нечего. Сейчас он второй раз напомнил тебе об уничтожении Тиримо. А тебя это удивляет? Он там родился и вырос; мать Лерны все еще жила там, когда ты ушла. Ты задумываешься. Может, ты и ее убила в тот последний день. Тебе нечего сказать, горечь переполняет твой рот, но все же ты пытаешься.

— Мне жаль.

Он смеется. Это так не похоже на него, этот смех такой уродливый и злой. Он снова поворачивается и, как и прежде, смотрит на дальнюю стену жеоды. Сейчас он лучше держит себя в руках; желваки не так выделяются на скулах.

— Ну так докажи, что тебе жаль.

Ты качаешь головой, скорее сконфуженно, чем отрицательно.

— Как?

— Словом. Больше всего общину волнует, что при встрече с Юккой ты вроде бы подтвердила то, о чем многие здешние рогги шепчутся между собой. — Ты почти кривишься от слова «*рогга*» в его устах. Он прежде был таким вежливым мальчиком. — Прежде всего ты сказала, что эта Зима не закончится несколько тысяч лет. Это преувеличение или правда?

Ты вздыхаешь и проводишь рукой по волосам. Они густые, курчавые у корней. Тебе надо распутать локоны, но у тебя не было времени, да и незачем.

— Зимы всегда кончаются, — говоришь ты. — Отец Земля блюдет собственное равновесие. Вопрос лишь о том, сколько это займет времени.

— Сколько? — Это вряд ли вопрос. Он уже догадывается об ответе. И он заслуживает услышать от тебя самую честную, лучшую догадку. — Десять тысяч лет?

Чтобы Юменесский Разлом перестал дымить, а небеса расчистились, да. Это вовсе не долго по обычной тектонической шкале, но настоящая опасность заключается в том, какие последствия может спровоцировать пепел. Если теплую поверхность моря покроет достаточное количество пепла, на полюсах начнет нарастать лед. Моря станут более солеными, а климат более сухим.

Вечная мерзлота. Наступают и ширятся ледники. И если такое случится, то самая пригодная для жизни часть континента, Экваториали, будет по-прежнему раскаленной и отравленной. Во время Пятого времени года убивает именно зима. Голод. Отсутствие жилья. Даже если небо расчистится, Разлом может вызвать эру зимы,

которая продлится миллионы лет. И это не имеет значения, поскольку человечество вымрет задолго до этого. И останутся лишь обелиски, парящие над бесконечной белой равниной, и никто уже не будет им дивиться или бояться их.

Его веки вздрагивают.

— Хм. — К твоему удивлению, он поворачивается к тебе. Еще больше удивляет, что его гнев вроде бы ушел, хотя его сменяет некая мрачность, которая кажется знакомой. Но тебя сбивает с толку именно его вопрос: — И что ты намерена с этим делать?

У тебя челюсть падает. Через мгновение ты выдавливаешь:

— А я и не знала, что могу что-то с этим сделать. — Прямо как ты не думала, что можешь что-то сделать с жуками. Алебастр гений. Ты хмыкаешь.

— Так что вы с Алебастром делаете с обелисками?

— Что Алебастр делает, — поправляешь его ты. — Он просто попросил меня призвать один из них. Возможно, потому, — это больно говорить, — что он больше не способен на этот вид орогении.

— Ведь это Алебастр устроил Разлом?

Ты так быстро закрываешь рот, что у тебя кла-

цают зубы. Ты только что сказала, что Алебастр больше не способен к орогении. Достаточно много кастримитов услышали, что они живут в подземном каменном саду из-за него, и они найдут способ убить его, несмотря на камнеедку.

Лерна криво усмехается.

— Не так трудно сложить два и два, Иссун. У него ожоги от пара, ссадины от воздушной взвеси и язвы от едкого газа, не от огня — это все характерно для случая, если ты находишься вблизи от источника взрыва. Не знаю, как он выжил, но Разлом оставил на нем свою метку. — Он пожимает плечами. — И я видел, как ты уничтожила город за пять минут не запыхавшись, так что догадываюсь, на что способен десятиколечник. Для чего предназначены обелиски?

Ты сжимаешь челюсти.

— Можешь задать мне этот вопрос шестью разными способами, Лерна, и я отвечу шестью разными вариантами «Не знаю». Поскольку не знаю.

— Я думаю, у тебя есть хотя бы идея. Но хочешь врать — ври. — Он качает головой. — Теперь это твоя община. — После этого он замолкает, словно ждет от тебя ответа. Тебе очень хочется ответить, но ты с негодованием отбрасываешь эту идею.

Но он слишком хорошо тебя знает, он знает, что ты не захочешь этого слушать. Именно потому он и повторяет: — Иссун Рогга Кастрима. Вот кто ты теперь.

— Нет.

— Тогда уходи. Все знают, что Юкка не сможет тебя удержать, если ты решишь уйти. Я знаю, что ты убьешь всех нас, если понадобится. Так что уходи.

Ты сидишь, смотришь на свои руки, болтающиеся между колен. Голова твоя пуста.

Лерна склоняет голову.

— Ты не уходишь, потому что ты не дура. Может, ты и выживешь снаружи, но вряд ли Нэссун захочет видеть тебя такой после этого. Да и в любом случае ты хочешь жить, чтобы в конце концов найти ее… какой бы ничтожной ни была вероятность.

Твои руки сжимаются. Затем разжимаются и снова безжизненно висят.

— Если эта Зима не кончится, — продолжает Лерна, и, что хуже всего, тем же монотонным голосом, которым спрашивал, сколько будет длиться Зима, словно говорит чистую правду и понимает это, и ненавидит ее, — у нас кончатся запасы. Каннибализм поможет, но ненадолго. К

тому моменту община либо превратится в охотников на людей, либо развалится на бродячие банды неприкаянных. Но в перспективе даже и это нас не спасет. В конце концов остатки кастримитов просто перемрут с голоду. Отец Земля всегда побеждает.

Это правда, хочешь ты это признавать или нет. И это еще одно доказательство того, что Лерну изменило то, что он успел пережить за свою краткую карьеру неприкаянного. Не то чтобы в худшую сторону. Просто он стал целителем, который знает, что иногда надо причинить ужасную боль — снова сломать кость, отрезать конечность, убить слабого, — чтобы сделать сильнее.

— Нэссун сильная, как ты, — продолжает он тихо и жестоко. — Положим, она переживет Джиджу. Положим, ты ее найдешь, приведешь сюда или еще куда, где кажется безопаснее. Она будет голодать вместе со всеми, когда запасы истощатся, но при помощи своей орогении она, вероятно, сможет заставлять остальных отдавать ей еду. Может, даже убьет их и заберет себе оставшиеся припасы. Но в конце концов они все равно закончатся. Ей придется покинуть общину, жить тем, что найдет под пеплом, надеясь, что не наткнется на хищника или какую еще опас-

ность. Она умрет одной из последних: одинокая, голодная, замерзшая, ненавидящая себя. Тебя. Или, может быть, она к тому времени свихнется. Может, будет совсем как животное, движимое только инстинктом выживания, да и здесь ее ждет провал. Может, в конце концов она будет жрать самое себя, как любая тварь…

— Заткнись, — говоришь ты. Шепотом. К счастью, он замолкает. Он снова отворачивается и делает глубокую затяжку полузабытой мелло.

— Ты говорила с кем-нибудь с тех пор, как пришла сюда? — наконец спрашивает он. Это не то чтобы смена темы. Ты не расслабляешься. Он кивает на лазарет: — С кем-нибудь, кроме Алебастра и этого зверинца, с которым ты путешествовала? Не просто сталкивалась — *разговаривала*.

Недостаточно, чтобы считать. Ты качаешь головой.

— Слухи-то ширятся, Иссун. И сейчас все думают о том, как медленно будут умирать их дети. — Он щелчком отбрасывает бычок. Тот еще горит. — И о том, что они ничего не могут с этим поделать.

Но ты — можешь, ему не надо этого говорить.

А можешь?

Лерна уходит так резко, что ты даже удивлена.

Ты даже не осознала, что он ушел. Врожденная бережливость заставляет тебя поднять недокуренную сигарету. Ты не сразу понимаешь, как можно затягиваться и не кашлять — ты никогда прежде не пробовала курить. Считается, что орогенам не следует принимать наркотики.

Но кстати, не предполагается, что орогены должны пережить Зиму. В Эпицентре не было хранилищ. Никто о них не упоминал, но ты совершенно уверена, что, если когда-нибудь Пятое время года накроет Юменес, Стражи зачистят Эпицентр и вырежут всех вас. Вы годны для предотвращения Зимы, но если Эпицентр настолько не справился со своей задачей, если даже самые дельные люди из Черной Звезды или император ощутят хотя бы намек на дрожь, ты и твои сородичи имперские орогены не будут вознаграждены жизнью.

Да и зачем? Какие навыки выживания есть у рогги? Ты можешь не дать людям погибнуть в землетрясении, ага. Очень кстати, когда жрать нечего.

— Хватит! — Ты слышишь голос Юкки неподалеку, хотя не можешь видеть ее за кристаллами на нижнем уровне. — Это решено! Ты идешь туда или будешь на меня силы тратить?

Ты встаешь. Колени ноют. Направляешься в ее сторону.

По пути ты проходишь мимо молодого человека, чье лицо залито слезами ярости и зарождающегося горя. Он проносится мимо тебя в лазарет. Ты продолжаешь идти и в конце концов находишь Юкку возле грани высокого узкого кристалла. Она уперлась в него ладонью и стоит, свесив голову, и ее пушистые волосы так окружают ее лицо, что ты его не видишь. Тебе кажется, что она слегка дрожит. Возможно, это твое воображение. Она кажется такой хладнокровной. Но ведь и ты тоже.

— Юкка.

— И ты тоже, — ругается она. — Я не хочу об этом слышать, жукобойца.

Ты запоздало осознаешь — убив жуков, ты осложнила ей выбор. Прежде она могла приказать убить Охотника из жалости, и виноваты были бы жуки. Теперь это прагматизм, политика Общины. И вся тяжесть решения лежит на ней.

Ты качаешь головой и подходишь ближе. Она выпрямляется и смотрит на тебя, и ты сэссишь оборонительную ориентацию ее орогении. Она ничего с ней не делает, не образует торус и не начинает тянуть из окружающего, но ведь ей

и не нужно, не так ли? Это техника Эпицентра. Ты ведь не знаешь в действительности, что она собирается сделать для своей защиты, эта странно обученная дичок. Тебе отчасти любопытно, отстраненно-любопытно. Другая часть тебя замечает напряженность на ее лице. И ты протягиваешь ей горящую сигарету с мелло.

Она моргает. Ее орогения снова становится пассивной, но она поднимает глаза навстречу твоему взгляду. Затем наклоняет голову набок, ошеломленно и задумчиво. Наконец она кладет руку на бедро, другой забирает мелло у тебя и глубоко затягивается. Она действует быстро — через мгновение она оборачивается и привалливается к кристаллу и со скорее усталым, а не напряженным лицом выпускает колечки дыма. Она возвращает тебе сигарету. Ты устраиваешься рядом и берешь ее.

За десять минут вы докуриваете сигарету, передавая ее друг другу. Когда она заканчивается, вы обе по невысказанному соглашению остаетесь вместе. Только когда вы слышите громкие прерывистые рыдания из лазарета у себя за спиной, вы киваете друг другу и расходитесь.

* * *

Просто невозможно вообразить, чтобы любая разумная цивилизация была так расточительна, чтобы набивать лучшие пещеры-хранилища трупами! Неудивительно, что эти люди вымерли, кем бы они ни были. Примерно год уйдет, чтобы выбросить все кости, погребальные урны и прочий мусор, затем еще месяцев шесть на полную картографию и реновацию. Меньше, если ты сможешь добыть мне требуемых чистильщиков! Мне плевать, если они целой Земли стоят, некоторые из этих камер нестабильны.

Однако в них есть таблички. Какие-то со стихами, хотя этот странный язык мы читать не можем. Вроде Предания камня. Пять табличек, не три. Что ты хочешь с ними делать? Я скажу – отдадим Четвертому, чтобы не ныли о том, сколько исторической памяти мы уничтожаем.

– Доклад Странницы Фогрид Инноватор Юменес Лицензионному отделу Джинерики, Восточная Экваториаль:

«Предложение по поводу переориентирования подземных катакомб, город Где-то там». Только для мастеров.

Интерлюдия

Дилемма: ты сделана из слишком многих людей, которыми не хотела бы быть.

Включая меня.

Но ты так мало обо мне знаешь. Я попытаюсь объяснить свою суть, если не подробности. Это начинается — я начну — с войны.

Война не то слово. Война ли это, когда люди находят паразитов в каком-то нежелательном месте и пытаются их выжечь или перетравить? Хотя и это плохая метафора, поскольку никто не испытывает ненависти к отдельной мыши или клопу. Никто не выделяет конкретного паразита для конкретной мести, просто эта трехногая маленькая тварь с пятнистой спинкой и все ее потомство на протяжении сотен отвратных поколений сопровождают человеческую жизнь. А эта трехногая тварь с пятнистой спинкой не имеет шансов стать чем-то большим, чем неприятностью человеку — между тем как ты и твои сородичи раскололи поверхность земли и утратили Луну. Если бы мыши в твоем саду в Тиримо помогли бы Джидже убить Уке, ты

разнесла бы это место по камушкам и выжгла бы руины перед тем, как уйти. Ты все равно уничтожила Тиримо, но будь это личным делом, ты сделала бы что-нибудь похуже.

Но несмотря на всю свою ненависть, ты все равно могла бы и не уничтожить паразитов. Уцелевшие сильно изменились бы — стали крепче, сильнее, более пятнистыми. Возможно, причиненные тобой тяготы разделили бы их на множество фракций, каждая со своими интересами. Некоторые из этих фракций плевали бы на тебя. Другие почитали и презирали бы тебя за твою силу. Некоторые так же упорно стремились бы уничтожить тебя, как ты — их, хотя к тому моменту, когда у них появились бы силы по-настоящему проявить свою враждебность, ты забыла бы об их существовании. Но для них твоя злоба стала бы источником легенд.

А некоторые могли бы надеяться умилостивить тебя, уговорить тебя проявить хотя бы малую толику терпимости. Я из таких.

Я был таким не всегда. Очень долгое время я был из мстительных... в итоге все возвращается к тому, что Жизнь не может существовать без Земли. И все же есть некий малый шанс, что жизнь выиграет эту войну и уничтожит Землю.

Несколько раз мы были к этому близки.

Такого не должно произойти. Нам нельзя позволить победить.

Такова моя исповедь, моя Иссун. Я уже предал тебя и сделаю это снова. Ты еще даже не выбрала стороны, а я уже отгородил тебя от тех, кто мог бы привлечь тебя на свою сторону. Я уже замышляю твою смерть. Это необходимо. Но я могу хотя бы попытаться придать твоей жизни смысл, который будет иметь значение до конца света.

5. Нэссун берется за вожжи

Мама заставила меня солгать тебе, думает Нэссун. Она смотрит на отца, который до этого момента много часов вел фургон. Он не сводит глаз с дороги, но на его скулах играют желваки. Одна рука — та, которой он бил Уке, и убил его в конце концов — дрожит, держа вожжи.

Нэссун может сказать, что ярость до сих пор владеет им, может, он мысленно все еще убивает Уке. Она не понимает почему, и ей это не нравится. Но она любит отца, боится его, обожает его, и потому часть ее души жаждет утешить его. Она спрашивает себя: *что я сделала такого, чтобы так получилось?* Ответ приходит тут же: *Солгала. Ты лгала, а ложь всегда плохо*. Но это не был ее выбор. Это был приказ мамы, как и все прочее: *не тянись, не морозь, я заставлю землю двигаться и лучше тебе не реагировать, я что, не говорила тебе не реагировать, даже прислушиваться — значит реагировать, нормальные люди не слушают так, ты меня слышишь, прекрати, ржавь тебя побери, неужели ты ничего не можешь сделать как надо, кончай реветь, повтори.*

Бесконечные приказы. Бесконечное недовольство. Порой шлепок льда, оплеуха, тошнотворная инверсия торуса Нэссун, рывок за плечо. Мама порой говорит, что любит Нэссун, но Нэссун никогда не видела этому подтверждения.

Не так с папой, который дал ей резную каменную киркхушу поиграть или аптечку для ее дорожного рюкзака, поскольку Нэссун — Стойкость, как ее мама. Папа, который берет ее на рыбалку на речку Тирика на несколько дней, когда у него нет срочной работы. Мама никогда не лежала на дерновой крыше вместе с Нэссун, показывая ей звезды и объясняя, что какая-то мертвая цивилизация, говорят, давала им имена, хотя никто их не помнит. Папа никогда к концу дня не устает так, чтобы не поговорить с ней. Папа не проверяет Нэссун по утрам после умывания, как мама — по поводу плохо помытых ушей или неубранной кровати, и когда Нэссун плохо себя ведет, папа лишь вздыхает, качает головой и говорит ей — милая, ты же понимаешь. Поскольку Нэссун всегда понимает. Не из-за папы Нэссун хотела убежать и стать лористом. Ей не нравится, что папа сейчас такой злой. Ей кажется, что это еще одно зло, которое причинила ей мать.

Потому она говорит:

— Я хотела рассказать тебе.

Папа не отвечает. Лошади продолжают топать вперед. Перед фургоном расстилается дорога, мимо медленно проходят леса и холмы, над головой — яркое синее небо. Сегодня мало кто проезжает мимо них — лишь несколько возчиков с тяжелыми фургонами товаров на продажу, посланников, несколько патрулей охраны квартента. Некоторые из возчиков, часто бывавшие в Тиримо, кивают папе или машут рукой, поскольку они его знают, но папа им не отвечает. Нэссун это тоже не нравится. Ее отец дружелюбный человек. Человек, который сидит рядом с ней, кажется ей чужаком.

То, что он не отвечает, не значит, что он не слышит. Она добавляет:

— Я спрашивала маму, когда мы расскажем тебе. Я много раз спрашивала. Она сказала — никогда. Сказала, ты не поймешь.

Папа не говорит ничего. Руки его до сих пор дрожат — теперь поменьше? Нэссун не может сказать. Она начинает чувствовать себя неуверенно — он злится? Он что-то сказал про Уке? (Она что-то сказала про Уке? Все кажется нереальным. Когда она думает о младшем братике, ей представляется болтливый и смешливый ма-

лыш, который порой кусается, а порой какается, и чья орогения чуется за квартент. Изуродованный неподвижный трупик, оставшийся дома, не может быть Уке, потому что он слишком маленький и тусклый.) Нэссун хочется тронуть отца за дрожащую руку, но что-то ее удерживает. Она не уверена, что именно — страх? Может, потому, что этот человек сейчас настолько чужд, а она всегда опасалась чужаков?

Нет. Нет. Он папа. Что бы с ним ни творилось, это мама виновата.

Потому Нэссун крепко хватается за ближайшую папину руку, поскольку хочет показать, что она не боится и потому что она сердится, хотя и не на папу.

— Я хотела тебе сказать!

Мир размывается. Сначала Нэссун не понимает, что происходит, и закрывается. Мама выдрессировала ее поступать так в момент неожиданности или боли: гасить инстинктивную реакцию страха, гасить инстинктивное стремление сэссапин ухватиться за землю внизу. И ни при каких обстоятельствах не реагировать орогенией, поскольку нормальные люди так не делают. *Все остальное можешь делать*, звучит в голове голос мамы. *Ори, плачь, кидайся всяким, лезь в драку. Только*

не орогения.

Потому Нэссун ударяется о землю сильнее, чем следовало бы, поскольку еще не совсем овладела искусством не реагировать и все еще цепенеет физически, не реагируя орогенистически. И мир размывается, поскольку она не только вылетает с облучка, подброшенная пинком, но еще и перекатывается через край Имперской дороги и катится вниз по щебенчатому склону к маленькому озерку, в который впадает речушка.

(В этой речушке несколько дней спустя Иссун будет купать странного мальчика, который словно забыл, зачем существует мыло.)

Нэссун плюхается и останавливается, ошеломленная и неспособная дышать. Пока еще ничего не болит. Когда мир перестает вращаться и она начинает понимать, что случилось — *папа ударил меня, вышвырнул меня из фургона,* — папа уже спускается по склону, зовет ее, садится рядом с ней на корточки и помогает ей сесть. Он плачет, на самом деле плачет. Когда Нэссун промаргивается от пыли и искр, что плавают перед глазами, она в растерянности тянется к лицу отца и понимает, что оно мокрое от слез.

— Прости, — говорит он. — Я так виноват, милая. Я не хотел сделать тебе больно, нет, ты

все, что у меня осталось. — Он резко, крепко прижимает ее к себе, хотя это больно. Она вся в синяках. — Я так виноват, я так — ржавь, — виноват!! О, Земля, о, Земля, ты злобный ржавий сын! Только не она! Ты не можешь и ее забрать!

Горестные стоны, долгие, рвущие горло, истеричные. Нэссун поймет это позже (ненамного позже). Она поймет, что в этот момент ее отец плачет и по убитому им сыну, и по раненной им дочери.

В этот момент она, однако, думает — *он все же любит меня* — и тоже начинает плакать.

Они так сидят некоторое время — папа крепко обнимает Нэссун, Нэссун трясет от облегчения и остаточного шока, и в этот момент их настигает ударная волна разрыва континента далеко на севере.

Они почти день ехали по Имперской дороге. В Тиримо, за несколько мгновений до того, Иссун погасила силу волны, так что та раздвоилась и обошла город — то есть до Нэссун она доходит по нарастающей. А Нэссун почти без сознания от удара и не такая умелая, не такая опытная. Когда она сэссит лавину сотрясения и ее силу, она реагирует совершенно неправильно — она снова замыкается.

Ее отец поднимает голову, удивленный ее вздохом и внезапным оцепенением, и вот тогда молот опускается. Даже он сэссит его, хотя он падает слишком быстро и мощно, чтобы ощущаться както иначе кроме беги-беги-БЕГИ-БЕГИ на задворках сознания. Бежать бесполезно. Землетрясение в основе своей является тем, что происходит, когда человек разглаживает складки на белье, но в масштабе континента и со скоростью и силой случайного удара астероида. В масштабе маленьких, неподвижных, хрупких людей под ними вздымается пласт, и деревья дрожат, а затем ломаются. Вода в пруду рядом с ними на мгновение выпрыгивает и зависает в воздухе. Папа смотрит на это, зачарованный этим застывшим моментом среди неумолимого расслоения мира повсюду.

Но Нэссун все же умелый ороген, хотя и наполовину в бессознательном состоянии. Хотя она не успевает собраться вовремя, чтобы сделать то, что сделала Иссун, и погасить силу волны прежде, чем она ударит, она делает лучшее, что возможно. Она направляет незримые столпы силы в пласт, так глубоко, насколько может, хватаясь за саму литосферу. Когда кинетическая сила волны бьет, за миг до того, как планетарная кора над ней сжимается в реакции, она выхватывает

у нее жар, давление и трение и наполняет ими свои столпы, удерживая пласт и почву на месте крепко, словно клеем.

Хотя из земли можно взять сколько угодно силы, она все равно ткет торус из окружающего. Она держит его широким, поскольку *ее nana* внутри его, и она не может, не может навредить ему, и она ткет его жестко и зло, хотя этого и не требуется. Ею движет инстинкт, а инстинкт прав. Леденящее око ее торуса, распыляющее все, что входит в стабильную зону в ее центре — то, что не дает нескольким десяткам летящих предметов пронзить и убить их.

Все это означает, что, когда мир разваливается, он разваливается везде. На миг от реальности не остается ничего, кроме летящего шара озера, урагана из всего остального, рассыпающегося в прах, и оазиса тишины в центре урагана.

Затем волна проходит. Пруд плюхается на место, засыпая их грязным снегом. Деревья, которые не сломались, снова выпрямляются, некоторые из них резко сгибаются в другом направлении от отдачи и ломаются уже там. На расстоянии — за пределами торуса Нэссун — люди, животные, камни и деревья были подброшены в воздух и рухнули наземь. Слышны вопли, человеческие и

не человеческие. Треск дерева, треск камня, далекий скрежет раздираемого металла какого-то человеческого сооружения. За ними, в дальнем конце долины, откуда они только что ушли, раскалывается скала и с ревом рушится лавиной, высвобождая большую дымящуюся халцедоновую жеоду.

Затем наступает тишина. Нэссун наконец отрывает лицо от плеча отца и оглядывается по сторонам. Она не знает, что думать. Рука отца, обнимающая ее, ослабевает — шок, — и она выворачивается, пока он не отпускает ее, чтобы она могла встать на ноги. Он тоже встает. Несколько долгих мгновений они просто смотрят на развалины некогда знакомого им мира. Затем папа поворачивается к ней медленно, и она видит то лицо, которое, наверное, видел Уке в последний момент своей жизни.

— Это ты сделала? — спрашивает он.

Орогения очистила голову Нэссун. Это механизм выживания; интенсивная стимуляция сэссапин обычно сопровождается выбросом адреналина и прочими физическими изменениями, готовящими тело к бегству — или чтобы поддержать орогению, если нужно. В этом случае оно приводит к чрезвычайной ясности мыслей, что

помогает Нэссун наконец осознать, что отец истерил по поводу ее падения, не только опасаясь за нее. И то, что она видит прямо сейчас в его глазах, вовсе не любовь.

И в этот момент ее сердечко разбивается. Еще одна маленькая, незаметная трагедия среди стольких других. Но она отвечает, поскольку она, в конце концов, дочь своей матери, а если Иссун что и сделала для своей маленькой дочери, так научила выживать.

— Такое мне не под силу, — говорит Нэссун. Голос ее спокоен и бесстрастен. — Я сделала вот это, — она обводит рукой круг земли, отличающейся от хаоса за его пределами. — Прости, что не смогла все это остановить, папа. Я пыталась.

Слово «*папа*» действует точно так же, как ее слезы, спасшие ей жизнь раньше. Образ убийства мерцает, тускнеет и сворачивается.

— Не могу тебя убить, — шепчет он себе.

Нэссун видит его трепет. Точно так же, инстинктивно, она шагает к нему и берет его за руку. Он вздрагивает, возможно, думая снова отшвырнуть ее, но на сей раз она не отступает.

— Папа, — снова говорит она, на сей раз вкладывая больше необходимого хныканья в свой голос. Именно это заставляло его колебаться в

те моменты, когда он был готов обрушиться на нее: напоминало, что она его маленькая девочка. Напоминало, что он до сегодня был хорошим отцом.

Это манипулирование. Что-то в ней деформировалось от правды в тот момент, и с этого времени все ее выражение привязанности к отцу будет рассчитанной игрой. Ее детство фактически умирает. Но это лучше, чем умереть самой, она это понимает.

И это срабатывает. Джиджа быстро моргает, затем бормочет себе под нос что-то неразборчивое. Крепче берет ее за руки.

— Вернемся на дорогу, — говорит он.

(Теперь он в ее мыслях Джиджа. И будет с тех пор Джиджей всегда и больше никогда папой, разве что вслух, когда Нэссун нужно будет управлять им.)

Итак, они возвращаются, Нэссун чуть прихрамывая, поскольку сильно ударилась попой об асфальт и камни. Дорога пошла трещинами по всей ширине, хотя и не так сильно в непосредственной близости от их фургона. Лошади все еще в упряжке, хотя одна из них рухнула на колени, наполовину запутавшись в поводьях. По счастью, ногу она не сломала. Вторая оторопела

от шока. Нэссун начинает успокаивать лошадей, уговаривая упавшую встать и выводя вторую из оцепенения, в то время как ее отец идет к другим путникам, валяющимся на дороге. Те, кто оказался в пределах широкого торуса Нэссун, в порядке. Те, кто нет… понятно.

Как только лошади приходят в себя, хотя и продолжают дрожать, Нэссун идет к Джидже и видит, что он пытается поднять какого-то человека, влетевшего в дерево. Спина его сломана, он в сознании и бранится, но Нэссун видит его обмякшие бесполезные ноги. Передвигать его не стоит, но Джиджа явно считает, что оставлять его вот так еще хуже.

— Нэссун, — говорит Джиджа, тяжело дыша и пытаясь ухватить его получше, — освободи место в фургоне. В Сладководье, в дне пути, неподалеку есть настоящая больница. Думаю, мы успеем добраться, если…

— Папа, — тихо говорит она. — Сладководья больше нет.

Он останавливается. (Раненый стонет.) Нахмурившись, поворачивается к ней:

— Что?

— И Суме тоже, — говорит она. Она не добавляет, что с Тиримо все в порядке, поскольку там

мама. Она не хочет возвращаться, пусть даже конец света. Джиджа бросает взгляд на дорогу, по которой они пришли, но, конечно, все, что они видят, — лишь сломанные деревья и перевернутые куски асфальта… и трупы. Много. До самого Тиримо, насколько видит глаз.

— Ржавь, — выдыхает он.

— На севере в земле большая дыра, — продолжает Нэссун. — Очень большая. Она вызвала все это. И еще вызовет землетрясения и прочее. Я могу сэссить пепел и газ, что идут оттуда. Папа… Мне кажется, это Зима.

Раненый ахает, не только от боли. Глаза Джиджи расширяются от ужаса. Но он спрашивает, и это важно:

— Ты уверена?

Это важно, потому что это значит, что он ее слушает. Это мера доверия. Нэссун ощущает торжество, хотя и не понимает почему.

— Да. — Она прикусывает губу. — Все будет по-настоящему плохо, пап.

Взгляд Джиджи снова устремляется к Тиримо. Это стандартный отклик.

Во время Зимы члены общины знают, что единственное место, где их ждут, — здесь. Все остальное рискованно.

Но Нэссун не вернется, раз уже ушла. Не тогда, когда Джиджа полюбил ее — пусть и странной любовью — и увез оттуда и *слушает* ее, *понимает* ее, хотя и знает, что она — ороген. Мама ошибалась в этом. Она сказала, что Джиджа не поймет.

Он не понял Уке.

Нэссун стискивает зубы от этой мысли. Уке был слишком мал. Нэссун будет умнее. И мама права лишь наполовину. Нэссун будет умнее ее.

Потому она говорит тихо:

— Мама знает, пап.

Нэссун даже не уверена в том, что именно она имеет в виду. Знает, что Уке мертв? Знает, кто забил его насмерть? Поверила бы мама в то, что Джиджа способен сделать такое с собственным ребенком? Нэссун сама едва в это верит. Но Джиджа вздрагивает, словно эти слова — обвинение. Он долго смотрит на нее, эмоции на его лице меняются от страха через ужас к отчаянию… и медленно к покорности.

Он смотрит на раненого. Нэссун его не знает — он не из Тиримо. Он в практичной одежде и хороших башмаках гонца. Больше ему не бегать и уж точно не вернуться в родную общину, где бы она ни была.

— Прости, — говорит Джиджа. Он наклоняется и

ломает ему шею, когда тот едва набирает воздуха, чтобы спросить — за что? Затем Джиджа встает. Руки его снова дрожат, но он поворачивается и протягивает одну руку Нэссун. Они возвращаются в фургон и продолжают свой путь на юг.

* * *

Пятое Время Года всегда возвращается.

– Табличка вторая, «Неполная истина», стих первый.

6. Ты принимаешь решение

— Что? — спрашивает, прищурившись сквозь завесу волос, Тонки. Ты только что вошла в комнату после того, как полдня помогала одной из смен оперять и чинить арбалетные стрелы для Охотников. Поскольку ты не относишься ни к одной функционал-касте, ты помогаешь понемногу всем по очереди каждый день. Так посоветовала Юкка, хотя она скептически относится к твоей новообретенной решимости попытаться встроиться в общину. По крайней мере, ей нравится, что ты пытаешься.

А еще она намекнула, что неплохо бы попытаться убедить Тонки сделать то же самое, поскольку пока Тонки не делает ничего, только ест, спит и моется за счет общины. Хорошо, что последнее необходимо ради социализации. Сейчас Тонки становится на колени над чаном с водой в своей комнате, ножом срезая колтуны. Ты держишься поодаль, поскольку комната смердит плесенью и немытым телом, и тебе кажется, что в воде среди ее состриженных волос что-то шевелится. Может, Тонки и надо ходить в грязном тряпье,

прикидываясь неприкаянной, но это не значит, что на самом деле она блюдет чистоту тела.

— Луна, — говоришь ты. Это странное слово, короткое и круглое; ты не уверена, насколько долгое в нем «у». Что еще там сказал Алебастр? — С… спутник. Он сказал, что геомест должен знать.

Она еще сильнее хмурится, отрезая особо упрямый колтун.

— Не знаю я, о чем он. Никогда не слышала о Луне. Моя область интересов — обелиски, забыла? — Затем она моргает, замирает, оставляя болтаться полуотрезанный колтун. — Хотя технически обелиски сами по себе спутники.

— Что?

— Ну, «спутник» просто означает предмет, чье движение и положение зависит от другого. Предмет, который контролирует все, называется главным, зависимый объект — спутником. Понимаешь? — Она пожимает плечами. — Астрономесты рассуждают о таком, когда из них удается выжать что-то осмысленное. *Орбитальная механика.* — Она выкатывает глаза.

— Что?

— Чушь. Тектоника плит для неба. — Ты недоуменно пялишься на нее, и она машет рукой. — Короче, я говорила тебе, что обелиски следовали

за тобой до Тиримо. Куда ты, туда и они. Это делает их твоими спутниками.

Ты вздрагиваешь. Тебе не нравится пришедшая тебе в голову мысль — о тонких незримых узах, связывающих тебя с аметистом, более близким топазом и ныне далеким ониксом, чье темное присутствие растет в твоем сознании. И странным образом ты думаешь об Эпицентре. Об узах, что связывали тебя с ним, даже когда у тебя была кажущаяся свобода покидать его и путешествовать. Ты всегда возвращалась, иначе Эпицентр пришел бы за тобой — в виде Стражей.

— Цепи, — тихо говоришь ты.

— Нет-нет, — рассеянно говорит Тонки. Она снова трудится над колтуном, и тут настоящая засада. У нее затупился нож. Ты на мгновение выходишь и идешь в комнату, которую вы делите с Хоа, берешь из рюкзака точильный камень. Она моргает, когда ты протягиваешь ей его, затем кивает в знак благодарности и начинает точить нож. — Если бы между тобой и обелиском была цепь, он следовал бы за тобой, поскольку ты тянула бы его. Силой, не тяготением. То есть если бы заставляла обелиск делать то, что ты хочешь. — Ты изумленно вздыхаешь. — Но спутник реагирует на тебя, невзирая на то, как и

когда ты пытаешься заставить его реагировать. Он зависит от твоего присутствия и влияния на вселенную. Он болтается вокруг тебя потому, что ничего не может с этим поделать. — Она рассеянно взмахивает мокрой рукой в ответ на твой непонимающий взгляд. — Не надо приписывать обелискам мотивации и намерения. Это было бы глупо.

Ты садишься на корточки у дальней стены комнаты, чтобы подумать, пока она снова берется за работу. Ты понимаешь, по крайней мере, когда оставшиеся ее волосы перестают путаться, поскольку они волнистые и темные, как у тебя, несмотря на пепельность и седину. Может, чуть менее вьющиеся. Волосы срединника; еще один знак изгоя в ее семье, вероятно. А с учетом ее весьма средненького по стандартам вида санзе во всем остальном — она чуть низковата и имеет грушевидную фигуру, но так бывает в юменесских семьях, которые не пользуются услугами Селектов ради улучшения себя — ты только это и запомнила с ее давнего визита в Эпицентр.

Ты не думаешь, что Алебастр имел в виду обелиски, когда говорил об этой самой Луне. И все же…

— Ты сказала про ту штуку, которую мы на-

шли в Эпицентре, что это гнездо, что там делали обелиски.

Сразу становится понятно, что ты вернулась к теме, которая действительно интересует Тонки. Она откладывает нож и подается вперед, ее лицо возбужденно сияет сквозь неровные остатки волос.

— М-м-м. Может, не все из них. Размеры каждого обелиска, судя по записям, немного отличаются, так что только некоторые — или вообще лишь один — подойдут к тому гнезду. Или, может, гнездо менялось каждый раз, когда они вставляли в него обелиск, приспосабливаясь к нему!

— С чего ты взяла, что его туда вставляли? Может, сначала… они вырастали там, затем их гранили или выкапывали и потом забирали. — Это заставляет Тонки задуматься; ты втайне чувствуешь гордость, заставив ее подумать о том, чего она прежде не принимала во внимание. — И кто эти самые «они»?

Она моргает, затем садится, ее восторг явно угасает. Наконец она говорит:

— Предположительно юменесские Лидеры происходят от людей, которые спасли мир после Расколотой Зимы. У нас сохранились тексты этого времени, тайны, которые должна хранить каж-

дая семья и которые нам должны доверять, когда мы заслужим общинное имя. — Она кривится. — Моя семья не стала, они заранее отреклись от меня. Потому я пролезла в хранилище и взяла то, что принадлежало мне по праву.

Ты киваешь, поскольку это очень похоже на Биноф, которую ты помнишь. К семейной тайне ты, однако, относишься скептически. Юменеса не существовало до Санзе, а Санзе лишь последняя из бесчисленных цивилизаций, которые появлялись и гибли на протяжении Зим. Легенды Лидеров имеют оттенок мифа, сочиненного для оправдания их положения в обществе.

Тонки продолжает:

— В том хранилище я нашла кучу всего — карты, странные записи на языке, которого я прежде не видела, предметы, не имеющие смысла, — вроде одного маленького круглого желтого камешка, около дюйма в окружности. Кто-то положил его в стеклянную шкатулку, запечатал и пометил надписью «не трогать». Похоже, эта штука проделывала дырки в людях. — Ты кривишься. — Значит, либо в семейных преданиях есть правда, либо, если ты богат и влиятелен, ты без труда соберешь коллекцию ценных древностей. Или и то и другое. — Она замечает выражение твоего

лица и с удивлением смотрит на тебя. — Да, вероятно, не и то и другое. Это не Предание камня, короче, просто… слова. Мягкое знание. Мне надо его закалить.

Это похоже на Тонки.

— Итак. Ты проникла в Эпицентр, чтобы попытаться найти то гнездо, поскольку это как-то подтверждает какую-то ржавую древнюю историю, передававшуюся в твоей семье?

— Она была на карте, которую я нашла, — пожимает плечами Тонки. — Если часть истории правдива — о гнезде в Юменесе, нарочно спрятанном основателями города, — тогда я предположила, что и остальная история правда, да. — Отложив нож, Тонки с наслаждением выпрямляется и рассеянно сметает рукой обрезки волос в кучу. Сейчас ее волосы жалко коротки и неровны, и у тебя прямо руки чешутся взять ножницы и подровнять ее стрижку. Но ты сначала подождешь, когда она еще раз вымоет их. — Остальные истории тоже оказались правдивы, — говорит Тонки. — В смысле, многое, конечно, ржавь и дым мелло, врать не буду. Но я узнала в Седьмом университете, что обелиски уходят в глубь истории до самого ее начала и дальше. У нас есть сведения о Зимах десять, пятнадцать и даже два-

дцать тысяч лет назад — а обелиски еще старше. Возможно, они были даже прежде Раскола.

Первая Зима, та, что почти уничтожила мир. О ней рассказывают только лористы, а Седьмой университет отрицает большую часть их сказок.

Из упрямства ты говоришь:

— Может, Раскола и не было. Может, Пятое время года было всегда.

— Может, — пожимает плечами Тонки, либо не замечая твоей попытки наехать, или ей все равно. Вероятно, второе. — Упомянуть Раскол — прямой способ вызвать пятичасовую дискуссию на коллоквиуме. Тупые старые пердуны. — Она улыбается воспоминаниям, затем резко становится серьезной.

Ты сразу понимаешь. Дибарс, город, в котором расположен Седьмой университет, находится в Экваториалях, чуть западнее Юменеса.

— Однако я не верю, — говорит Тонки, приходя в себя, — что Пятое время года было всегда.

— Почему нет?

— Из-за нас. — Она ухмыляется. — Из-за жизни. Она недостаточно другая.

— Что?

Тонки подается вперед. Она не так взволнована, как при разговоре об обелисках, но понятно,

что это долго таимое знание беспокоит ее. На миг в ее открытом грубоватом лице ты видишь Биноф; затем она говорит и снова становится геоместом Тонки.

— Все меняется во время Зимы. Верно? Но недостаточно. Подумай вот о чем: все, что растет или ходит по земле, может дышать воздухом мира, есть его пищу, выживать в обычных пределах температуры. Нам не нужно для этого меняться; мы ровно таковы, какими должны быть, поскольку мир таков. Верно? Может, люди — самое худшее из всего этого, поскольку нам приходится пользоваться руками, чтобы делать одежду, вместо того чтобы отращивать шерсть… но мы делаем одежду. Мы созданы для этого, с умными руками, которые могут шить, и мозгами, которые понимают, как охотиться или выращивать животных на мех. Но мы не приспособлены отфильтровывать пепел прежде, чем он зацементируется в легких…

— Как некоторые животные.

Тонки неприязненно смотрит на тебя.

— Кончай перебивать. Это невежливо.

Ты вздыхаешь и жестом показываешь ей продолжать, и она удовлетворенно кивает:

— Ладно. Некоторые звери во время Зимы от-

ращивают легочные фильтры — или начинают дышать водой и уходят в океан, где безопаснее, или зарываются в землю и впадают в спячку, или что еще. Мы же научились не только шить одежду, но строить склады, стены и выработали Предание камня. Но все это запоздалые мысли. — Она размахивает рукой, подбирая слова. — Как если бы… когда из колеса вылетает спица, а ты посреди дороги между двумя общинами, тебе приходится импровизировать. Понимаешь? Ты берешь щепку или даже металлический прут и заменяешь поломанную спицу, просто чтобы колесо продержалось до колесного мастера. Вот что случается, когда киркхуша во время Зимы вдруг развивает в себе пристрастие к мясу. Почему они не едят мясо всегда? Потому, что изначально они были созданы для чего-то другого, им все равно лучше питаться чем-то другим, и поедание мяса Зимой для них — решение наспех, поправка природы в последнюю минуту, чтобы киркхуша не перестала существовать.

— То есть… — Ты немного ошеломлена. Звучит безумно, но почему-то верно. Ты не видишь никаких дыр в теории и не уверена, что хочешь их найти. Тонки не из тех, с кем ты готова потягаться в логике.

Тонки кивает:

— Вот потому я и не могу перестать думать об обелисках. Их сделали люди, то есть наш вид как минимум не моложе их! Времени много, чтобы ломать, начинать и снова ломать. Или, если предания Лидеров правдивы… может, его достаточно, чтобы поставить все на место. Что-то, что помогло бы нам продержаться, чтобы все исправить.

Ты хмуришься.

— Постой. Лидеры Юменеса думают, что обелиски — остатки какой-то мертвой цивилизации — есть именно средство исправления?

— В основе. Эти истории говорят, что обелиски держали мир как единое целое, когда он грозил развалиться. Это предполагает, что однажды с привлечением обелисков могут закончиться и Зимы.

Конец всем Зимам? Это даже представить трудно. Нет нужды в путевых рюкзаках. Схронах. Общины могут существовать вечно, всегда расти. Каждый город может стать, как Юменес.

— Это было бы потрясающе, — шепчешь ты.

Тонки резко смотрит на тебя.

— Орогены тоже могут быть средством ремонта, сама знаешь, — говорит она. — А без Пятого

времени года вы и не будете нужны.

Ты хмуришься ей в ответ, не понимая, встревожиться или успокоиться тебе от этого заявления, пока она не начинает пальцами разбирать оставшиеся волосы, и ты понимаешь, что тебе уже и нечего сказать.

* * *

Хоа ушел. Ты не уверена куда. Ты оставила его в лазарете, где он пялился на Рубиновласку, и когда ты вернулась к себе, чтобы перехватить еще пару часов сна, его не было, когда ты проснулась. Его маленький сверток с камнями по-прежнему в твоей комнате, рядом с твоей постелью, так что он наверняка намерен вскоре вернуться. Возможно, это ерунда. Но все же после стольких недель тебе странно недостает его непонятного, тихого присутствия. Но, может, оно и хорошо. Тебе надо кое-кого посетить, а это может пройти легче без… враждебности.

Ты входишь в лазарет медленно, тихо. Наверное, думаешь ты, сейчас ранний вечер — в нижней Кастриме всегда трудно понять, но твое тело все еще настроено на ритмы поверхности. Сейчас ты в этом уверена. Некоторые люди на платформах и мостиках смотрят на тебя, когда ты

идешь мимо; эта община уйму времени тратит на пересуды. Это не имеет значения. Все, что имеет значение, — успел ли Алебастр прийти в себя. Вам надо поговорить.

Тела умершего этим утром Охотника нет, все вымыто. Лерна внутри, в свежей одежде, он бросает на тебя короткий взгляд, когда ты входишь. Он по-прежнему замкнут, замечаешь ты, хотя он лишь мгновение смотрит тебе в глаза прежде, чем кивнуть и снова вернуться к тому, что он делал при помощи чего-то похожего на хирургические инструменты. Рядом с ним еще один человек, набирает пипеткой что-то в маленькие стеклянные пузырьки; он даже голову не поднимает. Это лазарет. Любой может войти.

Лишь на полпути по длинному центральному проходу лазарета между рядами коек ты осознаешь, что слышишь некий звук, который подсознательно все время слышала: что-то вроде гудения. Сначала он кажется монотонным, но, сосредоточившись на нем, ты различаешь множество тонов, гармоник, тихий ритм. Музыка? Музыка столь чуждая, столь трудная для понимания, что ты даже не уверена, применимо ли к этому слово «музыка». Ты не можешь понять поначалу, откуда она исходит. Алебастр на том

же месте, где ты его видела утром, на груде подушек и одеял на полу. Непонятно, почему Лерна не уложил его на койку. Рядом на ночной тумбочке стоят склянки, рулон чистого бинта, ножницы, банка мази. Судно, по счастью еще не использованное после последней мойки, но все равно вонючее, стоит рядом.

Эта музыка исходит от камнеедки, и ты с изумлением это понимаешь, когда садишься на корточки рядом с ним. Сурьма сидит, скрестив ноги, рядом с «гнездом» Алебастра, совершенно неподвижно, как изваяние сидящей скрестив ноги женщины с поднятой вверх рукой. Алебастр спит — хотя в странной, почти сидячей позе, которой ты не понимаешь, пока не осознаешь, что он опирается на руку Сурьмы. Может, только так ему удобно спать? Сегодня его руки перебинтованы, блестят от мази, и он без рубахи — что помогает тебе увидеть, что его раны не так серьезны, как ты думала раньше. На его груди и животе нет каменных участков, и лишь несколько небольших ожогов на его плечах, большинство из них затянулись. Но его торс исхудал почти до состояния скелета — мускулов почти не осталось, ребра торчат, живот запал.

И его правая рука намного короче, чем утром.

Ты поднимаешь взгляд на Сурьму. Музыка исходит откуда-то изнутри ее. Ее черные глаза устремлены на нее; они не реагируют на твой приход. Это успокаивающая, странная музыка. И Алебастру вроде хорошо.

— Ты не заботилась о нем, — говоришь ты, глядя на его ребра и вспоминая бесчисленные вечера, когда ты ставила перед ним еду и сверлила его злым взглядом, пока он устало пережевывал ее. Вы вместе с Инноном все думали, как бы привлечь его к совместной трапезе. Он всегда больше съедал, когда думал, что на него смотрят. — Если ты собиралась украсть его у нас, то хотя бы кормила его как следует. Раскормила бы прежде, чем сожрать, или как еще.

Музыка продолжается. В ней возникает очень слабый скрежещущий звук, а ее черные глаза-кабошоны наконец обращаются к тебе. Это настолько чуждые глаза, несмотря на их внешнее сходство с людскими. Ты видишь сухой, матовый материал ее белков. Ни вен, ни пятен, ни грязно-белых оттенков, которые говорили бы об усталости или беспокойстве или еще о чем человеческом. Ты даже не можешь сказать, есть ли зрачки в ее черных радужках. Насколько ты знаешь, она даже видеть ими не может и опреде-

ляет твое присутствие и направление локтями.

Ты встречаешься с этими глазами и внезапно понимаешь, как мало осталось в тебе того, что способно испытывать страх.

— Ты забрала его у нас, а нам одним было не справиться. — Нет, она врет о своей беспомощности. У Иннона, дичка, не было надежды выстоять против Стража и обученного орогена из Эпицентра. Но ты? Это ты все испоганила. — *Я* не могла справиться в одиночку. Был бы рядом Алебастр… я ненавидела тебя. Потом, когда я скиталась, я поклялась найти способ убить тебя. Сунуть тебя в обелиск, как того. Похоронить тебя на дне океана, откуда никто не откопал бы тебя.

Она смотрит на тебя и ничего не говорит. Ты даже не можешь уловить ее дыхания, поскольку она не дышит. Но музыка обрывается, умирает. Хоть какая-то реакция. Это бесполезно на самом-то деле. Но затем молчание становится все громче, и ты все еще чувствуешь себя немного паршиво, потому добавляешь:

— Жаль. Музыка была приятная.

(Позже, лежа в кровати и размышляя об ошибках этого дня, ты запоздало подумаешь — *я теперь такая же чокнутая, как Алебастр тогда.*)

Мгновением позже Алебастр шевелится, при-

поднимает голову и испускает тихий стон, от которого твои мысли и чувства проваливаются на десять лет назад прежде, чем вернуться на круги своя. Он моргает, мгновение глядя на тебя размытым взглядом, и ты понимаешь, что он не узнает тебя с волосами в два раза длиннее, с обветренной кожей и в выцветшей от Зимы одежде. Затем он снова моргает, ты глубоко вздыхаешь, и вы снова оба здесь и сейчас.

— Оникс, — говорит он сиплым со сна голосом. Конечно, он знает. — Всегда берешь кусок не по зубам, Сиен.

Ты не удосуживаешься его поправить.

— Ты сказал — какой-нибудь обелиск.

— Я сказал — тот ржавый топаз. Но если ты смогла призвать оникс, то я недооценил твой прогресс. — Он задумчиво склоняет голову. — Что ты делала последние несколько лет, чтобы так отточить свой контроль?

Сначала ты ничего не можешь придумать, а затем понимаешь.

— У меня было двое детей. — Удерживать ребенка-орогена от того, чтобы разрушить все вокруг, забирало у тебя много энергии в самые ранние дни. Ты научилась спать вполглаза, твои сэссапины реагировали на самое ничтожное дрожание

детского страха или досаду малыша — или, что еще хуже, на местные сотрясения, которые могли спровоцировать реакцию любого ребенка. За ночь ты гасила с десяток опасностей.

Он кивает. И ты запоздало вспоминаешь, как порой просыпалась в ночи на Миове и видела, как Алебастр сонным взглядом смотрит на Корунда. Ты вспоминаешь, как дразнила его, поскольку он тревожился, когда Кору никому не угрожал.

Да гори Земля, тебе ненавистно осознавать все это задним числом.

— Меня оставили с матерью на несколько лет после рождения, — говорит он словно сам себе. Ты уже догадалась, с учетом того, что он говорит на наречии Побережья. Но откуда это узнала его выведенная в Эпицентре мать, это загадка, которая никогда не будет разгадана. — Меня забрали, как только я стал достаточно взрослым, чтобы меня можно было как следует запугать, но до того она, вероятно, пару раз не дала мне заморозить Юменес. Не думаю, что мы предназначены для воспитания глухачами. — Он замолкает, глядя куда-то вдаль. — Через несколько лет я случайно встретил ее. Я ее не узнал, но она как-то узнала меня. Я думаю, она — была — из старшего консультативного совета. Насколько помню, девяти-

колечница. — Он на миг замолкает. Возможно, обдумывает тот факт, что убил и родную мать тоже. Или, может, пытается припомнить что-то еще, кроме случайной встречи двух чужих людей в коридоре. Внезапно его внимание обостряется, возвращаясь к настоящему и тебе. — Думаю, что сейчас ты можешь быть девятиколечницей.

Ты не можешь скрыть удивления и удовольствия, хотя скрываешь это под внешним безразличием.

— Мне казалось, такие вещи уже ничего не значат.

— Так и есть. Я постарался зачистить Эпицентр прежде, чем разорвать Юменес в клочья. На краю провала на месте города еще остались здания, правда, может, сейчас уже повалились. Но обсидиановые стены превратились в крошку, и я позаботился вогнать Главное здание в яму в первую очередь. — В его голосе глубокое, мстительное удовлетворение. Он говорит прямо как ты за мгновение до того, когда воображала убийство камнеедов.

(Ты смотришь на Сурьму. Она снова следит за Алебастром, продолжая поддерживать его рукой под спину. Ты почти способна вообразить, что она так поступает из доброты или привязанности,

если бы не знала, что его кисти, стопы и предплечье попали в то, что заменяет им желудок.)

— Я упомянул кольца только в качестве сравнения. — Алебастр шевелится, осторожно выпрямляется и затем, словно услышав твои мысли, протягивает свою прикрытую камнем правую культю. — Загляни внутрь. Скажи, что видишь.

— Ты не собираешься сказать мне, что происходит, Алебастр? — Но он не отвечает, просто смотрит на тебя и вздыхает. Ладно.

Ты смотришь на его руку, которая теперь кончается у локтя, и думаешь — что значит *заглянуть внутрь*. Затем ты невольно вспоминаешь ночь, когда он изгонял яд из клеток своего тела. Но у него была помощь. Ты хмуришься, инстинктивно глядя на странный розовый предмет у него за спиной — похожий на слишком длинный нож с большой рукоятью, чем-то напоминающий обелиск. Шпинель, сказал он.

Ты смотришь на него — он наверняка видел, как ты разглядывала этот предмет. Он не шевелится: его обожженное и покрытое каменной коркой лицо неподвижно, отсутствующие ресницы не дрожат. Хорошо же. Все сойдет, пока ты делаешь, как он просит.

Итак, ты в упор смотришь на его руку. Ты не

желаешь испытывать шпинель. Непонятно, что из этого выйдет. Вместо этого ты в первую очередь позволяешь своему сознанию войти в его руку. Ощущение абсурдное; ты всю жизнь сэссила слои земли на много миль внизу. Однако, к твоему удивлению, твое восприятие *может* охватить и его руку. Она маленькая и странная, слишком близкая и слишком крохотная, но она здесь, поскольку как минимум внешний ее слой — каменный. Кальций и углерод с вкраплениями окиси железа, некогда бывшего кровью, и — ты застываешь, хмуришься и открываешь глаза. (Ты не помнишь, что закрывала их.)

— Что это?

— Это — *что*? — Край его рта, не заваренный ожогом, приподнимается в сардонической усмешке.

Ты злишься.

— В том, чем ты… — «становишься». — В этом камне. Это не камень, не знаю. И камень, и не камень.

— Ты можешь сэссить плоть дальше по руке?

Не должна бы. Но когда ты сужаешь свой фокус до предела, на который способна, когда ты жмуришься и прижимаешь язык к верхнему небу и морщишь нос, ты ощущаешь это и здесь.

Большие липкие глобулы, толкающиеся друг с другом, — ты тут же с отвращением выныриваешь. По крайней мере, камень чист.

— Посмотри снова, Сиен. Не будь трусихой.

Ты могла бы разозлиться, но сейчас ты слишком взрослая для такой дерьмовой подначки. Сжав челюсти, ты пытаешься снова, сделав глубокий вдох, чтобы тебя не мутило. Внутри его все такое мокрое, и эта вода даже не зажата между слоями глины или…

Ты замираешь. Сужаешь фокус еще сильнее. В этом студне тоже движется, но медленнее и не так органически та же штука, которую ты сэссила в его окаменелости. Что-то еще, не плоть и не камень. Что-то нематериальное, и все же ты его ощущаешь. Оно еле заметно мерцает волокнами, натянутыми между кусками Алебастра, переплетаясь решеткой, постоянно меняясь. Напряжение?.. Какая-то энергия, блестящая и текучая.

Потенциал. Намерение.

Ты мотаешь головой, быстро выныривая, чтобы успеть сфокусироваться на нем.

— Что это?

На сей раз он отвечает:

— Источник орогении. — Он подчеркивает это

драматизмом голоса, поскольку его лицо почти не может двигаться. — Я же говорил тебе раньше, что то, что мы делаем, нелогично. Чтобы заставить землю двигаться, мы вкладываем в систему часть себя и заставляем происходить *совершенно не связанные с этим вещи*. Всегда сюда вовлекалось что-то еще, связующее одно и другое. Вот это самое.

Ты хмуришься. Он подается вперед, становясь живее от своего возбуждения, прямо как в былые дни, — но затем в нем что-то хрустит, и он кривится от боли. Он снова садится прямо, опираясь на руку Сурьмы.

Но ты слышишь его. Он прав. Ведь то, как действует орогения, всегда было лишено смысла, не так ли? Она вообще не должна работать, эти сила воли, концентрация и сознание не должны двигать горами. Ничто в мире так не работает. Люди не могут остановить лавину, хорошо танцуя, или вызывать бури, оттачивая слух. И на каком-то уровне ты всегда *знала*, что внутри есть она, та самая штука, которая заставляет твою волю свершаться. Это… да что бы оно ни было.

Алебастр всегда читал тебя как книгу.

— У цивилизации, создавшей обелиски, было для этого слово, — говорит он, кивая в ответ тво-

ему озарению. — Думаю, у нас этого слова нет не просто так. Это потому, что никто за эти бесчисленные поколения не хотел, чтобы орогены *понимали*, что они делают. От нас просто требовалось, чтобы мы делали.

Ты медленно киваешь:

— После Аллии я понимаю, почему никто не хотел, чтобы мы научились манипулировать обелисками.

— Да в ржавь обелиски. Они не хотели, чтобы мы создали что-то получше. Или похуже. — Он осторожно делает глубокий вдох. — Мы собираемся прекратить манипулирование камнем, Иссун. Видела ту штуку во мне? *Вот это* ты и должна научиться контролировать. Осознавать, где бы она ни была. Вот из чего сделаны обелиски, и так они делают то, что делают. Мы должны сделать так, чтобы ты тоже это могла. Мы должны сделать тебя как минимум десятиколечницей.

Как минимум. Вот так вот.

– *Зачем*? Алебастр, ты упомянул одну штуку. Луну. Тонки понятия не имеет, что это такое. И все, что ты сказал, о том разломе, и что ты хочешь, чтобы я сделала что-то еще похуже… — Что-то движется на пределе твоего зрения. Ты поднимаешь взгляд и видишь, что подходит с миской

в руках человек, работавший с Лерной. Обед для Алебастра. Ты понижаешь голос: — Я, между прочим, не намерена помогать тебе сделать все еще хуже. Тебе мало, что ли?

Алебастр тоже смотрит на подходящего медбрата. Не сводя с него глаз, он тихо говорит:

— Луна — это то, что прежде было у этого мира, Иссун. Объект в небе, намного ближе, чем звезды. — Он называет тебя то этим именем, то другим. Это отвлекает. — Утрата его отчасти стала причиной Зим.

Отец Земля не всегда ненавидел жизнь, говорят лористы. *Он ненавидит ее потому, что не может простить утрату своего единственного ребенка.*

Но ведь лористы еще говорят, что обелиски безобидны.

— Откуда ты знаешь… — Тут ты замолкаешь, поскольку медбрат дошел до тебя, так что ты садишься, опершись спиной на ближайшую койку, усваивая услышанное, пока он с ложечки кормит Алебастра. Это какая-то жидкая кашица, и ее немного. Алебастр сидит и открывает рот, как ребенок. Он все время не сводит с тебя глаз. Это нервирует. И под конец ты отводишь взгляд. Кое-каких перемен в ваших отношениях ты не можешь вынести.

Наконец кормление закончено, и медбрат, бросив в твою сторону ровный взгляд, который тем не менее говорит, что это ты должна была бы кормить его, уходит. Но когда ты выпрямляешься и открываешь рот, чтобы задать вопрос, Алебастр говорит:

— Возможно, мне скоро понадобится эта утка. Я уже не могу хорошо контролировать свои внутренности, но они хотя бы продолжают работать. — Глядя на выражение твоего лица, он улыбается лишь с намеком на горечь. — Я не хочу, чтобы ты видела больше, чем хочешь. Так что почему бы тебе не зайти попозже? В полдень, чтобы не видеть отправления моих естественных потребностей.

Это нечестно. Ладно. Что есть, то есть, и ты заслуживаешь его упрека, но и он тоже.

— Зачем ты это сделал с собой? — Ты показываешь на его руку, на его искалеченное тело. — Я…

— Может, ты бы легче приняла это, если бы поняла.

— Это последствия того, что я сделал в Юменесе. — Он качает головой. — Запомни, Сиен, когда будешь в будущем делать свой выбор: кое за что приходится платить чудовищную цену. Но иногда оно того стоит.

Ты не можешь понять, почему он считает эту страшную медленную смерть ценой, которую стоило за что-то заплатить — тем паче за то, что он в результате получил, за разрушение мира. И ты все равно не понимаешь, как это связано с камнеедами, Луной, обелисками и всем прочим.

— Разве не было бы лучше, — вопреки себе спрашиваешь ты, — просто… жить? — Ты не можешь сказать «вернуться». Чтобы прожить ту недолгую жизнь, которая могла бы у него быть с Сиенит после гибели Миова, но до того, как она нашла Тиримо и Джиджу и попыталась создать в меньшем масштабе семью, которую потеряла.

Прежде чем она стала тобой.

Ответ в том, как мертвеет его взгляд. На лице его то же выражение, как в тот момент, когда он стоял на узловой станции над осквернённым телом одного из своих сыновей. Может, таким же было его лицо, когда он узнал о смерти Иннона. И явно то же было в твоем лице после смерти Уке. В этот момент тебе уже не нужен ответ на этот вопрос. Есть такая штука — слишком много потерь. Слишком много отнимали у вас обоих — отнимали, отнимали и отнимали, пока не осталось ничего, кроме надежды, но ты и от нее отказалась, поскольку это слишком больно. Теперь ты

скорее умрешь, убьешь или будешь избегать привязанностей, чем потеряешь что-то еще.

Ты думаешь о чувстве, которое было в твоем сердце, когда ты зажимала носик и ротик Корунда. Не мысль. Мысль была проста и предсказуема — *лучше умереть, чем жить рабом*. Но ощущала ты в тот момент какую-то холодную, чудовищную любовь. Решимость оставить жизнь твоего сына прекрасной и цельной, какой она была до того дня, даже если это и означало, что ты оборвешь ее рано.

Алебастр не отвечает на твой вопрос. Да тебе уже и не надо. Ты встаешь, чтобы уйти и чтобы он мог сохранить свое достоинство перед тобой, поскольку, кроме этого, ты действительно ничего больше не можешь дать ему. Твои любовь и уважение ни для кого ничего особо не значат.

Может, ты все еще думаешь о достоинстве, когда задаешь еще один вопрос, чтобы беседа не закончилась на безнадежной ноте. Так ты протягиваешь ему оливковую ветвь мира и показываешь, что ты решила принять то, чему он хочет научить тебя. Ты не заинтересована в том, чтобы сделать Зиму хуже, или что еще он там замыслил… но понятно, что на каком-то уровне ему это нужно. Ваш с ним сын мертв, ваша семья

навсегда останется неполной, но, как бы там ни было, он по-прежнему твой наставник.

(И тебе это тоже нужно, замечает циничная часть тебя. На самом деле это плохая замена — Нэссун на него, предназначение матери — на бывшего любовника, эти нелепые тайны — на более жесткое и важное «почему» убийства Джиджей собственного сына. Но без мотивации в лице Нэссун тебе нужно хоть что-то. Хоть что-то, чтобы продолжать идти.)

И ты говоришь, повернувшись к нему спиной:

— Как они это называли?

— Хм?

— Создатели обелисков. Ты говорил, у них было слово для этой штуки в обелисках. — Серебристого вещества, струящегося между частицами тела Алебастра, концентрирующего, уплотняющего и укрепляющего камень в нем. — Источника орогении. Что это за слово, раз уж у нас такого нет?

— О. — Он ворочается, вероятно, готовясь воспользоваться «уткой». — Слово не имеет значения, Иссун. Придумай, если хочешь. Тебе просто надо знать, что это вещество существует.

— Я хочу знать, как они его называли. — Это маленький кусочек тайны, которую он пытается впарить тебе. Ты хочешь сомкнуть вокруг

него пальцы, контролировать его прохождение внутрь, хотя бы ощутить его на вкус. И да, люди, создавшие обелиски, были могущественны. Может, глупы и явно отвратительны, раз навлекли Зимы на своих потомков, если, конечно, это действительно они сделали. Но могущественны. Может, это название каким-то образом даст могущество и тебе.

Он начинает было качать головой, морщится от боли, вздыхает.

— Они называли это магией.

Бессмысленность. Просто слово. Но возможно, ты каким-то образом сможешь придать ему смысл.

— Магия, — повторяешь ты, чтобы запомнить. Затем ты киваешь на прощание и уходишь не оборачиваясь.

* * *

Камнееды знали, что я был там. Я был уверен. Им просто было все равно.

Я наблюдал за ними часами – они стояли неподвижно, их голоса шли из ниоткуда. Язык, на котором они общались друг с другом, был… странным. Возможно, арктическим? Одним из побережных? Никогда не слышал ничего подобного. Как бы то ни было, вынужден признать, что через десять часов я заснул. Я проснулся от звуков большого обрушения и хруста, мне показалось, что на меня рухнул сам Раскол. Когда я осмелился поднять взгляд, один из камнеедов валялся на земле, разбитый на куски. Остальные стояли как прежде, за исключением одной перемены, направленной прямо на меня: яркой, блистающей улыбки.

– Записки Оузе Инноватора (урожденного Опоры) Тикастрис, геоместа-любителя. Не одобрено Пятым Университетом.

7. Нэссун находит луну

Дорога на юг для Нэссун и ее отца долгая и тяжелая. Большую часть они едут в фургоне, то есть продвигаются быстрее, чем Иссун, которая идет пешком и все больше отстает от них.

Джиджа подвозит других за еду и припасы; это позволяет им передвигаться еще быстрее, поскольку им не надо часто останавливаться и торговаться. Из-за скорости они опережают самые тяжелые климатические изменения, пеплопад, хищных киркхуш и жуков-кипячей. И еще более страшные вещи, назревающие в землях у них за спиной. Они так быстро продвигаются через верхнюю Кастриму, что Нэссун едва чувствует зов Юкки — а когда чувствует это во сне, ее тянет вниз и вниз, в теплую землю и белый кристаллический свет. Но сон этот ей снится в десяти километрах после Кастримы, поскольку Джиджа думает, что они могут проехать еще день, прежде чем разбить лагерь, и потому они не становятся жертвой приманки в виде приглашающе целых пустых зданий.

Когда им все же приходится останавливаться у

общин, некоторые только на карантине и еще не объявили Зимнего Закона. Надеются, наверное, что худшее не зайдет так далеко на юг. Зимы редко накрывают сразу весь континент. Нэссун никогда не рассказывает никому из чужаков, кто она, но если бы могла, она сказала бы им, что от этой Зимы нигде не скрыться. Некоторые части Спокойствия ощутят Зиму в полной мере позже других, но в конце концов плохо будет везде.

Некоторые общины, в которых они останавливаются, приглашают их остаться у них. Джиджа не молод, но вполне здоров и крепок, а его искусство резчика и функционал-каста Стойкость делает его ценным. Нэссун достаточно маленькая, чтобы научиться почти любому полезному навыку, с виду она здорова и высока для своих лет, и уже показывает признаки, что вырастет крепкой, как ее срединница-мать. В нескольких местах, в сильных общинах с глубокими схронами и дружелюбным населением, она хотела бы остаться. Джиджа, однако, всегда отказывает. У него на уме какая-то конкретная цель.

Несколько общин, мимо которых они проезжали, хотели убить их. В этом нет логики, поскольку одинокий мужчина и маленькая девочка не могут иметь с собой достаточно ценностей, чтобы

их убивать, но в Зиме мало логики. Откуда-то они бегут. Джиджа приставляет длинный нож к шее одного мужчины, чтобы выбраться из общины, которая впустила их в ворота, а затем попыталась их закрыть. Они теряют лошадей и фургон, чего, вероятно, и хотела община, но Джиджа и Нэссун спасаются, а это главное. Оттуда они идут пешком, медленнее, но зато живы.

Возле другой общины, чьи жители без предупреждения взяли их на прицел арбалетов, их спасает Нэссун. Она обхватывает отца руками и вцепляется в землю зубами, вытягивая из общины всю жизнь, тепло и движение до капли, пока от нее не остается блестящий замерзший леденец из покрытых льдом шиферных стен и неподвижных твердых тел.

(Она больше никогда не сделает такого — так Джиджа потом на нее смотрит.)

Они останавливаются в мертвой общине на несколько дней, отдыхая в пустых домах и пополняя припасы. Никто не беспокоит общину, пока они здесь, поскольку Нэссун держит стены заледеневшими, как явное предупреждение об угрозе. Долго они, конечно, оставаться там не могут. Со временем остальные общины в округе соберутся вместе и придут убить роггу, которую

считают угрозой для них всех. Несколько дней теплой воды и свежей еды — Джиджа готовит из одной мороженой курицы общины настоящий пир, — и они двигаются дальше. Прежде чем трупы оттают и завоняют, понятное дело.

Такие вот дела: они переживают бандитов, жуликов, почти смертельную волну газа и дерево, стреляющее щепками, почуяв рядом теплое тело. У Нэссун скачок роста, пусть она всегда голодна и редко наедается досыта. Когда они наконец приближаются к месту, о котором слышал Джиджа, она на три дюйма выше, и миновал целый год.

В конце концов они выходят на Южное Срединье, вклинивающееся в Антарктику. Нэссун начинает подозревать, что Джиджа намерен привести ее в Нифе, один из немногих городов антарктического региона, возле которого, как говорят, расположен малый Эпицентр. Но он сворачивает с Имперской дороги Пеллестан — Нифе, и они уходят на восток, периодически останавливаясь, чтобы Джиджа мог переговорить с людьми на дороге и удостовериться, что идет в нужном направлении. Именно после одного из таких разговоров, всегда шепотом и всегда после того, как Джиджа думает, что Нэссун заснула, и только с людьми, которых Джиджа считает урав-

новешенными после нескольких часов беседы и разделенной трапезы, Нэссун наконец узнает, куда они идут.

– *Скажи*, — слышит она шепот Джиджи к женщине, которая разведывает окрестности для местной общины после того, как они разделили ужин из мяса, которое она добыла и приготовила на костре, разведенном Джиджей, — *ты никогда не слышала о Луне*?

Вопрос для Нэссун не имеет смысла, как и это слово. Но женщина вздыхает. Она говорит Джидже свернуть на юго-восточную местную дорогу вместо Имперской, а затем отклониться на юг у поворота реки, до которой они скоро дойдут. С этого момента Нэссун притворяется спящей, поскольку женщина, сузив глаза, смотрит на нее. Потом, однако, Джиджа робко предлагает ей согреть спальный мешок. Потом Нэссун слушает, как отец трудится, заставляя женщину стонать и охать в отплату за мясо — и забыть, что здесь Нэссун. Утром они уходят прежде, чем женщина просыпается, чтобы она не могла последовать за ними и причинить зло Нэссун.

Через несколько дней они сворачивают у реки, направляясь в леса по тенистой дороге, чуть большей, чем утоптанная, более бледная полоса среди

лесного кустарника и подлеска. В этой части мира небо не темнеет полностью; у большей части деревьев сохранилась листва, и Нэссун даже может слышать животных, которые прыгают и разбегаются при их приближении. Порой чирикают или поют птицы. Других людей на тропинке нет, хотя тут явно кто-то недавно проходил, иначе тропа заросла бы куда сильнее. Антарктика — суровая, малонаселенная часть мира, вспоминает она строки учебника из иной жизни. Мало общин, еще меньше имперских дорог, зимы суровы даже в обычное время года. Здешние квартенты приходится пересекать по нескольку недель. Просторы Антарктики покрывает тундра, а самая южная оконечность континента, как говорят, состоит из твердого льда и выдается далеко в море. Она читала, что в ночном небе, если оно не затянуто облаками, порой пляшут странные цветные огни.

Однако в этой части Антарктики воздух почти па€рит, несмотря на холодок. Под ногами Нэссун сэссит тяжелое, потаенное бурление активного щитового вулкана — взрывающегося, но очень медленно, струйка по струйке лавы, текущей дальше на юг. Тут и там на топографии своего сознания Нэссун определяет газовые выходы и

несколько точек кипения, которые выходят на поверхность горячими источниками и гейзерами. Вся эта влага и теплая земля и поддерживают зелень деревьев.

Затем деревья расступаются, и перед ними возникает то, чего Нэссун прежде никогда не видела. Скальная формация, думает она, но кажется, что она состоит из десятков длинных, колоннообразных лент серо-коричневого камня, который волнами поднимается вверх, постепенно формируя наклон до высоты, достаточной, чтобы назвать его низкой горой или высоким холмом. Наверху этой каменной реки она видит пушистые зеленые кроны деревьев; там плато. На плато Нэссун замечает сквозь деревья что-то вроде круглой крыши или башни схрона. Какое-то поселение. Но если они не взберутся по этим колоннообразным лентам, что кажется опасным, она не знает, как туда попасть.

Разве что… разве что. Это какой-то зуд в ее сознании. Который усиливается до давления и перегорает в уверенность. Нэссун смотрит на отца, который тоже пялится на каменную реку. За месяцы после смерти Уке она научилась понимать Джиджу лучше, чем когда-либо, поскольку ее жизнь зависит от этого. Она понимает, что

он хрупкий, несмотря на его внешнюю силу и невозмутимость. Эти трещины в нем новые, но опасные, как края тектонических плит: всегда живые, всегда нестабильные, и самого легкого толчка достаточно, чтобы выпустить на волю накопленную за эоны скрытую энергию и уничтожить все вокруг.

Но с землетрясениями легко управиться, если знаешь как.

Потому Нэссун говорит, пристально глядя на него:

— Это сделали орогены, папа.

Она догадывалась, что он напряжется, и так и выходит. Она догадывалась, что ему понадобится глубоко вздохнуть, чтобы успокоиться, и он так и поступает. Он реагирует на одну мысль об орогенах так, как мама на красное вино — учащенным дыханием, дрожью рук и порой застывшими или слабыми коленями. Папа даже не мог в дом занести ничего винного цвета — но порой он забывал, и когда такое случалось, вразумить маму было невозможно. Тут ничего нельзя было поделать, только переждать, когда пройдет ее дрожь, учащенное дыхание и когда она перестанет ломать руки.

(*Терет*ь руки. Нэссун не замечала различий,

но Иссун терла конкретную руку. Та старая боль в костях.)

Как только Джиджа успокаивается, Нэссун добавляет:

— Я думаю, что только орогены могут взобраться по этому склону. — На самом деле она в этом уверена. Эти каменные колонны незаметно *двигаются*. Весь регион — это вулкан в чрезвычайно медленном извержении. Здесь он выталкивает наверх постоянный лавовый поток, который остывает годами и разделяется на эти длинные шестигранные колонны при застывании. Для орогена, даже необученного, было бы просто оттолкнуться от этого идущего вверх давления, ощутить на вкус это медленно уходящее тепло и поднять еще одну колонну. И подняться на ней на это плато. Многие из каменных лент перед ними бледнее, свежее, острее. Другие делали это не так давно.

Папа удивляет ее, резко кивая.

— Здесь… должны быть другие, вроде тебя. — Он не говорит ни слова на «о», ни слова на «р». Всегда лишь *вроде тебя* и *такие, как ты*. — Потому я и привел тебя сюда, милая.

— Это Антарктический Эпицентр? — Может, она ошибалась насчет его местоположения.

— Нет. — Его губы изгибаются. Линия раскола дрожит. — Лучше.

Впервые он говорит об этом. Он дышит не слишком учащенно и не смотрит на нее в упор так, как часто бывает, когда он пытается вспомнить, что она его дочь. Нэссун решает чуть испытать его, прощупать его пласты.

— Лучше?

— Лучше. — Он смотрит на нее, и впервые за то время, что ощущалось как вечность, он улыбается ей, как прежде. Так, как отец должен улыбаться дочери. — Они могут исцелить тебя, Нэссун. Так рассказывают.

Исцелить от чего? — чуть не спрашивает она. Затем инстинкт выживания толкает ее, и она прикусывает язык прежде, чем сказать глупость. В его глазах у нее лишь один недуг, только один яд, ради извлечения которого из жил его маленькой девочки он отправился бы пешком через полмира.

Исцеление. *Исцеление*. От орогении? Она едва понимает, что думать. Быть… другой, чем она сейчас? Нормальной? Разве это возможно?

Она так ошарашена, что забывает в этот момент смотреть на отца. Когда вспоминает, она вздрагивает, поскольку он смотрит *на нее*. Однако

он удовлетворенно кивает, видя выражение ее лица. Ее удивление — то, что он хотел увидеть: это или, возможно, изумление, или радость. Но на неприятие или страх он отреагировал бы плохо.

— Как? — спрашивает она. Любопытство он может стерпеть.

— Не знаю. Но я прежде слышал об этом от путешественников. — Он всегда имеет в виду только одного человека, когда говорит *таких, как ты*, так и лишь одно *прежде* имеет смысл для них обоих. — Говорят, это место находится здесь последние пять или десять лет.

— А Эпицентр? — Она растерянно качает головой. Она-то думала, только там, если где вообще…

Лицо отца перекашивает.

— Дрессированный зверь на привязи все равно зверь. — Он снова поворачивается к склону из текучего камня. — Я хочу вернуть мою маленькую девочку.

Я никуда не уходила, думает Нэссун, но понимает, что лучше промолчать.

Перед ними нет ни единой тропинки, чтобы понять, куда идти, никаких признаков, что рядом кто-то есть. Возможно, часть этого — Зимние оборонительные сооружения; они видели несколько

общин, которые защищали себя не только стенами, но с виду непреодолимыми препятствиями и маскировкой. Несомненно, жители этой общины знают какую-то тайную тропку на плато, но Нэссун и Джиджа не знают, и потому перед ними стоит задача, которую им придется решать. Также нет легкого пути и за подъемом — они могут его обойти, посмотреть, нет ли ступеней с другой стороны, но это займет несколько дней.

Нэссун сидит на бревне неподалеку — проверив его тщательно на предмет насекомых и прочих тварей, которые после начала Зимы могли стать агрессивными. (Нэссун научилась обращаться с природой и своим отцом с одинаковой осторожностью.) Она смотрит, как Джиджа ходит взад-вперед, то и дело останавливаясь, чтобы пнуть одну из резко поднимающихся от земли лент. Ругается под нос. Ему понадобится время, чтобы смириться с тем, что должно быть сделано.

Наконец он оборачивается к ней:

— Ты можешь это сделать?

Она встает. Он пятится, словно испуганный этим внезапным движением, затем останавливается и зло смотрит на нее. Она просто стоит, позволяя ему видеть, как ей больно, что он так

ее боится.

Мышцы его лица расслабляются; часть его гнева переходит в досаду. (Только часть.)

— Тебе придется ради этого убить весь этот лес?

О. Теперь она отчасти понимает его беспокойство. Это первое зеленое место, которое они увидели за год.

— Нет, папа, — говорит она. — Тут есть вулкан.

Она показывает себе под ноги. Он снова вздрагивает, глядя на землю с той же неприкрытой ненавистью, с которой иногда взглядывал на нее. Но ненавидеть Отца-Землю так же бесполезно, как желать, чтобы Зима закончилась. Он глубоко вздыхает, открывает рот, и Нэссун ждет, что он скажет — *все в порядке,* и уже начинает изображать улыбку, которая нужна ему для успокоения. И их застает врасплох громкий щелчок, эхом раскатывающийся по окружающему их лесу, от которого вспархивает стайка птиц, о наличии которых здесь она и не подозревала. Что-то врезается в землю поблизости, заставляя Нэссун моргнуть от слабого эха удара в местном пласте. Что-то маленькое, но бьющее с силой. А затем Джиджа вопит от боли.

Нэссун тут же цепенеет, реагируя на страх. Ма-

мино обучение. Однако за последний год кое-что из этого утеряно, и хотя она успокаивается, она все-таки погружает сознание в землю — всего на несколько футов, но все же. Но она цепенеет не только от этого, увидев тяжелый, громадный зазубренный металлический наконечник, пронзивший икру ее отца.

– *Папа*!

Джиджа падает на колено, вцепившись в ногу, и сквозь его стиснутые зубы слышится не то чтобы крик, но тем не менее звук боли. Эта штука здоровая — длиной в несколько футов и два дюйма в сечении. Она видит, как она раздирает плоть на своем ужасном пути. Наконечник вонзается в землю по ту сторону ноги, пригвоздив его к месту. Это гарпун, не арбалетный болт. К его концу даже присоединена тонкая цепь.

Цепь? Нэссун оборачивается, следуя за ней взглядом. Кто-то держит эту цепь. Она слышит топот ног в ближнем пласте, хруст листьев. Быстрые тени мелькают мимо древесных стволов и исчезают; она слышит крик на каком-то арктическом языке, который она слышала прежде, но не знает. *Бандиты*. Идут. Она снова смотрит на папу, который пытается дышать глубже. Он бледен. Столько крови. Но он смотрит на нее снизу вверх

широко раскрытыми и побелевшими от боли глазами, и внезапно она вспоминает общину, в которой люди напали на них, общину, которую она заморозила, и как он потом смотрел на нее.

Бандиты. *Убить их*. Она знает, что должна. Иначе они убьют ее.

Но ее отцу нужна маленькая девочка, а не зверь.

Она смотрит и тяжело дышит, и не может перестать смотреть, не может думать, не может *действовать*, ничего не может, кроме как стоять и дышать до головокружения, разрываясь между необходимостью выжить и желанием быть дочерью.

Затем кто-то спрыгивает с гребня лавового потока, с одной каменной ленты на другую со скоростью и ловкостью, от которой Нэссун не может оторвать глаз. Никто такого не может. Но мужчина в приседе приземляется на щебенчатую почву у подножия гребня с тяжелым, зловещим ударом. Он крепко сложен. Она видит, что он крупный, несмотря на то что он припал к земле и чуть привстал, не сводя взгляда с чего-то среди деревьев за спиной у Нэссун. Он вытаскивает длинный, мерзкий стеклянный кинжал. (И почему-то удар от его приземления не отдается

дрожью в ее чувствах. Что это значит? И тут еще… Она мотает головой, думая, что это насекомое, но это странное жужжание — ощущение, не звук.)

Затем мужчина срывается с места и бежит прямо в кусты, топая по земле с такой силой, что оставляет за собой облачка пыли. Нэссун разевает рот, когда поворачивается, чтобы следить за ним взглядом, теряет его след в зарослях, но там снова слышны крики на этом языке — и затем, в том направлении, куда побежал мужчина, слышится тихий гортанный звук, словно кто-то отреагировал на тяжелый удар. Люди среди деревьев останавливаются. Нэссун видит арктическую женщину, замершую на чистом пятачке между переплетением лоз и старым выщербленным валуном. Женщина оборачивается, набирает воздуха, чтобы окликнуть кого-то, и мужчина почти мазком появляется позади нее и бьет ее в спину. Нет, нет, этот нож… Он исчезает прежде, чем женщина падает. Жестокость и быстрота его атаки поражает.

— Н… Нэссун, — стонет Джиджа, и Нэссун снова подпрыгивает. Она на миг совсем забыла о нем. Она подходит, садится на корточки, наступая ногой на цепь, чтобы больше никто не мог причинить ему еще более сильной боли. Он слишком

крепко хватает ее за руку.

— Ты должна, м-м-м, бежать.

— Нет, папа. — Она пытается сообразить, как цепь прикреплена к гарпуну. Древко гладкое. Если оторвать цепь или отсечь зазубренное острие, они просто смогут снять с него папину ногу и освободить его. Но что потом? Это такая ужасная рана. Вдруг он истечет кровью? Она не знает, что делать.

Джиджа шипит, когда она пытается пошевелить цепь, чтобы посмотреть, не сможет ли она открутить ее.

— Вряд ли… думаю, кость… — Джиджа шатается, и Нэссун думает, что его побелевшие губы — плохой знак. — Иди.

Она не слушает его. Цепь припаяна к петле на конце древка. Она ощупывает ее и задумывается, теперь, когда появление странного незнакомца выводит ее из ступора. (Но рука ее все же дрожит. Она делает глубокий вдох, пытаясь унять свой страх. Где-то в деревьях слышится булькающий стон и вопль ярости.) Она знает, что в рюкзаке у Джиджи есть его камнерезные инструменты, но гарпун стальной. Минутку — металл ведь ломается, когда он достаточно холодный, не так ли? Может, она сможет при очень узком торусе?..

Она никогда прежде такого не делала. Если она ошибется, она ему ногу отморозит. Но каким-то образом, инстинктивно она уверена, что это можно сделать. То, как мама учила ее думать об орогении, как о тепле и движении, которое принимаешь в себя, и тепле и движении, которое толкаешь, никогда по-настоящему не казалось ей правильным. Да, в этом есть правда; это работает, она знает по опыту. Но чего-то в этом… недостает. Нет изящества. Она часто думала — *если я не буду думать об этом, как о тепле…* но никогда не заканчивала эту мысль действием. Но мамы тут нет, а смерть есть, и ее отец — единственный в мире человек, который ее любит, даже пусть его любовь окутана страданием. И потому она кладет руки на пятку гарпуна.

— Не шевелись, папа.

— Ч…то? — Джиджу трясет, но он быстро слабеет. Хорошо. Сосредоточение Нэссун никто не прервет. Она кладет свободную руку на его ногу — поскольку ее орогения всегда отказывалась замораживать *ее*, даже когда она не могла ее полностью контролировать, — и закрывает глаза. Под жаром вулкана есть что-то еще, рассеянное среди завихрений движений, пляшущих внутри земли. Легко манипулировать волнами и теп-

лом, но трудно даже уловить это, другое, может, потому мама и учила Нэссун вместо этого искать волны и тепло. Но если Нэссун сумеет схватить это другое, более тонкое и деликатное, но более четкое, чем волны и жар… если она сможет превратить это в подобие острого края и отшлифовать до бесконечной тонкости и провести этим через древко как…

Слышится короткий свистящий вздох воздуха между ней и Джиджей. Затем крепление цепи на гарпуне слетает, срезанные грани металла блестят, как зеркало на дневном свету.

Облегченно выдохнув, Нэссун открывает глаза. И видит, что Джиджа, напрягшись, смотрит куда-то ей за спину со смесью ужаса и вызова на лице. Нэссун испуганно оборачивается и видит за спиной того человека с ножом.

У него черные прямые арктические волосы до пояса. Он настолько высок, что она чуть не падает на попу, запрокинув голову, чтобы посмотреть на него. Или, может, это от внезапной усталости? Она не знает. Мужчина тяжело дышит, и его одежда — домотканая рубаха и на удивление опрятные старые брюки со стрелкой — щедро заляпаны кровью, стекающей со стеклянного кинжала в его правой руке. Он смотрит на нее

глазами, блестящими ярко, как срез металла, и его улыбка почти режущая.

— Привет, малышка, — говорит он пялящейся на него Нэссун. — Отличная работа.

Джиджа пытается пошевелиться, продвинуть ногу по древку гарпуна, и это ужасно. Слышится безуспешный скрежет кости о металл, и из его груди толчками выходит мучительный крик. Он судорожно хватается за Нэссун. Нэссун хватает его за плечо, но он тяжелый, а она устала, и с внезапным ужасом она осознает, что у него не хватит сил сразиться с человеком со стеклянным ножом, если придется. Плечо Джиджи дрожит под ее рукой, и почти так же дрожит она сама. Может, потому никто не использует ту штуку, что под жаром? И теперь им с отцом придется заплатить за ее глупость.

Но черноволосый мужчина садится на корточки, двигаясь с изумительной медленной грацией для того, кто лишь мгновением раньше действовал со столь молниеносной жестокостью.

— Не бойся, — говорит он. Затем моргает, в его взгляде проскальзывает какая-то неуверенность. — Я тебя знаю?

Нэссун никогда прежде не видела этого великана с льдистыми глазами и самым длинным в

мире ножом. Нож по-прежнему в его руке, хотя теперь она висит вдоль его тела. Он поворачивает ее голову, слишком жестко и быстро. Затем он моргает, нерешительность исчезает, и улыбка возвращается на его лицо.

— Эти твари мертвы. Я ведь пришел помочь вам, разве не так? — В его вопросе чего-то недостает. Он задает его так, словно ждет подтверждения — *разве не так*? Как-то слишком искренне, слишком неподдельно. Затем он говорит: — Я никому не позволю причинить тебе зло.

Возможно, лишь по совпадению его взгляд после этих слов устремляется на лицо ее отца. Но. Что-то внутри Нэссун разжимается, самую чуточку.

Затем Джиджа снова пытается шевельнуться и снова издает болезненный стон, и взгляд мужчины становится жестче.

— Как неприятно. Позволь мне помочь тебе. — Он откладывает нож в сторону и тянется к Джидже.

— Держи руки подальше, ржавь, — выдает Джиджа, пытаясь отодвинуться и дергаясь от боли. Он задыхается и покрывается испариной. — Кто ты? Ты? — Показывает он глазами на гребень шестигранного камня: — Оттуда?

Мужчина, ошеломленный реакцией Джиджи, следует за его взглядом.

— О. Да. Часовые заметили вас на дороге. Затем мы увидели бандитов, и я пришел на помощь. У нас с ними уже были проблемы. Удобная возможность устранить угрозу. — Его белесый взгляд переходит к Нэссун, отразившись от срезанного гарпуна. Он продолжает улыбаться. — Но *у тебя* не должно было быть с ними проблем.

Он знает, кто такая Нэссун. Она прижимается к отцу, хотя и понимает, что он ее не спасет. Просто по привычке.

Ее отец подбирается, дыхание его учащается до хрипа.

— Ты… вы… — сглатывает он. — Мы ищем Луну.

Улыбка мужчины ширится. В его акценте есть нечто экваториальное — у экваториалов всегда такие крепкие белые зубы.

— А, да, — говорит он. — Вы ее нашли.

Ее отец облегченно обмякает — насколько позволяет нога.

— О-о-о-о… Злой Земля, наконец-то.

Нэссун больше не может сдерживаться.

— Что такое Луна?

— Найденная Луна. — Мужчина наклоняет

голову. — Это название нашей общины. Очень особенное место для очень особенных людей. — Затем он убирает кинжал в ножны и протягивает руку ладонью вперед. — Меня зовут Шаффа.

Он протягивает руку только Нэссун, и Нэссун не понимает почему. Может, потому, что знает, кто она такая? Может, потому, что ее руки не в крови, как у Джиджи. Она сглатывает и принимает руку, которая тут же крепко смыкается вокруг ее ладони. Она выдавливает:

— Я Нэссун. Это мой отец. — Она поднимает подбородок. — Нэссун *Стойкость Тиримо*.

Нэссун знает, что ее мама обучалась в Эпицентре, так что ее функционал-имя вовсе не Стойкость. И Нэссун сейчас всего десять лет, она слишком мала, чтобы Тиримо дало ей общинное имя, даже если бы она осталась там жить. Однако мужчина серьезно склоняет голову, словно это не ложь.

— Тогда давай, — говорит он. — Посмотрим, сможем ли мы вместе освободить твоего отца.

Он встает, поднимает и ее тоже, и она поворачивается к Джидже, думая, что вдвоем с Шаффой они, наверное, смогут его снять с гарпуна, и если сделают это достаточно быстро, может, ему будет не слишком больно. Но прежде чем она успевает

открыть рот, Шаффа прижимает два пальца к ее затылку. Она вздрагивает и оборачивается к нему, мгновенно готовясь к защите, и он поднимает обе руки, шевеля пальцами, показывая, что он не вооружен. Она ощущает влагу на шее, возможно, мазок крови.

— Долг прежде всего, — говорит он.

— Что?

Он кивает на ее отца:

— Я приподниму его, а ты сдвинешь ногу.

Нэссун снова растерянно моргает. Мужчина подходит к Джидже, и она отвлекается от мыслей о странном прикосновении под болезненные стоны отца, пока они освобождают его.

Однако гораздо позже она вспомнит мгновение после прикосновения, когда кончики пальцев мужчины блестели, как срезанные концы гарпуна. Тонкая паутинка света-под-жаром словно бы протянулась от него к ней. Она также запомнит, что на миг эта паутинка света осветила и другое: целую паутину зигзагообразных линий, покрывающую его, как трещинки, разбегающиеся по стеклу после удара. Точка удара, центр паутины где-то возле его затылка. Нэссун вспомнит свою мысль в этот момент — *он там не один.*

Но сейчас это не имеет значения. Их путь за-

кончен. Нэссун, похоже, дома.

* * *

Стражи не говорят об Уорренте, где они созданы. Никто не знает, где это место. Если спросить, они лишь улыбаются.

– Из лористической сказки, «Безымянный 759», записанной в квартенте Чарта, община Идин, странствующим Меллом Лористом Камень.

8. Ты получаешь предупреждение

Ты стоишь в очереди за своим недельным пайком, когда впервые слышишь эти шепотки. Это не о тебе лично и не для твоего слуха, но ты все равно слышишь, поскольку говорящий возбужден и забывает говорить тихо.

— Их до ржави земной много, — говорит какой-то пожилой мужчина другому, помоложе, когда ты отвлекаешься от мыслей и осознаешь смысл его слов. — Юкка-то ладно, она свое место заслужила, так ведь? Ну, еще несколько сгодятся. Но остальные? Нам одного хватит…

Собеседник сразу же цыкает на него. Ты устремляешь взгляд на отдаленную группу людей, пытающихся тянуть ведра с рудой по пещере при помощи направляемого троса, так что когда молодой человек оглядывается, ты не смотришь на него. Но ты запоминаешь.

Прошла уже неделя после инцидента с жуками-кипячами, а тянулась она как месяц. Ты не то чтобы утратила ход дней и ночей. Отчасти эта странная растяжимость времени вызвана

потерей Нэссун, а вместе с ней и цели. Без этой цели ты ощущаешь нечто вроде истощения и неприкаянности, никчемность — как стрелка компаса Зимой Блужданий. Ты решила попытаться прижиться, перенаправив свое сознание, испытывая свои новые границы, но это мало помогает. Жеода Кастримы обманывает как твое чувство пространства, так и времени. Она ощущается суматошной, когда ты стоишь у одной из ее стен, откуда вид на противоположную стену заслонен десятком острых пересекающихся кварцевых колонн. Она ощущается пустой, когда ты проходишь целые кристаллы с незанятыми жилищами и понимаешь, что это место создано, чтобы вмещать куда больше людей, чем сейчас. Торговая точка наверху была меньше, чем Тиримо, — и все же ты начинаешь осознавать, что усилия Юкки по призыву людей в Кастриму были чрезвычайно успешны. Как минимум половина народу, с которым ты встречаешься в общине, новички, как и ты. (Немудрено, что ей хочется иметь новых людей в своем сделанном наспех консультативном совете; новизна тут коллективная черта.) Ты встречаешь нервного металлориста и трех резчиков, которые вовсе не похожи на Джиджу, биоместа, который работает

вместе с Лерной два дня в неделю, и женщину, которая прежде зарабатывала на жизнь, продавая искусные кожаные изделия для подарков, а теперь она целыми днями дубит кожи, которые приносят Охотники.

Некоторые из новичков ходят с кислым видом, поскольку, как и Лерна, они не собирались оставаться в Кастриме. Юкка или кто-то еще сочли их полезными для общины, которая прежде состояла лишь из торговцев и горняков, а значит, их путешествию конец. Некоторые из них, однако, с откровенным рвением готовы вкладывать свой труд в общину и защищать ее. Это те, кому некуда идти, их общины разрушены Разломом или афтершоками. Не у всех из них есть полезные умения. Как правило, они молоды, что имеет значение, поскольку большинство общин не принимают пожилых или больных во время Зимы, если те не обладают какими-то желательными умениями — и поскольку, как ты узнала из разговоров с ними, Юкка задает всем новоприбывшим один весьма специфический вопрос: *вы готовы жить в одной общине с орогенами*? Тех, кто отвечает «да», впускают. И как правило, те, кто так отвечает, молоды.

(Тем, кто говорит «нет», как ты без вопросов

понимаешь, не позволяют идти своим путем, чтобы потом, возможно, присоединиться к другим общинам или бандам неприкаянных, чтобы напасть на общину, открыто принимающую орогенов. Неподалеку с подветренной стороны вроде есть подходящий гипсовый карьер. Помогает к тому же отвлекать падальщиков от верхней Кастримы.)

А еще тут есть местные уроженцы — народ, живший в Кастриме задолго до начала Зимы. Многие из них не рады всем этим нововведениям, хотя все понимают, что общине не выжить в прежнем виде. Она просто слишком мала. До Лерны у них не было врача, только мужчина, который был и акушером, и полевым хирургом, и вдобавок к основной работе ветеринаром. И у них было лишь два орогена — Юкка и Каттер, хотя, похоже, никто не был уверен в орогении Каттера до начала Пятого времени года — эту историю тебе хотелось бы когда-нибудь услышать. Без орогенов нижняя Кастрима стала бы смертельной ловушкой, что заставляет большинство местных уроженцев с неохотой, но принимать усилия Юкки по привлечению большего количества таких, как она. Старые кастримиты смотрят на тебя с подозрением, но хорошо то, что они и на всех

новичков так смотрят. Их беспокоит не то, что ты ороген. Их беспокоит то, что ты еще не доказала своей пользы.

(Удивительно, как это воодушевляет. То, что тебя судят по твоим делам, а не по тому, кто ты есть.)

В последнее время ты по утрам вместе с рабочим нарядом поливала сады: опрыскивала водой семена на подстилках из мокрой ткани, затем перемещала ростки в корыта с водой и химикатами, произведенными биоместами, чтобы растения росли. Это успокаивающая работа и напоминает тебе твои домашние зеленые зоны в Тиримо. (Уке сидит среди съедобных папоротников, корчит рожицы, сует в рот пригоршню грязи раньше, чем ты успеваешь его остановить. Ты улыбаешься воспоминанию прежде, чем твое лицо снова становится пустым от боли. Ты все еще не можешь улыбаться от воспоминаний о Корунде, которым десять — нет, уже одиннадцать лет.)

Вечером ты идешь к Юкке, чтобы поговорить с ней, Лерной, Хьяркой и Каттером о делах общины. Среди вопросов — наказать ли Джевера Инноватора Кастрима за продажу вееров — поскольку рыночная экономика во время Зимы по Имперскому закону нелегальна, и как заста-

вить Старика Крея (который не так уж и стар) перестать жаловаться на то, что общинные бани слишком холодные. Это действует всем на нервы. И кто заменит Онтраг, гончара, если та продолжит бить ученические горшки двух своих учеников? Онтраг саму так учили, но так она учит и людей, которые *хотят* освоить гончарное дело. Ученик и у Онтраг есть только потому, что Юкка приказала им перенять мастерство у старой женщины прежде, чем та откинется. Если так будет продолжаться, они сами ее придушат.

Это нелепо, приземленно, невероятно нудно, но… тебе это нравится. Почему? Кто знает. Вероятно, потому, что это похоже на те дискуссии, которые ты вела те две жизни, когда у тебя была семья. Ты вспоминаешь, как спорила с Инноном о том, учить ли Корунда санзе-мэтту с рождения, чтобы у него не было акцента, или потом, если Кору захочет покинуть Миов. Когда-то у тебя был спор с Джиджей, поскольку он был уверен, что, если хранить плоды в холоднике, у них испортится вкус, а тебе было все равно, поскольку они так дольше хранятся.

Сейчас вы с остальными советниками обсуждаете гораздо более важный вопрос: ваше решение окажет влияние более чем на тысячу человек. Но

ощущение то же самое — педантичное, тупое.

Тупая педантичность — роскошь, которую ты редко могла себе позволить в прошлой жизни. Ты снова выходишь наверх, молча стоишь в проеме ворот под пеплопадом. Небо сегодня немного иное: тонкое, серо-желтое вместо плотного серо-красного, и облака длинные и волнообразные вместо вереницы бусин, которые ты видела с момента Разлома. Один из стражей-Опор говорит, подняв голову:

— Может, становится лучше.

Желтизна облаков ощущается почти как солнечный свет. Ты порой видишь само солнце, бледный бессильный диск, окаймленный легкими летящими изгибами.

Ты не говоришь стражу того, что ты сэссишь, — эти желтые облака содержат серы больше обычного. Ты не говоришь того, что ты знаешь, — если сейчас пойдет дождь, то лес, окружающий Кастриму и дающий сейчас значительную часть еды общины, погибнет. Где-то там, на севере, Разлом просто-напросто изрыгнул большую волну газа из какой-то давно погребенной под землей полости. Каттер, который поднялся наверх вместе с тобой и Хьяркой, смотрит на тебя с нарочито пустым лицом — он тоже знает. Но он тоже не

говорит ни слова, и тебе кажется, что ты знаешь почему: из-за страха и его отчаянной надежды на лучшее. Жестоко убивать эту надежду, пусть уж сама угаснет. В этот момент совместного милосердия Каттер тебе больше нравится. Затем ты чуть поворачиваешь голову, и это ощущение исчезает. Поблизости стоит еще один камнеед, прячется в тени дома неподалеку. Этот похож на мужчину из мрамора желтого, как масло, с коричневыми прожилками, с путаной гривой латунных волос. Он не смотрит ни на кого, не двигается, и ты даже не заметила бы его, если бы не яркий металл его волос, такой поразительный в тумане дня. В третий или четвертый раз ты задумываешься, почему они теснятся вокруг Кастримы. Пытаются помочь, как Хоа тебе? Или ждут, что еще больше вас превратятся в деликатесный съедобный камень? Или им просто скучно?

Ты не можешь общаться с этими существами. Ты выбрасываешь Масляный Мрамор из своей головы и отводишь взгляд, а когда ты уже готова уйти и бросаешь взгляд в ту сторону, его уже нет.

Вы все трое наверху, идете следом за одним из Охотников по лесу, поскольку они хотят что-то вам показать. Юкка не идет, поскольку думает о споре между Опорами и Стойкостью о длине

смен или чем-то таком. Лерна не идет, поскольку начал вести курс обработки ран для всех желающих. Хоа нет потому, что Хоа куда-то пропал, как бывало в последние несколько недель. Но с тобой семеро кастримских Опор, два Охотника и белокурая белокожая женщина, встреченная тобой в первый свой день в Кастриме. Она тогда представилась как Эсни. Ее приняли в общину как Опору, хотя в ней весу едва ли сотня фунтов и она бледнее пепла. Оказывается, она была главой клана гуртовщиков до Разлома, то есть умеет укрощать крупных животных и людей с непомерно раздутым эго. Она со своими людьми добровольно присоединилась к Кастриме, поскольку та была куда ближе, чем их родная община в Антарктике. Завяленные и засоленные останки их последнего стада составляют единственный запас мяса Кастримы с момента Разлома.

По дороге никто не разговаривает. Тишина леса, не считая шороха мелкой живности в подлеске, да порой стука долбящих дерево птиц вдалеке, требует ответной тишины. Леса меняются, это ты видишь по дороге. Высокие деревья сбросили листву уже много месяцев как, втягивая соки назад, в землю, чтобы защититься от наступающего холода и закисления верхнего слоя почвы. Но

кустарники и средние деревья отрастили более густую листву, выпивая весь тот свет, который могут поймать, иногда складывая листья по ночам, чтобы стряхивать пепел. От этого пепел вне троп тоньше, так что ты порой можешь видеть лесной опад.

Это хорошо, поскольку новые детали ландшафта выделяются лучше: а именно холмики. Обычно они высотой три-четыре фута, построены из сцементированного пепла, листьев и веточек, и в более ясный день их легко заметить, поскольку они испускают слабый пар. Порой ты видишь мелкие кости, остатки лап или хвостов, торчащие из-под основания холмиков. Гнезда кипячей. Немного… но ты помнишь, что, когда ты проходила этим лесом неделю назад, их не было. (Ты бы сэссила их тепло.) Это напоминание о том, что, хотя большинство растений и животных борются за то, чтобы пережить Зиму, некоторым удается сделать большее: поскольку исчезают их привычные хищники и создаются идеальные условия, они процветают, плодятся с дикой скоростью везде, где могут найти источник пищи, полагаясь на численность ради выживания вида.

Это плохо, как бы то ни было. Ты ловишь себя на том, что часто смотришь на обувь, и замечаешь,

что остальные тоже.

Затем вы достигаете гребня холма над обширной чашей леса. Понятно, что эта чаша вне зоны защиты, которую поддерживают орогены Каструмы, поскольку широкие участки леса здесь повалены и мертвы в результате Разлома. Если бы не пепел, ты смогла бы видеть на сотни миль в округе, но, поскольку сегодня такой светлый день с редким пеплопадом, ты видишь на несколько десятков миль. Этого достаточно.

Поскольку здесь, в дымно-золотистом свете над поваленным лесом, что-то возвышается: группа каких-то ободранных тонких стволов или длинных сучьев, вбитых в землю в попытке поставить их прямо, но они все равно валятся друг на друга. На конце каждого из них хлопает обрывок темно-красной ткани для привлечения внимания. Ты не можешь сказать, краска это или что еще, поскольку на каждый кол насажено тело. Колья торчат изо рта или других частей.

— Не наши, — говорит Хьярка. Она смотрит в подзорное стекло, подгоняя его, пока один из Охотников стоит рядом, подняв руки, чтобы поймать драгоценный инструмент, если Хьярка уронит его или, зная Хьярку, отшвырнет. — То есть с такого расстояния сказать трудно, но я их

не узнаю, и вряд ли мы посылали кого-то так далеко. И они кажутся грязными. Наверное, шайка неприкаянных.

— Которые замахнулись на кусок не по зубам, — бормочет один из Охотников.

— Все наши патрули на счету, — говорит Эсни, сложив руки на груди. — То есть я отслеживаю только Опор, Охотники сами считают своих, но мы отмечаем все приходы и уходы. — Она уже изучила тела сквозь подзорное стекло, и именно она потребовала, чтобы члены руководства общины пришли сюда и посмотрели сами. — Полагаю, что эти преступники — путники. Запоздалая группа пыталась вернуться в родную общину и была вооружена лучше, чем напавшие на нее неприкаянные. И удачливее.

— Путники такого не сделали бы, — тихо говорит Каттер. Обычно он молчалив. Ты всегда ожидаешь проблем с Хьяркой, но она вообще-то предсказуема и куда более добродушна, чем можно подумать по ее суровой внешности. Однако Каттер против почти всего, что предлагаете вы с Юккой или остальные. Это упрямый маленький ржавый тихоня. — Я имею в виду эти колья. Нет смысла задерживаться так надолго. Кто-то потратил время, чтобы их вырубить, заострить, врыть

в землю, поставить так, чтобы их было видно за много миль. Путники… путешествуют.

Каттера труднее прочесть, чем Хьярку, замечаешь ты. Хьярка никогда не была способна скрывать масштаб и мощь своей личности, да и не старалась. Каттер же провел всю свою жизнь, скрывая силу за внешней смиренностью. Теперь ты знаешь, как это выглядит снаружи. Но замечание верное.

— И что ты думаешь? — Ты отчаянно гадаешь. — Еще одна неприкаянная банда?

— Они тоже не стали бы этого делать. Сейчас они уже не бросают трупы.

Ты морщишься и видишь, как некоторые в вашем отряде мнутся и вздыхают. Но это правда. Еще остались животные для охоты, но те, кто не впал в спячку, достаточно агрессивны, защищены или ядовиты, и теперь это нелегкая добыча для кого угодно, кроме очень подготовленных охотников. У неприкаянных редко бывает хороший рабочий арбалет, а отчаяние мешает тихо подкрадываться. И, как показали кипячи, на трупы много конкурентов.

Конечно, если Кастрима вскоре не найдет новый источник мяса, вы с остальными тоже больше не будете бросать трупы. Эта дрожь от-

вращения многое показывает.

Хьярка в конце концов опускает подзорное стекло.

— Да, — вздыхает она, отвечая Каттеру. — Дерьмо.

— Что? — Внезапно ты ощущаешь себя тупицей, словно все вдруг заговорили на незнакомом языке.

— Кто-то метит территорию, — показывает подзорным стеклом Хьярка и пожимает плечами. Охотник умело выхватывает инструмент из ее руки. — Предупреждают, но не других неприкаянных — им плевать, и они скорее всего поснимают трупы с кольев на закуску. Нас предупреждают. Показывают, что будет, если мы нарушим их границы.

— Единственная община в том направлении — Теттехи, — говорит один из Охотников. — У нас много лет были дружеские отношения. И мы не угроза для них. В том направлении мало воды, чтобы поддерживать другие общины, река уходит на север.

Север. Это беспокоит тебя. Ты не понимаешь почему. Нет смысла говорить об этом прочим, но все же…

— Когда вы в последний раз получали вести о

Теттехи? — Тебе отвечает молчание, и ты оглядываешься. Все смотрят на тебя. Ладно, вот и ответ. — Надо, значит, послать кого-нибудь в Теттехи.

— Кого-то, кто кончит вот так, на колу? — зло смотрит на тебя Хьярка. — В этой общине расходного материала нет, *новая*.

Ты впервые вызвала ее гнев, и это сильный гнев. Она старше, крупнее, и вдобавок к заточенным зубам у нее жгучий черный взгляд. Но она чем-то напоминает тебе Иннона, так что в ответ ты чувствуешь лишь злость.

— Нам все равно придется посылать торговый отряд. — Ты говоришь это как можно мягче, и она моргает. Это неизбежный вывод всех, с кем ты в последнее время говорила об усиливающемся дефиците мяса в общине. — Из-за этой пугалки пошлем отряд достаточно большой и хорошо вооруженный, так что перехватить его просто так не выйдет.

— А если у того, кто это сделал, отряд больше и вооружен лучше?

Во время Зимы сила значения не имеет. Ты это знаешь. Хьярка это знает.

Но ты говоришь:

— Пошлем с ними орогена.

Она моргает в искреннем удивлении, затем поднимает бровь:

— Который перебьет половину наших, пытаясь защитить их?

Ты отворачиваешься и протягиваешь руку. Никто из них не отшатывается от тебя, но никто из них не происходит из общины, достаточно крупной, чтобы туда часто заглядывали имперские орогены; они просто не знают значения этого жеста. Однако они ахают, пятятся и шепчутся, когда ты создаешь торус в пять футов радиусом в кустах в нескольких шагах отсюда. Пепел и мертвые листья кружатся в пыльном вихре, блестят льдом на полуденном солнце. Тебе не надо плести его быстро. Ты просто работаешь на публику. Затем ты используешь то, что вытянула из торуса, и поворачиваешься, указывая на выставку пронзенных тел внизу. На этом расстоянии трудно сказать, что случилось первым, но затем деревья там дрожат и колья начинают бешено раскачиваться. Через мгновение разверзается трещина, и ты обрушиваешь колья и их мерзкое украшение в землю. Ты соединяешь руки, медленно, чтобы никого не встревожить, и деревья перестают дрожать. Но мгновением позже все ощущают слабую вибрацию гребня,

на котором вы стоите, поскольку ты позволила слабому афтершоку сюда пройти. Опять же тебе не нужно было этого делать. Тебе просто нужно было привлечь внимание.

Достойно похвалы, что Хьярка выглядит впечатленной, но не встревоженной, когда ты открываешь глаза и оборачиваешься к ней.

— Здорово, — говорит она. — Значит, *ты* способна кого-нибудь заморозить, не перебив всех вокруг себя. Если бы все рогги могли это делать — у людей не было бы проблем с роггами.

Ты по-настоящему ненавидишь это ржавое слово, что бы там ни думала Юкка. И ты не уверена, что согласна с оценкой Хьярки. У людей возникают проблемы с роггами по множеству причин, которые никак не связаны с орогенией. Ты открываешь было рот, чтобы ответить — и останавливаешься. Поскольку ты видишь ловушку, которую подстроила Хьярка, то единственное, чем может кончиться этот разговор, и ты не хочешь идти туда… но этого никак не избежать. Ржавь сраная. Значит, ты закончишь карьеру главой чего-то вроде новенького Эпицентра.

* * *

— Глупо, — говорит Алебастр.

Ты вздыхаешь.

— Знаю.

Это на другой день, очередной разговор о принципах нереального — как работает обелиск, как их кристаллическая структура моделирует странную связь между клетками тела живого существа и как могут существовать теории о вещах более малых, чем клетки, хотя никто их не видел и не может доказать их существования. Ты ведешь эти разговоры с Алебастром каждый день, между твоей утренней рабочей сменой и вечерним политиканством, поскольку его подстегивает неизбежность собственной смерти. Эти беседы недолги, поскольку силы Алебастра ограничены. И пока все они по большей части бесполезны. Поскольку Алебастр хреновый учитель. Он рявкает приказы и читает лекции, никогда не отвечает на твои вопросы. Он нетерпелив и груб. И если часть этого можно списать на боли, в остальном это сущность Алебастра. Он действительно не изменился.

Ты часто удивлялась, насколько тебе его не хватало, этого вспыльчивого старого хрена. И

потому ты сдерживаешь свой нрав… по крайней мере пока.

— Все равно кому-то надо учить юнцов, — говоришь ты. Большинство орогенов общины — дети и подростки, просто потому, что большинство дичков не переживает детства. Ты слышала краем уха, что некоторые старшие орогены учат их, помогают им научиться не замораживать ничего, если у них что-то не удается, и потому Кастрима стабильна, как некогда Экваториали. Но это дички учат дичков.

— А если мне не удастся сделать того, чего ты постоянно требуешь от меня…

— Никто из них ржави не стоит. Ты же сама должна была это сэссить, если бы удосужилась обратить на них внимание. Дело не в умениях, дело в природном таланте; вот почему в Эпицентре нас заставляли спариваться, Иссун. И большинство из них никогда не продвинется дальше перераспределения энергии. — Этот термин вы вдвоем придумали для орогении, осуществляемой при помощи тепла и кинетики — как в Эпицентре. Но то, чему пытается тебя научить Алебастр и что ты воспринимаешь с трудом, поскольку оно основано на том, что не имеет смысла, чем бы оно ни было, вы начали

называть *магическим перераспределением*. Это тоже неправильно, это не перераспределение, но сойдет, пока не поймешь получше, что это такое.

Алебастр по-прежнему против курса орогении, который ты согласилась вести, и детей, которые будут там учиться.

— Ты впустую будешь тратить время. — Это пренебрежение необъяснимым образом начинает подтачивать твое терпение.

— Обучение других никогда не бывает пустой тратой времени.

— Слова простой училки. Ага, сейчас!

Это грязный прием, унижающий призвание, которое столько лет давало тебе убежище. Надо бы пропустить мимо ушей, но это соль на рану, и ты срываешься:

— Прекрати. Это.

Алебастр моргает, затем ухмыляется насколько может.

— У меня мало времени на телячьи нежности, Сиен…

– *Иссун.* — Здесь и сейчас это имеет значение. — И мне плевать, если ты подыхаешь. Ты не будешь разговаривать со мной так. — И ты встаешь. Поскольку внезапно, ржавь побери, тебя *достало*.

Он неотрывно смотрит на тебя. Сурьма как всегда рядом, молча поддерживает его, и ее взгляд на миг устремляется на тебя. Тебе кажется, что ты прочла в них удивление, но, вероятно, это просто воображение.

— Тебе плевать, что я умираю.

— Именно. Почему меня это должно заботить? Тебе плевать на то, что мы, все остальные, умрем. *Ты сделал это с нами.* — Лерна, находящийся в другом конце комнаты, поднимает взгляд и хмурится, и ты вспоминаешь, что надо бы говорить тише. — Ты откинешь копыта раньше и безболезненнее остальных. *Нам* придется умереть от голода, когда ты уже истлеешь. И если ты не удосуживаешься по-настоящему научить меня чему-то, то пошел ты. Я сама научусь!

Ты уже на полпути из лазарета, твои шаги чеканны. Руки сжаты в кулаки и висят по бокам, когда он резко бросает вслед:

— Выйдешь из двери — и *умрешь* от голода. Останешься — получишь шанс.

Ты продолжаешь идти, бросив через плечо:

– *Ты-то* научился!

— У меня десять лет ушло! И, грязная, вонючая ржавь, ты упертая, бессердечная…

Жеода содрогается. Не один лазарет, а вся эта

чертова штука. Ты слышишь снаружи тревожные крики, и это решает дело. Ты останавливаешься, стискиваешь кулаки и бьешь контрторусом по эпицентру, который он соткал под Кастримой. Тебе не удается его сбить — ты все еще недостаточно точна для этого, и в любом случае ты слишком зла, чтобы слишком стараться. Однако движение прекращается: либо потому, что ты его остановила, либо потому, что он слишком удивлен — тебе плевать. Затем ты оборачиваешься и набрасываешься на него с такой яростью, что Сурьма исчезает и внезапно встает рядом с ним, как молчаливый часовой. Тебе плевать на нее и на то, что Алебастр снова согнулся и издает низкий сдавленный скрежещущий звук, и на все вообще.

— Слушай меня, ты, самовлюбленная скотина, — рычишь ты, наклоняясь к нему так низко, что только камнеедка слышит тебя. Бастра трясет от очевидной боли, и еще вчера этого было достаточно, чтобы остановить тебя. Теперь ты слишком разгневана, чтобы жалеть его. — Мне приходится тут жить, даже если ты просто ждешь, когда сдохнешь, и если ты заставишь этих людей ненавидеть нас, поскольку не сможешь этим управлять…

Подожди. Ты растерянно осекаешься. На сей раз ты видишь, как происходит изменение в его руке — левой, которая была длиннее. Камень медленно, ровно ползет по ней, издавая еле заметный шипящий звук, превращая плоть во что-то иное. И почти против воли ты перемещаешь взгляд так, как он тебя учил, ищешь среди холодных пузырей его тела те ускользающие связующие нити. Внезапно ты видишь, что они ярче, почти как серебристый металл, застывают решеткой и перестраиваются по-новому, как ты никогда не видела прежде.

— Ты такая надменная ржавка, — рычит он сквозь зубы. Это развеивает твое оцепенение при виде его руки, заменяя его обидой на то, что именно он называет *тебя* надменной. — *Иссун*. Ты ведешь себя так, будто только ты делаешь ошибки, только ты умерла внутри и должна продолжать жить. Ты ни хрена не знаешь, ни хрена не слушаешь…

— Да потому, что ты ничего мне не говоришь! Ты ждешь, что я буду тебя слушать, но ты же не делишься, ты только требуешь да заявляешь и… и… я не ребенок! Злой Земля, я бы так даже с ребенком не разговаривала!

(Предательской шепоток внутри тебя зудит

— говорила. Ты так разговаривала с Нэссун. А верная тебе часть души рычит — *потому, что она не поняла бы. Она не была бы в безопасности, если бы ты была ласковее, неторопливее. Это было для ее же блага, и…*)

— Это для твоего же ржавого блага, — скрежещет Алебастр. Распространение камня по его руке останавливается, на сей раз поднялось дальше дюйма. Повезло. — Я пытаюсь защитить тебя, земля побери!

Ты останавливаешься, обжигаешь его взглядом, он отвечает тем же.

Воцаряется тишина. Слышится звяканье чего-то тяжелого металлического рядом с тобой. Это заставляет тебя обернуться к Лерне, который смотрит на тебя скрестив руки. Большинство народу в Кастриме, даже орогены, не узнают, что это был за толчок, но он-то знает, поскольку видел язык тела, и теперь тебе придется объясняться с ним — надеясь, что он не подсунет после этого Алебастру миску с чем-то ядовитым.

Это напоминание о том, что сейчас не прежние дни и ты не можешь реагировать как прежде. Если Алебастр не изменился, то дело за тобой. Ты-то изменилась.

Потому ты выпрямляешься и делаешь глубо-

кий вдох.

— Ты ведь никогда никого ничему не учил, верно?

Он моргает, подозрительно нахмурившись от твоей перемены тона.

— Я учил тебя.

— Нет, Алебастр. Тогда ты делал невозможное, а я просто смотрела и пыталась не погибнуть, подражая тебе. Но ты никогда намеренно не пытался передать информацию другому взрослому, не так ли? — Ты знаешь ответ и так, но важно, чтобы он сам это сказал. Это то, что он должен усвоить.

На его скулах играют желваки.

— Я пытался.

Ты смеешься. Оборонительная нотка в его голосе говорит тебе обо всем. После еще одного мгновения размышлений — и глубокого вздоха, чтобы взять себя в руки, ты садишься снова. Из-за этого Сурьма нависает над вами обоими, но ты ее игнорируешь.

— Послушай, — говоришь ты. — Ты должен дать мне причину доверять тебе.

Глаза его суживаются.

— Ты до сих пор не доверяешь мне?

— Ты разрушил мир, Алебастр. Ты сказал мне, что хочешь, чтобы я еще сильнее усугубила си-

туацию. Я не слышала ничего, кроме воплей «повинуйся мне без вопросов».

Его ноздри дрожат. Боль от окаменения вроде бы улеглась, хотя он весь взмок и все еще тяжело дышит. Но затем что-то меняется в выражении его лица, и через миг он обмякает, насколько это теперь возможно.

— Я дал ему умереть, — шепчет он, отводя взгляд. — Конечно, ты мне не веришь.

— Нет, Алебастр. Иннона убили Стражи.

Он улыбается половиной лица.

— И его тоже.

И тут ты понимаешь. Как будто не было этих десяти лет.

— Нет, — снова говоришь ты. Но на сей раз мягче. Бессилие. Он сказал, что не простит тебе Корунда… но, возможно, ты не единственная, кого он не простит.

Повисает долгое молчание.

— Ладно, — говорит он наконец. Голос его очень тих. — Я расскажу тебе.

— О чем?

— О том, где я был последние десять лет. — Он бросает взгляд на Сурьму, которая по-прежнему возвышается над вами. — Что все это вообще значит.

— Она не готова, — говорит камнеедка. Ты подпрыгиваешь при звуках ее голоса. Алебастр пытается пожать плечами, морщится, когда внутри его что-то дергается, вздыхает. — Я тоже не был готов.

Сурьма смотрит сверху вниз на вас обоих. На самом деле нет никакой разницы в том, как она смотрела на тебя, когда ты вернулась, но сейчас в этом взгляде что-то большее. Может, это просто воображение. Но затем она вдруг исчезает. На сей раз ты видишь, как это происходит. Ее облик размывается, становится иллюзорным, прозрачным. Затем она исчезает в земле, словно под ней разверзлась дыра. Все.

Алебастр вздыхает.

— Сядь рядом со мной, — говорит он.

Ты тут же хмуришься:

— Зачем это?

— Еще разок сексом заняться. А ты что за ржавь подумала?

Когда-то ты любила его. Может, до сих пор любишь. Ты со вздохом встаешь и идешь к стене. Осторожно, хотя его спина не обожжена, ты прислоняешься к стене для удобства и обхватываешь его под спину рукой, как часто делает Сурьма.

Алебастр несколько мгновений молчит, затем

говорит:

— Спасибо.

Затем… затем он рассказывает тебе все.

* * *

Не дыши тонким пеплом. Не пей красной воды. Не иди долго по теплой земле.

– Табличка первая, «О выживании», стих седьмой.

9. Нэссун, необходимая

Поскольку ты есть иссун, мне не нужно напоминать тебе, что все, что знала Нэссун до Найденной Луны, были Тиримо и сумрачный мир пеплопада по дороге во время Пятого времени года. Ты знаешь свою дочь, не так ли? Так что должно быть очевидно, что Найденная Луна становится чем-то, в существование чего она прежде не верила: настоящим домом.

Это не новая община. В ее центре находится деревушка Джекити, которая до Удушливой Зимы, где-то сто лет назад, была большим городом. Во время той Зимы гора Акок покрыла Антарктику пеплом — но не это почти убило Джекити, поскольку у города тогда были обширные хранилища и крепкие деревянно-шиферные стены. Город Джекити погиб из-за стечения человеческих ошибок: ребенок поджег пролившееся из лампы масло, отчего западную часть общины охватил пожар, и треть общины выгорела прежде, чем огонь сумели взять под контроль. Во время пожара погиб глава общины, и когда на его место были выдвинуты три достойных кан-

дидата, межфракционная борьба привела к тому, что выгоревшую часть стены не смогли быстро восстановить. В общину хлынули тиббиты — маленькие мохнатые зверьки, которые роятся, как муравьи, когда еды мало, — и разобрались с теми, кто слишком медленно двигался… и с подземными хранилищами общины. Выжившие некоторое время держались на том, что осталось, затем начали голодать. Когда через пять лет небеса расчистились, от сотни тысяч населения в начале Зимы осталось не более пяти тысяч душ.

Сейчас Джекити еще меньше. Жалкая, неумелая заделка стен еще со времен Удушья до сих пор на месте, и хотя хранилища были подняты и хорошо пополнены согласно имперским стандартам, это все лишь на бумаге: община спустя рукава заменяла старые, порченые запасы и закладывала новые. Чужаки за эти годы редко просились в Джекити. Даже по стандартам Арктики община обречена. Ее молодежь обычно уходит проситься жить или жениться в другие, растущие общины, где много работы и нет памяти о страданиях. Когда Шаффа нашел эту сонную общину с террасным земледелием десять лет назад и убедил тогдашнюю главу общины Майте основать особое подразделение Стражей в ее стенах, она

понадеялась, что это станет началом перелома для ее дома. Стражи ведь хорошее прибавление для любой общины, не так ли? И действительно, в Джекити сейчас три Стража, включая Шаффу, а также девять детишек различного возраста. Их было десять, но когда один из них вызвал короткое, но мощное землетрясение в момент детского раздражения как-то вечером, он исчез. Майте не стала задавать вопросов. Хорошо сознавать, что Стражи делают свое дело.

Нэссун и ее отец не знают этого, входя в общину, хотя остальные в конце концов расскажут им все. Лекари — пожилой врач и лесной травник — семь дней вытаскивают Джиджу, поскольку вскоре после хирургической обработки раны он подхватил лихорадку. Все это время Нэссун ухаживает за ним. Когда становится понятно, что он выживет, Шаффа представляет их Майте, которая рада узнать, что Джиджа камнерез. В общине такого не было несколько десятков лет, так что им приходилось делать заказы в общине Деветерис в двадцати милях отсюда. В общине есть старый пустой дом с пристроенной обжигательной печью, хотя кузница была бы полезнее. Джиджа говорит, что он может привести ее в рабочее состояние. Майте ради уверенности дает ему месяц

и прислушивается, когда ее люди говорят ей, что Джиджа вежлив, дружелюбен и рассудителен. Он еще и крепок физически, поскольку оправляется от ранения как настоящий Стойкость, да еще сумел пережить дорогу без других спутников, кроме маленькой девочки. Все также замечают, как воспитана и предана ему его дочь — такого от рогги не ожидают. Короче, в конце месяца Джиджа получает имя *Джиджа Стойкость Джекити*. Его принимают на церемонии, какой большая часть общины в жизни не видела, поскольку давно никто к общине не присоединялся. Самой Майте пришлось выискивать детали церемонии в старинной лористской книге. Затем они устраивают вечеринку, и это очень здорово. Джиджа говорит им, что для него это честь.

Нэссун остается просто *Нэссун*. Никто не зовет ее Нэссун Стойкость Тиримо, хотя она по-прежнему так представляется при встрече с новыми людьми.

Шаффа не скрывает своего интереса к ней. Но она не создает проблем, так что население Джекити относится к ней так же тепло, как к Джидже, может, чуточку настороженнее. Именно другие дети-орогены без стыда принимают Нэссун за то, что она есть.

Самый старший из них — побережник по имени Эйтц, который говорит со странным отрывистым акцентом, что кажется Нэссун экзотическим. Ему восемнадцать, он высокий, длиннолицый, и хотя на его лице постоянная тень, это никак не портит его красоту в глазах Нэссун. Именно он приветствует Нэссун в первый день после того, как становится понятно, что Джиджа выживет.

– *Наша* община — Найденная Луна, — говорит он глубоким голосом, от которого сердечко Нэссун подпрыгивает, ведя ее в маленькое строение, которое люди Шаффы возвели над самой слабой стеной Джекити. Это на холме. Он ведет ее к двустворчатым воротам, которые распахиваются при их приближении. — В Юменесе был Эпицентр, а в Джекити вот это: место, где ты можешь быть собой и всегда в безопасности. Шаффа и прочие Стражи здесь ради нас, запомни это. Это наше.

У Найденной Луны есть свои стены, сформированные из колоннообразного камня, преобладающего в этих краях, — но эти одинакового размера и даже совершенны по структуре. Нэссун даже не надо сэссить, чтобы понять, что они сделаны при помощи орогении. Внутри находится горстка маленьких домов, несколько новых, но

большинство построено из материалов старых, заброшенных по мере падения численности населения домов Джекити. Чем бы они ни были, сейчас они перестроены в дом Стражей, столовую, широкий, крытый плиткой учебный плац, несколько наземных хранилищ и спальную для детей.

Эти остальные дети восхищают Нэссун. Двое — западные побережницы, маленькие, коричневые, черноволосые и раскосые. Они сестры, это и по виду понятно, и зовут их Эгин и Инеген. Нэссун никогда прежде не видела западных побережников и смотрит на них во все глаза, пока не понимает, что они так же смотрят на нее. Они просят позволения потрогать ее волосы, а она — их. Это заставляет всех их понять, насколько нелепа эта просьба, и они хихикают и сразу становятся подругами без всякого поглаживания по голове. Затем Пайдо, еще один южный срединник, у которого немало антарктической крови, поскольку у него ярко-желтые волосы, а кожа такая белая, что почти светится. Остальные дразнят его за это, но Нэссун говорит, что и она порой обгорает на солнце — хотя нарочно не упоминает, что для этого ей нужно проторчать на солнце почти весь день, а не несколько минут, — и его лицо сияет.

Остальные дети все из мелких южносрединных общин, во всех явно видна кровь санзе. Дешанти училась на камнереза, когда Стражи нашли ее, и она задает Нэссун всякие вопросы об ее отце. (Нэссун предупреждает ее, чтобы она не обращалась к Джидже напрямую. Дешанти сразу же понимает, хотя и печалится по этому поводу.) Вудех заболевает, когда ест определенные сорта зерновых, и очень мал и хрупок, поскольку не получает достаточно хорошей еды, хотя у него самая сильная орогения из них всех.

Лашар смотрит на Нэссун холодно и насмехается над ее акцентом, хотя Нэссун не видит различий между тем, как говорит она и Лашар. Остальные говорят ей, что это потому, что дед Лашар был экваториалом, а ее мать — Лидером общины. Увы, Лашар ороген, так что все это больше не имеет значения… но ее воспитание говорит за себя.

Сачок на самом деле зовут иначе, но она никому не называет своего настоящего имени, потому все стали звать ее так после того, как она однажды попыталась улизнуть от рутинной работы. (Больше она так не поступает, но прозвище прилипло.) Тихоня тоже прозвище, потому что она чрезвычайно стеснительна и проводит

большую часть времени прячась за чьей-то спиной. У нее только один глаз и чудовищный шрам на одной стороне лица после того, как ее бабка пыталась зарезать ее, шепотом рассказывают Нэссун остальные, когда Тихони нет поблизости. Ее настоящее имя Зиф.

Нэссун десятая, и они хотят знать о ней все: откуда она, какую еду любит, как жилось в Тиримо, гладила ли она хоть раз детеныша киркхуши, ведь они такие мягонькие. И шепотом спрашивают о других вещах, как только становится понятно, что Шаффа выделяет ее. Что она делала в день Разлома? Как она достигла такого мастерства в орогении? Так Нэссун узнает, что такие, как она, редко рождаются от родителей-орогенов. Вудех ближе всего, поскольку его тетка поняла, кто он, и в тайне научила его тому, что умела, но немногим больше, чем не замораживать людей случайно. Некоторые научились этому трудным путем — и Эгин во время этого разговора становится очень тихой. Дешанти вообще не знала, что она ороген, до Разлома, что кажется Нэссун непостижимым. Именно она задает больше всего вопросов, но тихо, когда вокруг никого нет, и стыдливо.

Другое, что обнаруживает Нэссун, — это то,

что она намного, намного превосходит любого из них. И это не только результат обучения. У Эйтца за плечами на десять лет больше учебы, чем у нее, и все же его орогения тонкая и хрупкая, как тело Вудеха. Эйтц умеет ее контролировать достаточно, чтобы не причинять вреда, но он мало что может делать с ее помощью — ни искать алмазы или делать холодный пятачок в жаркий день, или рассекать гарпун пополам. Остальные смотрят во все глаза, когда Нэссун пытается объяснить последнее, а затем от стены соседнего здания подходит Шаффа (один из Стражей всегда присматривает за ними, когда они собираются, тренируются или играют), чтобы забрать ее на прогулку.

— Ты не понимаешь, — говорит Шаффа, кладя ей руку на плечо, — что искусство орогена зависит не только от практики, но и от врожденных способностей. Столько делалось, чтобы извести этот дар. — Он чуть вздыхает, почти разочарованно. — Мало осталось тех, кто рождается с таким уровнем способностей.

— Мой отец из-за этого убил моего братика, — говорит Нэссун. — Орогения Уке была больше моей. А он всегда только слушал при ее помощи и порой говорил странное. Он заставлял меня

смеяться.

Она говорит тихо, поскольку это все еще больно и поскольку она редко говорит эти слова. Джиджа никогда не желал их слушать, так что до сих пор ей не с кем было поговорить о своем горе. Сейчас они над южными террасами Джекити, ступенями, восходящими от выглаженной лавой долины. Эти террасы и сейчас густо засеяны зерновыми, овощами и бобами. Некоторые растения начинают чахнуть из-за недостатка солнца. Наверное, это будет последний урожай до того, как облака пепла станут слишком густыми.

— Да. В том-то и трагедия, малышка. Мне жаль. — Шаффа вздыхает. — Мои собратья, боюсь, слишком хорошо выполняли свою работу, предостерегая людей об опасности необученных орогенов. Не скажу, чтобы эти предостережения были лживы. Просто… преувеличенными, наверное. — Он пожимает плечами. Она ощущает вспышку гнева, поскольку именно из-за этих преувеличений ее отец порой с такой ненавистью на нее смотрит. Но этот гнев расплывчат, бесцелен; она ненавидит мир, а не кого-то конкретного. Много есть что ненавидеть.

— Он думает, что я зло, — ловит она себя на словах.

Шаффа смотрит на нее долгим взглядом. На миг в этом взгляде мелькают растерянность, мимолетное ощущение хмурости, которая порой появляется на его лице. Не то чтобы намеренно Нэссун в этот момент сэссит его — и да, эти странные серебристые нити снова вспыхивают в нем, переплетаясь в его плоти и дергая его разум откуда-то из затылка. Она прекращает, как только его лицо разглаживается, поскольку он чудовищно чувствителен к ее орогении и ему не нравится, когда она что-то делает без его разрешения. Но когда его дергают за эти яркие нити, он замечает меньше.

— Ты не зло, — твердо говорит он. — Ты ровно такова, какой сделала тебя природа. И ты особенная, Нэссун, — особенная и сильная, что нетипично даже для таких, как ты. В Эпицентре ты уже имела бы кольца. Может, четыре или даже пять. Для твоего возраста это изумительно.

Это радует Нэссун, хотя она до конца и не понимает.

— Вудех говорит, что в Эпицентре доходили до десяти колец? — У Вудеха самая разговорчивая из трех Стражей, Нида с глазами цвета агата. Нида порой говорит бессмысленные вещи, но в остальное время она делится полезной мудростью, так

что все дети научились просто не слушать ее болтовни.

— Да, десять. — Почему-то Шаффа недоволен этим. — Но здесь не Эпицентр, Нэссун. Здесь ты должна обучаться сама, поскольку у нас нет старших орогенов, чтобы учить вас. И это хорошо, поскольку есть вещи… которые вы можете сделать. — Его лицо дергается. Снова сквозь него идут серебристые вспышки, затем угасают. — Дело, для которого вы нужны… эпицентровская школа такого не может.

Нэссун раздумывает над этим, на миг забывая о серебре.

— Вроде как выгнать мою орогению? — Она знает, что папа спрашивал об этом Шаффу.

— Это было бы возможно при надлежащем уровне развития. Но чтобы достичь его, тебе лучше научиться использовать свою силу без предубеждений. — Он бросает на нее взгляд. Он говорит уклончиво, он она почему-то знает, что он не хотел бы, чтобы она превращалась в глухача, даже если это возможно. — Тебе повезло, что тебя родила ороген, достаточно способная, чтобы справиться с тобой в детстве. Ты должна была быть весьма опасной в младенчестве и раннем детстве.

Теперь черед Нэссун пожать плечами. Она опускает взгляд и шаркает ногой по травинке, пробившейся между двумя базальтовыми колоннами.

— Наверное.

Он смотрит на нее, его взгляд становится жестче. Что бы там ни было с ним не так — а со всеми Стражами Найденной Луны что-то не так, — это исчезает, когда она пытается что-то скрыть от него. Словно он может сэссить умышленное уклонение от ответа.

— Расскажи побольше о твоей матери.

Нэссун не хочет говорить о матери.

— Наверное, она умерла.

Скорее всего, так, хотя она вспоминает, что чувствовала усилия матери отвести Разлом от Тиримо. Люди ведь вряд ли заметили бы это, так ведь? Мама всегда запрещала Нэссун использовать орогению во время землетрясения, поскольку так обнаруживали себя большинство орогенов. А когда их обнаруживают, случается как с Уке.

— Вероятно. — Он наклоняет голову, как птица. — Я заметил в твоей технике следы школы Эпицентра. Ты… точна. Это необычно для гальки… — Он замолкает. На мгновение снова вы-

глядит растерянным. Улыбается. — Для ребенка твоих лет. Как она тебя обучала?

Нэссун снова пожимает плечами, сунув руки в карманы. Он возненавидит ее, если она расскажет. А если нет, то он уж точно как минимум будет хуже о ней думать. Может, отстанет?

Шаффа садится на стену террасы поблизости. Он продолжает смотреть на нее, вежливо улыбаясь. Ждет. Что заставляет Нэссун подумать о третьем, самом худшем варианте: что, если она откажется рассказывать, а он разозлится и вышвырнет ее с папой из Найденной Луны? Тогда у нее останется только Джиджа. И — она снова украдкой смотрит на Шаффу. Он чуть нахмурил лоб, но не от раздражения, а в задумчивости. И задумчивость эта не кажется напускной. Он волнуется *за нее*. За целый год никто никогда не волновался за нее. Наконец Нэссун говорит:

— Мы уходили в одно место в дальнем конце долины, подальше от Тиримо. Она говорила папе, что берет меня собирать травы. — Шаффа кивает. Такому детей, как правило, обучают в экваториальной сети узлов. Полезное умение на случай Зимы. — Она называла это «временем для девчачьих разговоров». Папа смеялся.

— И там вы занимались практикой орогении?

Нэссун кивает, глядя на руки.

— Она говорила со мной об этом, когда папы не было дома. О девчачьих делах. — Дискуссии о волновом механизме и математике. Бесконечные контрольные. Гнев, когда Нэссун отвечала не так быстро или неправильно. — Но в Конце — месте, куда она меня водила, — мы только практиковались. Она рисовала круги на земле. Я должна была поднимать камни, и мой торус не должен был выходить за пятый круг, а потом за четвертый, потом третий. Иногда она швыряла этот камень в меня. — Испуганная тремя тоннами скалы, летящими в нее, думающая — *остановит ли камень мама, если я не смогу этого сделать*? Она сделала это, так что вопрос остался без ответа.

Шаффа тихо смеется.

— Замечательно. — Видя смятение Нэссун, он добавляет: — Именно так обучаются — обучались — дети-орогены в Эпицентре. Но сдается, твое обучение было весьма ускоренным. — Он снова наклоняет голову, задумывается. — У вас были лишь случайные практические занятия, чтобы папа не видел…

Нэссун кивает. Ее левая ладонь разжимается и снова сжимается, словно сама по себе.

— Она говорила, что нет времени обучать меня

мягко, да и вообще я слишком сильная. Ей приходилось делать то, что сработает.

— Вижу. — Но она ощущает, что он смотрит на нее, выжидает. Он понимает, что это не все. Он подталкивает ее: — Но это был тот еще вызов.

Нэссун кивает. Пожимает плечами:

— Я ненавидела это. Я как-то раз заорала на нее. Сказала, что она гадкая. Сказала, что я ее ненавижу и что она не заставит меня.

Дыхание Шаффы, когда в нем не мелькает и не вспыхивает серебристый свет, замечательно ровное. Прежде ей казалось, что он дышит, словно спящий, такое оно ровное. Он слушает его дыхание, не сонное, но все равно успокаивающее.

— Она успокоилась. Затем сказала: ты уверена, что можешь контролировать себя? И схватила меня за руку. — Она прикусывает губу. — Она сломала ее.

На мгновение дыхание Шаффы прерывается.

— Твою руку?

Нэссун кивает. Она проводит пальцем по ладони, где все длинные кости, соединяющие кисть с костяшками, до сих пор иногда ноют на холоде. Когда он больше не говорит ничего, она продолжает:

— Она сказала, что моя ненависть не имеет

значения. Не имеет значения, что я не хочу хорошо владеть орогенией. Затем она взяла меня за руку и сказала — ничего не заморозь. Она взяла круглый камень и ударила… ударила им меня по руке. — Звук камня, бьющего по плоти. Мокрое щелканье, когда мать вправляет кости. Ее собственный крик. Голос матери сквозь шум крови в ее ушах: *ты огонь, Нэссун. Ты молния, опасная, если ее не заключить в провод. Но если ты сможешь контролировать себя сквозь боль, я буду знать, что ты в безопасности.* — Я ничего не заморозила.

После этого мать привела ее домой и сказала Джидже, что Нэссун упала и сильно ударилась. Сдержав слово, она больше никогда не заставляла Нэссун ходить в Конец. Джиджа позже заметил, какой тихой стала Нэссун в тот год. *Так и бывает, когда девочки взрослеют*, сказала мама.

Нет. Если папа — Джиджа, тогда мама — Иссун.

Шаффа очень спокоен. Однако он теперь знает, что она такое — ребенок столь своенравный, что ее собственной матери пришлось сломать ей руку ради вразумления. Девочка, которую мать никогда не любила, только *оттачивала* ее, и чей отец снова ее полюбит, только если она совершит

невозможное и станет тем, чем она не является.

— Это было неправильно, — говорит Шаффа. Голос его настолько тих, что она едва слышит его. Она с удивленным видом поворачивается к нему. Он смотрит в землю, и лицо его странно. Непривычный блуждающий, растерянный взгляд, что порой у него бывает. Он что-то действительно вспомнил, и сейчас на его лице… вина? Раскаянье. Печаль. — Неправильно причинять боль тому, кого ты любишь, Нэссун.

Нэссун изумленно смотрит на него. У нее перехватывает дыхание, и она не замечает этого, пока в груди не начинает гореть, и она вынуждена заставить себя вздохнуть. Неправильно причинять боль тому, кого любишь. Неправильно. Неправильно. Всегда было неправильно. Затем Шаффа протягивает ей руку. Она берет ее. Он тянет, она добровольно падает, и вот она в его руках, он обнимает ее очень крепко, как ее отец не обнимал с тех пор, как убил Уке. В этот момент ей все равно, что Шаффа не может ее любить, раз знает ее всего несколько недель. Она любит его. Она нуждается в нем. Она все для него сделает.

Прижавшись лицом к плечу Шаффы, Нэссун сэссит возобновившиеся серебряные вспышки. На сей раз в контакте с ним она также ощущает

слабое сокращение его мышц. Это едва заметная флуктуация и может быть вызвана чем угодно: укусом жука, дрожью на холодном вечернем ветру. Однако она каким-то образом понимает, что это боль. Нахмурившись, прижавшись лицом к его форме, Нэссун осторожно тянется к тому странному месту в затылке Шаффы, откуда идут серебряные нити. Они какие-то *голодные*, эти нити; когда она приближается, они лижут ее, что-то ищут. Заинтригованная, Нэссун касается их и сэссит… что? Легкий рывок. Затем она устает.

Шаффа снова вздрагивает и отстраняется, держа ее на расстоянии вытянутой руки.

— Что ты делаешь?

Она неуклюже пожимает плечами:

— Тебе было нужно. Тебе было больно.

Шаффа медленно поводит головой из стороны в сторону, не отрицательно, но словно проверяя присутствие кого-то, кто должен был быть здесь, но ушел.

— Мне всегда больно, малышка. Это значит быть Стражем. Но… — снова блуждающий взгляд. Нэссун понимает, что боль ушла, хотя бы сейчас.

— Всегда болит? — Она хмурится. — Это та штука у тебя в голове?

Его взгляд резко возвращается к ней. Она ни-

когда не боялась его льдистых глаз, даже сейчас, когда они становятся ледяными.

— Что?

Она показывает на собственный затылок. Там находятся сэссапины, это она знает по урокам биоместрии в школе.

— В тебе какая-то маленькая штука. Тут. Я не знаю, что это, но я сэссила ее, когда мы встретились. Когда ты коснулся моей шеи. — Она моргает, осознавая. — Тогда ты что-то взял, чтобы она меньше тебя беспокоила.

— Да. — Сейчас он обхватывает ее голову и прикладывает два пальца к самому началу ее позвоночника, под основанием черепа. Это не расслабленное прикосновение, как в другие моменты, когда он прикасается к ней. Пальцы тверды, как будто он держит в них нож.

Только вот не как будто, понимает она. Она вспоминает тот день в лесу, когда они дошли до Найденной Луны и на них напали бандиты. Шаффа очень, очень силен — вполне способен пробить двумя пальцами кость и мышцы, как бумагу. Ему не понадобился бы камень, чтобы сломать ей руку.

Шаффа заглядывает ей в глаза и понимает, что она в точности понимает его мысли.

— Ты не боишься.

Она пожимает плечами.

— Говори почему. — Его тон не терпит неповиновения.

— Просто… — Она снова невольно пожимает плечами. Она не может подыскать верных слов. — Я не… то есть у тебя ведь нет причины?

— Ты понятия не имеешь о моих причинах, малышка.

— Я *знаю*. — Она смотрит сердито, скорее от досады на себя, чем от чего-то еще. Затем ей приходит в голову объяснение. — У папы не было причины убивать моего младшего братика. — Или вышвыривать ее из фургона. Или в еще десятке случаев, когда он смотрел на Нэссун и так откровенно думал — не убить ли ее, что даже десятилетняя девочка это понимала.

Льдистый взгляд моргает. То, что происходит потом, зачаровывает: на лице Шаффы мысль об ее убийстве медленно переходит в изумление и печаль столь глубокую, что у Нэссун в горле застревает ком.

— И ты видела столько беспричинных убийств, что можешь стерпеть убийство не беспричинное?

Ему становится лучше, когда он выговарива-

ется. Она возбужденно кивает. Шаффа вздыхает. Она чувствует, как дрожат его пальцы

— Но это не то, что кто-то вне моего ордена должен знать. Однажды я оставил в живых ребенка, который это видел, но не должен был. И мы оба пострадали из-за моей жалости. Я помню об этом.

— Я не хочу, чтобы ты страдал, — говорит Нэссун. Она кладет руки ему на грудь, желая, чтобы серебряные вспышки в нем взяли еще. Они начинают перемещаться к ней. — Всегда больно? Это неправильно.

— Многое может ослабить эту боль. Улыбка, например, высвобождает особые эндорфины, которые… — Он отдергивается и убирает руки от ее затылка, хватает ее за руки и отрывает ее от себя как раз в тот момент, как серебряные волокна находят ее. Он действительно встревожен.

— Это убьет тебя!

— Ты все равно собираешься меня убить. — Это кажется ей разумным.

Он в упор смотрит на нее.

— Земля наших отцов и матерей. — Но с этими словами медленно напряжение убийства начинает уходить из его тела. Через мгновение он вздыхает. — Никогда не говори при других о том,

что ты… сэссила во мне. Если остальные Стражи узнают, я не смогу защитить тебя.

Нэссун кивает:

— Не буду. Ты расскажешь мне, что это?

— Возможно когда-нибудь. — Он встает на ноги. Нэссун повисает на нем, когда он пытается вырваться. Он сурово смотрит на нее, но она улыбается и чуть качается на его руке, и он качает головой. Затем они идут в поселение, и в этот день Нэссун впервые думает о нем как о *доме*.

* * *

Ищи орогена в его логове. Ищи центр круга. Там ты найдешь [непонятно]

– Табличка вторая, «Неполная правда», стих пятый.

10. Тебе предстоит большая работа

Ты так часто называла его чокнутым. Говорила себе, что презираешь его, даже когда все сильнее любила. Почему? Возможно, потому, что рано поняла — он то, чем можешь стать ты. Но вероятнее, ты давно уже заподозрила — прежде чем потеряла и обрела его снова, что он *не безумен*. «Чокнутый» — такими все, в конце концов, считают роггу — свихнувшегося от того, что слишком долго торчит в камне, от своего мнимого союза со Злым Землей, потому, что он не совсем человек.

Но.

«Чокнутый» — так еще называют рогги, которые послушны роггу, который непослушен. Некогда ты была послушна, потому что думала, что это обеспечит тебе безопасность. Он показывал тебе — снова и снова, постоянно, он не дал бы тебе делать вид, что все обстоит иначе, — что если послушание не спасает от Стражей или узлов, или убийства, или спаривания, или презрения, то зачем оно? Игра договорная, так что в нее играть?

Ты делала вид, что ненавидишь его, потому что ты была трусихой. Но ты в конце концов полюбила его, и теперь он часть тебя, потому что с тех пор ты стала храброй.

* * *

— Я боролся с Сурьмой всю дорогу вниз, — говорит Алебастр. — Это было глупо. Если бы она выпустила меня, если бы ее концентрация поколебалась хоть на миг, я бы стал частью камня. Просто… смешался бы с ним. — Он поднимает изувеченную руку, и ты достаточно хорошо его знаешь, чтобы понять, что он пошевелил бы пальцами, если бы они у него все еще были. Он вздыхает, даже не заметив этого. — Вероятно, мы уже погрузились в мантию, когда Иннон погиб.

Голос его тих. Он привык к тишине лазарета. Ты поднимаешь голову и обводишь помещение взглядом. Лерна ушел, один из его помощников спит на свободной койке, слегка похрапывая. Ты тоже говоришь тихо. Этот разговор только между вами.

Ты должна спросить, хотя одна мысль об этом вопросе причиняет боль.

— Ты знал?..

— Да. Я сэссил его смерть. — Он замолкает на

мгновение. Ты вибрируешь от его и собственной скорби. — Не мог не сэссить. То, что они делают, эти Стражи, тоже магия. Она просто… неправильная. Отравленная, как все в них. Когда они разрывают человека в клочья, то, если ты на него настроен, ощущение, как от девятибалльного землетрясения. — Конечно, вы оба были настроены на Иннона. Он был частью вас. Ты вздрагиваешь, потому что он пытается сделать тебя *более* настроенной на землю и орогению, и обелиски, и на эту объединенную теорию магии, но ты не желаешь повторять этого опыта. На это и так страшно смотреть, осознавая, что этот ужас некогда был телом, которое ты обнимала и любила. Это ощущалось куда хуже девятибалльного. — Я не мог это остановить.

— Нет. Не мог. — Ты сидишь у него за спиной, поддерживая его одной рукой. Он смотрел куда-то в сторону от тебя, куда-то недалеко, когда начинал рассказывать эту историю. Он не оборачивается, чтобы посмотреть на тебя через плечо, вероятно потому, что без боли не может этого сделать. Но возможно, в его голосе слышится успокоение.

Он продолжает:

— Не знаю, как она манипулировала давле-

нием, температурой, чтобы не дать им убить меня. Не знаю, как я не сошел с ума, осознав, где я, желая вернуться к тебе, понимая, что я беспомощен, чувствуя, словно я задыхаюсь. Когда я сэссил то, что ты сделала с Кору, я вырубился. Я не помню остального пути или не хочу помнить. Наверняка мы… не знаю. — Он вздрагивает или пытается. Ты ощущаешь сокращение мышц в его спине. — Когда я очнулся, я снова был на поверхности. В месте, которое… — Он мнется. Его молчание тянется достаточно долго, чтобы у тебя по коже пошли мурашки. (Я был там. Это трудно описать. Это не вина Алебастра.) — На другой стороне мира, — говорит наконец Алебастр, — есть большой город.

Его слова бессмысленны. Другая сторона мира в твоей голове представляется бесконечным пустым пространством. На карте там нет ничего, только океан.

— На… острове? Там есть суша?

— Вроде того. — Он больше не может просто так улыбаться. Но ты слышишь улыбку в его голосе. — Там есть массивный щитовой вулкан, но под океаном. Большего вулкана я никогда не сэссил; вся Антарктика в него уместится. Город находится прямо над ним, на океане. Вокруг

него не видно ничего — ни земли для сельского хозяйства, ни холмов, чтобы разбивать цунами. Ни гавани или причалов для кораблей. Просто… дома. Деревья и растения, каких я никогда и нигде не видел, дикие, но не лес — встраивались в город, что-то вроде. Не знаю, как это назвать. Инфраструктура для поддержки стабильности и функционирования всего этого, но все странное. Трубы и кристаллы, и вещество, которое казалось живым. Не могу сказать и десятой доли того, как это работает. И в центре города… дыра.

— Дыра. — Ты пытаешься представить это. — Для плавания?

— Нет. Там нет воды. Дыра уходит в вулкан и… дальше. — Он делает глубокий вдох. — Город существует для того, чтобы вмещать эту дыру. Все в городе построено для этой цели. Даже его имя, которое назвали камнееды, знаменует это: *Сердечник*. Это руины, Иссун, руины мертвой цивилизации, как все прочее, только он не поврежден. Улицы не разрушены. Здания пусты, но некоторую мебель даже можно использовать — она сделана не из природных материалов, неразрушающихся. Ты могла бы там жить, если бы захотела. — Он замолкает. — Я там и жил, когда Сурьма принесла меня туда. Там было некуда

пойти и не с кем поговорить… кроме камнеедов. Их там десятки, Иссун, может, сотни. Они говорят, что не они построили этот город, но теперь он принадлежит им. Уже десятки тысяч лет.

Ты знаешь, как он ненавидит, когда его перебивают, но тем не менее он делает паузу. Может, ждет комментария или дает тебе время усвоить его слова. Ты просто смотришь на его затылок. Остатки его волос слишком отросли — надо попросить у Лерны ножницы и поскорее постричь его. Какие-то совершенно неуместные мысли.

— Это нечто, о чем ты не можешь перестать думать, если сталкиваешься с этим. — У него усталый голос. Ваши уроки редко затягиваются дольше чем на час, а этот разговор уже длится больше. Ты ощущала бы вину, если бы у тебя сейчас остались какие-то еще эмоции, кроме шока. — Обелиски намекают на это, но они так… — Ты чувствуешь, что он пытается пожать плечами. Ты понимаешь. — Это не то, что ты можешь потрогать или по чему можно походить. Но этот город… Письменная история уходит на сколько там, десять тысяч лет? На двадцать пять, если считать все Зимы, по поводу которых все еще спорит Университет. Но люди существовали куда дольше этого. Кто знает, когда какая-то вер-

сия наших предков выбралась из пепла и начала трепаться друг с другом? Тридцать тысяч лет назад? Сорок? Долгий срок для таких жалких созданий, какими мы являемся сейчас, прячущихся за стенами и направляющих весь наш разум, все знания на единую цель — выживание. Это все, что мы сейчас делаем: ищем лучшие способы полевой хирургии при помощи импровизированного оборудования. Лучшие химикаты, чтобы выращивать много бобов при недостатке света. Некогда мы были куда более могущественными. — Он снова замолкает, на сей раз надолго. — Я три дня плакал по тебе, Иннону и Кору в том городе тех, кем мы были.

Тебе больно, что он включил в свой плач и тебя. Ты этого не заслуживаешь.

— Когда я… они принесли мне еды. — Алебастр пропускает часть того, что он хотел сказать, так гладко, что поначалу предложение не имеет смысла. — Я поел, затем попытался убить их. — Голос предает его. — Не сразу понял, что надо бросить это дело, но они все равно продолжали кормить меня. Я снова и снова спрашивал их, зачем они притащили меня туда. Почему не дают умереть. Сурьма была первой, кто заговорил со мной. Я думал, что они поручили это ей, но затем

понял, что они просто не говорили на моем языке. Некоторые из них вообще не умели общаться с людьми. Они пялились на меня, и мне порой приходилось их отгонять. Кого-то я восхищал, у кого-то вызывал отвращение. Эти чувства были взаимными.

— Со временем я немного научился их языку. Пришлось. Части города *разговаривали* на этом языке. Если ты знаешь верные слова, ты можешь открывать двери, включать свет, согревать или охлаждать комнаты. Не все продолжало работать. Город разрушался. Просто медленно. Но эта дыра. Вокруг нее стояли знаки, загорающиеся, когда ты подходишь. — (Ты внезапно вспоминаешь камеру в сердце Эпицентра. Узкие длинные панели, загорающиеся по очереди по мере твоего подхода к гнезду, горящие без явно выраженного пламени или фитиля.) — Барьеры, громадные, как здания, которые порой светились в ночи. Предостережения, вспыхивающие сами собой в воздухе перед тобой, сирены, вопящие, если подходишь слишком близко. Сурьма отвела меня туда в первый день, когда я стал… функционировать. Я стоял на одном из барьеров и смотрел в темноту столь глубокую, что…

Ему приходится остановиться. Он сглатывает

и продолжает:

— Она уже сказала мне, что забрала меня с Миова, потому что они боялись, что меня убьют. И там, в сердце Сердечника, она сказала мне — «вот почему я спасла тебя. Это твой враг. Только ты можешь противостоять ему».

– *Что*? — Ты не ошарашена. Ты думаешь, что поняла. Просто ты не хочешь понимать, потому решаешь, что должна быть растеряна.

— Так она сказала, — отвечает он. Теперь он зол, но не на тебя. — Слово в слово. Я помню это потому, что думал, что *это* было причиной гибели Иннона и Кору и что ты попала к этим ржавым псам: потому что где-то в заднице истории какие-то чересчур умные предки решили выкопать дыру до сердца мира без ржавой причины. Нет, Сурьма сказала, ради силы. Я не знаю, как это должно было работать, но они это сделали, а также обелиски и прочие средства для управления этой силой.

— Но что-то пошло не так. У меня создалось ощущение, что и Сурьма в точности не знала, что именно. Или, возможно, камнееды до сих пор об этом спорят и не пришли к консенсусу. Просто что-то пошло не так. Обелиски… дали осечку. Луна улетела прочь от планеты. Может, из-за

этого, может, что другое случилось, но, что бы там ни было, в результате произошел Разрыв. Это было на самом деле, Иссун. Именно это вызвало Зимы. — Мышцы его спины под твоей рукой чуть сжимаются. Он напряжен. — Понимаешь? *Мы* используем эти обелиски. Для глухачей это просто большие странные камни. Этот город, все эти чудеса… этой мертвой цивилизацией *управляли орогены*. Мы разрушили мир, в чем они всегда и обвиняли нас. *Рогги*.

Он говорит это так резко и ядовито, что все тело его вибрирует от этого слова. Ты ощущаешь, как он напрягается, говоря это. Ярость делает ему больно. Он это знал и все равно сказал.

— В чем они ошиблись, — продолжает он очень устало, — так это в родственных чувствах. В сказках всегда говорится, что мы слуги Отца Земли, но это не так — мы его враги. Он ненавидит нас больше, чем глухачей, за то, что мы сделали. Вот почему он сделал Стражей, чтобы контролировать нас, и…

Ты качаешь головой:

— Бастер… ты говоришь так, будто планета на самом деле настоящая. В смысле, живая. Сознательная. Все эти байки об Отце-Земле просто сказки для того, чтобы объяснить, что не так с

этим миром. Как те странные культы, что появляются порой. Я слышала, что в одном из них просят небесного старика охранять их каждый раз, как они ложатся спать. Людям нужно верить в то, что есть что-то кроме этого мира.

А этот мир дерьмо. Ты теперь понимаешь это, после двух мертвых детей и постоянного разрушения твоей жизни. Незачем представлять планету некой злобной силой, жаждущей мести. Это камень. И жизнь такова, какой должна быть — ужасная, краткая и кончающаяся, — если повезет — небытием.

Он смеется. Это тоже болезненно для него, но от смеха у тебя идет мороз по коже — этот самый смех, что ты слышала на виадуке Юменес-Аллия. Смех мертвой узловой станции. Алебастр никогда не был безумен, он просто познал столько, что более слабый разумом свихнулся бы и стал бормотать нелепицу, в чем это порой проявляется. Выпустить часть накопившегося ужаса случайным звуком, как у безумца с пеной у рта, — так он преодолевает безумие. А еще так он предупреждает тебя, теперь ты это знаешь, что сейчас уничтожит еще крупицу твоей наивности.

Все не так просто, как тебе этого хотелось бы.

— Вероятно, так они и думали, — говорит Але-

бастр, когда смех его затихает. — Те, кто решил проделать дырку в ядре земли. Но если ты чего-то не видишь или не понимаешь, это не значит, что тебе от этого не будет худо.

Ты понимаешь, что это правда. Но что еще важнее, по голосу Алебастра ты слышишь, что он что-то знает. Это заставляет тебя напрячься.

— Что ты видел?

— Все.

У тебя мороз идет по коже.

Он делает глубокий вдох. Когда он снова заговаривает, голос его монотонен.

— Это трехсторонняя война. Вообще сторон больше, но тебе следует думать лишь о трех. Все три стороны хотят завершения войны — вопрос в том, как именно. Понимаешь ли, проблема в нас — в людях. Две стороны пытаются решить, что с нами делать.

Это объясняет многое.

— Земля и… камнееды?

Всегда рыщут, планируют, неведомо чего хотят.

— Нет. Они тоже люди, Иссун. Ты еще не поняла? Они нуждаются, чувствуют, имеют желания, как и мы. И они сражаются на этой войне намного дольше, чем ты или я. Некоторые с самого

начала.

— С начала. С Разрыва?

— Да, некоторые настолько стары. Сурьма. Думаю, тот мелкий, что таскается за тобой, тоже. Есть и другие. Они не могут умереть, так что… да. Некоторые видели, как это все случилось.

Ты слишком потрясена, чтобы реагировать. Хоа? Этот семилетка с виду на самом деле насчитывает тридцать тысяч лет? *Хоа*?

— Одна сторона хочет, чтобы мы — люди — погибли, — говорит Алебастр. — Полагаю, это один способ покончить с делом. Одна сторона хочет… нейтрализовать нас. Оставить в живых, но сделать безопасными. Как самих камнеедов: Земля пытался сделать их похожими на себя, зависимыми от себя, думая, что так они станут безопасными. — Он вздыхает. — Думаю, приятно узнать, что эта планета тоже может косячить.

Ты вздрагиваешь от запоздалой реакции, поскольку все еще думаешь о Хоа.

— Он бывший человек, — шепчешь ты. Да. Сейчас это маскировка, давно забытая одежда, надетая снова, чтобы вспомнить былые времена, но некогда он был настоящим человеком из плоти и крови, мальчиком, который так и выглядел. В нем ничего от санзе, *поскольку как народ санзе*

в его дни не существовали.

— Все они были людьми. Вот что с ними не так. — Сейчас он очень устал, потому говорит тише. — Я едва могу вспомнить, что было со мной пятьдесят лет назад; представь, каково пытаться вспомнить, что было пять тысяч лет назад. Десять. Двадцать. Представь, каково забыть собственное имя. Вот почему они никогда не отвечают, когда мы спрашиваем, кто они такие.

Ты резко втягиваешь воздух, осознавая.

— Не думаю, что то, из чего они сделаны, делает камнеедов столь отличающимися от нас. Боюсь, никто не может столько прожить и не стать чем-то совершенно чуждым.

Он продолжает говорить — *представь*, а ты не можешь. Конечно. Но ты в этот момент думаешь о Хоа. Как он оторопел при виде мыла. Как сворачивался во сне у тебя под боком. О его печали, когда ты перестала обращаться с ним как с человеком. Он так старался. Делал что мог, но в конце потерпел неудачу.

— Ты сказал о трех сторонах, — говоришь ты. Сфокусируйся на том, что можешь, а не ной о том, чего не можешь. Алебастр начинает ослабевать, сильнее наваливаясь на твою руку. Ему нужно отдохнуть.

Алебастр молчит так долго, что ты думаешь, что он уснул. Затем он говорит:

— Раз ночью я ускользнул, когда Сурьмы рядом не было. Это было… три года назад? Через какое-то время теряешь счет годам. Говорить не с кем, кроме них, а они порой забывают, что людям надо разговаривать. В земле слушать нечего, кроме ворчания вулкана. На той стороне мира звезды не те… — На миг он замолкает. Потерянное время настигает его. — Я рассматривал диаграммы на обелисках, пытаясь понять, чего хотели их создатели. У меня болела голова. Я знал, что ты жива, и так тосковал по тебе, что заболел. И тут эта внезапная, дикая, полуржавая мысль: может, через эту дыру я попаду к тебе. — Если бы у него осталась рука, которую ты могла бы сжать… Твои пальцы вместо этого сжимаются на его спине. Это не то же самое. — Потому я побежал к дыре и прыгнул в нее. Если ты не хочешь умереть, это не самоубийство, так я говорил себе. — Очередное ощущение улыбки. — Но это было не так… Вокруг дыры сплошные механизмы, но не для предупреждения. Наверное, я что-то запустил или, может быть, так они должны работать. Я полетел вниз, но не как при падении. Это было контролируемое падение. Быстрое, но ровное. Я должен был бы

погибнуть. Давление воздуха, жар, все то, сквозь что провела меня Сурьма без участия камня, но Сурьмы не было рядом, и я должен был умереть. В шахте через промежутки был свет. Думаю, окна. Там внизу действительно когда-то жили люди! Но по большей части было темно.

В конце концов… через часы или дни… я замедлился. Я достиг… — Он замолкает. Ты ощущаешь гусиную кожу на его спине. — Земля живой. — Его голос становится резким, хриплым, слегка истеричным. — Некоторые из старинных сказок просто сказки, ты права, но не эта. Я понял тогда, что пытались мне сказать камнееды. Почему мне пришлось задействовать обелиски, чтобы создать Разлом. Мы воевали с миром так долго, что уже и забыли, Иссун, но мир-то не забыл. И мы должны закончить эту войну в скором времени, или…

Алебастр внезапно замолкает, надолго, подавленно. Ты хочешь спросить, что случится, если эта древняя война вскоре не закончится. Ты хочешь спросить, что случилось с ним внизу, в ядре Земли, что он увидел и испытал, что так откровенно ошеломило его. Ты не спрашиваешь. Ты отважная женщина, но ты знаешь, что ты можешь принять, а чего нет.

Он шепчет:

— Когда я умру, не хорони меня.

— Чт…

— Отдай меня Сурьме.

И внезапно, словно услышав свое имя, вновь возникает Сурьма и встает перед вами обоими. Ты зло смотришь на нее, понимая, что это означает — Алебастр на пределе, и разговор нужно кончать. Это заставляет тебя гневаться на его слабость и возненавидеть его умирание. И ты ищешь себе козла отпущения.

— Нет, — говоришь ты, глядя на нее. — Она отняла тебя у меня. Она не получит тебя.

Он смеется. Так слабо, что твой гнев ломается.

— Либо Злой Земля, либо она, Иссун. Прошу тебя.

Он начинает валиться на одну сторону, и, может быть, ты не такое уж чудовище, как сама думаешь, поскольку ты сдаешься и встаешь. Сурьма размывается в духе камнеедов, только медленно, не как они, затем садится рядом с ним, поддерживая его обеими руками, когда он засыпает.

Ты во все глаза смотришь на Сурьму. Ты все это время считала ее врагом, но если Алебастр сказал правду…

— Нет, — резко говоришь ты. Не то чтобы ты

обращалась к ней, но она тоже слышит. — Я не готова думать о тебе как о союзнице. — Может, этого и не будет никогда.

— Даже если бы и так, — слышится голос из груди камнеедки, — я *его* союзница. Не твоя.

Люди как и мы, с желаниями и нуждами. Ты хочешь отвергнуть это тоже, но тебя странным образом успокаивает то, что ты ей тоже не по нраву.

— Алебастр сказал, что он понял, почему сделал то, что сделал. Но я не понимаю, и не понимаю, чего он хочет сейчас. Он сказал, что в этой войне три стороны — какова третья? На какой стороне он? И чем помог… Разлом?

Как бы ты ни пыталась, ты не можешь себе представить, чтобы Сурьма некогда была человеком. Против этого слишком многое — спокойствие ее лица, то, откуда идет ее голос. Тот факт, что ты ненавидишь ее.

— Врата Обелисков усиливают энергию как физическую, так и магическую. Ни одна поверхностная точка выхода энергии не дает ее в нужном количестве. Разлом — надежный, крупномасштабный источник.

То есть… Ты напрягаешься.

— Ты хочешь сказать, что, если я использую

Разлом в качестве внешнего источника, перенаправлю его через мой торус…

— Нет. Это просто убьет тебя.

— Ну спасибо за предупреждение.

Однако ты начинаешь понимать. Это та же проблема, что была у тебя с уроками Алебастра; жар, давление и движение не единственные задействованные здесь силы.

— Ты говоришь, что земля еще и магию вырабатывает? И если я направлю эту магию в обелиск… — Ты моргаешь, вспоминая ее слова. — Врата Обелисков?

Взгляд Сурьмы до того момента был сосредоточен на Алебастре. Теперь ее черный взгляд смещается и встречается с твоим.

— Двести шестнадцать отдельных обелисков, связанных в сеть посредством управляющего кабошона. — Пока ты стоишь, недоумевая, что за ржавь это такая — управляющий кабошон, и дивясь тому, что существует еще более двух сотен этих проклятых хреновин, она добавляет: — Использовать их для направления энергии Разлома будет достаточно.

— Для чего?

Впервые ты слышишь в ее голосе эмоциональную нотку — раздражение.

— Чтобы установить равновесие в системе Земля — Луна.

Что?

— Алебастр сказал, что Луна улетела.

— По снижающейся длинной эллиптической орбите. — Когда ты тупо пялишься на нее, она снова говорит на твоем языке. — Она возвращается.

О Земля. О ржавь. О нет.

– Ты хочешь, чтобы я поймала эту хренову Луну?

Она просто смотрит на тебя, и ты запоздало осознаешь, что почти кричишь. Ты бросаешь виноватый взгляд на Алебастра, но он не проснулся. Как и медбрат на соседней койке. Когда она видит, что ты успокоилась, Сурьма говорит:

— Это вариант. — Почти задним числом, она добавляет: — Алебастр сделал первую из двух необходимых коррекций курса Луны, замедлив ее и изменив траекторию так, что ей придется снова пройти мимо планеты. Кто-то другой должен сделать вторую коррекцию, вернуть ее на стабильную орбиту и магически отрегулировать. Если равновесие будет восстановлено, Пятое время года скорее всего исчезнет или станет исчезающе редким, что для вашего рода будет одно и то же.

Ты втягиваешь воздух, но теперь ты поняла. Вернуть Отцу Земле его потерянное дитя, и, вероятно, его гнев уляжется. Но значит, есть третья фракция: те, кто хочет перемирия, люди и Отец Земля соглашаются терпеть друг друга, даже если это означает создание Разлома и уничтожение миллионов людей в процессе.

Мирное сосуществование необходимо все равно.

Конец Пятых времен года. Это… невозможно представить. Они всегда были. Только ты теперь знаешь, что это неправда.

— Тогда выбора нет, — говоришь ты наконец. — Покончить с Зимами или ждать, пока все живое умрет во время этой вечной Зимы? Я… — *«поймаю Луну»* звучит нелепо. — Значит, я сделаю то, чего хотите вы, камнееды.

— Выбор есть всегда. — Ее взгляд, чуждый взгляд, внезапно еле заметно меняется — или ты, возможно, просто лучше читаешь ее. Она вдруг кажется более человечной и очень, очень печальной. — И не все мои сородичи хотят того же.

Ты, нахмурившись, смотришь на нее, но больше она ничего не говорит.

Ты хочешь задать больше вопросов, напряженнее пытаешься понять, но она была права: ты

не готова к такому. У тебя идет кругом голова, и забивающие ее слова начинают расплываться и сталкиваться друг с другом. Слишком много.

Желания и нужды. Ты сглатываешь.

— Я могу остаться здесь?

Она не отвечает. Ты полагаешь, что можно было и не спрашивать. Ты встаешь и идешь к ближайшей койке. Она придвинута изголовьем к стене, и твоя голова оказывается за Алебастром и Сурьмой, а ты не хочешь смотреть в затылок камнеедке. Ты обхватываешь подушку и сворачиваешься клубком в изножье кровати, чтобы видеть лицо Алебастра. Когда-то тебе спалось лучше, если ты могла видеть его, за плечами Иннона. Сейчас не то же самое… но все же.

Через некоторое время Сурьма снова начинает напевать. Это странным образом расслабляет. Ты спишь лучше, чем за многие месяцы.

* * *

Ищи ретроградную [неясно] в южном небе. Когда она станет больше, [неясно]

– Табличка вторая, «Неполная Правда», стих шестой.

11. Шаффа, ложась спать

Снова он. Мне жаль, что он такое сделал с тобой. Тебе не хочется даже в малой степени быть им. И еще меньше бы захотелось, знай ты, что он часть нэссун… но не надо думать об этом прямо сейчас.

* * *

Человек, который все еще носит имя Шаффа, хотя едва ли отождествляет себя как та же самая личность, видит во сне осколки себя.

Стражи плохо спят. Предмет, вживленный глубоко в левую долю сэссапины Шаффы, нарушает цикл сон — пробуждение. Ему нечасто требуется сон, а когда требуется, его тело нечасто погружается в глубокую фазу, когда можно видеть сны. (Обычные люди сходят с ума, когда их лишают фазы снов. Стражи устойчивы к такому виду безумия… или они просто постоянно безумны.) Он понимает, что учащение сновидений в эти дни — дурной знак, но помочь ничем не может. Он выбрал платить.

Потому он лежит в постели в хижине и стонет, содрогаясь в такт, в то время как его разум отби-

вается от сновидений. Он плохо спит, поскольку его разум потерял хватку и поскольку так мало осталось того, из чего можно было бы составить сон. Потом он будет говорить об этом вслух, сам с собой, обхватив голову и пытаясь собрать воедино осколки своей личности, и так я узнаю, что терзает его. Я узнаю, что, пока он мечется, ему снятся…

…Два человека, их лица на удивление четки в его памяти, хотя все остальное улетучилось — их имена, его взаимоотношения с ними, причина, по которой он помнит их. Он может догадаться по лицу женщины с льдистыми глазами в густых черных ресницах, что это его мать. Мужчина более заурядный. Слишком заурядный — намеренно, что тут же зарождает в Шаффе Страже подозрения. Часто дички изо всех сил стараются выглядеть заурядными. Как они сумели заделать его и как он покинул их — Земля знает, но их лица по крайней мере интересны.

…Уоррент, комната с черными стенами, вырезанная в слоистой вулканической породе. Ласковые руки, жалостливые голоса. Шаффа не помнит обладателей рук или голосов. Ему помогают лечь в проволочное кресло. (Нет, узлы не первые их использовали.) Кресло сложное, ав-

томатическое, работает гладко, даже хотя что-то в нем, на взгляд Шаффы, кажется старым. Оно жужжит и подстраивается и вертит его, пока он не оказывается подвешен лицом вниз под ярким искусственным светом, лицо его охватывают твердые прутья, а затылок открыт миру. Волосы его коротки. За спиной и над собой он слышит, как опускаются какие-то древние механизмы, столь заумные и диковинные, что их названия и прежнее назначение давно забыты. (Он вспоминает, что примерно в это время узнал, что первоначальная цель может быть легко извращена.) Вокруг он слышит сопение и умоляющие голоса других, приведенных сюда вместе с ним — детей. Он понимает, что в этом воспоминании он *ребенок.* Затем он слышит, как остальные дети кричат следом на фоне жужжащего, режущего звука. Также слышен низкий водянистый гул, которого он больше никогда не услышит (но он будет очень знаком тебе и любому другому орогену, который хотя бы раз подходил близко к обелиску), поскольку с этого момента его сэссапины будут переориентированы, сделаны чувствительными к орогении, а не волнениям земли.

Шаффа вспоминает борьбу — даже ребенком он

сильнее большинства. Он почти высвобождает голову и тело прежде, чем механизмы достают его. Именно потому первый разрез пошел неправильно, гораздо ниже по шее, чем следует, и он чуть не погиб на месте. Аппарат не останавливается, подстраивается. Он ощущает его холод, когда в него погружается полоска железа, сразу же ощущает холод чужого присутствия в себе. Кто-то зашивает его. Боль чудовищна и никогда по-настоящему не прекращается, хотя он научится достаточно облегчать ее, чтобы функционировать — как все, пережившие имплантацию. Например, улыбка. Эндорфины облегчают боль.

…Эпицентр, камера с высоким потолком в сердце Главного здания и знакомый искусственный свет, идущий вперед и вокруг разверстого провала, из стен которого растут бесчисленные полоски железа. Он и прочие Стражи смотрят на маленькое изрезанное тело на дне ямы. Дети то и дело находят это место, бедные глупые создания. Не понимают, что ли? Земля действительно злой, жестокий, и Шаффа всех их защитил бы от этого, если бы мог. Это выжившая — одна из детей, приписанных к Стражу Лешет. Девочка сжимается при приближении Лешет, но Шаффа знает, что Лешет оставит ее в живых. Лешет всегда была

мягче, добрее, чем следовало бы, и ее дети страдают из-за этого…

…Дорога и постоянно резко отводящие глаза чужаки, которые видят его льдистые радужки и постоянную улыбку. Осознание, что они видят *что-то неправильное*, даже если сами не понимают, что именно. Раз вечером в гостинице была одна женщина, которая пытается быть скорее заинтересованной, чем испуганной. Шаффа предупреждает ее, но она настаивает, и он ничего не может сделать, только думать о том, как удовольствие на много часов загонит боль в угол, может, на всю ночь. Хорошо почувствовать себя человеком хотя бы ненадолго. Но, как и предупреждал, он возвращается назад через несколько месяцев. У нее ребенок в чреве, хотя она и говорит, что его нет, но он не может допустить неопределенности. Он берет кинжал из черного стекла, сделанный в Уорренте. Она была добра к нему, так что он целится только в ребенка; он надеется, что она выкинет труп и останется в живых. Но она в ярости, в ужасе, зовет на помощь и хватается за собственный нож. Больше никогда, решает он, убивая всех — всю ее семью, десяток посторонних, половину деревни, когда они набрасываются на него толпой. Больше он никогда не забудет,

что он не человек и не был им никогда.

…Опять Лешет. На сей раз он едва узнает ее: ее волосы поседели, некогда гладкое лицо покрыто морщинами и обвисло. Она меньше, ее ставшие хрупкими кости заставляют ее сутулиться, что часто случается с арктaлами в старости. Но Лешет видела больше столетий, чем Шаффа. Старость для них не означает слабость, дряхление, усыхание. (Счастье и улыбка означают нечто иное, чем просто усмирение боли. Для этого они тоже не предназначены.) Он смотрит на ее широкую приветственную улыбку, когда она хромает ему навстречу из коттеджа, до которого он ее отследил. Она наполняет его смутным ужасом и растущим отвращением, которого он даже не осознавал, пока она не останавливается перед ним, и он инстинктивно ломает ей шею.

…*Девочка*. Та девочка. Одна из десятков, сотен других, они сливаются на протяжении бесконечных лет… но не эта. Он находит ее в амбаре, несчастное перепуганное горестное существо, и она тут же проникается любовью к нему. Он тоже любит ее, желает быть добрее к ней, как можно ласковее, когда учит ее подчинению, сломав ей кости и угрожая с любовью, и давая обещания, которые не следовало давать. Неужели Лешет

заразила его своей мягкотелостью? Возможно, возможно… но ее лицо. Ее глаза. В ней что-то есть. Потом его не удивляет, когда он получает известие, что она замешана в поднятии обелиска в Аллии. Его особенная девочка. Он не верит, что она погибла после этого. Он полон гордости, когда отправляется забрать ее назад, и молит голоса в голове, чтобы она не вынудила его убить ее. *Эта девочка…*

…чье лицо заставляет его проснуться с тихим криком. Эта девочка. Два других Стража смотрят на него осуждающими глазами Земли. Они скомпрометированы, как и он, даже больше. Все трое они олицетворяют собой то, против чего предостерегал их орден Стражей. Он помнит свое имя, но они — нет. Это единственное настоящее различие между ним и остальными… разве нет? И все же они кажутся почему-то настолько *меньше* его. Несущественными. Он резко садится в кровати, трет лицо и выходит наружу.

Детская хижина. Пора проверить их, говорит себе Шаффа, хотя идет прямиком к постели Нэссун. Она спит, когда он поднимает лампу, чтобы посмотреть на ее лицо. Да. Это всегда было в ее глазах и, может, скулах, это зудело в его мозгу, фрагменты воспоминаний и цельность ее черт

сложились наконец воедино. Его Дамайя. Девочка, которая не умерла, возродилась.

Он вспоминает, как сломал Дамайе руку, и вздрагивает. Почему он сделал такое? Почему он совершал все те ужасные поступки, которые он делал в те дни? Шея Лешет. Тимай. Семья Эйтца. Столько других, целая деревня. Зачем?

Нэссун шевелится во сне, что-то тихо бормочет. Шаффа автоматически гладит ее по лицу, и она сразу успокаивается. Эта тупая боль в груди, наверное, и есть любовь. Он вспоминает, что любил Лешет, Дамайю и остальных, и все же сделал с ними такое.

Нэссун шевелится и наполовину просыпается, моргая на свет лампы.

— Шаффа?

— Все хорошо, малышка, — говорит он. — Извини.

Он очень, очень виноват. Но это страх в нем, и сны не уходят. Он изо всех сил пытается изгнать их. Наконец он говорит:

— Нэссун, ты боишься меня?

Она моргает, едва заметно, а затем улыбается. Внутри его что-то разворачивается.

— Никогда.

Никогда. Он сглатывает. Горло внезапно пере-

хватывает.

— Хорошо. Спи.

Она засыпает сразу, возможно, она по-настоящему и не просыпалась. Но он остается с ней, глядя, пока ее веки не перестают дрожать.

Никогда.

— Никогда больше, — шепчет он и вздрагивает от воспоминания. Затем ощущения меняются, и его решимость возвращается. Что было прежде, не имеет значения. Это был другой Шаффа. Теперь у него есть еще один шанс. И если начать не совсем собой, то есть он будет не таким чудовищем, каким был, то ему вовсе не жаль.

По спине ртутной молнией скользит боль, слишком быстро, чтобы погасить ее улыбкой. Что-то несогласно с его решением. Автоматически он подводит руку к шее Нэссун… и останавливается. Нет. Она значит для него больше, чем облегчение боли.

Используй ее, велит голос. *Сломай ее. Она упряма, как ее мать. Выдрессируй ее, чтобы повиновалась.*

Нет, думает в ответ Шаффа и готовится к бичу наказания. Всего лишь боль.

Шаффа подтыкает одеяло Нэссун и целует ее в лоб, уходит и гасит свет. Он идет к хребту холма

над городом и стоит там до конца ночи, стиснув зубы и пытаясь забыть о последнем, кем он был, и обещая себе лучшее будущее. Со временем остальные два Стража выходят на порог своих хижин, но он игнорирует чуждое давление их взглядов на спине.

12. Нэссун, в падении вверх

И снова большая часть этого — домыслы. Ты знаешь *о* нэссун, и она часть тебя, но ты не можешь *быть* нэссун… и, думаю, к настоящему моменту мы установили, что ты не знаешь ее так хорошо, как думаешь. (Ах, но так со всеми родителями и всеми детьми.) Ограждать существование нэссун — задача другого человека. Но ты любишь ее, а это значит, что какая-то часть меня должна делать так же.

В любви мы будем искать понимания.

* * *

Погрузив сознание глубоко в землю, Нэссун слушает.

Поначалу это просто обычный удар по окружающей сэсуне: мгновенное сокращение и расслабление слоя, относительно спокойное бурление старого вулкана под Джекити, медленный бесконечный скрежет колоннообразного базальта, поднимающегося и застывающего. Она привыкла к этому. Ей нравится, что она сейчас может слушать более свободно, когда ей хочется,

а не дожидаться темноты и ждать, пока ее родители уйдут спать. Здесь, в Найденной Луне, Шаффа дал Нэссун разрешение испытывать себя всегда, когда она хочет и сколько хочет. Она пытается не тянуть одеяло на себя, поскольку остальным тоже надо учиться… но они не испытывают от орогении такого удовольствия, как она. Большинство из них кажутся безразличными к своему могуществу или чудесам, которые они могут сотворить, владея им. Несколько человек даже боятся его, что Нэссун кажется бессмысленным — но для нее также бессмысленно теперь ее былое желание стать лористом.

Теперь она в полной мере свободна быть тем, что она есть, и больше она себя не боится. Теперь у нее есть тот, кто верит в нее, доверяет ей, борется за нее, как и она. Потому она будет тем, что она есть.

Сейчас Нэссун кружится в водовороте в горячей точке Джекити, с совершенством балансируя между соперничающими давлениями, и ей даже в голову не приходит бояться. Она понятия не имеет, что это то, за что разбился бы в лепешку четырехколечник из Эпицентра. Но к тому же она делает это не так, как бы сделал четырехколечник, взяв в руки движение и жар и попытавшись

пропустить все это сквозь себя. Она достигает этого, да, но своими ощущениями, а не поглощающим торусом. Но если бы инструктор из Эпицентра сказал ей, что она не должна ни на что влиять вот таким образом, то сейчас она следует собственным инстинктам, которые говорят, что так можно. Войдя в завихрение, кружась вместе с ним, она может достаточно расслабиться, чтобы просочиться сквозь его трение и давление к тому, что находится под ним, — серебру.

Она решила так это назвать после того, как расспросила Шаффу и прочих и осознала, что они тоже не знают, что это такое. Остальные дети-орогены даже почуять его не могут; Эйтц однажды что-то сэссил, когда она осторожно попросила его сконцентрироваться на Шаффе, а не Земле, поскольку серебро легче видеть — оно более концентрированное, более сильное, более осмысленное — в людях, чем в земле. Но Шаффа напрягся и тут же ожег его взглядом, и Эйтц сжался с видом более виноватым и запуганным, чем когда-либо, так что Нэссун ощутила себя плохо из-за того, что навредила ему. Больше она никогда не просила его пытаться.

Однако прочие и такого не могут. Больше всего ей помогли два других Стража, Нида и Умбра.

— Эта штука, ради которой нас отобрали в Эпицентре, когда мы обнаружили ее, когда они услышали зов, когда слишком пристально прислушались, — начинает Нида, и Нэссун берет себя в руки, поскольку, когда Нида начинает, невозможно сказать, насколько это затянется. Она останавливается только ради других Стражей. — Использование сублиматов вместо контролирующих структур опасно, ясно, это предупреждение. Важно культивирование в исследовательских целях, но большинство таких детей мы направили на службу в узлах. Ради остальных мы режем — режем — режем их, поскольку запрещено тянуться к небу. — Удивительно, что после этого она затыкается. Нэссун любопытно, как небо вообще с чем-либо связано, но она понимает, что не стоит спрашивать, иначе Нида опять начнет.

Но Умбра, который нетороплив и спокоен настолько, насколько поспешна Нида, кивает.

— Мы мало кому позволяли прогрессировать, — переводит он. — Для выведения. Для любопытства. Ради гордости Эпицентра. Не более того.

Из этого Нэссун делает несколько выводов, выделяя смысл из болтовни. В любом случае Нида,

Умбра и Шаффа более не Стражи в полном смысле этого слова, хотя и были ими. Они отреклись от кредо своего ордена, решив предать старые пути. Так что использование серебра явно было предметом жесточайшей тревоги обычных Стражей — но почему? Если только некоторым орогенам Эпицентра было дозволено развивать мастерство, «прогрессировать», так в чем опасность, если это сделали бы слишком многие? И почему эти бывшие Стражи, некогда «отобранные» ради мастерства, позволяют теперь ей действовать без ограничений?

Она замечает, что Шаффа здесь ради этого разговора, но он молчит. Он просто смотрит на нее, улыбаясь и подрагивая каждый раз, как в нем дергается серебряная искра. В последнее время с ним такое часто. Нэссун не понимает почему.

Нэссун, проводя дни в Найденной Луне, вечером обычно возвращается домой. Джиджа поселился в доме в Джекити, и каждый раз, как она возвращается, в доме появляются новые признаки обжитости, которые ей нравятся: на удивление яркая синяя краска на старой деревянной двери; свежие опилки в маленьком огородике, хотя он чахнет по мере сгущения пепельных облаков; коврик в маленькой комнате, предназначенной

для нее, который он выменял на стеклянный нож. Комната не такая большая, как была в Тиримо, но в ней есть окошко, выходящее на лес вокруг плато Джекити. За лесом воздух достаточно прозрачен, и она порой может видеть берег — далекую белую полосу сразу за зеленью леса. За ним лежит голубой простор, манящий ее, хотя отсюда там не на что смотреть кроме как на клин голубизны. Она никогда не видела моря так близко, и Эйтц рассказывает ей о нем замечательные истории: оно пахнет солью и странной жизнью; оно омывает такую штуку, как песок, в нем мало что растет из-за соли; иногда его твари извиваются или булькают — вроде крабов и кальмаров или пескозубов, хотя последние, как говорят, появляются только Зимой. Там постоянная опасность цунами, вот почему никто не живет у моря, если может, — и действительно, через несколько дней после того, как Нэссун и Джиджа добираются до Джекити, она скорее сэссит, чем видит последствия большого землетрясения далеко на востоке, далеко от моря. Она сэссит также дрожь, вызванную сдвигом чего-то большого, ударившую затем в землю на побережье. Она радуется, что она далеко.

И все же приятно снова иметь дом. Жизнь на-

чинает казаться нормальной впервые за очень долгое время. Раз вечером за ужином Нэссун рассказывает отцу то, что Эйтц говорил ей о море. Он смотрит скептически, затем спрашивает, где она такое слышала. Она рассказывает ему об Эйтце, и он становится очень тихим.

— Это парень-рогга? — спрашивает он через мгновение.

Нэссун, чей инстинкт наконец послал сигнал тревоги — она отвыкла уже отслеживать перемены настроения Джиджи, — замолкает. Но поскольку он разозлится, если она не заговорит, она в конце концов кивает.

— Который?

Нэссун прикусывает губу. Эйтц, однако, под опекой Шаффы, а она знает, что Шаффа не позволит никому из своих орогенов пострадать. Потому она говорит:

— Старший. Высокий, очень черный и длиннолицый.

Джиджа продолжает есть, но Нэссун видит, как играют на его скулах желваки, что не имеет отношения к пережевыванию пищи.

— Тот побережник. Я видел его. Я не хочу, чтобы ты впредь с ним разговаривала.

Нэссун глотает и осмеливается спросить.

— Я должна разговаривать с остальными, папа. Так мы учимся.

— Учитесь? — поднимает взгляд Джиджа. Он сдержан, но в бешенстве. — Сколько этому парню, двадцать? Двадцать пять? И он по-прежнему рогга. *По-прежнему*. Он уже должен был бы излечиться.

На миг Нэссун теряется, поскольку к концу урока в последнюю очередь думала об излечении себя от орогении. Ну да, Шаффа говорил, что такое возможно. А — и Эйтц, которому всего восемнадцать, но в голове Джиджи он явно старше, слишком взрослый, чтобы не исцелиться, если бы он хотел. С холодком внутри Нэссун осознает: Джиджа начинает сомневаться в утверждении Шаффы о том, что избавление от орогении возможно. Что он сделает, если узнает, что Нэссун больше *не желает* быть исцеленной?

Ничего хорошего.

— Да, папа, — кивает она.

Это успокаивает его, как обычно.

— Если тебе приходится разговаривать с ним во время ваших уроков, ладно. Не хочу, чтобы Стражи сердились на тебя. Но кроме этого с ним не разговаривай. — Он вздыхает. — Мне не нравится, что ты столько времени там проводишь.

До конца ужина он ворчит на эту тему, но ничего плохого не говорит, так что в конце концов Нэссун расслабляется.

На другое утро в Найденной Луне она говорит Шаффе:

— Мне надо научиться скрывать, что я лучше всех.

Шаффа несет вверх по холму в Найденную Луну две сумки, когда она это говорит. Они тяжелые, а он необычно силен, но даже ему приходится попотеть, так что она не пристает к нему с ответом, пока он идет. Когда он добирается до одного из крохотных хранилищ их жилья, он ставит сумки на землю и переводит дух. Проще хранить припасы для кормления детей здесь, наверху, чем бегать вверх-вниз по Джекити в тамошние хранилища или в общую столовую.

— Ты в безопасности? — спокойно спрашивает он. Вот за это она его и любит. Она кивает, прикусывает нижнюю губу, потому что неправильно, что ей приходится сомневаться в собственном отце. Он смотрит на нее долгим, тяжелым взглядом, и в нем она видит холодное раздумье, говорящее ей, что он начинает подумывать о самом простом способе решения этой проблемы.

— Не смей! — выкрикивает она.

Он поднимает бровь.

— Нет?.. — с вызовом говорит он.

Нэссун прожила год в мерзости. Шаффа хотя бы чист и незамысловат в своей грубости. Потому ей проще стиснуть зубы и поднять подбородок.

— Не смей убивать моего отца.

Он улыбается, но глаза его по-прежнему холодны.

— Что-то вызывает этот страх, Нэссун. Что-то, не связанное с тобой, твоим братом или ложью твоей матери. Что бы это ни было, оно оставило рану в душе твоего отца — рану, которая, очевидно, загноилась. Он набросится на все, что коснется ее или хотя бы пройдет рядом с этой вонючей старой язвой… как ты сама видела. — Она думает об Уке и кивает. — Это не поддается убеждению.

— Я могу, — выдает она. — Я уже делала такое раньше. Я знаю как… — *манипулировать им,* вот как это называется, но ей едва стукнуло десять лет, потому она просто говорит: — Я знаю, как удержать его от дурных поступков. Мне всегда прежде удавалось. — В основном.

— Только вот однажды тебе не удастся. И этого будет достаточно. — Он смотрит на нее. — Я убью его, если он хоть раз причинит тебе зло, Нэссун. Помни это, если ты ценишь жизнь отца больше

собственной. Я-то нет.

Затем он отворачивается к сараю, чтобы сложить там сумки, и это конец разговора. Чуть позже Нэссун рассказывает остальным об этой беседе. Малышка Пайдо предлагает:

— Может, тебе лучше переехать в Найденную Луну, ко всем нам.

Инеген, Тихоня и Лашар сидят поблизости, отдыхая и приходя в себя после того, как весь день искали и толкали отмеченные камни, спрятанные под полом тигля. Они кивают и бормочут, соглашаясь.

— Это будет правильно, — говорит Лашар в своей надменной манере. — Ты никогда по-настоящему не станешь одной из нас, если продолжишь жить внизу, *среди них*.

Нэссун сама часто подумывала об этом. Но…

— Он мой папа, — говорит она, разводя руками.

Это не вызывает у остальных понимания, лишь несколько жалостливых взглядов. Многие из них до сих пор носят на себе отметины жестокости, которыми наградили их в жизни взрослые, которым они доверяли.

— Он глухач, — резко говорит Тихоня, и это для них окончательный аргумент. В конце концов

Нэссун бросает попытки переубедить их.

Эти мысли начинают постоянно влиять на ее орогению. А как иначе, когда не высказанная часть ее хочет угодить отцу? Это требует ее всю, всю ее уверенность, происходящую от удовольствия, что она может полностью взаимодействовать с землей. И тем полуднем, когда она пытается коснуться переплетающихся серебряных нитей в горячей точке, это идет настолько ужасно криво, что она ахает и выбирается назад, к осознанию себя, лишь чтобы увидеть, что она заморозила все десять кругов тигля. Шаффа решительно заявляет:

— Ты будешь спать сегодня здесь, — говорит он, пройдя по покрытой ледяной коркой земле, чтобы отнести ее на скамью. Она слишком выдохлась, чтобы ходить. Она выложилась полностью, чтобы не умереть. — Завтра, когда ты проснешься, я пойду с тобой к тебе домой, и мы принесем твои пожитки.

— Н-не хочу, — задыхаясь произносит она, хотя и знает, что Шаффа не любит, когда дети говорят ему «нет».

— Мне все равно, что ты хочешь, малышка. Это мешает твоему обучению. Именно потому Эпицентр забирал детей из семей. То, что ты делаешь,

опасно, чтобы позволить тебе отвлекаться даже на любимых людей.

— Но… — У нее нет сил, чтобы упорствовать. Он держит ее на руках, пытается согреть, поскольку край ее торуса был всего лишь в дюйме от ее собственной кожи.

Шаффа вздыхает. Некоторое время он ничего не говорит, только кричит кому-то, чтобы принесли одеяло; приносит его Эйтц, который сразу побежал за ним, как только увидел, что произошло. (Все это видели. Это смущает. Как ты поняла еще давно, в раннем детстве Нэссун, она очень, очень гордая девочка.) Когда Нэссун перестает дрожать и ощущает себя так, будто ее методично били по сэссапинам, Шаффа наконец говорит:

— Ты служишь более высокой цели, малышка. Не желанию какого-то отдельного человека — даже моему. Ты создана не для таких пустяков.

Она хмурится:

— Тогда… для чего я создана?

Он качает головой. Серебро вспыхивает в нем живой перемещающейся паутиной, словно та штука, что помещена ему в сэссапины, снова ткет свою волю или пытается это сделать.

— Чтобы исправить великую ошибку. К которой приложил руку и я.

Это слишком интересно, чтобы заснуть, хотя все тело Нэссун этого жаждет.

— И в чем ошибка?

— В порабощении таких, как ты. — Когда Нэссун садится и, сдвинув брови, глядит на него, он снова улыбается, но на сей раз его улыбка печальна. — Или, возможно, точнее будет сказать, что мы увековечили их порабощение сами, во времена Старой Санзе. Эпицентр управлялся орогенами номинально, понимаешь ли — орогенами, которых мы выбрали и вырастили, тщательно огранили и отобрали, чтобы они повиновались. Чтобы знали свое место. Когда приходится выбирать между смертью и малейшей возможностью быть принятым, наступает отчаяние, и мы им воспользовались. Мы *заставили их отчаяться.*

По какой-то причине он замолкает и вздыхает. Делает глубокий вздох. Выдыхает. Улыбается. Так Нэссун, не сэсся, понимает, что боль, которая всегда живет в голове Шаффы, снова начинает гореть сильнее.

— А такие, как я — Стражи, каким я некогда был, — были замешаны в этом преступлении. Ты видела, как твой отец обтесывает камень? Бьет его молотком, отслаивая слабые куски. Разбивает его, если тот не способен выдержать напряжения,

и начинает работу над другим. Вот что я тогда делал, только с детьми.

Нэссун трудно в это поверить. Конечно, Шаффа безжалостен и жесток, но только с врагами. Год неприкаянности научил Нэссун необходимости жестокости. Но с детьми Найденной Луны он так ласков и добр!

— Даже со мной? — выдыхает она. Это не самый ясный вопрос, но он понимает его смысл — *если бы ты нашел меня тогда*?

Он прикасается к ее голове. Проводит по ней рукой, прикасается пальцами к ее затылку. На сей раз он ничего у нее не берет, но, возможно, это действие успокаивает его, поскольку он выглядит таким печальным.

— Даже с тобой, Нэссун. Тогда я причинил боль многим детям.

Так горько. Нэссун решает, что тогда он этого не хотел нарочно, даже если и сделал что-то плохое.

— Неправильно было обращаться так с такими, как ты. Вы люди. А мы делали из вас инструменты, и это было неправильно. Нам нужны были *союзники* — даже больше, чем сейчас, в те дни тьмы.

Нэссун сделает все, что попросит Шаффа. Но союзники нужны для особых целей, это не то же

самое, что друзья. Способность отделять одно от другого — еще одно, чему ее научила дорога.

— Зачем мы вам как союзники?

Взгляд его становится далеким и тревожным.

— Чтобы починить то, что было сломано давным-давно, малышка, и прекратить вражду, начало которой лежит так далеко в нашем прошлом, что большинство из нас уж и забыли, с чего все началось. Или вражда будет *продолжаться*. — Он поднимает руку и касается своего затылка. — Когда я отказался от старого пути, я поклялся себе помочь в ее окончании.

Вот оно как.

— Мне не нравится, что тебе от этого больно, — говорит Нэссун, глядя на это пятно на его серебряной карте. Оно такое крохотное. Меньше иголок, которые ее папа иногда использует для латания дыр в одежде. И все же это черная дыра на фоне блеска, заметная лишь по силуэту или по своим эффектам, чем сама по себе. Как неподвижный паук в дрожащей паутине, покрытой росой. Однако пауки засыпают Зимой, а тварь внутри Шаффы мучает его непрестанно.

— Почему она делает тебе больно, даже когда ты делаешь то, чего она хочет?

Шаффа моргает. Нежно обнимает ее и улыба-

ется.

— Потому, что я не вынуждаю тебя делать то, чего она хочет. Я представляю тебе ее желания в виде выбора и стерплю, если ты скажешь «нет». Оно… не так верит твоему роду. Возможно, небезосновательно. — Он качает головой. — Поговорим об этом попозже. Теперь пусть твои сэссапины отдохнут. — Она подчиняется сразу же — хотя она не намеревалась на самом деле сэссить его и не сознавала, что это делает. Постоянно сэссить становится ее второй натурой. — Тебе будет полезно немного поспать.

Он относит ее в спальную и укладывает на пустую койку. Она сворачивается комочком в коконе одеяла и засыпает под слова Шаффы другим детям не беспокоить ее.

Она просыпается на следующее утро под собственные крики и сдавленные стоны, выбираясь из одеяла. Кто-то хватает ее за руку — этого как раз и не надо: не сейчас, не ее, не тот, кого она хочет, она не будет терпеть. Она рвется к земле, но отвечает ей не жар, не давление, а серебряное плетение света отзывается эхом и дрожит ее невысказанной нуждой в силе. Этот крик прокатывается по земле, не просто нитями, но волнами, не только по земле, но по воде, по воздуху и

И тут

И тут

Что-то отвечает ей. Что-то в небе.

Она не имеет в виду того, что делает. Эйтц наверняка не желает того, что происходит в результате его попытки пробудить ее от кошмара. Он любит Нэссун. Она милая девочка. И хотя Эйтц давно уже не доверчивый ребенок и за годы с тех пор, как он покинул дом на Побережье, до него дошло, почему в тот день Шаффа слишком много улыбался и едва заметно пах кровью, он понимает, что значит такая привязанность Шаффы к Нэссун. Этот Страж все это время что-то искал, и, несмотря на все это, Эйтц так любит его, что надеется, что он это найдет.

Возможно, это успокоит тебя, но не успокоит Нэссун, что, испугавшись, сбившись с толку, превращает Эйтца в камень.

Это не то, как происходит далеко и под землей с Алебастром. С ним это происходит медленно, более жестоко, но куда утонченнее. Художественнее. То, что поражает Эйтца, — катастрофа: удар разупорядоченных атомов, перестроившихся не совсем случайно. Решетка, которая должна сформироваться, хаотически рассыпается. Это начинается в его груди, когда Нэссун пытается

отмахнуться от него, и распространяется быстрее, чем остальные дети, бывшие этому свидетелями, успевают ахнуть. Это расползается по его коже, его коричневая кожа твердеет и обретает внутреннее свечение, как тигровый глаз, затем уходит в плоть, хотя никто не увидит рубина внутри его, пока не разобьют. Эйтц умирает почти мгновенно, его сердце застывает полосатым золотистым кварцем, темным гранатом и белым агатом с тонкими переплетенными прожилками сапфира. Он прекрасная ошибка. Все происходит так быстро, что никто не успевает испугаться. Может, это потом утешит Нэссун, если уж нет ничего другого.

Но в этот момент, в застывшие секунды после того, как это происходит, когда Нэссун мечется и пытается вытащить свое сознание из *падения, падения вверх сквозь водянистый голубой свет*, и когда вздох Дешанти превращается в вопль (что заводит остальных) и Тихоня шагает вперед и, открыв рот, пялится на стеклянистую, ярко расцвеченную копию Эйтца, в других местах одновременно случается несколько событий.

Некоторые из них ты угадаешь. Примерно в сотне миль отсюда мерцающий сапфировый обелиск на миг становится твердой реальностью,

затем снова становится прозрачным — прежде чем начать тяжело смещаться в сторону Джекити. Во многих милях в другом направлении, где-то глубоко в магматической жиле порфира, фигура, напоминающая человеческую, поворачивается, полная нового интереса.

Случается еще одно, о чем ты можешь и не догадаться — или, возможно, догадаешься, поскольку ты знаешь Джиджу, как не знаю я. Но именно в тот момент, когда его дочь выпускает на волю протоны юноши, Джиджа заканчивает свой тяжелый подъем на плато, вмещающее поселение Найденной Луны. Слишком злой для вежливости после ночи гнева, он громко зовет дочь.

Нэссун не слышит его. Она содрогается от конвульсий в спальной. Слыша крики остальных детишек, Джиджа поворачивает туда — но прежде, чем он успевает туда направиться, двое Стражей выходят из какого-то дома и идут через поселение. Умбра быстрым шагом идет к спальной. Шаффа отклоняется перехватить Джиджу. Нэссун услышит обо всем этом позднее от детей, которые все это видели. (И я услышу.)

— Моя дочь прошлой ночью не ночевала дома, — говорит Джиджа, когда Шаффа становится у него на пути. Джиджа встревожен криками

детей, но не сильно. Какое бы безумие ни приключилось в спальной, чего еще ждать от логова беззакония, которым наверняка является Найденная Луна. Стоя перед Шаффой, он выдвигает челюсть так, как в других случаях, когда считает себя правым. Значит, он не намерен сдаваться.

— Она останется здесь, — говорит Шаффа, вежливо улыбаясь. — Мы обнаружили, что возвращение домой по вечерам мешает ее обучению. Поскольку твоя нога достаточно зажила, раз ты взобрался сюда, не будешь ли ты любезен принести сюда ее вещи чуть позже сегодня?

— Она… — Крики становятся громче, когда Умбра приоткрывает дверь, чтобы войти внутрь, но он закрывает ее за собой, и они прекращаются. Джиджа хмурит брови, но качает головой, чтобы сосредоточиться на важном. — Она, ржавь побери, тут не останется! Я не хочу, чтобы она проводила больше времени, чем нужно, с этими… — Он едва успевает проглотить грубость. — Она не из этих.

Шаффа на миг наклоняет голову набок, словно прислушивается к чему-то, что может слышать он один.

— Неужели? — Тон его задумчив.

Джиджа смотрит на него во все глаза, момен-

тально утрачивая уверенность. Затем он ругается и пытается обойти Шаффу. Его нога действительно практически зажила после его прибытия в Джекити, но он по-прежнему тяжело хромает, поскольку гарпун разорвал нервы и сухожилия, которые срастаются медленно, если вообще срастутся до конца. Даже будь Джиджа способен двигаться легче, он, однако, не смог бы уклониться от рук, которые возникают из ниоткуда и накрывают его лицо.

Это огромная рука Шаффы распластывается по его лицу, двигаясь так быстро, что размывается прежде, чем лечь на место. Джиджа не видит ее, пока она не накрывает его глаза, нос и рот, поднимая его всего и бросая на спину. И Джиджа лежит и моргает, слишком ошеломленный, чтобы удивляться, и онемевший, чтобы ощутить боль. Затем рука отдергивается, и Джиджа видит лицо Стража нос к носу со своим.

— У Нэссун нет отца, — тихо говорит Шаффа. (Позже Джиджа вспомнит, что Шаффа улыбается все время, пока говорит это.) Ей не нужны ни отец, ни мать. Она еще этого не знает, хотя однажды поймет. Или мне пораньше научить ее жить без тебя? — И он приставляет два пальца прямо под подбородок Джиджи, прижимая там нежную

кожу достаточно сильно, чтобы Джиджа сразу понял, что его жизнь зависит от его ответа.

Джиджа не шевелится, чтобы сделать осторожный, долгий вздох. В его голове нет ничего, чтобы сказать, даже рискнуть. Он ничего не говорит, просто издает звук. Когда дети после разговаривают об этом зрелище, они упускают эту деталь: тихое, придушенное скуление мужчины, который пытается не обмочиться и не обгадиться и не может думать ни о чем, кроме неминуемой смерти. Это носовой, гортанный звук. От этого ему хочется кашлять. Похоже, Шаффа принимает скулеж Джиджи за ответ. На миг его улыбка становится шире — настоящей, искренней улыбкой, которая приподнимает уголки его глаз и открывает десны. Он *счастлив*, что ему не придется убивать отца Нэссун голыми руками. И затем он очень неспешно убирает руку из-под подбородка Джиджи и перебирает пальцами перед его глазами, пока Джиджа моргает.

— Ну вот, — говорит Шаффа. — Теперь мы можем снова вести себя как цивилизованные люди. — Он выпрямляется, поворачивает голову к спальной; понятно, что он уже забыл о Джидже, но добавляет: — Не забудь, пожалуйста, завтра принести ее вещи. — Затем он встает, перешаги-

вает через Джиджу и идет в спальную.

Никому нет дела до того, что Джиджа будет делать после этого. Мальчик превратился в камень, а девочка проявила силу, странную и страшную даже для рогги. Кое-что об этом дне все запомнят. Все, кроме, подозреваю, Джиджи, который тихо похромал после этого домой.

В спальной Нэссун в конце концов удается вырвать свое сознание из водянистой колонны синего света, почти пожравшего ее. Это замечательный подвиг, хотя она этого не понимает. Все, что она знает, когда приходит в себя окончательно и видит над собой Шаффу, — что случилось что-то страшное, и потому Шаффа здесь, чтобы позаботиться о ней.

(Она твоя дочь в душе своей. Не мне ее судить, но… она настолько твоя.)

— Рассказывай, — говорит Шаффа. Он сидит на краю ее койки, нарочно заслоняя собой Эйтца. Умбра выпроваживает остальных детей. Тихоня плачет и бьется в истерике; остальные ошеломленно молчат. Нэссун не замечает — сейчас ей надо разобраться со своей травмой.

— Там было, — начинает она, учащенно дыша. Шаффа кладет большую руку на ее нос и рот, и через несколько мгновений ее дыхание замедля-

ется. Когда оно становится почти нормальным, он убирает руку и кивком дает знак продолжать. — Там было. Голубое нечто. Свет и… я упала вверх. Шаффа, я упала вверх. — Она хмурится, смущенная собственной паникой. — Я должна была выбраться из него. Это больно. Это было слишком быстро. Это жгло. Я так испугалась.

Он кивает, будто это все имеет смысл.

— Но ты выжила. Это очень хорошо.

Она краснеет от его похвалы, хотя и понятия не имеет, что он имеет в виду. Он на миг задумывается.

— Ты сэссила что-то еще, пока была связана?

(Она не удивляется этому слову — связана, — это будет намного позже.)

— Там было место, на севере. Линии в земле. Везде. — Она имеет в виду везде в Спокойствии. Шаффа наклоняет голову с интересом, что придает ей отваги, и она бормочет: — Я могла слышать, как люди разговаривают. Где они касались линий. Там были люди в узлах. Где линии пересекались. Но я не могу понять, что они говорили.

Шаффа становится очень неподвижным.

— Люди в узлах? Орогены? Да?

Очень трудно ответить на этот вопрос. Хватка орогении этих далеких чужаков была сильной

— некоторые сильнее самой Нэссун. Но была странная, почти одинаковая гладкость в каждом из самых сильных. Как пальцы, бегущие по полированному камню: без текстуры, за которую можно уцепиться. И они также были распределены на огромных расстояниях, некоторые даже дальше на север, чем Тиримо, — почти до того места, где мир стал красным и горячим.

— Узловая сеть, — задумчиво говорит Шаффа. — Хм-м. — Кто-то оставил в живых узловиков на севере? Как интересно.

Но есть еще кое-что, и Нэссун продолжает говорить:

— Ближе было много таких. *Нас.* — Эти ощущались как ее друзья в Найденной Луне, их орогения была яркой и быстрой, как рыбки, множество слов собирались в косяки и многократно отражали звук по связующим их серебристым линиям. Разговоры, шепотки, смех. Община, предложил ее разум. Что-то вроде общины. Община орогенов.

(Она не сэссит Кастримы. Я знаю, что ты спросишь.)

— Сколько? — Голос Шаффы очень спокоен.

Она не может измерять такое.

— Я просто слышала, как люди говорили. Это как в полных домах.

Шаффа отворачивается. В профиль она видит, как его губы открывают зубы. И на сей раз это не улыбка.

— Антарктический Эпицентр.

Нида, которая тем временем тихо входит в комнату, говорит с порога:

— Их не зачистили?

— Похоже, нет. — Голос Шаффы не меняется. — Это лишь вопрос времени, когда они нас найдут.

— Да. — И тут Нида тихо смеется. Нэссун сэсситсеребряные нити внутри Шаффы. Улыбка облегчает боль, сказал он. Чем больше Страж улыбается, смеется, тем больше что-то делает ему плохо. — Разве что… — Нида снова смеется. На сей раз и Шаффа улыбается.

Но он снова поворачивается к Нэссун и отбрасывает пряди с ее лица.

— Мне надо, чтобы ты успокоилась, — говорит он. Затем он встает и отходит в сторону, чтобы она увидела труп Эйтца. Когда она перестает кричать, и плакать, и трястись в руках Шаффы, приходят Нида и Умбра и уносят статую Эйтца. Она явно тяжелее, чем был Эйтц, но Стражи очень сильны. Нэссун не знает, куда они его уносят, прекрасного рожденного морем юношу с печальной улыбкой и добрыми глазами, и она ничего не знает о его

окончательной судьбе, кроме того, что она его убила, что она чудовище.

— Возможно, — отвечает Шаффа, когда она говорит это сквозь рыдания. Он снова берет ее на руки, гладит по густым кудрям. — Но ты мое чудовище.

Она так мала и перепугана, что от этих слов ей действительно становится лучше.

* * *

Камень не меняется. Никогда не меняй того, что написано на камне.

– Табличка третья. «Структуры», стих первый.

13. Ты, среди древних останков

Ты начинаешь ощущать себя так, словно прожила в Кастриме всю жизнь. Так не должно быть. Это просто очередная община, очередное имя, очередной новый старт или как минимум частичный. Вероятно, все кончится, как и в прошлые разы. Но… отличие в том, что здесь все до единого знают, кто ты такая. Это было хорошо для Эпицентра, Миова, для того, чтобы быть Сиенит: ты могла быть тем, кто ты есть. Это роскошь, которую ты познаешь заново.

Ты снова наверху, в Верхней Кастриме, как они ее всегда называли, стоишь в символических зеленых зонах городка. Земля вокруг Кастримы щелочная и песчаная; ты слышала, как Юкка надеялась, что небольшой кислотный дождь улучшит почву. Ты думаешь, что почве, вероятно, требуется для этого больше органики… а ее вряд ли будет много, поскольку ты заметила три гнезда жуков-кипячей по пути сюда.

Хорошо, что эти кучи легко заметить, даже хотя они лишь чуть поднимаются над слоем пепла, покрывающим почву. Насекомые внут-

ри их щекочут твое сознание, давая доступный ресурс тепла и давления для твоей орогении. По дороге сюда ты показала детям, как сэссить эту скрытую разницу между более холодной, более расслабленной окружающей средой вокруг. Младшие устроили игру, ахая и показывая пальцем каждый раз, когда ощущали гнезда и пытались перещеголять друг друга в счете.

Плохо то, что на этой неделе кипячей больше, чем на прошлой. Это, вероятно, не очень хорошо, но ты не показываешь детям своих тревог.

Всего здесь семнадцать детей — основной личный состав орогенов Кастримы. Паре детишек около десяти лет, но большинство младше, одному не больше пяти. Большинство сироты или могут ими стать, и это совершенно не удивляет тебя. А удивляет тебя то, что все они должны иметь относительно хороший самоконтроль и быструю соображалку, поскольку иначе не пережили бы Разлома. Они наверняка вовремя почувствовали его приближение, чтобы добраться до какого-то уединенного местечка, позволить своим инстинктам себя спасти, прийти в себя и затем отправиться куда-нибудь прежде, чем все начнут понимать, кто оказался в центре круга без разрушений. Большинство срединники-полу-

кровки вроде тебя: у многих не совсем санзийская бронзовая кожа, не совсем пепельные волосы, глаза и тела в диапазоне от Арктики до Побережья. Не особо отличаются от детей, которых ты учила в яслях Тиримо. Отличие лишь в предмете и необходимости твоих методов обучения.

— Попробуйте сэссить то, что я делаю, только сэссить, пока не повторять, — говоришь ты и создаешь торус вокруг себя. Ты делаешь это несколько раз, каждый раз по-иному — иногда свиваешь его высоким и узким, иногда держишь его постоянным, но достаточно широким, чтобы его края вращались близко к ним. (Половина детей ахает и пятится. Именно так они и должны поступать, хорошо. Плохо, что остальные стоят и тупо пялятся. Придется над этим поработать.)

— Теперь рассыпьтесь. Ты — сюда, ты — туда; разойдитесь все примерно вот на такое расстояние друг от друга. Как только окажетесь на месте, создайте торус, который выглядит ровно так, как тот, что я делаю сейчас.

В Эпицентре их учили бы не так. Там, в течение долгих лет, в безопасности стен, под спокойствием голубых небес обучение можно было бы проводить мягко, постепенно, чтобы дать детям время преодолеть свои страхи или перерасти

свою незрелость. Но Зимой нет времени для мягкости и нет места ошибкам внутри щербатых стен Кастримы. Ты уже слышала ворчание, видела возмущенные взгляды, когда присоединялась к командам функционал-каст или спускалась в общинные бани. Юкка считает, что Кастрима особенная: община, где рогга и глухач могут жить в гармонии и трудиться вместе ради выживания. Ты считаешь ее наивной. Этих детей нужно подготовить к неизбежному дню, когда Кастрима обратится против них.

Потому ты показываешь, поправляешь их словами, когда можешь, а порой ударом инверсии торуса, когда один из старших детей делает его слишком широким и угрожает заморозить товарищей.

— Нельзя быть беспечным! — Мальчик сидит на обледеневшей земле, глядя на тебя распахнутыми глазами. Ты также заставляешь землю приподняться под его ногами и швырнуть его наземь и стоишь теперь над ним, кричишь, нарочно пугаешь. Он чуть не убил другого ребенка; он *должен* испугаться. — Когда ты делаешь ошибки, гибнут люди, ты этого хочешь? — Он отчаянно мотает головой. — Тогда встань и сделай это снова.

Ты прогоняешь их через упражнение, пока все они не демонстрируют как минимум базовую способность контролировать размер своего тора. Кажется неправильным обучать их без всякой теории, которая могла бы им помочь понять, почему и как работает их сила, или какого-нибудь стабилизирующего упражнения, направленного на усовершенствование и отделение инстинкта от силы. Ты должна обучить их за считаные дни тому, чем ты овладевала годы; будь ты художником, они были бы в лучшем случае грубыми подражателями. Они ведут себя смирно, когда ты ведешь их назад в Кастриму, и ты подозреваешь, что некоторые ненавидят тебя. Вообще ты в этом уверена. Но так они будут полезнее для Кастримы — и в тот неизбежный день, когда Кастрима обратится против них, они будут готовы.

(Это знакомые мысли. Однажды, когда ты обучала Нэссун, ты сказала себе, что все равно, возненавидит ли она тебя к концу обучения; она поймет твою любовь, когда выживет. Это ведь никогда не казалось правильным, не так ли? Поэтому ты была мягче с Уке. И ты всегда хотела извиниться перед Нэссун, попозже, когда она станет старше, чтобы понять… Ах, в тебе сейчас так много сожалений, что они скручиваются, как

железо под давлением, в твоем сердце.)

— Ты права, — говорит Алебастр, когда ты позже сидишь в лазарете на койке и рассказываешь ему об уроке. — Но ты и неправа.

Ты зашла к Алебастру позже обычного, и в результате он беспокоен и откровенно испытывает боль в своем гнезде. Лекарства, которые Лерна обычно дает ему, уже не действуют. Быть при нем для тебя всегда состязание желаний: ты знаешь, что ему не много времени осталось, чтобы научить тебя, но ты также хочешь продлить ему жизнь, и каждый день, который ты терзаешь его, перетирает тебя, как ледник. Срочность и отчаяние плохо сочетаются. Ты решила на сей раз быть краткой, но, сдается, он склонен сегодня говорить много, поскольку он облокачивается на руку Сурьмы и не открывает глаз. Ты не можешь отделаться от мысли, что это некий сберегающий силы жест, а один вид тебя его изматывает.

— Неправа? — подсказываешь ты. Может, сделала свое дело нотка предостережения в твоем голосе. Ты всегда очень защищала своих учеников, кем бы они ни были.

— Во-первых, в том, что тратишь время. У них никогда не будет точности, чтобы стать чем-то больше камнетолкалы. — Голос Алебастра полон

презрения.

— Иннон был камнетолкалой, — отрезаешь ты.

На его скулах играют желваки, и он на мгновение замолкает.

— Так что, может быть, и хорошо, что ты научишь их толкать камни безопасно, пусть ты делаешь это и не мягко. — Теперь презрение исчезло. Это максимально близко к извинению для него. — Но я стою на своем: ты неправа, что вообще их учишь, поскольку *их* обучение мешает *твоему* обучению.

— Что?

Он снова заставляет тебя сэссить одну из его культей и… о. О-о-о-о. Внезапно поймать эту штуку между его клетками становится сложнее. Твоему сознанию приходится дольше подстраиваться, а когда оно это делает, тебе все равно приходится машинально выдергивать себя из тенденции замечать только тепло и дерганое движение малых частиц. Один день обучения детей отбросил твой прогресс на неделю или больше.

— Вот почему Эпицентр учил тебя так, как учил, — объясняет он в конце концов, когда ты выпрямляешься и трешь глаза, борясь с досадой. Сейчас он открывает глаза и смотрит на тебя исподлобья. — Методы Эпицентра — нечто вроде

закаливания, предназначенного для того, чтобы подтолкнуть тебя в сторону перераспределения энергии и подальше от магии. Торус даже не нужен — ты можешь взять окружающую энергию многими путями. Но вот так они учат направлять свое сознание *вниз*, к орогении, — но никогда вверх. Все, что выше тебя, не имеет значения. Только твое непосредственное окружение, и ни шагу дальше. — Он качает головой, насколько получается. — Изумительно, если подумать. Все в Спокойствии так. Не обращать внимания на то, что в океане, на то, что в небесах; никогда не гляди на свой горизонт и не думай, что за ним. Мы веками смеялись над астрономестами из-за их сумасшедших теорий, но самым невероятным нам казалось то, что они вообще удосужились *посмотреть вверх*, чтобы их сформулировать.

Ты почти забыла об этой его черте — он мечтатель, мятежник, всегда переосмысляющий суть вещей потому, что они, возможно, сначала вообще не для того предназначались. И он прав. Жизнь в Спокойствии отбивает охоту к переосмыслению, к переориентации. Мудрость высечена в камне, в конце концов; вот почему никто не верит в изменчивость металла. Вот почему Алебастр был магнитным стержнем вашей

маленькой семьи, когда вы еще были вместе.

Что-то ты сегодня разностальгировалась. Это заставляет тебя сказать:

— Я думаю, что ты не просто десятиколечник. — Он удивленно моргает. — Ты всегда *думал*. Ты еще и гений — только предмет твоей гениальности лежит в той области, которую никто не уважает.

Алебастр несколько мгновений пристально смотрит на тебя. Глаза его сужаются.

— Ты пьяна?

— Нет, я… — Злой Земля, вот тебе за теплые воспоминания. — Продолжай свой ржавый урок.

Он с виду испытывает большее облегчение, чем ты от перемены темы.

— Вот что делает с тобой эпицентровская школа. Ты учишься думать об орогении как о результате усилий, хотя на самом деле это… точка зрения. И способность воспринимать.

Травма, полученная в Аллии, говорит тебе, почему Эпицентр не хотел бы, чтобы любой двухосколочный дичок мог бы коснуться обелиска, будь он рядом. Но ты тратишь пару мгновений, пытаясь понять различие, о котором он говорит. Это правда, что использование энергии порой совершенно отличается от использования магии.

Метод Эпицентра заставляет ощущать орогению как есть — напряжение для отодвигания в стороны тяжелых предметов, только при помощи воли, а не рук или рычагов. Но магия ощущается без усилий — как минимум пока используешь ее. Утомление накрывает потом. Но в момент действия достаточно просто сознавать, что она есть. Научись видеть ее.

— Я не понимаю, зачем они это делали, — говоришь ты, задумчиво барабаня пальцами по матрасу. Эпицентр был построен орогенами. По крайней мере, некоторые из них в прошлом должны были сэссить магию. Но… ты вздрагиваешь, понимая. Ну да. Самые мощные орогены, те, кто чует магию легче всего и, вероятно, в результате имеет проблемы с перераспределением энергии, заканчивают в узлах.

Алебастр думает в масштабах больших, чем Эпицентр.

— Я думаю, — говорит он, — они поняли опасность. Не только те рогги, которым недоставало точного контроля, связывались с обелисками и погибали, но некоторые могли делать это успешно — но по неправильным причинам.

Ты пытаешься придумать правильную причину для активации сети древних мертвых машин.

Алебастр читает эту мысль на твоем лице.

— Сомневаюсь, что я первый рогга, которому хотелось опрокинуть Эпицентр в лавовый провал.

— Хорошее замечание.

— И война. Не забывай о ней. Стражи, сотрудничающие с Эпицентром, — так сказать, одна из фракций, о которых я тебе рассказывал. Именно они хотят сохранить статус-кво: сделать рогг безопасными и полезными руками глухачей, и чтобы те думали, что они управляют всем, а на самом деле все было в руках у Стражей. Контроль над людьми, которые контролируют природные катастрофы.

Ты удивлена. Нет, ты удивлена, что сама до этого не додумалась. Но ты мало времени посвящала мыслям о Стражах, когда в непосредственной близости их не было. Возможно, это еще один тип мысленной антипатии, к которому тебя приучили: не смотри вверх и не думай об этих проклятых улыбках. Ты решаешь заставить себя подумать об этом сейчас.

— Но Стражи погибают Зимой… — Дерьмо. — Они говорят, что умирают… — Дерьмо. — Конечно же, нет.

Алебастр издает ржавый скрежет — наверное, смех.

— Я дурно влияю на окружающих.

Он всегда был таков. Ты не можешь удержаться от улыбки, хотя ненадолго, поскольку разговор серьезный.

— Но они не присоединяются к общинам. Значит, у них должно быть место, чтобы переждать.

— Может быть. Может, тот самый Уоррент. Похоже, никто не знает, где он. — Он замолкает, становится задумчивым. — Полагаю, надо было спросить об этом моего Стража прежде, чем я ее покинул.

Никто просто так не покидает своего Стража.

— Ты сказал, что не убивал ее.

Он моргает, вспоминая.

— Нет. Я *исцелил* ее. Что-то вроде. Ты ведь знаешь о штуке у них в голове. — Да. Кровь и боль в ладони. Шаффа передает что-то маленькое и окровавленное другому Стражу с великой осторожностью.

Ты киваешь.

— Она дает им способности, но также оскверняет, корежит их. Старшие в Эпицентре обычно говорили об этом шепотом. Есть степени осквернения… — Он стискивает зубы, явно пытаясь заставить себя уйти от этой темы. Ты догадываешься почему. Где-то посередине находится

тот Страж без рубашки, который убивает прикосновением. — Короче, я выдернул эту штуку из моего.

Ты сглатываешь.

— Я видела, как Страж убил другого, вытащив ее.

— Да. Когда осквернение заходит слишком далеко. Тогда они становятся опасными даже для Стражей и должны быть зачищены. Я слышал, что в этом они не церемонятся. Жестоки даже к своим.

Оно злится, сказала Страж Тимай, прямо перед тем, как Шаффа убил ее. *Подготовка к возвращению*. Ты втягиваешь воздух. Это воспоминание ярко в твоей памяти, поскольку в тот день вы с Тонки-Биноф — нашли гнездо. День твоего первого испытания на кольцо, раннего, когда на кону стояла твоя жизнь. Ты никогда не забудешь этот день. И теперь…

— Это Земля.

— Что?

— Та штука в Стражах. Тот… яд. — *Он изменил тех, кто мог бы контролировать его. Сковал судьбу с судьбой.*

— Она начала говорить от имени Земли!

На сей раз ты явно сумела его удивить.

— Тогда… — Он на мгновение задумывается. — Я понимаю. Вот когда они меняют сторону. Перестают работать на статус-кво и интересы Стражей и вместо этого начинают работать на интересы Земли. Немудрено, что остальные убивают их.

Это то, что тебе надо понять.

— Чего хочет Земля?

Взгляд Алебастра тяжелый.

— Чего хочет любое живое существо, сталкиваясь с жестоким врагом, лишающим его единственного ребенка?

Ты стискиваешь челюсти. Месть. Ты сползаешь с койки на пол, опираясь на раму.

— Расскажи мне о Вратах Обелисков.

— Да. Я думаю, это тебя заинтересует. — Голос Алебастра снова становится мягким, но выражение его лица заставляет тебя подумать — так он выглядел в тот день, когда создал Разлом. — Ты помнишь базовые принципы. Параллельное масштабирование. Запрячь двух быков вместо одного. Два рогги вместе могут больше, чем каждый по отдельности. Это действительно и для обелисков, только… экспоненциально. Матрица, не парная упряжка. Динамичность.

Хорошо, пока ты его понимаешь.

— Значит, мне нужно понять, как снова связать их воедино.

Он еле заметно кивает.

— И тебе понадобится буфер как минимум вначале. Когда я открыл Врата в Юменесе, я использовал несколько десятков узловиков.

Несколько десятков чахлых, изуродованных рогг, превращенных в бездумное оружие… и Алебастр каким-то образом обратил их против их хозяев. Как похоже на него. Как совершенно.

— Буфер?

— Чтобы смягчить удар. Чтобы… разгладить поток связи… — Он колеблется, вздыхает. — Не знаю, как объяснить. Поймешь, когда попробуешь.

Когда. Он предполагает, что это будет.

— То, что ты сделал, убило узловиков?

— Не совсем так. Я использовал их, чтобы открыть Врата и создать Разлом… а потом они попытались сделать то, для чего были предназначены — остановить землетрясение. Стабилизировать землю. — Ты кривишься, понимая. Даже ты в безвыходном положении не была настолько глупа, чтобы пытаться остановить ударную волну, когда та достигла Тиримо. Единственным способом сделать это — было отклонить ее силу в другую

сторону. Но узловикам не хватает разума или контроля, чтобы сделать это. — Я использовал не всех их, — задумчиво говорит Алебастр. — Те, что далеко на востоке, в Арктике или Антарктике, были недосягаемы для меня. После этого большинство умерли. Некому поддерживать их. Но я до сих пор могу сэссить активные узлы в некоторых местах. Остатки сети — на юге, возле антарктического Эпицентра, и на севере, возле Реннаниса.

Конечно, он может сэссить активные узлы по всей Антарктике. Ты едва способна сэссить на сотню миль от Кастримы, и тебе приходится постараться, чтобы дотянуться так далеко. И возможно, рогги антарктического Эпицентра как-то сумели выжить и решили позаботиться о своих не столь счастливых собратьях в узлах, но…

— Реннанис? — Этого не может быть. Это большой экваториальный город. Южнее и западнее остальных; люди в Юменесе считали его лишь на голову выше остального Южно-Срединного захолустья. Но Реннанис был достаточно экваториальным, чтобы погибнуть.

— Разлом идет на северо-восток, вдоль древней трещины, которую я обнаружил. Он проходит в нескольких сотнях миль от Реннаниса… Полагаю,

этого было достаточно, чтобы узловики что-то сделали. Я должен был убить большинство из них, а остальные должны были скончаться от отсутствия ухода, когда обслуга их бросила, но я не знаю.

Он замолкает, возможно, от усталости. Сегодня голос у него сиплый, глаза воспалены. Очередная инфекция. Он постоянно их подхватывает, поскольку некоторые обожженные участки его тела не заживают, как говорит Лерна. Нехватка болеутоляющего не помогает.

Ты пытаешься переварить то, что он сказал тебе, что рассказала тебе Сурьма, что ты сама узнала путем испытаний и страданий. Возможно, количество имеет смысл. Двести шестнадцать обелисков, какое-то огромное количество орогенов в качестве буфера и ты. Магия для связи этих трех факторов воедино… каким-то образом. Все вместе создает сеть, чтобы поймать, огонь земной ее побери, Луну. Алебастр ничего не говорит, пока ты размышляешь, и в конце концов ты поднимаешь на него взгляд, чтобы понять, не спит ли он. Но он не спит и смотрит на тебя сквозь щелки глаз.

— Что? — хмуришься ты, ощетиниваясь, как всегда.

Он улыбается необожженной четвертью рта.

— Ты не меняешься. Если я прошу тебя о помощи, ты посылаешь меня подальше и желаешь мне сдохнуть. Если я не говорю ни единого ржавого слова, ты делаешь для меня чудеса. — Он вздыхает. — Злой Земля, как мне тебя недоставало.

Неожиданно это… ранит. Ты сразу понимаешь почему: потому что прошло столько времени, с тех пор как кто-то говорил тебе нечто подобное. Джиджа умел быть страстным, но не был особо склонен к сантиментам. Иннон проявлял свою нежность через секс и шуточки. Но Алебастр… он всегда проявлялся вот так. Неожиданный жест, двусмысленный комплимент, который можно принять за подзуживание или оскорбление. Ты настолько очерствела без всего этого. Без него. Ты кажешься сильной, здоровой, но внутри ты ощущаешь себя так, как он выглядит: ничего, кроме хрупкого камня и шрамов, которые трескаются, если ты слишком сильно нагибаешься.

Ты пытаешься улыбнуться, но тебе не удается. Он не пытается. Вы просто смотрите друг на друга.

Это ничто и в то же время все.

Конечно, это длится недолго. Кто-то заходит в лазарет и идет прямо к тебе, и ты с удивлением

видишь Юкку. За ней тащится Хьярка с томно санзийским видом: она ковыряет в своих заточенных зубах полированной деревянной палочкой, уперев другую руку в выраженный изгиб бедра, ее пепельные волосы спутаны сильнее обычного и явно примяты с одной стороны, поскольку она только что проснулась.

— Извини, что прерываю, — говорит Юкка без особого сожаления, — но у нас проблема.

Ты начинаешь ненавидеть эти слова. Но все равно пора заканчивать урок, потому ты киваешь Алебастру и встаешь.

— Что на сей раз?

— Твоя подружка. Бездельница. — Тонки, которая так и не удосужилась присоединиться к рабочей команде Инноваторов, которая не забирает вашу долю, когда приходит ее очередь, и которая удобно исчезает, когда наступает время кастовой встречи. Из другой общины ее уже вышвырнули бы за такое, но она получает дополнительное время, поскольку она одна из спутниц второго по мощи орогена в Кастриме.

Однако дошло до предела, и Юкка взбешена сильнее обычного.

— Она нашла диспетчерскую, — говорит Юкка, — и заперлась там.

— Дис… — Что?.. — Диспетчерскую чего?

— Кастримы. — Юкка слишком раздражена, чтобы объяснять. — Я же говорила, когда ты сюда пришла: есть механизмы, которые заставляют это место функционировать — свет, воздух и все такое. Мы держим эту комнату в тайне, поскольку, если кто-то туда влезет и начнет все ломать, мы погибнем. Но твоя геоместка там творит Злой Земля знает что, и я на всякий случай тебя спрашиваю — ничего, если я ее убью, поскольку я как раз это и готова сделать.

— Она не сможет поломать ничего важного, — говорит Алебастр. Это пугает вас обеих — тебя, поскольку ты не привыкла, чтобы он говорил с кем-то еще, и Юкку, потому что она, вероятно, считает его тратой лекарств и вообще не человеком. Но для нее она тоже мало значит. Глаза его снова закрыты. — Скорее всего, себе повредит.

— Очень приятно слышать, — говорит Юкка, хотя смотрит на него скептически. — Я было поверила, что это не фигня, только ты не можешь знать, что творится за стенами лазарета, но тем не менее спасибо.

Он тихо фыркает от удивления.

— Я знал все, что мне было нужно, об этой древней хреновине, как только попал сюда. И если

кто-то из вас, кроме Иссун, имел хоть шанс заставить эту штуку делать то, на что она способна, я бы тут ни на миг не задержался.

Пока вы с Юккой пялитесь на него, он испускает тяжелый вздох. В нем слышится некий скрежет, что беспокоит тебя, и ты делаешь себе заметку спросить на этот счет Лерну. Но он больше не говорит ничего, и в конце концов Юкка смотрит на тебя, и взгляд ее говорит — *меня твои приятели достали,* — и делает тебе знак следовать за ней.

К диспетчерской долго подниматься. Хьярка тяжело дышит после первой вертикальной лестницы, но после этого приспосабливается и входит в ритм. Юкка идет лучше, хотя через десять минут она покрывается потом. Ты еще не утратила свою дорожную форму, потому достаточно хорошо справляешься с подъемом, но после первых трех пролетов лестницы, вертикального подъема и спиральной галереи вокруг одного из самых толстых кристаллов общины ты даже готова начать беседу, чтобы отвлечь разум от земли, которая уходит все дальше и дальше вниз.

— Каково ваше обычное наказание для людей, отлынивающих от кастовых обязанностей?

— Изгнание, что ж еще? — пожимает плечами Юкка. — Мы не можем, правда, просто вышвыр-

нуть их, придется убить ради секретности. Но это процесс: сначала предупреждение, затем слушание. Морат — спикер от касты Инноваторов — пока еще не подала официальной жалобы. Я просила ее, но она увиливает. Сказала, что твоя приятельница сделала переносное устройство для анализа воды, которое может спасти жизнь нашим Охотникам в поле.

Хьярка ржаво смеется. Ты изумленно качаешь головой:

— Какой подкуп. Уж что-что, а выживать она умеет.

Юкка закатывает глаза:

— Возможно. Но она подает дурной пример — человек не присоединяется ни к одной рабочей команде и не получает за это наказания, пусть даже она действительно изобретает полезные устройства в нерабочее время. Остальные тоже начнут косить, и что я буду делать?

— Вышвырни тех, кто не изобрел ничего полезного, — предлагаешь ты. Затем останавливаешься, поскольку Юкка остановилась. Ты думаешь, что ее разозлили твои слова, но она оглядывается по сторонам, обводя взглядом все пространство общины. Ты тоже останавливаешься. Здесь ты находишься гораздо выше основного жилого

уровня общины. В жеоде эхом раздаются голоса, кто-то что-то отбивает, и одна из рабочих команд поет ритмичную песню.

Ты осмеливаешься выглянуть из-за ближайших перил и видишь, что кто-то сделал простой грузовой лифт из канатов и деревянной платформы для среднего уровня, но без противовеса, так что единственный способ поднять тяжелый груз наверх — это, как правило, играть с ним в перетягивание каната. Сейчас его тянут двадцать человек. Это выглядит как развлечение.

— Ты права насчет сравнения, — говорит Хьярка. Голос ее тих, поскольку она тоже размышляет, стоя над суетой жизни Кастримы. — Мы не смогли бы заставить это место работать без большего количества людей. Я думала, что ты фигней страдаешь, а оказалось, что нет.

Юкка вздыхает.

– *Пока* все работает. — Она смотрит на Хьярку: — Ты прежде никогда не говорила, что тебе не нравится эта идея.

Хьярка пожимает плечами:

— Я покинула родную общину, поскольку не хотела тягот Лидерства. И здесь не хочу.

— Тебе не придется драться со мной на ножах ради лидерства, чтобы *выразить свою точку*

зрения, Земля побери.

— Когда приходит Зима, а я единственный Лидер в общине, лучше уж придержу я свое мнение при себе. — Она пожимает плечами, затем улыбается Юкке с чем-то вроде приязни. — Не могу отделаться от мысли, что теперь ты меня прикончишь в любой момент.

Юкка издает смешок.

— Значит, на моем месте ты бы это сделала? — Ты слышишь в этих словах раздражение.

— Следовать такой схеме меня учили, да — но я была бы дурой, если бы попыталась сделать это здесь. Подобной этой Зиме никогда не бывало… и никогда не было общины, подобной этой.

Хьярка в упор смотрит на тебя, как на последний пример особенности Кастримы.

— В такой ситуации традиция пересиливает все. Лучше иметь предводительницу, которая не знает, как *должно быть*, а делает ситуацию такой, как *хочется*. Предводительницу, которая надерет зад любому, чтобы осуществить свою мечту.

Юкка несколько мгновений в молчании переваривает это. Очевидно, что бы Тонки ни сделала, это не так срочно или ужасно. Затем она отворачивается и снова начинает подъем, вероятно

решив, что хватит отдыхать. Вы с Хьяркой вздыхаете и идете за ней.

— Думаю, те, кто первоначально построил это место, не продумали его, — говорит Юкка, возобновляя подъем. — Слишком неэффективно. Слишком зависит от машинерии, которая может заржаветь или поломаться. Да еще и *орогения* в качестве источника питания, а это крайне ненадежная штука. Но порой я думаю — может, они не намеревались строить все это вот так. Может, что-то внезапно загнало их под землю, и они нашли гигантскую жеоду и сделали, как могли. — Она по дороге ведет рукой по перилам. Это одна из первоначальных металлических структур, встроенных в жеоду. Над ненаселенными уровнями сплошные старые металлические сооружения. — Мне всегда кажется, что они должны быть предками Кастримы. Они уважали тяжелый труд и адаптировались под давлением обстоятельств, как мы.

— Разве не все так? — Кроме Тонки.

— Некоторые. — Она не заглатывает откровенной приманки. — Я открылась всем, когда мне было пятнадцать. Где-то на юге был лесной пожар в сезон засухи. Один дым душил стариков и младенцев в общине. Мы думали, что нам придется

уйти. В конце концов я пошла к краю пожара, где группа жителей нашего городка пыталась создать преграду. Шестеро из них погибли в процессе. — Она качает головой: — Это не помогло бы. Пожар был слишком мощный. Но это было ради народа.

Ты киваешь. Это звучит очень по-кастримитски, насколько ты успела узнать этих людей. А также как слова жителей Тиримо, которых ты знала, миовитов, аллиянцев и юменесийцев. Ни один народ в Спокойствии не дожил бы до сих пор, если бы они не были жутко цепки. Но Юкке не нужно думать о Кастриме как о чем-то особенном — она и есть особенная в своем необычном аспекте. Потому ты держишь рот на замке.

Она говорит:

— Я остановила пожар. Заморозила горящую часть леса и использовала его, чтобы создать барьер дальше на юге в качестве защитной полосы на случай нового возгорания. Все видели, как я это сделала. Теперь они точно знали, кто я.

Ты останавливаешься и смотришь на нее. Она оборачивается с полуулыбкой.

— Я сказала им, что уйду, если они хотят позвать Стража и продать меня в Эпицентр. И если они хотят просто вздернуть меня, я не стану

никого морозить. Они обсуждали этот вопрос три дня. Я думала, они решают, как лучше меня убить. — Она пожала плечами. — Я пошла домой, поужинала с родителями — они оба знали и ужасно боялись за меня, но я отговорила их от попытки вывезти меня тайком в телеге. На другой день я как всегда пошла в школу. К концу занятий я узнала, что все в городе обсуждают, *как лучше меня обучить*. Не привлекая Эпицентр, понимаешь.

У тебя челюсть отвисает. Ты видела родителей Юкки, которые все еще здоровы, крепки и по-санзийски упрямы. В их действия ты готова поверить. Но чтобы все остальные? Ладно. Может, Кастрима и впрямь особенная.

— Хм, — говорит Хьярка. — Но как же ты обучилась?

— Ну ты же знаешь, что такое эти маленькие срединные общины. Они обсуждали это до самого Разлома. Я сама обучалась. — Она смеется, и Хьярка вздыхает. — Таков мой народ. Ржавоголовые, но добрые.

Против воли ты думаешь — *если бы я привезла сюда Уке и Нэссун сразу после их рождения*.

— Не всем вашим нравится, что здесь такие, как мы, — говоришь ты, почти возражая собствен-

ным мыслям.

— Да. Я слышала разговоры. Потому я и рада, что ты обучаешь детей и что все видели, как ты вытащила кипячей из Тертейса. — Она мрачнеет. — Бедняга Тертейс. Но ты еще раз показала, что лучше иметь у себя таких людей, как мы, чем убивать или изгонять. Кастримиты практичный народ, Исси. — Ты тут же начинаешь ненавидеть это прозвище. — Слишком практичный, чтобы делать что-то потому, что все говорят, что так надо.

С этими словами она возобновляет подъем, как и вы с Хьяркой через мгновение.

Ты привыкла к беспощадной белизне Кастримы — лишь некоторые дома-кристаллы имеют оттенок аметиста или дымчатого кварца. Здесь, однако, потолок жеоды перекрыт гладкой стеклообразной субстанцией густого изумрудно-зеленого цвета. Это несколько ошеломляет. Последний пролет достаточно широк, чтобы могли подниматься пять человек в ряд, так что ты не удивлена, увидев двух кастримитов-Опор по обе стороны чего-то вроде раздвижной двери чердака из того же зеленого вещества. У одной из Опор маленький нож с множеством лезвий из армированного стекла; второй стоит, скрестив на

груди огромные руки.

— Пока ничего, — говорит Опора-мужчина, когда вы втроем подходите. — Мы постоянно слышим звуки оттуда — щелканье, жужжание, иногда она что-то орет. Но дверь все еще закрыта.

— Орет? — спрашивает Хьярка.

Он пожимает плечами:

— Что-то вроде «я знала» и «вот почему».

Похоже на Тонки.

— Как она вскрыла дверь? — спрашиваешь ты.

Женщина-Опора пожимает плечами. По стереотипному представлению у Опор одни мускулы и нет мозгов, но лишь немногие из них подходят под это описание больше, чем следовало бы.

Юкка снова бросает на тебя взгляд, говорящий «*это твоя вина*». Ты качаешь головой, затем взбираешься на верхнюю ступеньку и стучишь в дверь.

— Тонки, ржавь тебя побери, открой.

Возникает момент тишины, затем ты слышишь тихое звяканье.

— Блин, это ты, — бормочет Тонки откуда-то дальше, чем от двери. — Подожди и не заморозь ничего.

Мгновением позже слышится какое-то царапа-

нье по материалу двери. Затем дверь отъезжает в сторону. Ты, Юкка, Хьярка и Опоры забираетесь наверх — хотя одна Юкка останавливается, так что на ее долю приходится сложить на груди руки и пронзить Тонки заслуженно злым взглядом.

Потолок над дверью полый. Зеленое вещество формирует пол, и получившаяся зала обтекает привычные белые кристаллы, которые торчат вниз с каменного серовато-зеленого истинного потолка жеоды примерно в пятнадцати футах над головой. Что заставляет тебя остановиться с открытым ртом, а твой разум забыть о раздражении — это то, что кристаллы по эту сторону зеленого барьера мерцают и вспыхивают, переходя случайным образом от мерцающих кристаллических силуэтов к плотности и обратно. Грани и острия этих кристаллов, пронзающие пол, не делают такого снаружи. Как и ни один кристалл в Кастриме. Кроме свечения — которое, на минуточку, предупреждает, что они не просто камни — кристаллы Кастримы не отличаются от остального кварца. Тут, однако… ты внезапно осознаешь, что имел в виду Алебастр, когда говорил о возможностях Кастримы. Правда о Кастриме становится внезапно ужасающе четкой: жеода полна не кристаллами, а *потенциальными обелисками*.

— Ржавь гребаная, — выдыхает кто-то из Опор. Твои слова.

По комнате повсюду разбросан хлам Тонки — странные инструменты, грифельные доски и обрывки кожи, покрытые диаграммами, и тюфяк в углу, что объясняет, почему в последнее время она нечасто ночевала дома. (Там одиноко без нее и Хоа, но ты не любишь себе в этом признаваться.) Она сейчас отходит от тебя, зло оглядываясь через плечо, явно раздраженная твоим приходом.

— Не трогай тут никакой ржави, — говорит она. — Хрен знает, что ороген твоего калибра может со всем этим наделать.

Юкка выкатывает глаза:

— Да это ты не должна ничего трогать. Тебе не давали разрешения сюда входить, и ты это знаешь. Пошли.

— Нет. — Тонки садится на корточки рядом со странным низким цоколем в центре комнаты. Он похож на кристалл, срезанный посередине: ты видишь (мерцающее, нереальное) основание, растущее с потолка, и этот цоколь является его (мерцающий синхронно с ним) продолжением, но между ними пять футов пустого пространства. Поверхность цоколя срезана так гладко, что сверкает, как зеркало, — и только поверхность

остается постоянной, хотя вся остальная часть мерцает.

Сначала ты думаешь, что это ничего не значит. Но Тонки всматривается в поверхность цоколя так пристально, что ты подходишь к ней. Когда ты нагибаешься, чтобы посмотреть получше, она поднимает взгляд, чтобы встретиться с твоим, и ты потрясена тем, что в ее глазах едва скрываемое ликование. Не то чтобы ты была ошарашена, ты уже хорошо знаешь ее. Ты потрясена тем, что это неприкрытое ликование и ее обновленные, не спрятанные короткие чистые волосы и опрятная одежда превращают ее во взрослую версию Биноф, которой ты восхищаешься, словно никогда прежде не видела ее.

Но это не важно. Ты сосредоточиваешься на цоколе, хотя тут есть на что посмотреть и кроме этого: более высокий цоколь в задней части комнаты, над которым парит миниатюрный обелиск высотой в фут такого же изумрудного цвета, что и пол; еще один цоколь, над которым также парит продолговатый обломок камня; несколько пустых квадратов, встроенных в стену со странной схемой какого-то оборудования; несколько панелей вдоль стены под ними, на каждом счетчики, измеряющие что-то непонятное в цифрах,

которые ты не можешь расшифровать. Однако на большом цоколе находятся наименее выдающиеся предметы в зале: шесть маленьких металлических осколков, каждый не толще иглы и не длиннее ногтя твоего большого пальца. Они не из того же самого серебристого металла, из которого сделаны древнейшие структуры Кастримы; этот металл гладкий и темный, с едва заметным красным пыльным отливом. Железо. Удивительно, как оно не окислилось за все годы существования Кастримы. Разве что…

— Это ты их сюда положила? — спрашиваешь ты Тонки.

Она внезапно впадает в гнев.

— Да уж, конечно, я проникла в сердце этого артефакта мертвой цивилизации, нашла самое опасное устройство в ней и тут же сунула туда куски ржавого металла! Не будь дурой, пожалуйста.

Хотя ты отчасти заслужила этот упрек, ты слишком заинтригована, чтобы по-настоящему разозлиться.

— С чего ты взяла, что это самое опасное здешнее устройство?

Тонки показывает на скошенный край цоколя. Ты присматриваешься и моргаешь. Материал

здесь не такой гладкий, как остальная часть кристалла; на краю глубоко выгравированы какие-то знаки и письмена. Письмена те же самые, что тянутся вдоль стенных панелей. И они горят красным, этот цвет словно истекает и дрожит прямо над поверхностью материала.

— И вот еще, — говорит Тонки. Она поднимает руку и вытягивает ее в сторону поверхности цоколя и металлических осколков. Внезапно красные буквы выскакивают в воздух — ты не можешь лучше описать это. В мгновение они увеличиваются и поворачиваются к тебе, озаряя воздух на уровне твоих глаз безошибочным предостережением. Красный — это цвет лавовых резервуаров. Это цвет озера, в котором гибнет все, кроме ядовитых водорослей: признак неотвратимого взрыва. Некоторые вещи не меняются для всех времен и культур, ты в этом уверена.

(В общем и целом ты ошибаешься. Но в этом конкретном случае ты права.)

Собравшиеся смотрят во все глаза. Хьярка подходит ближе и поднимает руку, пытаясь коснуться парящих букв; ее пальцы проходят сквозь них. Юкка обходит цоколь в невольном восхищении.

— Я замечала такое прежде, но никогда не

уделяла этому внимания. Буквы поворачиваются вместе со мной. — Они не двигаются. Но ты наклоняешься в сторону — и точно, буквы чуть поворачиваются, чтобы смотреть на тебя. Тонки нетерпеливо отводит руку, смахивает с дороги руку Хьярки, и буквы становятся плоскими и снова возвращаются в неподвижность на краю цоколя. — Однако барьера тут нет. Обычно артефакты какой-нибудь мертвой цивилизации — *этой* цивилизации — имеют какую-то блокировку, если они на самом деле опасны. Либо ограждены обычным барьером, либо остается свидетельство, что барьер там был прежде, но рухнул от времени. Если бы они действительно не хотели, чтобы ты что-то трогала, то ты либо не сможешь к этому прикоснуться, либо тебе придется для этого очень потрудиться. А это? Просто предупреждение. Я не знаю, что оно значит.

— А ты на самом деле можешь прикоснуться к этим предметам? — Ты тянешь руку к одному из кусочков железа, игнорируя предостережение, когда оно вспыхивает в воздухе. Тонки шипит на тебя так резко, что ты отдергиваешь руку, как ребенок, застуканный за чем-то недозволенным.

— Я *сказала* — ничего не трогать! Что непонятного?

Ты стискиваешь челюсти, но ты заслужила этот упрек, и ты в достаточной степени мать, чтобы не отрицать этого.

— И как давно ты сюда приходишь? — Юкка садится на корточки рядом со спальным матрасом Тонки.

Тонки смотрит на осколки железа, и поначалу ты думаешь, что она не слышит Юкки; она долго не отвечает. Выражение ее лица начинает тебе не нравиться. Ты не можешь больше говорить, что знаешь ее сейчас больше, чем когда была галькой, но ты все же знаешь, что она не из мрачных. Но сейчас ее лицо мрачно, на скулах желваки, и челюсть напряжена сильнее обычного, и это очень дурной знак. Она что-то затеяла. Она говорит Юкке:

— Неделю. Но перебралась я только три дня назад. Мне кажется. Я потеряла счет времени. — Она трет глаза. — Я мало спала.

Юкка качает головой и встает.

— Ну хотя бы ты не разнесла в ржавь эту общину. Ну, расскажи мне, что узнала.

Тонки настороженно смотрит на нее.

— Эти панели вдоль стен активируют и регулируют водяные насосы и системы циркуляции воздуха и охлаждения. Но ты и так это знала.

— Да. Раз мы живы. — Юкка отряхивает руки, которыми прикасалась к полу, бочком продвигаясь к Тонки одновременно с задумчивостью и потаенной угрозой. Она не такая крупная, как большинство женщин санзе — на добрый фут ниже Хьярки. Ее опасность не так очевидна, как у остальных, но ты ощущаешь, как медленно подготавливается ее орогения. Она полностью готова проложить или проморозить себе дорогу в это место. Опоры тоже пододвигаются чуть ближе, усиливая ее невысказанную угрозу.

— Я хочу знать, — продолжает она, — о том, как ты это узнала. — Она останавливается лицом к Тонки. — Мы узнали это в самом начале методом проб и ошибок. Тронь одно, и станет прохладнее, тронь другое — и общинная вода станет горячее. Но за последнюю неделю ничего не менялось.

Тонки слегка вздыхает.

— Я за долгие годы научилась расшифровывать символы. Проведи достаточно много времени в подобных развалинах и увидишь, как одно и то же повторяется раз за разом.

Юкка раздумывает над этим и кивает на текст предостережения, идущий по краю цоколя:

— Что там говорится?

— Понятия не имею. Я сказала — *расшифро-*

вывать, не читать. Символы, не язык. — Тонки идет к одной из настенных панелей и показывает на рельефную схему в ее верхнем правом углу. Тут не догадаешься: какие-то зеленые и стрелоподобные, но волнистые рисунки, как-то так. Указывают вниз. — Я видела такие там, где были гидропонные сады. Мне кажется, это касается качества и интенсивности освещения садов. — Она смотрит на Юкку. — Вообще я знаю, что это касается света, который получают сады.

Юкка слегка поднимает подбородок, достаточно, чтобы ты поняла, что догадка Тонки верна.

— Значит, это место не отличается от других руин, которые ты видела? В других тоже были кристаллы, как здесь?

— Нет. Я никогда прежде не видела ничего, подобного Кастриме. Разве что… — Она бросает на тебя взгляд и тут же отводит глаза. — Да. Не *совсем* как Кастрима.

— Та штука в Эпицентре вовсе не была на все это похожа, — выдаешь ты. Прошло больше двадцати лет, но ты помнишь все детали того места. Там была яма, а Кастрима — камень с полостью внутри. Если они обе были сделаны одним и тем же народом ради одной и той же цели, то ничто об этом не говорит.

— На самом деле была. — Тонки возвращается к цоколю и взмахом вызывает к жизни предостерегающие символы. На сей раз она показывает на символ внутри пылающего текста: черный круг в белом восьмиугольнике. Ты не понимаешь, как пропустила его прежде; он выделяется среди красного.

— Я видела этот знак в Эпицентре на одной из световых панелей. Ты слишком увлеченно рассматривала яму; вряд ли ты заметила. Но я побывала, наверное, в полудесятке развалин строителей обелисков, и этот знак всегда находится рядом с чем-то опасным. — Она пристально смотрит на тебя. — Иногда рядом я находила трупы.

Ты невольно думаешь о Страже Тимай. Не *найдена* мертвой, но все же мертва, и ты чуть было не отправилась вместе с ней в тот день. Затем ты вспоминаешь момент в комнате без дверей, на краю зияющей ямы. Ты вспоминаешь маленькие иглообразные объекты, торчащие из стен ямы… в точности как эти осколки железа.

— Гнездо, — бормочешь ты. Так называли это Стражи. — Яд. — Волосы у тебя на затылке шевелятся. Тонки внимательно смотрит на тебя.

— Да любая ржавь может быть «чем-то опас-

ным», — раздраженно говорит Хьярка, пока ты смотришь на ржавые осколки.

— Нет, на сей раз это особая ржавь, — мерит Хьярку злым взглядом Тонки, что само по себе впечатляет. — Это был знак их врага.

Блин, осознаешь ты. Блин, блин, блин.

— Был? — спрашивает Юкка. — Ты о чем, Злой Земля тебя пожри?

— Об их *враге*. — Тонки приваливается к краю цоколя — осторожно, как ты замечаешь, но выразительно. — Они воевали, неужели не понимаешь? До самого конца, когда их цивилизация превратилась в пыль. Все их руины, все, что осталось с тех времен, — оборонительные сооружения, предназначенные для выживания. Как нынешние общины — разве что у них было куда больше, чем просто каменные стены для защиты. *Вроде гигантских ржавых подземных жеод.* Они *прятались* там и изучали врага и, может быть, создавали оружие, чтобы отбиваться. — Она поворачивается на месте и показывает наверх, на верхнюю часть кристалла. Он при этом вспыхивает, как обелиск.

— Нет, — машинально говоришь ты. Все оборачиваются к тебе, и ты вздрагиваешь. — То есть… — Дерьмо. Но ты уже сказала. — Обелиски

не…

Ты не знаешь, как это сказать, не рассказав всей той проклятой истории, а ты этого не хочешь. Ты не уверена почему. Может, по той же причине, что и Сурьма не хотела, когда Алебастр начал рассказывать тебе, — они не готовы. Теперь тебе надо закончить, чтобы не вызвать дальнейших вопросов.

— Я не думаю, чтобы они служили для обороны или были каким-то… оружием.

Тонки долгое мгновение ничего не говорит.

— Так что же они такое тогда?

— Не знаю. — Это не ложь. Ты ведь *не знаешь* точно. — Может, инструмент. Опасный, если его использовать неправильно, но *не предназначенный для убийства.*

Тонки собирается с духом.

— Я знаю, что случилось с Аллией, Иссун.

Это неожиданный удар, и он эмоционально выбивает тебя из колеи. К счастью, ты всю жизнь училась реагировать на неожиданные удары безопасным образом. Ты говоришь:

— Обелиски *не предназначены* для этого. Это был несчастный случай.

— Откуда тебе…

— Потому, что я была *связана* с этой ржавью,

когда она начала все выжигать! — Ты говоришь это так резко, что твой голос эхом раздается в комнате, и ты с испугом осознаешь, насколько ты разозлена. Женщина-Опора втягивает воздух, и что-то в ее взгляде меняется и сразу же напоминает тебе Опор Тиримо, которые так же смотрели на тебя, когда Раск попросила выпустить тебя из ворот. Даже взгляд Юкки безмолвно говорит тебе — *ты пугаешь местных, успокойся, ржавь тебя побери*. Ты делаешь глубокий вдох и замолкаешь.

(Только потом ты вспомнишь слово, сказанное тобой в разговоре. Выжигание. Ты будешь удивляться, с чего ты его произнесла, что оно значит, и ответа у тебя не будет.)

Тонки осторожно выдыхает, и, похоже, все остальные в зале тоже.

— Возможно, я сделала неверные предположения, — говорит она.

Юкка проводит рукой по волосам. На миг ее голова становится неприлично маленькой, затем снова распушается.

— Ладно. Мы и так знаем, что Кастрима использовалась как община. Возможно, несколько раз. Если бы ты спросила меня, вместо того чтобы лезть сюда как ржавый ребенок, я бы тебе рас-

сказала. Я рассказала бы все, что знаю, поскольку хочу понять это место не меньше тебя…

Тонки издает неприятный смешок.

— Никому из вас на это мозгов не хватит.

— …но после того, как ты устроила все это *дерьмо,* я перестала тебе доверять. Я не позволяю людям, которым я не доверяю, делать то, что может причинить вред тем, кого я люблю. Так что иди-ка отсюда куда хочешь.

Хьярка хмурится.

— Юкк, это как-то жестковато?

Тонки сразу напрягается, глаза ее расширяются от ужаса и страдания.

— Ты не можешь меня выгнать. Никто в этой ржавой общине понятия не имеет, что…

— Больше никто в этой ржавой общине, — говорит Юкка, и на сей раз Опоры с беспокойством смотрят уже *на нее*, поскольку она почти кричит, — не поставит нас под угрозу ради шанса изучить народ, который вымер, еще когда мир был молод. Почему-то мне кажется, что ты это сделаешь.

— Посещения под надзором! — выкрикивает Тонки. Она в отчаянии. Юкка шагает к ней, смотрит прямо ей в лицо, и Тонки немедленно затыкается.

— Я лучше ничего не буду знать об этом месте, — говорит Юкка спокойно, жестко и холодно, — чем буду рисковать его уничтожением. Ты можешь сказать то же самое?

Тонки смотрит на нее, откровенно дрожит, но не говорит ни слова. Но ответ очевиден, не так ли? Тонки — как Хьярка. Обе родились Лидерами, воспитывались ради того, чтобы в первую голову ставить нужды других, и обе выбрали более эгоистичную стезю. Это даже не вопрос.

Именно потому позже, глядя назад, ты не удивляешься тому, что происходит потом.

Тонки оборачивается и делает выпад, и красные буквы вспыхивают, и один из железных осколков впивается в ее кулак. Она уже отворачивается, когда ты видишь, что именно она схватила. Она бросается к дверям на лестницу. Хьярка ахает; Юкка просто стоит, слегка испуганная и по большей части смирившаяся; двое Опор в смятении запоздало бросаются следом за Тонки. Но в следующий момент Тонки вскрикивает и останавливается. Один из Опор хватает ее за руку, но тут же выпускает, когда Тонки начинает *кричать*.

Ты действуешь прежде, чем успеваешь подумать. Тонки в чем-то твоя — как Хоа, как Лерна,

как Алебастр, словно в отсутствии детей ты пытаешься усыновить всех, кто затронул тебя эмоционально хотя бы на миг. Ты даже не любишь Тонки. И все же у тебя сводит нутро, когда ты хватаешь ее за запястье и видишь, как по ее руке струится кровь.

— Что за…

Тонки бросает на тебя короткий, полный звериной паники взгляд. Затем она дергается и кричит снова, и ты тоже чуть ли не вскрикиваешь, когда что-то *шевелится под твоим большим пальцем*.

— Та ржавь? — выдает Юкка. Хьярка вцепляется в руку Тонки, помогая ее держать, поскольку в панике Тонки бешено бьется. Ты справляешься со своим необъяснимым жестоким отвращением достаточно, чтобы не убирать пальцы и повернуть кисть Тонки так, чтобы как следует на нее посмотреть. Да. Что-то движется у нее под кожей. Оно прыгает и дрожит, но неумолимо продвигается наверх, по большой вене. Оно достаточно крупное, чтобы быть осколком железа.

— Злой Земля, — говорит Хьярка, бросая короткий встревоженный взгляд на лицо Тонки. Ты подавляешь внезапный истерический смех от непреднамеренной иронии Хьярки.

— Мне нужен нож, — говоришь ты. Тебе самой

собственный голос кажется невероятно спокойным. Юкка наклоняется, видит то, что видишь ты, и ругается.

— Ох, блин, ржавь, дерьмо, — стонет Тонки. — Выньте его! Выньте его, и я никогда больше сюда не сунусь!

Это ложь, но, наверное, в этот момент она верит своим словам.

— Я могу выгрызть его. — Хьярка поднимает на тебя глаза. Ее заостренные зубы похожи на маленькие бритвы.

— Нет, — говоришь ты, уверенная, что эта штука влезет в Хьярку и устроит то же самое. А языки резать труднее, чем руки.

— Нож! — рявкает Юкка Опорам — той, со стеклянным армированным ножом. Он острый, но маленький, предназначенный скорее для того, чтобы резать веревки, а не чтобы быть оружием, — если не попадешь в жизненно важную точку, придется тыкать человека миллион раз, чтобы убить. Это все, что у тебя есть. Ты продолжаешь держать кисть Тонки, поскольку она мечется и рычит, как животное. Кто-то сует нож тебе в руку лезвием вперед. Кажется, сто лет уходит на то, чтобы переложить его как надо, но ты не отрываешь взгляда от этого рывками продви-

гающегося вперед под коричневой кожей Тонки предмета. Куда эта ржавь ползет? Ты слишком испугана, чтобы думать об этом.

Но прежде чем ты успеваешь приставить нож к нужному месту, чтобы вырезать эту подвижную штуку, она исчезает. Тонки снова кричит душераздирающим и полным ужаса голосом.

Ты ударяешь ножом, делаешь глубокий разрез прямо над локтем, который должен оказаться впереди этой штуки. Тонки стонет.

— Глубже. Я чувствую ее.

Глубже — это по кости, но ты стискиваешь зубы и режешь глубже. Кровь повсюду. Не слушая сбивчивое дыхание и шипение Тонки, ты пытаешься достать эту ржавь — даже хотя в душе ты боишься, что, если ты найдешь ее, она войдет и в твою плоть.

— Артерия, — задыхается Тонки. Ее трясет, она выдавливает каждое слово сквозь зубы. — Как ржавая высокая дорога до… Сэсса-а-а-аххх! Блин! — Она пережимает нижнюю часть бицепса. Это выше по руке, чем ты ожидала. Попав в более крупные артерии, эта штука теперь движется быстрее.

Сэсса. Какое-то мгновение ты смотришь на Тонки, оцепенев от осознания того, что она пыта-

лась сказать — *сэссапины*. Юкка тянет руку мимо тебя и туго перетягивает руку Тонки прямо ниже дельтовидной мышцы. Она смотрит на тебя, но ты понимаешь, что осталось только одно. Крохотным ножом не получится… но есть и другое оружие.

— Держи ее руку прямо. — Не глядя, послушались ли Юкка и Хьярка, ты хватаешь Тонки за плечо. Ты думаешь о том трюке Алебастра — о маленьком, туго сплетенном, локализованном торусе вроде тех, при помощи которых он убивал кипячей. На сей раз ты используешь его, чтобы внедриться в руку Тонки и заморозить маленький осколок железа. С надеждой на удачу. Но когда ты простираешь сознание и закрываешь глаза, что-то сдвигается.

Ты глубоко в ее теле, ищешь металлическую решетку железа и пытаешься сэссить различие между его структурой и железом ее крови и… вот оно. Серебристое мерцание магии. Ты не ожидала этого среди холодного течения клеток ее тела. Тонки не превращается в камень, как Алебастр, и ты никогда не сэссила магии в любом другом живом существе. И все же здесь, внутри Тонки, что-то постоянно мерцает, серебристое, нитеобразное, поднимающееся вверх через ее ноги

— откуда плевать, — кончающееся железным острием. Немудрено, что эта штука движется так быстро, подпитываемая *чем-то иным*. Используя этот источник энергии, оно тянет вперед свои собственные щупальца, чтобы присоединиться к плоти Тонки и проталкивать себя. Потому ей больно — потому, что каждая клетка, которой оно касается, дрожит и горит, а затем умирает. Щупальца становятся все длиннее при каждом контакте; эта хреновина растет, продвигаясь сквозь нее, питаясь ею каким-то непостижимым образом. Ведущие щупальца прощупывают путь, ориентируясь на сэссапины Тонки, и ты инстинктивно понимаешь, что допустить ее туда будет ПЛОХО.

Ты пытаешься схватить нить-корень, надеясь, что это остановит штуку, или ей не будет хватать силы, но

О

нет

здесь ненависть

мы все делаем то, что должно

здесь гнев и

а; привет, маленький враг

— Эй! — Хьярка кричит тебе прямо в ухо. — Просыпайся, мать твою!

Ты выныриваешь из тумана, в который сама не понимаешь, как погрузилась. Хорошо же. Ты не трогаешь корневых нитей, чтобы не получить иного представления о том, что движет этой штукой. Этого короткого контакта, однако, достаточно, потому что ты знаешь, что делать.

Ты представляешь ножницы с лезвиями из мерцающего серебра, отточенными до бесконечности. Отрезать острие. Отрезать щупальца, чтобы снова не отросли. Отрезать отравление прежде, чем оно вгонит крючки глубже в нее. Делая все это, ты думаешь о Тонки. Ты хочешь спасти ее жизнь. Но сейчас для тебя Тонки — не Тонки, а ансамбль частицы веществ. Ты делаешь разрез.

Это не твоя вина. Я знаю, что ты бы не поверила никогда, но это… не так. И когда тебе удается расслабить сэссапины и вернуть сознание в макромасштаб, ты видишь, что полностью покрыта кровью. Ты удивлена. Ты не совсем понимаешь, почему Тонки лежит на полу, хватая воздух ртом, ее тело окружает расползающаяся лужа крови, а Хьярка орет, чтобы один из Опор дал ей свой пояс. Ты ощущаешь толчок железного острия поблизости и в тревоге отшатываешься, поскольку понимаешь теперь, что пытаются сделать эти

штуки и что они злые. Но когда ты поворачиваешься, чтобы посмотреть на железное острие, ты в смятении, поскольку ты видишь лишь гладкую бронзовую кожу в потеках крови и обрывок знакомой ткани. Затем какое-то дерганье, вес, проявляющийся в твоей руке, и… И… Ты держишь отсеченную руку Тонки.

Ты роняешь ее. Скорее отшвыриваешь в шоке. Она пролетает за Юккой и Опорами, которые сгрудились вокруг Тонки и что-то делают, может, пытаются спасти ей жизнь, а ты даже не можешь отвернуться, поскольку видишь, что срез руки Тонки совершенен, чуть скошенный, он все еще кровоточит и дергается, поскольку ты *только что отсекла ее*, но, подожди, это не единственная причина.

Ты видишь, как из маленькой дырки возле кости что-то протискивается вперед. Эта дырка — поперечный срез артерии. Это что-то — то самое железное острие, которое падает на гладкий зеленый пол и лежит среди пятен крови, как совершенно безобидный кусочек металла.

Привет, маленький враг.

Интерлюдия

Есть то, чего ты никогда не увидишь, но это повлияет на всю твою оставшуюся жизнь. Представь это. Представь меня. Ты думаешь, что понимаешь, что я такое, как сознательной частью разума, так и своей инстинктивной, животной частью. Ты видишь каменное тело, одетое плотью, и даже хотя ты никогда по-настоящему не верила, что я человек, ты думала обо мне как о ребенке. И до сих пор так думаешь, хотя Алебастр рассказал тебе правду — я не был ребенком даже прежде, чем зародился ваш язык. Возможно, я вообще никогда не был ребенком. Но одно дело слышать, другое — верить.

Тебе следует представить меня тем, чем я по-настоящему являюсь среди своих сородичей — старым, могущественным и очень опасным. Легендой. Чудовищем.

Тебе следует представить…

…Кастриму как яйцо. Это яйцо окружают пылинки, прячась в камне. Яйца — богатая добыча для хищника, их легко сожрать, если те оставлены без присмотра. Это яйцо сейчас пожирается,

хотя народ Кастримы вряд ли это понимает. (Думаю, одна Юкка, да и она только подозревает.) Такая неторопливая трапеза — не то, что большинство твоих сородичей заметят. Мы очень неторопливый народ. Тем не менее пожирание закончится смертью.

Однако что-то заставило хищников остановиться. Зубы их наготове, но в добычу они не вгрызаются. Здесь есть еще одна старая и могущественная, та, которую ты зовешь Сурьмой. Она не собирается охранять яйцо, но могла бы, если бы захотела. И сделает это, если они попытаются посягнуть на ее Алебастра. Остальные знают это и опасаются ее. Напрасно.

Бояться следует только меня.

Я уничтожаю троих из них в первый же день, когда покидаю тебя. Когда ты стоишь и куришь мелло вместе с Юккой, я разрываю на части ее камнеедку, красноволосую тварь, которую она звала Глянцем, а ты Рубиновлаской. Грязная паразитка, она только брала и ничего не отдавала взамен! Я презираю ее. Мы предназначены для лучшего. Затем я беру двоих, которые следили за Алебастром, надеясь ворваться к нему, если Сурьма отвлечется — не потому, что Сурьме нужна была помощь, понимаешь ли, но просто потому,

что наша раса не может вынести такой степени тупости. Я отбраковываю их ради блага всех нас.

(Они не по-настоящему мертвы, если это тебя беспокоит. Мы не можем умереть. За десять тысяч или десять миллионов лет они воссоздадут себя из отдельных атомов, на которые я их распылил. Долгий срок, достаточный, чтобы обдумать свою глупость и в другой раз так не поступать.)

Эти первые убийства заставляют остальных разбежаться — хищники в душе трусы. Однако они ушли недалеко. Несколько из оставшихся поблизости попытались пойти на переговоры. Хватит на всех нас, говорят они. Если бы хоть у кого-нибудь был потенциал... но я ловлю взгляд некоторых из них на тебе, а не на Алебастре.

Они откровенничают со мной, когда я хожу вокруг них и делаю вид, что могу быть милосердным. Они говорят об еще одном древнем — которого я знаю по давним конфликтам. У него тоже есть свое видение будущего для нашего народа, противоположное моему. Он знает о тебе, моя Иссун, и убил бы тебя, если бы мог, поскольку ты намерена закончить то, что начал Алебастр.

Он не может добраться до тебя, пока на его

пути стою я… но он может подтолкнуть тебя к саморазрушению. Он даже нашел на севере союзников среди жадных людей, чтобы они помогли ему в этом.

Ах, эта нелепая наша война. Мы так легко используем вас. Даже ты, моя Иссун, мое сокровище — моя пешка. Надеюсь, однажды ты простишь меня.

14. Ты получаешь приглашение!

Шесть месяцев проходят в неизменном белом свете древнего магического убежища. После нескольких первых дней ты начинаешь класть на глаза тканевую повязку, когда устаешь, чтобы делать себе собственные день и ночь. Работает сносно.

Руку Тонки пришили, и она приживается, хотя в какой-то момент Тонки подхватила сильное заражение, которое, похоже, не смогли остановить основные антибиотики Лерны. Она выживает, хотя к тому моменту, когда лихорадка ослабевает и сизые следы заражения крови блекнут, ее пальцы утрачивают часть мелкой моторики, и по всей руке она ощущает фантомные боли и онемение. Лерна считает, что это навсегда. Тонки порой бормочет проклятия — каждый раз как ты застаешь ее в разгар отбора проб или чего еще и заставляешь пойти на собрание касты Инноваторов. Каждый раз, как она заходит слишком далеко, называя тебя «рукорубом», ты напоминаешь ей, что именно она выпустила кусок Злого Земли, который и впился в ее плоть, и что это

ее собственная проклятая ошибка, и, во-вторых, лишь благодаря тебе Юкка еще ее не прикончила, так что лучше бы ей заткнуться. Она затыкается, но все равно стоит на своем. Ничего по-настоящему не меняется в Спокойствии.

И все же… иногда меняется.

Лерна прощает тебе то, что ты чудовище. Не совсем так. Вы с ним по-прежнему не можете спокойно говорить о Тиримо. И все же он слышал твою яростную перепалку с Юккой, когда оперировал руку Тонки, и это имело для него значение. Юкка хотела, чтобы Тонки дали умереть на операционном столе. Ты отстаивала ее жизнь и победила. Теперь Лерна знает, что ты приносишь не только смерть. Ты не уверена, что согласна с этой оценкой, но приятно, что ваша старая дружба частично восстановилась.

Хьярка начинает обхаживать Тонки. Поначалу Тонки это не нравится. По большей части она теряется, когда в ее жилье начинают появляться подарки в виде мертвых животных или книг, приносимых как бы невзначай, поскольку «ее большим мозгам нужна какая-то пища», но каждый раз с подмигиванием. Именно тебе приходится объяснять Тонки, что Хьярка решила, исходя из сложного набора ценностей этой

крупной женщины, что бывшая неприкаянная геомест с социализацией булыжника является верхом привлекательности. Тонки раздражена, жалуется, что ее отвлекают, и что «это все преходяще», и что нужно «перестать все сводить к недотрахизму». Ты почти все пропускаешь мимо ушей.

Дело решают книги. Похоже, Хьярка подбирает их по количеству многосложных слов на корешках, но ты несколько раз видишь, как Тонки сидит, углубившись в чтение. Раз ты приходишь домой и видишь, что полог комнаты Тонки задвинут, и Тонки углубляется уже в Хьярку, или так можно предположить по звукам. Ты не думаешь, что им удастся достигнуть многого при ее изуродованной руке. Эх.

Возможно, новое чувство связи с Кастримой заставляет Тонки попытаться продемонстрировать Юкке свою полезность. (Или, может, просто гордыня; Тонки ощетинивается, когда Юкка раз говорит, что Тонки не так полезна для общины, как трудяги-Опоры.) Что бы там ни было, Тонки представляет совету новую разработанную ей предсказательную модель: если Кастрима не найдет стабильного источника животного белка, некоторые члены общины в течение года начнут

проявлять симптомы депривации.

— Начнется с отупения, — говорит она вам. — Забывчивость, усталость, все такое. Но это нечто вроде анемии. Если она продолжится, результатом станут деменция и нервное расстройство. Дальше сами понимаете.

Слишком много существует лористических преданий об общинах, лишенных мяса. Люди становятся слабыми и параноидальными, община становится уязвимой для нападений. Единственным способом предотвратить такой исход, говорит Тонки, является каннибализм. Недостаточно просто сажать больше бобов. Этот доклад полезен и информативен, но на самом деле никому не хотелось этого слушать, и Юкка не стала относиться к Тонки после этого лучше. Ты после заседания благодаришь Тонки, поскольку больше никто этого не сделал. Она чуть выдвигает челюсть, отвечая:

— Ну, я ведь не смогу продолжать свои исследования, если мы начнем убивать и жрать друг друга, как-то так.

Ты передаешь обучение орогенов-детей Темеллу, еще одному взрослому орогену из общины. Дети жалуются, что он не так хорош — нет твоей тонкости, и хотя он мягче относится к ним, они

не получают от него столько знаний, как от тебя. (Приятно, когда тебя ценят, пусть и постфактум.) Ты начинаешь обучать Каттера в качестве альтернативы — после того как он просит тебя показать ему, как ты отрезала руку Тонки. Ты сомневаешься, что он когда-нибудь почует магию или движение обелисков, но он по уровню как минимум одноколечник, и тебе хочется увидеть, сумеешь ли ты сделать из него двух или трехколечника. Просто потому что, возможно, обучение более высокого уровня не помешает тому, чему ты учишься у Алебастра — по крайней мере, Бастер не жалуется на это. Ты принимаешь это. Тебе недоставало учительства.

(Ты предлагаешь Юкке обмен техниками, поскольку она не выказывает интереса к урокам. Ты хочешь знать, как она делает то, что делает. «Нет, — отвечает она и подмигивает тебе, не так чтобы поддразнивая. — Приберегу пару фокусов в рукаве, чтобы ты меня не заморозила как-нибудь».)

Полностью добровольный торговый отряд отправляется на север, чтобы попытаться добраться до общины Теттехи. Они не возвращаются. Юкка запрещает все дальнейшие попытки, и ты не оспариваешь ее решения. В пропавшем отряде

был один из твоих учеников-орогенов.

Если не считать проблем с припасами, Кастрима эти шесть месяцев процветает. Одна женщина беременеет без разрешения, а это большая проблема. Младенцы не приносят пользы общине в течение долгих лет, и ни одна община не потерпит множества лишних ртов во время Зимы. Юкка решает, что хозяйство этой женщины из двух женатых пар не будет получать дополнительного пайка, пока не умрет кто-то из стариков или больных, чтобы очистить путь недозволенному ребенку. По этому поводу ты снова сцепляешься с Юккой, поскольку ты прекрасно понимаешь, что она имеет в виду Алебастра, когда небрежно замечает женщине, что долго ждать не придется. Юкка не собирается оправдываться: она имеет в виду именно Алебастра и надеется, что он скоро умрет, поскольку ребенок имеет ценность хотя бы в будущем.

Эта стычка имеет два хороших последствия: все начинают доверять тебе больше, увидев, как ты во всю силу легких орешь с Плоской Вершины, не вызывая даже легкого землетрясения, и Селекты решают заступиться за ребенка, чтобы прекратить спор. Поскольку недавняя генеалогия ребенка благоприятна, они выделяют семье один

из своих детских пайков, но с условием, что, если ребенок родится без изъяна, он будет приписан к их функционал-касте. Не такая уж большая цена, говорят они, провести свои репродуктивные годы, строгая детей для общины и касты в обмен на право родиться на свет. Мать соглашается.

Юкка, конечно же, еще не поделилась с общиной белковой проблемой, иначе Селекты не заступились бы ни за кого. (Тонки, естественно, сама это понимает.) Юкка не хочет говорить никому, пока не станет понятно, что на иное решение проблемы надежды не осталось. Ты и остальные члены совета неохотно соглашаетесь. Остается еще год. Но из-за молчания Юкки через несколько дней после того, как ты забираешь Тонки домой для выздоровления, к тебе заходит мужчина-Селект. У него пепельные волосы, широкие плечи, темные миндалевидные глаза, и он весьма заинтересован узнать, как тебе удалось родить трех здоровых детей, сильных орогенов. Он льстит тебе, говоря, как ты высока и сильна, как ты закалилась за долгие месяцы дороги, питаясь всего лишь дорожным пайком, и намекая, что тебе «всего лишь» сорок три года. Это заставляет тебя рассмеяться. Ты чувствуешь себя старой как мир, а этот симпатичный дурачок думает, что ты

готова заделать еще одного ребенка.

Ты отклоняешь это тактичное предложение с улыбкой, но… так странно вести с ним такой разговор. Неприятно знакомое ощущение. Когда Селект уходит, ты думаешь о Корунде и будишь Тонки, швыряя в стену чашку и вопя на пределе легких. Затем ты уходишь к Алебастру на очередной урок, который совершенно бесполезен, поскольку ты просто молча стоишь перед ним и дрожишь от ярости. После пяти минут Алебастр устало говорит:

— Какая бы ржавь с тобой ни творилась, ты должна разобраться с ней сама. Я больше не могу остановить тебя.

Ты ненавидишь его за то, что он больше не непобедим. И не ненавидит тебя. За эти шесть месяцев Алебастр перенес еще одну тяжелую инфекцию. Он жив лишь потому, что добровольно позволил окаменеть остаткам своих ног. Эта самохирургия так обессилила его тело, что его недолгие часы бодрствования свелись к получасу между долгими периодами ступора или прерывистого сна. Он настолько слаб, что, когда просыпается, тебе приходится напрягаться, чтобы слышать его, хотя через несколько недель эта ситуация, по счастью, улучшается. Ты прогрессируешь — ты теперь

легко связываешься с новоприбывшим топазом и начинаешь понимать, что Алебастр сделал для превращения шпинели в кинжалоподобное оружие, которое он держит при себе. (Эти обелиски — каналы. Ты течешь сквозь них, вместе с ними, как течет магия. Будешь сопротивляться — умрешь, но если будешь тонко резонировать, то многое станет возможным.)

Тебе, однако, далеко до связывания воедино множества обелисков, и ты понимаешь, что обучаешься недостаточно быстро. У Алебастра нет сил бранить тебя за твое неуклюжее продвижение, но ему и не надо. Видеть, как он день ото дня иссыхает, достаточно, чтобы заставлять тебя толкать обелиск снова и снова, погружаясь в его водянистый свет, даже когда у тебя болит голова, желудок подпрыгивает к горлу и тебе хочется свернуться в комочек и заплакать. Но смотреть на него не менее больно, потому ты приходишь в себя и еще сильнее стараешься стать им.

У всего этого есть хорошая сторона — у тебя теперь есть цель.

Поздравляю.

Однажды ты плачешь на плече у Лерны. Он гладит тебя по спине и деликатно намекает, что тебе не следует в одиночестве переносить свое

горе. Это предложение, но сделанное скорее от доброты, чем от страсти, так что ты не ощущаешь вины, отклоняя его. Пока.

Так все достигает какого-то равновесия. Это не время отдыха и не время борьбы. Ты выживаешь. Зимой, *этой Зимой*, это само по себе триумф.

А затем возвращается Хоа.

* * *

Это случается в день печали и узлов. Печали потому, что еще несколько Охотников погибли. Когда они несли домой редкую добычу — медведя, слишком тощего, чтобы безопасно впасть в спячку, которого было легко застрелить в момент его отчаянной агрессии, — на отряд напали. Три Охотника погибли от арбалетного обстрела. Два уцелевших не видели, кто на них напал; казалось, стрелы летят со всех сторон. Они благоразумно убежали, хотя вернулись назад через час в надежде подобрать тела павших товарищей и драгоценную добычу. Удивительно, все осталось как было, не тронутое ни нападавшими, ни хищниками, но рядом с трупами был оставлен еще один предмет: кол, вокруг которого была обернута полоса рваной грязной ткани, завязанная большим узлом, внутри которого что-то было.

Ты приходишь в комнату заседаний к Юкке, как раз когда она начинает развязывать узел, над ней стоит Каттер и говорит напряженным голосом:

— Это безумие. Ты понятия не имеешь…

— Плевать мне, — бормочет Юкка, занимаясь узлом. Она очень осторожна, избегает прикасаться к самой толстой его части, в которой явно что-то завязано; ты не можешь сказать, что именно, но оно комковатое и кажется легким. Комната забита больше, чем обычно, поскольку одна из Охотников тоже находится здесь, вся в пепле и крови, решительно настроенная узнать, за что погибли ее товарищи. Юкка поднимает взгляд при твоем приходе, но продолжает работать. Она говорит:

— Если со мной что-то случится, Кат, будешь главой.

Это заставляет Каттера покраснеть и оцепенеть так, что ей удается развязать узел без помех. Узлы и полоски некогда белой ткани оказываются кружевом, и, если ты не ошибаешься, такого качества, что твоя бабка в свое время разрыдалась бы от осознания собственной нищеты. Внутри оказывается скатанная в комок полоска кожи. Это записка.

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В РЕННАНИС», — напи-

сано углем.

Хьярка ругается. Ты сидишь на диване, поскольку это лучше, чем на полу, и тебе надо где-то сидеть. Каттер смотрит недоверчиво.

— Реннанис в Экваториалях, — говорит он. И потому он должен был погибнуть — точно так же сказал тебе и Алебастр.

— Может, не тот самый Реннанис, — говорит Юкка. Она по-прежнему рассматривает полоску кожи, вертит ее так и сяк, царапая угольную надпись кончиком ножа, словно пробуя на аутентичность. — Группа беженцев из этого города, ныне неприкаянных и чуть лучше просто бандитов, могли назвать себя так в честь бывшего дома. Или, может, это какие-то фанаты экваториалов, получившие шанс называться теми, чем не являются после того, как город сгорел.

— Не важно, — рявкает Хьярка. — Это угроза, откуда бы она ни исходила. Что *делать* будем?

Они пускаются в домыслы и споры на грани нарастающей паники. Поскольку ничего реального пока не планируется, ты сидишь, привалившись к стене комнаты заседаний Юкки. К стене кристалла. В котором вырезано ее жилище. К коре жеоды, в которой корни этого кристалла. Это не обелиск. Нет даже искры ощущения силы, исходя-

щей от тех кристаллов в диспетчерской; разве что они в обелископодобном состоянии нереальности, и это единственное их сходство с реальными обелисками. Но ты также вспоминаешь то, о чем тебе давным-давно рассказывал Алебастр, в полдень гранатового цвета в приморской общине, которая сейчас представляет собой дымящиеся руины. Алебастр шепчет о тайных организациях, наблюдателях, о том, что везде небезопасно. *Ты говоришь — кто-то может слушать нас сквозь стены? Сквозь сам камень?* Когда-то ты думала, что то, что он делает, — настоящие чудеса.

А теперь ты девятиколечница, говорит Алебастр. Теперь ты знаешь, что эти чудеса всего лишь результат усилий, понимания и, может, всего лишь магия. Кастрима лежит в древних осадочных породах, пронизанных жилами давно мертвых лесов, превратившихся в рыхлый уголь, она тщательно уравновешена на пересечении древних почти заживших разрывов. Жеода, однако, уже достаточно долго втиснута между пластами, чтобы ее внешние слои сплавились с местными минералами. Это позволяет тебе легко распространить свое сознание за пределы Кастримы в тонкую, постепенно ослабевающую экструзию. Это не то же самое, что распростра-

нять свой торус; торус — твоя сила, ты сама. Это труднее. Однако ты можешь ощущать то, чего твоя сила не может, и…

— Эй, проснись. — Хьярка толкает тебя в плечо, и ты резко открываешь глаза и обжигаешь ее злым взглядом. Юкка стонет.

— Напомни мне, Хьяр, однажды рассказать тебе, что обычно случается с теми, кто вмешивается в орогению высокого уровня. То есть ты и сама можешь догадаться, но напомни, чтобы я описала все в кровавых подробностях, может, хоть так ты будешь осторожнее.

— Она просто сидела, — Хьярка садится с недовольным видом, — а вы все просто пялились на нее.

— Я пыталась слушать север, — резко говоришь ты. Они все смотрят на тебя как на чокнутую. Злой Земля, если бы тут был хоть еще один с эпицентровским образованием. Хотя в любом случае это понял бы только старший.

— Слушать… Землю? — решается Лерна. — Ты хочешь сказать, сэссить?

Как же трудно объяснять словами. Ты трешь глаза.

— Нет, именно *слушать*. Вибрации. Я хочу сказать, все звуки — вибрация, но… — Теперь

выражение их лиц еще более растерянное. Тебе придется уточнить контекст. — Узловая сеть еще работает, — говоришь ты. — Алебастр был прав. Я могу сэссить ее, если попытаюсь, как некую зону спокойствия там, где остальные Экваториали бурлят катастрофой. Кто-то поддерживает узловиков живыми вокруг Реннаниса, так что…

— Значит, это и вправду они, — с тревогой говорит Каттер. — Какой-то экваториальный город решил присоединить нас.

— Экваториалы не присоединяют, — говорит Юкка. Челюсть ее напряжена, она смотрит на полоску кожи в руке. — Они — Старая Санзе или то, что от нее осталось. Когда Санзе в свое время что-то хотела, она просто брала это.

После напряженного молчания они снова начинают тихо паниковать. Слишком много слов. Ты вздыхаешь и трешь виски и хочешь, чтобы тебя оставили в покое, чтобы ты снова могла попытаться. Или…

Ты смаргиваешь. Или. Ты сэссишь нависающую потенциальность топаза, который дрейфует в небесах над верхней Кастримой, где был последние шесть месяцев, полускрытый пепельными облаками Злой Земля. Алебастр не просто сэссит полконтинента; для этого он использует шпи-

нель. Ты даже не подумала об использовании обелиска для распространения своего охвата, а он делает это легко, как дышит.

— Пусть никто не прикасается ко мне, — негромко говоришь ты. — Не говорит со мной. — Даже не удостоверившись, что они поняли тебя, ты погружаешься в обелиск.

(Поскольку, ладно уж, часть тебя *жаждет* этого. Месяцами мечтала о падающей вверх воде и бурной силе. Ты лишь человек — вот что они говорят о таких, как ты. Приятно чувствовать себя могущественной.)

И вот ты в топазе и в мгновение ока простираешься над миром. Тебе не нужно быть в земле, когда топаз в небе, когда он — само небо; он существует в состояниях за пределами плотности, и потому ты можешь тоже выходить за пределы, *ты* становишься воздухом. Ты плывешь среди пепельных облаков и видишь, как под тобой расстилается Спокойствие в измерениях топографии, лоскутках умирающих лесов и нитях дорог, и все это такое серое после долгих месяцев Пятого времени года. Континент тебе кажется крохотным, и ты думаешь, что в мгновение ока можешь пересечь экватор. Но это немного пугает тебя. Ты не знаешь почему. Ты стараешься не

думать — насколько далеко от восторга упоения такой силой до обращения ее на разрушение мира? (Ощущал ли такое Алебастр, когда…) Но ты человек долга; ты связана, резонанс абсолютен. Теперь ты каким-то образом устремляешься на север. А затем резко останавливаешься. Поскольку твое внимание привлекает что-то гораздо ближе экватора. Это настолько ошеломляет, что ты тут же выпадаешь из настройки на топаз, и тебе очень везет. Это хрупко-стеклянное мгновение, когда ты ощущаешь дрожащую огромность силы обелиска и понимаешь, что ты выжила лишь благодаря удачному резонансу и осторожности давно умерших его создателей, которые явно рассчитывали на ошибки вроде твоей, и ты уже внутри себя, хватаешь ртом воздух и начинаешь бормотать прежде, чем вспоминаешь значение слов.

— Лагерь, огонь, — говоришь ты, чуть задыхаясь. Лерна подходит и садится на корточки перед тобой, берет тебя за руки, проверяет пульс, ты не замечаешь его. Это важно. — *Чаша.*

Юкка понимает сразу же, выпрямляется и сжимает челюсти. Хьярка тоже, она не дура, иначе Тонки никогда не стала бы ее терпеть. Она ругается.

Лерна хмурится, и Каттер смотрит на тебя в нарастающей тревоге.

— Это что-то значит?

Идиот.

– *Армия*, — рявкаешь ты, приходя в себя. Но произносить слова трудно. — Т-т-та-а-ам… рж-ж-жавая армия. В той лесной впадине. Я смогла. Сэссить их лагерные огни.

— Сколько? — Юкка уже встает, беря с полки длинный нож и опоясываясь. Хьярка тоже встает, идет к двери жилья Юкки и отдергивает полог. Ты слышишь, как она зовет Эсни, главу Опор. Опоры иногда ходят на разведку вместе с Охотниками, но в нынешней ситуации они в первую очередь занимаются обороной общины.

Ты не могла подсчитать маленькие пятна тепла на картине твоего сознания, когда была в обелиске, но пытаешься прикинуть.

— Сотня? — Но это были только костры. Сколько людей вокруг каждого? Наверное, шесть-семь. В обычных обстоятельствах невеликая сила. Любой правитель приличного квартента мог выставить армию в десять раз больше в относительно короткий срок. Но Зимой, да для такой маленькой общины, как Кастрима, чье население в целом не намного больше, армия в пять-шесть сотен

является действительно страшной угрозой.

— Теттехи, — выдыхает, снова садясь, Каттер. Он бледнее обычного. Но ты его понимаешь. Шесть месяцев назад в лесной впадине в качестве предупреждения появились насаженные на колья тела. Община Теттехи лежит за впадиной, возле устья реки, которая вьется через территорию Кастримы и в конце концов впадает в одно из больших озер в Южном Срединье. Вы много месяцев ничего не слышали из Теттехи, и торговый отряд, который вы отправили за эту метку, не вернулся. Видимо, примерно тогда эта армия напала на Теттехи, затем на время засела там, высылая разведывательные отряды, чтобы застолбить территорию. Пополняла запасы, восстанавливала численность, лечила раненых, возможно, отсылая часть награбленного на север в Реннанис.

Сожрав Теттехи, они снова двинулись вперед.

И откуда-то они знают о Кастриме. Они говорят — привет.

Юкка выходит вместе с Хьяркой и что-то кричит, и через несколько минут кто-то запускает сирену и зовет на собрание глав домов к Плоской Вершине. Ты никогда не слышала тревожной сирены Кастримы — общины, полной рогг, — и она

более раздражающая, чем ты ожидала, низкая, ритмичная и громкая. Ты понимаешь почему: бить в набат среди скопления кристаллических структур — не лучшая идея. И все же. Вы с Лерной и прочие идете следом за Юккой по веревочному мосту вокруг двух больших кристаллов. Губы Юкки плотно сжаты и лицо мрачно. Когда она доходит до Плоской Вершины, там уже собралась небольшая толпа; когда она кричит кому-то, чтобы заткнул ржавую сирену, и та замолкает, этот кристалл со срезанной вершиной начинает казаться опасно забитым бормочущей встревоженной толпой. Слышны перебранки, но толпа спокойна. Хьярка кричит Эсни. Эсни поворачивается и кричит Опорам в толпе, и те неуклюже пробираются, оттесняя людей, чтобы не случилось трагедий и ничто не отвлекало от неизбежно надвигающейся еще большей трагедии.

Когда Юкка поднимает руки, призывая к вниманию, все тут же замолкают.

— Ситуация такова, — начинает она и излагает все в нескольких кратких предложениях. Ты уважаешь ее за то, что она ничего не скрывает. Ты уважаешь и народ Кастримы, поскольку они лишь ахают да тревожно шепчутся, но не паникуют. Но ведь все они хорошие крепкие общинники,

а на панику в Спокойствии всегда смотрели косо. Истории лористов полны пугающих рассказов о тех, кто не умеет справляться со страхом, и мало общин дает таким общинные имена, разве только они достаточно богаты и влиятельны, чтобы продавить этот вопрос. Во время Зимы такие вопросы решаются сами собой.

— Реннанис был большим городом, — говорит одна женщина, как только Юкка замолкает. — В половину меньше Юменеса, но там все равно несколько миллионов народу. Как нам с ними сражаться?

— Сейчас Зима, — говорит Хьярка прежде, чем Юкка успевает ответить. Юкка бросает на нее злой взгляд, но Хьярка пожимает плечами. — У нас нет выбора.

— Мы можем сопротивляться благодаря тому, как построена Кастрима, — добавляет Юкка, обжигая Хьярку взглядом. — Они не могут в полном смысле напасть на нас с тыла. Если будет наступление, мы можем заблокировать туннели, и никто вниз не пройдет. Мы можем переждать.

Но не вечно же отсиживаться. Не в том случае, когда общине надо охотиться, торговать ради пополнения припасов и содержать гидропонные сады. Ты уважаешь Юкку за то, что она этого *не*

сказала. Толпа облегченно перешептывается.

— У нас есть время, чтобы послать гонцов на юг, к союзным общинам? — спрашивает Лерна. Ты чувствуешь, что он пытается обойти вопрос припасов. — Может, кто-то из них захочет нам помочь?

Юкка фыркает в ответ, как и многие, некоторые с сожалением смотрят на Лерну. Сейчас Зима. Но…

— Скорее торговать. Мы можем запасти жизненно важные припасы, лекарства и подготовиться к осаде. Лесную впадину малый отряд пересекает за несколько дней. Большая группа пересечет ее, возможно, за пару недель. Форсированным маршем быстрее, но это глупо и опасно на незнакомой территории. Мы знаем, что их разведчики есть на нашей территории, но… — Она бросает взгляд на тебя: — Насколько близко остальные?

Она застает тебя врасплох, но ты знаешь, чего она хочет.

— Основная масса возле кольев. — Это где-то на полпути через впадину.

— Они могут тут оказаться через несколько дней, — говорит кто-то резким от тревоги голосом, и многие подхватывают эти слова шепотом. Он начинает становиться громче. Юкка снова

поднимает руки, но на сей раз лишь некоторые из собравшихся затихают; остальные прикидывают, подсчитывают, и ты видишь, как некоторые идут к мостикам, явно имея на уме собственные планы, и провались эта Юкка. Это не хаос, не совсем паника, но в воздухе достаточно страха, чтобы он слегка горчил. Ты встаешь, намереваясь встать в центре рядом с Юккой, постаравшись вместе с ней призвать к спокойствию.

Но ты останавливаешься. Потому что на том месте, куда ты хотела подойти, стоит кто-то еще. Он не похож на Сурьму, или Рубиновласку, или других камнеедов, которых ты порой замечала в общине. Эти по непонятной причине не хотят, чтобы все видели, как они двигаются; ты будешь то и дело замечать размытый силуэт, но затем статуя уже здесь, смотрит на тебя, как будто здесь всегда стояла статуя чужака, высеченная кем-то много лет назад.

Но этот камнеед поворачивается. Он все поворачивается, позволяя всем видеть и слышать это, смотрит, когда ты в конце концов его заметишь — серую гранитную плоть, однообразную гладкость его волос, чуть более заметную полировку глаз. Тщательно вырезанная массивная челюсть, торс с четкой мужской мускулатурой вместо по-

добия одеяния, которое принимает большинство камнеедов. Он явно хочет, чтобы ты думала о нем как о мужчине, ладно, это мужчина. Он весь серый, это первый камнеед, который выглядит именно как статуя… только он движется и продолжает двигаться, и все изумленно замолкают. Он одаряет вас всех слабым подобием улыбки. Он что-то держит в руке.

Ты не сводишь глаз с медленно поворачивающегося серого камнееда, и когда твой разум осознает странной формы кровавый предмет, который он держит в руке, твой недавний опыт вдруг позволяет тебе осознать, что это рука. Маленькая. Маленькая рука до сих пор в обрывке знакомой ткани, рукаве куртки, которую ты купила в прошлой жизни на дороге. Нечеловечески белая кожа в мазках крови кажется знакомой, и очертания ее знакомы, хотя бугорок на сломанной кости у окровавленного конца чист и похож на стекло, с четкой гранью, и вообще не кость.

Хоа

это Хоа

это рука Хоа

— У меня послание, — говорит серый камнеед приятным тенором. Губы его неподвижны, слова раздаются эхом из груди. Это хотя бы ощущается

нормально — насколько ты способна сейчас что-то ощущать нормально, глядя на этот роняющий кровь ужас. Через мгновение Юкка шевелится, вероятно, тоже справившись с шоком.

— От кого?

Он поворачивается к ней:

— От Реннаниса. — Снова поворот, глаза переходят с лица на лицо точно так же, как человек пытался бы установить контакт, донести мысль. Его глаза скользят по тебе, словно тебя и нет. — Мы не желаем вам зла.

Ты смотришь на руку Хоа в его руке.

— И потому у нас на пороге армия?.. — скептически спрашивает Юкка.

Поворот. Он игнорирует и Каттера.

— У нас много еды. Крепкие стены. Все ваше, если присоединитесь к нашей общине.

— А вдруг мы хотим остаться своей общиной? — говорит Юкка.

Поворот. Взгляд его останавливается на Хьярке. Та моргает.

— У вас нет мяса, ваша территория истощена. Не пройдет и года, как вы начнете жрать друг друга.

Вот это вызывает перешептывания. Юкка на миг в отчаянии закрывает глаза. Хьярка зло огля-

дывается по сторонам, словно пытаясь угадать, кто предал вас.

— Примете ли вы в вашу общину всех? — спрашивает Каттер. — С сохранением наших функционал-каст?

Лерна глухо говорит:

— Не понимаю, как это относится к делу, Каттер…

Каттер сурово смотрит на Лерну:

— Мы не можем сражаться с экваториальным городом.

— Но это тупой вопрос, — говорит Юкка. Ее голос обманчиво кроток, но той частью сознания, которая не впала в ступор при виде *этой* оторванной руки, ты отмечаешь, что она прежде никогда не поддерживала Лерну. У тебя всегда создавалось впечатление, что она не особо его любит, и это взаимно — она для него слишком холодна, а он для нее слишком мягок. Это важно. — Будь я на их месте, я бы солгала, забрала бы всех нас на север и загнала в лагерь для неприкаянных где-нибудь между кислотным гейзером и лавовым озером. Экваториальные общины проделывали такое и раньше, особенно когда им нужна была рабочая сила. Почему мы должны поверить, что вы другие?

Серый камнеед склоняет голову набок. Вместе с улыбкой на его губах этот жест кажется невероятно человеческим — он словно говорит: *ах ты, умница.*

— Нам незачем лгать. — Он позволяет этим сказанным приятным тоном словам зависнуть в воздухе ровно настолько, насколько нужно. О, тут он мастер. Ты видишь, как люди переглядываются, неловко переминаются; ты ощущаешь это молчание как свидетельство тому, что Юкке нечем возразить. Поскольку это правда. Затем он забивает последний гвоздь: — Но мы не нуждаемся в орогенах.

Молчание. Ошеломленная тишина. Юкка нарушает ее, коротко помянув подземный огонь. Каттер отводит взгляд. Глаза Лерны расширяются, когда он понимает смысл того, что только что сказал камнеед.

— Где Хоа? — спрашиваешь ты в тишине. Это все, о чем ты можешь думать. Камнеед скашивает глаза в твою сторону. Остальное его лицо неподвижно. Для камнееда это нормальный язык тела; для *этого* камнееда это игра на публику.

— Он умер, — говорит он. — После того как привел нас сюда.

— Ты лжешь. — Ты даже не осознаешь соб-

ственного гнева. Ты не думаешь, что сейчас сделаешь. Ты просто реагируешь, как Дамайя в тигле, как Сиенит на берегу. Все в тебе кристаллизуется и заостряется, и твое сознание ограняется до бритвенной остроты, и ты свиваешь нити, присутствие которых здесь ты едва замечала, и случается как с рукой Тонки — вж-ж-ж-ж. Ты отрезаешь кисть камнееда.

Она и рука Хоа падают на пол. Люди ахают. Крови нет. Рука Хоа падает на кристалл с громким мясистым ударом — она тяжелее, чем кажется, — и кисть камнееда с еще более явным клацаньем отделяется от руки. На срезе она того же ровного серого цвета.

Сначала камнеед никак не реагирует. Затем ты сэссишь какую-то коалесценцию [1], как те серебряные нити магии, но очень много. Кисть дергается, затем взлетает в воздух и возвращается к руке, словно на резинке. Он оставляет руку Хоа валяться. Затем камнеед наконец поворачивается прямо к тебе.

— Убирайся, пока я не расколола тебя на столь-

---

[1] Примечания: 1

Коалесценция (*от лат.* coalesce — «срастаюсь», «соединяюсь») — слияние капель или пузырей при соприкосновении внутри подвижной среды (жидкости, газа) или на поверхности какого-либо тела. *(Прим. ред.)*

ко кусков, что ты уже не соберешься, — говоришь ты голосом, дрожащим, как земля.

Серый камнеед улыбается. На сей раз по-настоящему, с гусиными лапками возле глаз, во весь рот, обнажая алмазные зубы, — и, чудо из чудес, это кажется действительно улыбкой, а не демонстрацией угрозы. Затем он исчезает, проваливаясь сквозь поверхность кристалла. Какое-то мгновение ты видишь серую тень в прозрачности кристалла, его очертания размываются и уже не похожи на гуманоидные, хотя, вероятно, это из-за ракурса. Затем быстрее, чем ты можешь это отследить сэссапинами, он исчезает внизу. После его гулкого ухода Юкка делает глубокий вдох и выдыхает.

— Что же, — говорит она, обводя взглядом свой народ. То, что она считает своим народом. — Похоже, нам надо поговорить.

Возникает неловкое смятение. Ты не желаешь его слышать. Ты бросаешься вперед и подбираешь кисть Хоа. Она тяжелая, как камень; тебе приходится задействовать ноги, чтобы не повредить спину. Ты поворачиваешься, и люди расступаются, и ты слышишь, как Лерна говорит:

— Иссун?

Но ты не хочешь слышать и его.

Понимаешь ли, там эти самые нити. Серебряные линии, которые можешь видеть лишь ты одна, они высовываются из обрубка руки и тянутся вперед, но изгибаются в сторону, когда ты поворачиваешься. Они всегда указывают в определенном направлении. И ты следуешь за ними. Никто не идет за тобой, и тебе все равно, что это значит. Не сейчас.

Эти усики ведут тебя в твое собственное жилище.

Ты проходишь за полог и останавливаешься. Тонки дома нет. Может, она у Хьярки или в зеленом зале. Перед тобой на полу еще две конечности, окровавленные обрубки с торчащими из них алмазными костями. Нет, они не на полу, они *в полу*, частично погружены в него, одна до бедра, вторая только по щиколотку. Они застряли, словно выбирались наружу. Видны два кровавых следа, достаточно широкие, чтобы испугаться, над знакомыми лохмотьями, которые ты выменяла за один из старых кремниевых ножей Джиджи. Они тянутся в твою комнату, и ты идешь по ним. И ты роняешь кисть. По счастью, она не падает тебе на ногу.

То, что осталось от Хоа, ползет к циновке, которая служит тебе постелью. Другой руки у него

тоже нет, ты не знаешь, где она. Его локонов тоже нет. Он замирает, когда ты входишь, услышав тебя или почуяв сэсуной, и лежит неподвижно, когда ты обходишь его и видишь, что его нижняя челюсть вырвана. У него нет глаз, и… укус, прямо над виском. Вот почему у него нет волос. Что-то вгрызлось в его череп как в яблоко и отгрызло кусок плоти и алмазной кости под ней. Ты не видишь, что вместо крови у него в голове. Это хорошо.

Это напугало бы тебя, если бы ты не поняла сразу. Рядом с твоей постелью лежит узелок, который он нес от самого Тиримо. Ты поспешно развязываешь его, приносишь к его останкам и садишься на корточки.

— Перевернуться можешь?

Вместо ответа он это делает. Какое-то мгновение тебя останавливает отсутствие у него нижней челюсти, а затем ты думаешь — *да пошло все* — и запихиваешь один из камней в узелке прямо в рваную дыру глотки Хоа. Его плоть, когда ты пропихиваешь камень туда пальцем, кажется теплой и человеческой, затем глотательный рефлекс срабатывает и его мускулы захватывают камень. (У тебя рвота подступает к горлу. Ты загоняешь ее обратно.)

Ты начинаешь скармливать ему другой камень, но через несколько вздохов его с ног до головы начинает бить дрожь. Ты не понимаешь, что ты все еще сэссишь магию, пока внезапно тело Хоа не наполняется серебряными нитями, которые вытягиваются и извиваются, как жгучие щупальца океанских тварей из сказок лористов. *Их сотни.* Ты в тревоге отступаешь, но Хоа издает хриплый звук с придыханием, и ты думаешь, что, возможно, это означает — *еще.*

Ты заталкиваешь ему в глотку еще один камень, затем еще один. Их, на минуточку, и так немного осталось. Когда остается только три, ты медлишь.

— Ты хочешь их все?

Хоа тоже медлит. Ты читаешь язык его тела. Ты не понимаешь, зачем ему нужны все они; кроме магического связующего — он *сделан* из него, до последнего дюйма, ты никогда ничего подобного не видела — ничто в его искалеченном теле не меняется. Можно ли пережить такие повреждения? Он не настолько человек, чтобы ты могла хотя бы предположить. Но в конце концов он снова хрипит. Звук более глубокий, чем первый. Может, он сдался или ты в своем воображении накладываешь человечность на звериные звуки

его звериной плоти. Потому ты заталкиваешь в него три последних камня.

Какое-то мгновение ничего не происходит. Затем.

Серебристые усики вздымаются и расползаются по нему так быстро, с таким неистовством, что ты пятишься. Ты знаешь кое-что о том, что может сделать магия, а здесь что-то дикое и неконтролируемое. Оно заполняет комнату, и… и ты смаргиваешь. Ты это видишь, не просто сэссишь. Теперь весь Хоа мерцает серебристо-белым цветом, который быстро становится слишком ярким, чтобы смотреть напрямую; такое даже глухач способен увидеть. Ты отступаешь в гостиную, глядя сквозь дверь спальной, поскольку это кажется безопаснее. Как только ты переступаешь порог комнаты, вещество всего жилища — стены, пол, весь кристалл — на миг содрогается, становится прозрачным, как обелиск в *нереальном состоянии*. Мебель в комнате и твои пожитки плавают среди мерцающей белизны. Позади тебя слышится мягкий удар, отчего ты подпрыгиваешь и резко оборачиваешься, но это ноги Хоа вырвались из пола и скользят по кровавому следу в твою комнату. Брошенная тобой рука тоже двигается, уже рывками вверх в сияющей

трясине. Взлетает и воссоединяется с телом, как кисть серого камнееда вернулась к его руке.

Что-то скользит по полу — нет. Ты видишь, как *сам пол* скользит вверх, словно он эластичный, а не кристаллический, и оборачивается вокруг его тела. В этот момент его свечение угасает; материал немедленно превращается в нечто более темное. Когда ты промаргиваешься от остаточных изображений и начинаешь видеть, там, где некогда был Хоа, находится нечто огромное, странное и невероятное. Ты снова заходишь в спальную — осторожно, поскольку пол и стены должны быть снова твердыми, но ты знаешь, что, вероятно, это лишь временно. Некогда гладкий кристалл теперь неровный под твоими ногами. Эта штука занимает теперь большую часть комнаты и лежит рядом с твоей перевернутой постелью, которая наполовину погрузилась во вновь застывший пол. Он горячий. Твоя нога на миг запутывается в лямках твоего полупустого дорожного рюкзака, который, по счастью, невредим и не вплавился в пол. Ты быстро наклоняешься и хватаешь его — привычка выживать. *Пламень земной* тут горяч. Постель не загорелась, но ты думаешь, что лишь потому, что она не касалась напрямую этой большой штуки. Ты сэссишь ее,

чем бы она ни была. Громадная, продолговатая глыба серо-зеленого халцедона, как внешняя оболочка жеоды.

Ты ведь уже понимаешь, что происходит, не так ли? Я рассказывал тебе о Тиримо после Разлома. В дальнем конце долины ударная волна землетрясения высвободила жеоду, которая раскрылась, как яйцо. Эта жеода не всегда там лежала, понимаешь ты, это магия, не природа. Ну, может, обе понемногу. Для камнеедов различие небольшое. И утром, после того как ты провела ночь за столом гостиной, где намеревалась бодрствовать и наблюдать за дымящейся громадой камня вместо того, чтобы спать, это случается снова. С громким, резким взрывчатым звуком по жеоде проходит трещина. Давление выбрасывает мерцающий плевок плазмы, завиток которой обугливает или оплавляет все твои пожитки в комнате. Кроме дорожного рюкзака, поскольку ты его схватила.

Ты вздрагиваешь, резко пробудившись. Ты медленно встаешь и заглядываешь в комнату. Она настолько горяча, что трудно дышать. Как духовка — хотя волны тепла заставляют приподняться полог входа. Температура быстро падает до приятной и безопасной. Ты едва это замечаешь. Поскольку из трещины в жеоде встает, двигаясь

поначалу чересчур по-человечески плавно, но быстро обретая знакомую прерывистую неподвижность… камнеед из гранатового обелиска.

Что же, снова здравствуй.

* * *

Наша позиция четко определяется физической целостностью Спокойствия – ради очевидных интересов долговременного выживания. Поддержание этой территории особенно зависит от сейсмического равновесия и непреложного закона природы, и ничто, кроме орогенов, не может таковое установить. Удар по их зависимости есть удар по самой планете. Потому мы постановляем, что, хотя они и несколько похожи на нас, людей доброго и чистого происхождения, и хотя ими следует управлять мягкой рукой ради процветания как зависимых, так и свободных, орогенистическая способность любой степени сводит на нет соответствующую часть индивидуальности. Они по праву должны содержаться и рассматриваться как низшие и зависимые особи.

– Вторая Декларация Юменесского Исторического Совета по правам Пораженных Орогенией.

15. Нэссун, отказ

Со времен юности я помню только цвет. Всюду зелень. Белое сияние. Глубокий живой красный. Эти конкретные цвета запечатлелись в моей памяти, когда столько прочего выцвело и поблекло и почти исчезло. Тому есть причина.

* * *

Нэссун сидит в кабинете Антарктического Эпицентра, внезапно начиная понимать свою мать лучше, чем прежде.

По обе стороны от нее сидят Шаффа и Умбра. Все трое они держат чашечки с сафе, предложенные им людьми Эпицентра. Нида осталась в Найденной Луне, поскольку кто-то должен присматривать за тамошними детьми и поскольку ей тяжелее всего вести себя как нормальный человек. Умбра так спокоен, что никто не понимает, о чем он думает. Разговор ведет один Шаффа. Их пригласили внутрь поговорить с тремя так называемыми старшими, что бы это ни значило. Эти старшие носят полностью черную форму с аккуратно застегнутыми кителями и свободными

брюками со стрелкой — а, так вот почему их зовут имперскими орогенами-черномундирниками. От них исходят сила и страх.

Одна из них явно арктического происхождения, с седеющими рыжими волосами и кожей такой белой, что под ней ярко выделяются зеленые вены. У нее лошадиные зубы и красивые губы, и Нэссун не может отвести от них взгляд, когда она говорит. Ее зовут Серпентин [2], что вовсе ей не подходит.

— Конечно, к нам не поступают новые гальки, — говорит Серпентин. Почему-то она при этом смотрит на Нэссун и разводит руками. Ее пальцы еле заметно дрожат. Так происходит с самого начала их разговора. — Такой трудности мы не очень ожидали. Во всяком случае, спальни галек не используются в то время, когда безопасный кров так ценен. Именно потому мы предложили соседним общинам забрать к себе их сирот, которые слишком малы, чтобы заслужить принятие в общину. Ведь это логично, верно? И мы приняли несколько беженцев, вот почему у нас нет иного выбора, кроме как начать торговый обмен с местными ради припасов и всего такого. Поскольку

---

[2] Примечания: 2
Серпентин, как правило, темный серо-зеленый пятнистый камень.

из Юменеса поставок не поступает… — Ее лицо вздрагивает. — Ладно. Это можно понять, ведь так?

Она ноет. Делает это с милой улыбкой и безупречными манерами, и еще двое понимающе кивают вместе с ней. Нэссун не уверена, почему эти люди так ее тревожат. Это как-то связано с этим нытьем и их лживостью: им явно неприятно прибытие Стражей, они откровенно рассержены и испуганы, но делают вежливый вид. Это заставляет ее подумать о матери, которая притворялась доброй и любящей, когда рядом был папа или кто-то еще, а наедине с ней была холодной и жестокой. От мысли, что Антарктический Эпицентр набит бесконечными подобиями ее матери, у Нэссун зудят зубы, ладони и сэссапины.

И по ледяному спокойствию лица Умбры и ломкому дружелюбию улыбки Шаффы она видит, что Стражам это тоже не нравится.

— Действительно, это можно понять, — говорит Шаффа. Он вертит чашечку сафе в руках. Мутная жидкость остается белой, как и должна, но он не отпил ни глотка. — Думаю, местные общины благодарны за кров и еду для их избыточных жителей. И вполне понятно, что вы приставляете этих людей к работам. Охранять ваши стены. Об-

рабатывать ваши поля… — Он останавливается, улыбаясь шире. — То есть сады.

Серпентин улыбается в ответ, и ее товарищи неловко ерзают. Нэссун этого не понимает. Зима еще не окончательно утвердилась здесь, в Антарктике, так что кажется разумным, что община будет засаживать зеленые зоны и ставить на стены Опор, начиная готовиться к худшему. Однако почему-то плохо, что Антарктический Эпицентр это делает. Плохо, что этот Эпицентр вообще действует. Нэссун перестала пить сафе, который дали ей старшие, хотя прежде она пила сафе всего пару раз, и вроде как с ней обращаются как со взрослой, но Шаффа не пьет, что показывает ей, что ситуация на самом деле небезопасна.

Одна из старших — срединница, которая могла бы сойти за родню Нэссун: высокая, смугловатая, с густыми кудрявыми волосами, с широкой талией, широкими бедрами и тяжелой грудью. Ее представляли по имени, но Нэссун не запомнила. Ее орогения ощущается из всех трех самой резкой, хотя она младше всех; на ее длинных пальцах шесть колец.

И именно она наконец перестает улыбаться, складывает руки на груди и чуть вздергивает подбородок. Это тоже напоминает Нэссун ее мать.

Мама часто ведет себя так же, окружая мягким достоинством алмазное упрямство. И это упрямство выходит на поверхность, когда женщина говорит:

— Как понимаю, вас это не радует, Страж.

Серпентин морщится. Второй эпицентровский ороген, мужчина, назвавшийся Лампрофиром, вздыхает. Шаффа и Умбра почти синхронно наклоняют головы, и улыбка Шаффы становится еще шире от заинтересованности.

— Не то чтобы не радует, — говорит он. Нэссун может сказать, что ему приятно покончить с любезностями. — Я просто удивлен. В конце концов, это стандартный протокол для любого филиала Эпицентра — закрыться в случае объявления Зимы.

— Объявления кем? — спрашивает шестиколечница. — До вашего прихода здесь не было Стражей, чтобы объявить что-либо подобное. Местные главы общин действуют по-разному: кто-то объявил Зимний Закон, некоторые просто закрылись, остальные ведут дела как прежде.

— И если бы все они объявили Зимний Закон, — говорит Шаффа тем самым спокойным голосом, который использует, когда уже знает ответ на вопрос и лишь хочет услышать, как ты сам это

скажешь, — вы действительно все покончили бы с собой? Поскольку, как вы заметили, здесь нет Стражей, которые бы решили этот вопрос для вас.

Нэссун спохватывается прежде, чем успеть испугаться. Покончить с собой? Но она недостаточно контролирует свою орогению, чтобы удержать ее от дрожи, когда не дрожит сама. Все трое людей Эпицентра смотрят на нее, и Серпентин тонко улыбается.

— Осторожнее, Страж, — говорит она, глядя на Нэссун, но обращаясь к Шаффе. — Вашей питомице, похоже, неприятна мысль о массовом убийстве без причины.

— Я ничего от нее не скрываю, — говорит Шаффа, и удивление Нэссун тонет в любви и гордости. Он смотрит на Нэссун. — Исторически этот Эпицентр выживал благодаря попустительству соседей, своим стенам и ресурсам соседних общин. И как и от всего, у чего нет целесообразного применения Зимой, логично ожидать от имперских орогенов самоисключения из конкуренции за ресурсы — чтобы нормальные здоровые люди имели больше шансов выжить. — Он делает паузу. — И поскольку орогенам не дозволено существовать без надзора Стражей или Эпицен-

тра… — Он разводит руками.

— Мы Эпицентр, Страж, — говорит третий старший, чье имя Нэссун забыла. Это мужчина из какого-то народа Западного Побережья; он строен, у него прямые волосы и высокие скулы, почти вогнутое лицо. Кожа белая, но глаза темные и холодные. Его орогения ощущается легкой и многослойной, словно слюда. — И мы самодостаточны. Мы вовсе не тратим ресурсы, мы предоставляем необходимые услуги соседним общинам. Мы даже — по собственной инициативе и бескорыстно — сглаживали афтершоки Разлома, когда они заходили так далеко на юг. Именно благодаря нам так мало антарктических общин серьезно пострадали с начала этой Зимы.

— Замечательно, — говорит Умбра. — И очень разумно показать себя неоценимыми. Однако ваши Стражи этого не допустили бы. Мне кажется.

Все трое старших на миг замирают.

— Это Антарктика, Страж, — говорит Серпентин. Она улыбается, но глаза остаются холодными. — Мы по величине лишь малая часть Юменесского Эпицентра — всего двадцать пять окольцованных орогенов и горстка по большей части подросших галек. Здесь постоянно никогда не было много Стражей. Как правило, они по-

сещали нас при объезде или поставляли новых галек. После Разлома не приезжал никто.

— Здесь никогда постоянно не было много Стражей, — соглашается Шаффа, — но, насколько помню, было трое. Одного я знал. — Он замолкает, и на какой-то неуловимый момент его лицо становится далеким, растерянным и немного смятенным. — Я помню, что знал одного. — Он моргает. Снова улыбается. — Но теперь здесь нет ни единого.

Серпентин напрягается. Они все напряжены, эти старшие, и от этого зуд на задворках разума Нэссун все сильнее.

— Мы пережили несколько налетов банд неприкаянных, прежде чем наконец возвели стену, — говорит Серпентин. — Они погибли, отважно защищая нас.

Это настолько наглая ложь, что у Нэссун челюсть падает.

— Что же, — говорит Шаффа, ставя на стол свою чашку сафе и легко вздыхая. — Полагаю, все произошло так, как можно было предполагать.

И хотя Нэссун уже догадалась, что сейчас будет, хотя она видела и прежде, как Шаффа движется с нечеловеческой скоростью, хотя серебряные нити внутри его и Умбры за миг до того вспы-

хивают, как спичка, и сияют сквозь них, для нее все равно Шаффа бросается вперед внезапно и пробивает кулаком лицо Серпентин.

Орогения Серпентин погибает, как и она сама. Но остальные двое старших на ногах и в следующее мгновение срываются с места. Лампрофир падает на спину вместе с креслом, чтобы избежать размытого удара Умбры, а шестиколечница выхватывает из рукава духовую трубку. Глаза Шаффы расширяются, его рука все еще в лице Серпентин; он пытается броситься на женщину, но труп висит на его руке. Женщина подносит трубку к губам.

Прежде чем она успевает дунуть, Нэссун вскакивает, погружается в землю и начинает ткать торус, который заморозит женщину в мгновение ока. Женщина удивленно отшатывается и деформирует *что-то*, что разбивает торус Нэссун прежде, чем она успевает его сформировать, — так мать поступала во время их практики, если Нэссун делала что-то не то. Осознав, Нэссун потрясенно отшатывается и спотыкается.

Ее мать усвоила этот трюк в Эпицентре, так здешние обучают юных орогенов, все, что Нэссун переняла от матери, запятнано этим местом и всегда было таковым.

Но этого мгновения оказывается достаточно. Шаффа наконец вырывает руку из трупа и в мгновение ока оказывается в другом конце комнаты, вырывает у женщины трубку и бьет ее в гортань прежде, чем она успевает опомниться. Она падает на колени, кашляя, инстинктивно тянется к земле, но затем по комнате что-то проходит волной — и Нэссун задыхается, потому что внезапно не может сэссить вообще ничего. Женщина тоже задыхается, затем хрипит, хватаясь за горло. Шаффа хватает ее за голову и быстрым движением ломает ей шею.

Лампрофир пятится, когда Умбра приближается к нему, судорожно хватаясь за одежду там, где в ткань вшит маленький тяжелый предмет.

— Злой Земля, — выдает он, дергая пуговицы мундира, — вы оба осквернены!

Далеко уйти ему не удается, поскольку Умбра размывается, и Нэссун вздрагивает, когда что-то заляпывает ей щеку. Умбра растаптывает голову противника.

— Нэссун, — говорит Шаффа, бросая труп шестиколечницы и глядя на него. — Иди на террасу и жди нас там.

— Д-д-да, Шаффа, — говорит Нэссун. Она сглатывает. Ее трясет. Несмотря на это, она заставляет

себя повернуться и выйти из комнаты. В конце концов, тут еще примерно двадцать два окольцованных орогена, как сказала Серпентин.

Антарктический Эпицентр не намного больше городка Джекити. Нэссун выходит из большого двухэтажного дома, который служит административным корпусом. Здесь также есть скопление небольших домиков, в которых, вероятно, живут взрослые орогены, и несколько длинных бараков возле большой стеклянной оранжереи. Вокруг много людей, они входят и выходят из бараков и домиков. Немногие носят черные мундиры, хотя некоторые из одетых по-гражданскому ощущаются как орогены. За теплицей находится наклонная терраса с многочисленными садовыми участками — в целом их слишком много, чтобы на самом деле считаться садами. Это ферма. Большинство участков засеяны злаками и овощами, на них трудится множество людей, поскольку день хороший и никто не знает, что Стражи усердно истребляют всех в административном здании.

Нэссун идет по мощеной тропинке над террасой, опустив голову, чтобы сосредоточиться и не споткнуться, поскольку она не может сэссить ничего после того, как Шаффа что-то сделал с шестиколечницей. Она всегда знала, что Стражи

умеют гасить орогению, но никогда не испытывала этого прежде. Трудно идти, когда ты ощущаешь землю только глазами и стопами, а еще когда тебя так трясет. Она осторожно ставит ногу перед ногой и внезапно видит перед собой чужие ноги. Нэссун резко выпрямляется, ее тело цепенеет от шока.

— Смотри, куда идешь, — машинально говорит девочка. Она тоненькая и белая, но с гривой сизых пепельных волос. Ей примерно столько же лет, как и Нэссун. Однако она останавливается, хорошенько рассмотрев Нэссун.

— Эй, у тебя что-то на лице. Мертвый жук или что еще. Здоровущий. — Она стряхивает это пальцем. Нэссун от удивления отдергивается, затем вспоминает о хороших манерах.

— Спасибо. Э, прости, что загородила дорогу.

— Все в порядке. — Девочка моргает. — Говорят, приехали Стражи и привезли новую гальку. Это ты новенькая?

Нэссун непонимающе смотрит на нее:

— Г-гальку?

У девочки брови ползут вверх:

— Ну да. Ученицу? Будущего имперского орогена? — Она несет корзину садовых материалов, что вовсе не совпадает с темой разговора. — Стра-

жи обычно привозили сюда детей перед началом Зимы. Так я сюда и попала.

Технически и Нэссун так попала сюда.

— Меня привезли Стражи, — эхом отзывается она. Внутри у нее пусто.

— И меня. — Девочка мрачнеет и отводит взгляд. — Они еще не ломали тебе руку?

У Нэссун дыхание застывает в горле.

От ее молчания лицо девочки становится горестнее.

— Да. В какой-то момент такое проделывают с каждой галькой. Кисть или пальцы. — Она качает головой, затем делает короткий, гулкий вздох. — Мы не должны рассказывать об этом. Но что бы там тебе ни говорили — это не ты. Не твоя вина. — Еще один короткий вздох. — Я найду тебя. Я Адже. У меня еще нет орогенского имени. А как тебя зовут?

Нэссун не может думать. Треск ломающейся под кулаком Шаффы кости стоит у нее в ушах.

— Нэссун.

— Приятно познакомиться, Нэссун. — Адже вежливо кивает, затем продолжает путь, спускаясь по ступенькам. Она напевает себе под нос, размахивая корзинкой. Нэссун смотрит ей вслед, пытаясь понять.

Орогенское имя?

Пытаясь не понимать.

Они еще не ломали тебе руку?

Это место. Этот… Эпицентр. Вот почему мать сломала ей руку.

Рука Нэссун дергается от фантомной боли. Она снова видит камень в занесенной руке матери. Она замирает на миг, опускается.

Ты уверена, что можешь себя контролировать?

Эпицентр — вот из-за чего мать никогда не любила ее.

Вот почему отец больше не любит ее.

Вот почему ее братик мертв.

Нэссун смотрит, как Адже машет худенькому мальчику постарше, который рыхлит землю. Это место. Эти люди, которые не имеют права на существование.

Сапфир не так далеко — он парит над Джекити, как и в течение двух недель с тех пор, как они с Шаффой и Умброй отправились в Антарктический Эпицентр. Она сэссит его с этого расстояния, но он слишком далеко, чтобы его видеть. Кажется, он мигает, когда она тянется к нему, и на мгновение она удивляется тому, что почему-то это *знает*. Она инстинктивно поворачивается к нему лицом. Оптическая ось. Ей не нужны глаза

или орогения, чтобы использовать его.

(Это природа орогении, сказал бы ей прежний Шаффа, если бы еще существовал. У таких, как Нэссун, врожденная одинаковая реакция на все угрозы: с абсолютно разрушительным противодействием. Он бы сказал это прежде, чем сломать ей руку, чтобы вбить в голову урок контроля.)

Здесь, в этом месте, столько серебряных нитей! Все орогены связаны вместе через совместную практику и передачу опыта.

ОНИ ЕЩЕ НЕ ЛОМАЛИ ТЕБЕ РУКУ

Все происходит за несколько вздохов. Затем Нэссун позволяет себе выпасть из водянистой голубизны и стоит, дрожа от последствий. Чуть позже Нэссун оборачивается и видит перед собой Шаффу вместе с Умброй.

— Их не должно было тут быть, — выдыхает она. — Ты *сам сказал*.

Шаффа не улыбается, и ей очень знакомо это его спокойствие.

— Так ты сделала это, чтобы помочь нам?

Нэссун не способна сейчас думать в достаточной степени, чтобы соврать. Она качает головой.

— Это неправильное место, — говорит она. — Эпицентр неправильный.

— Неужели? — Это испытание, но Нэссун поня-

тия не имеет, как его пройти. — Почему ты так говоришь?

— Мама была неправильная. Это Эпицентр сделал с ней такое. Она должна была быть… э… а… твоей союзницей, — *как я,* думает она, напоминая себе. — Это место сделало ее чем-то другим. — Она не может этого произнести. — Это место сделало ее неправильной.

Шаффа смотрит на Умбру. Тот наклоняет голову набок, и на какой-то миг между ними вспыхивает серебро. Та штука, что внедрена в их сэссапины, отзывается странным образом. Но затем Шаффа хмурится, и она видит, как он отталкивает серебро. Ему больно это делать, но все же он так делает, обращая к ней яркий взгляд, крепко стиснув зубы и покрываясь испариной.

— Думаю, ты можешь быть и права, малышка, — только и говорит он. — Запри людей в клетке, и они сделают все, чтобы сбежать оттуда, но не сотрудничать с теми, кто их запер. Полагаю, что произошедшее здесь было неизбежно. — Он бросает взгляд на Умбру. — И все же. Их Стражи наверняка были слишком небрежны, раз позволили группе орогенов напасть на них. Та с духовой трубкой… урожденный дичок, скорее всего и ее обучили тому, чему не следовало бы,

еще до того, как привезли сюда. Это она была заводилой.

— Небрежные Стражи, — говорит Умбра, глядя на Шаффу. — Да.

Шаффа улыбается ему. Нэссун в замешательстве хмурит брови.

— Мы уничтожили угрозу, — говорит Шаффа.

— Большую ее часть, — соглашается Умбра.

Шаффа с еле уловимой иронией кивает ему прежде, чем повернуться к Нэссун. Он говорит:

— Ты была права, сделав то, что сделала, малышка. Благодарю за помощь.

Умбра не сводит глаз с Шаффы. Особенно с его затылка. Шаффа внезапно поворачивается, глядя на него в ответ с застывшей на лице улыбкой и смертоносным спокойствием во всем теле. Через мгновение Умбра отводит взгляд. Нэссун понимает. Серебро в Умбре успокоилось или, по крайней мере, стало таким как всегда во всех Стражах, но мерцающие нити внутри Шаффы по-прежнему живы, активны, рвут его. Однако он с ними борется и готов схватиться и с Умброй, если необходимо.

Из-за нее? Нэссун изумленно ликует. Из-за нее!

Затем Шаффа садится на корточки и берет ее лицо в руки.

— Ты в порядке? — спрашивает он. Его взгляд на миг устремляется к восточному небу. Сапфир.

— В порядке, — говорит Нэссун, поскольку так и есть. На сей раз связаться с обелиском оказалось гораздо легче, отчасти потому, что это не было внезапно, и отчасти от того, что она начинает привыкать к внезапному наступлению странности в ее жизни. Хитрость в том, чтобы позволить себе упасть в него, и падать с той же скоростью, и думать о нем, как о большой колонне света.

— Потрясающе, — говорит он и встает на ноги. — Пошли.

Итак, они оставляют за спиной Антарктический Эпицентр с зеленеющим на полях урожаем и остывающими трупами в административном здании, а также блестящими разноцветными человеческими статуями, разбросанными по садам, баракам и стенам.

* * *

Но в следующие дни, когда они идут по дороге и лесным тропинкам между Эпицентром и Джекити, каждую ночь ложась спать в чужих амбарах или вокруг своего костра… Нэссун думает.

Ей больше нечего делать, кроме как думать, в конце концов. Умбра и Шаффа не разговаривают

друг с другом, и между ними какая-то напряженность. Она достаточно хорошо ее понимает, чтобы не оказываться с Умброй наедине, что легко, поскольку Шаффа старается не допускать этого. В этом нет особой необходимости; Нэссун думает, что то, что она сделала с Эйтцем и людьми Антарктического Эпицентра, она сможет проделать и с Умброй. Использовать обелиск — не сэссить, серебро — не орогения, и, стало быть, даже Страж не в безопасности. Ей, однако, даже нравится, что Шаффа ходит с ней в баню и воздерживается от сна — Стражи, похоже, такое могут, — чтобы присматривать за ней по ночам. Приятно, что снова кто-то — хоть кто-то — защищает ее.

Но. Она размышляет.

Нэссун тревожит, что Шаффа уронил себя в глазах товарища-Стража тем, что решил не убивать ее. Еще больше ее тревожит то, что он страдает, стискивает зубы, делая вид, что это улыбка, даже хотя она видит, как серебро сжимается и горит внутри его. Теперь оно не успокаивается ни на минуту, и он не позволяет ей ослаблять его боль, поскольку на следующий день Нэссун будет усталой и заторможенной. Она смотрит, как он терпит, и ненавидит ту маленькую штуку в его голове, которая так его мучает. Она дает ему

силу, но что хорошего в силе, если он на строгом поводке у этой штуки?

— Почему? — спрашивает она как-то вечером, когда они разбивают лагерь на плоской, приподнятой белой плите чего-то — не металла и не камня, все, что осталось от руин какой-то мертвой цивилизации. В районе наблюдались признаки действий налетчиков или неприкаянных, и в крошечной общине, в которой они остановились прошлым вечером, предупредили, чтобы они держались настороже, так что с высокой точки они заранее увидят нападение. Умбра отошел ставить силки, чтобы поймать что-нибудь на завтрак. Шаффа воспользовался возможностью полежать в спальном мешке, пока Нэссун стоит на страже, а она не хочет держать его настороже. Но ей надо знать.

— Зачем эта штука у тебя в голове?

— Мне ее внедрили туда, когда я был еще очень юн, — говорит он. Он устал. Сражение с серебром в течение нескольких бессонных суток сказалось на нем. — Я не спрашивал «почему»; просто так было надо.

— Но… — Нэссун не хочет раздражать его следующим вопросом. — А так было *надо*? Ради чего?

Он улыбается, хотя глаза его закрыты.

— Мы созданы, чтобы охранять мир от опасности, которую представляют такие, как ты.

— Я понимаю, но… — Она качает головой. — *Кто* тебя создал?

— Конкретно меня? — Шаффа открывает один глаз, затем слегка хмурится. — Я… я не помню. Но в целом Стражей создают другие Стражи. Нас находят, или выводят, или передают в Уоррент для обучения и… изменения.

— А кто делал Стражей до вас и до них? Кто сделал это *первым*?

Некоторое время он молчит — пытается вспомнить, понимает она по его лицу. То, что с Шаффой что-то не так, эти глубокие дыры в его воспоминаниях, тяжелое давление линии разлома на его мысли, это Нэссун просто принимает. Он то, что он есть. Но ей надо знать, почему он такой… и, что еще важнее, она хочет знать, как сделать ему лучше.

— Я не знаю, — говорит он наконец, и она понимает, что разговор закончен, поскольку он выдыхает и снова закрывает глаза. — В конце концов, это «почему» не имеет значения, малышка. Почему ты ороген? Иногда просто нужно принимать свой удел.

Нэссун решает замолчать, и через несколь-

ко мгновений тело Шаффы расслабляется, и он засыпает в первый раз за несколько дней. Она послушно несет вахту, распространяя свое восстановившееся ощущение земли, чтобы улавливать вибрации маленьких животных и других передвижений в ближайшей округе. Она может сэссить и Умбру, который методически держится на грани ее чувствительности, устанавливая силки, и из-за него она вплетает серебряную нить в сеть своего сознания. Он может увильнуть от ее сэсуны, но не от этого. Она уловит и любого неприкаянного, если он подойдет на расстояние полета стрелы или броска гарпуна. Она не даст никому ранить Шаффу, как ее отца.

Кроме чего-то тяжелого и теплого, что идет на четырех лапах неподалеку от Умбры, вероятно, ища пищи, больше вблизи беспокоиться не о чем.

Не о чем…

…за исключением. Что-то очень странное. Что-то… громадное? Нет, границы этого невелики, не больше среднего валуна или человека. Но он прямо под белой некаменной плитой. Под ее ногами, практически едва ли глубже десяти футов.

Словно заметив ее внимание, оно движется. Ощущение как от движения мира. Нэссун неволь-

но ахает и отшатывается, хотя вокруг нее ничто не меняется, только сила тяжести, да и то чуть-чуть. Громадность внезапно исчезает, словно чувствует ее внимание. Однако она уходит недалеко, и мгновением позже громадность движется снова: вверх. Нэссун моргает, открывает глаза и видит статую на краю плиты. Прежде ее там не было.

Нэссун не растеряна. В конце концов, однажды она хотела стать лористом; она многие часы проводила, слушая предания о камнеедах и тайнах, окружавших их существование. Этот выглядит не так, как ему следовало бы по ее представлениям. В сказках лористов камнееды имеют мраморную кожу и драгоценные волосы. Этот совершенно серый, вплоть до белков его глаз. Он обнажен по пояс и мускулист, и он улыбается, открывая прозрачные зубы с острыми гранями.

— Это ты превратила в камень Эпицентр несколько дней назад, — говорит он исходящим из груди голосом.

Нэссун сглатывает и смотрит на Шаффу. Он крепко спит, а камнеед говорит негромко. Если она завопит, Шаффа, вероятно, очнется, но что может сделать Страж против этой твари? Она даже не уверена, что сможет сделать что-то с

серебром; камнеед просто сверкающая трясина серебра, нити свиваются и закручиваются внутри его. Однако предание уверено в одном насчет камнеедов — они не нападают без провокации.

Потому она тихо говорит:

— Д-да. Это проблема?

— Вовсе нет. Я просто хотел высказать свое восхищение твоей работой. — Губы его неподвижны. Почему он так много улыбается? Нэссун с каждым вздохом все больше убеждается в том, что это выражение *не просто* улыбка.

— Как тебя зовут, малышка?

Она тут же ощетинивается на *малышку*.

— Зачем тебе?

Камнеед медленно шагает вперед. Это звучит как скрежет жернова, но выглядит так же неправильно, как должна смотреться шагающая статуя. Нэссун вздрагивает от отвращения, и он останавливается.

— Зачем ты превратила их в камень?

— Они были неправильные.

Камнеед снова шагает вперед, на плиту. Нэссун почти ждет, что плита треснет или накренится под его чудовищным, как она знает, весом. Он — гора, втиснутая в объем и образ человека. Плита из материала мертвой цивилизации, однако

не трескается, и теперь существо достаточно близко, чтобы она увидела тонкую проработку его прядей.

– *Ты* ошиблась, — говорит он странным гулким голосом. — Люди Эпицентра и Стражи не виноваты в том, что они делают. Ты хотела знать, почему твой Страж должен так страдать. Вот ответ: не должен.

Нэссун замирает. Прежде чем она успевает спросить больше, голова камнееда поворачивается к нему. Вспышка… чего-то. Регулировка настолько бесконечно тонкая, чтобы увидеть или сэссить, и… и внезапно живая, жестокая пульсация серебра в Шаффе замирает. Только черное, иглоподобное пятно в его сэссапинах активно, и тут же Нэссун сэссит его усилия восстановить контроль. Но пока Шаффа тихо вздыхает и еще больше расслабляется во сне. Боль, грызшая его долгие дни, исчезла. На время.

Нэссун ахает — тихо. Если у Шаффы наконец появился шанс по-настоящему отдохнуть, она не нарушит его сна. Вместо этого она говорит камнееду:

— Как ты это сделал?

— Могу научить. Я могу научить тебя противостоять его мучителю и его *хозяину*. Если хочешь.

Нэссун с трудом сглатывает.

— Д… да. Я хочу. — Но она не глупая. — В обмен на что?

— Ни на что. Если ты сражаешься с его хозяином, то ты сражаешься и с моим врагом. Это сделает нас… союзниками.

Она теперь знает, что этот камнеед болтался поблизости, подслушивал ее, но ей уже все равно. Ради спасения Шаффы… Она облизывает губы, на которых легкий привкус серы. За последние недели пепельная дымка стала плотнее.

— Хорошо, — говорит она.

— Как тебя зовут? — Если он подслушивал, то он знает, кто она. Это жест ради союза.

— Нэссун. А тебя?

— У меня нет имени, или много. Зови меня как пожелаешь.

Ему нужно имя. Союзы не работают без имен, разве не так?

— С… Сталь.

Это первое, что приходит ей на ум. Поскольку он такой серый.

— Сталь?

Ощущение, что ему все равно, остается.

— Я приду позже, — говорит Сталь. — Когда сможем поговорить без помех.

В мгновение ока он исчезает, уходит в землю, и гора тут же исчезает из ее сознания. Мгновением позже из леса вокруг плиты появляется Умбра и начинает подниматься по холму к ней. Она по-настоящему рада ему, пусть даже его взгляд становится острее, когда он подходит ближе и видит, что Шаффа спит. Он останавливается в трех шагах от нее, гораздо ближе, чем было бы достаточно для скорости Стража.

— Я убью тебя, если ты попытаешься что-нибудь сделать, — говорит Нэссун, мрачно кивая. — Ты ведь понимаешь? Или если разбудишь его.

Умбра улыбается.

— Я знаю, что ты попытаешься.

— Попытаюсь и сделаю.

Он вздыхает, и в его голосе звучит огромное сочувствие.

— Ты даже не понимаешь, насколько ты опасна. Намного больше, чем я.

Она не понимает, и это очень ее тревожит. Умбра действует не из жестокости. Если он видит в ней угрозу, тому должна быть причина. Но это не имеет значения.

— Шаффа хочет, чтобы я жила, — говорит она. — Потому я живу. Даже если придется тебя убить.

Умбра вроде раздумывает об этом. Она замечает быстрый всплеск серебра внутри его и понимает, внезапно и инстинктивно, что она уже разговаривает не совсем с Умброй.

С его хозяином.

— А если Шаффа решит, что ты должна умереть? — говорит Умбра.

— Тогда я умру. — Вот в чем была неправота Эпицентра, она в этом уверена. Они обращались со Стражами как с врагами, и, может быть, некогда они таковыми и были, как говорил Шаффа. Но союзники должны доверять друг другу, быть уязвимыми друг для друга. Шаффа единственный в мире человек, который любит Нэссун, и Нэссун умрет, убьет или переделает мир ради него.

Умбра медленно склоняет голову.

— Тогда я доверюсь твоей любви к нему, — говорит он. На миг слышно эхо в его голосе, его теле, оно уходит в землю, отдаваясь в страшной глубине. — Пока. — С этими словами он проходит мимо нее и садится рядом с ним, сам заступая на стражу.

Нэссун не понимает причины Стража, но за эти месяцы она узнала про них одну вещь — они не удосуживаются лгать. Если Умбра сказал, что он доверится Шаффе — нет, *доверится любви Нэссун*

к Шаффе, поскольку тут есть разница. Но если Умбра говорит, что это имеет для него смысл, то она может на это положиться.

Потому она ложится на свой спальный мешок и расслабляется, несмотря ни на что. Однако она некоторое время не может заснуть. Наверное, нервы.

Наступает ночь. Все ясно, не считая слабой дымки пепла, идущего с севера, и нескольких рваных жемчужных облаков, периодически плывущих на юг с ветерком. Появляются звезды, подмигивая сквозь дымку, и Нэссун долго смотрит на них. Она начинает засыпать, ее разум в конце концов погружается в сон, когда она запоздало замечает, что один из крохотных белых огоньков наверху двигается в другом направлении, чем все звезды — вниз, что ли, в то время как прочие звезды идут через небо на восток. Медленно. Теперь, когда она это заметила, трудно этого не видеть. Она к тому же чуть больше и ярче остальных. Странно.

Нэссун поворачивается к Умбре спиной и засыпает.

* * *

Эти предметы пролежали здесь целую вечность. Глупо называть их костями.

Они рассыпались в прах от нашего прикосновения.

Но еще более странными были настенные росписи. Растения, которых я никогда не видела, что-то вроде надписей на каком-то языке, но выглядят как фигурки и завитки. И еще: большой круглый белый предмет среди звезд над пейзажем. Жуть. Мне не понравилось. Я заставила черномундирников соскоблить роспись.

– Журнал странницы Фогрид Инноватор Юменес. Архивы Джинерного Патентного отдела, Восточная Экваториаль.

16. Ты снова встречаешь старого друга

Я хочу продолжать рассказ как обычно: в твоей голове, твоим голосом говоря тебе то, что думать, делать и знать. Тебе это кажется грубым? Да, согласен. Эгоистично. Когда я говорю от себя, трудно осознавать себя частью тебя. Это более одиноко. Пожалуйста, дай мне продолжать себя чувствовать немного бо€льшим.

* * *

Ты безотрывно смотришь на камнееда, выбирающегося из халцедонового анабиоза. Он стоит сгорбившись, совершенно неподвижно, искоса глядя на тебя сквозь слабую дрожь горячего воздуха вокруг расколотой жеоды. Его волосы такие же, как ты запомнила в тот полуреальный-полубредовый момент внутри гранатового обелиска: застывший всплеск, как бывает с пепельными волосами, когда их взметывает и отбрасывает назад сильный порыв ветра. Теперь это прозрачный беловатый опал вместо просто белого. Но в отличие от плотской формы, к которой ты

привыкла, «кожа» этого камнееда черна, каким некогда было ночное небо до Зимы.

То, что тогда ты сочла трещинами, как ты теперь понимаешь, на самом деле белые и серебристые мраморные прожилки. Даже элегантная драпировка псевдоодеяния, обернутого вокруг тела, простой хитон, спадающий с одного плеча, тоже из черного мрамора. Только в глазах нет прожилок, белки теперь матовые, гладко-черные. Но радужки по-прежнему льдистые. Они выделяются на черном лице, суровые и настолько атавистически тревожащие, что тебе действительно требуется время, чтобы понять, что это лицо по-прежнему принадлежит Хоа.

Хоа. *Он* старше, ты сразу это видишь — это лицо молодого человека, а не мальчика. По-прежнему слишком широкое, со слишком маленьким ртом, расово неопределенное.

Ты, однако, можешь прочесть тревогу в этих застывших чертах, поскольку научилась читать ее на лице, некогда более нежном и предназначенном вызывать твое сочувствие.

— И в чем была ложь? — спрашиваешь ты. Только это ты и способна спросить.

— Ложь? — Теперь это голос мужчины. Тот же, но в теноровом диапазоне. Идет откуда-то

из груди.

Ты делаешь шаг в комнату. Там все еще неприятно жарко, хотя она быстро остывает. Но ты все равно заливаешься потом.

— Твое человеческое обличье или это?

— Оба были правдой каждое в свое время.

— Ах да. Алебастр сказал, что вы все были людьми. Хотя бы когда-то. — Возникает момент тишины.

— Ты человек?

Ты не можешь удержаться от смеха.

— Официально? Нет.

— Никогда не думай о том, что думают другие. Кем ты ощущаешь себя?

— Человеком.

— Вот и я. — Он стоит, исходя паром между двумя половинками гигантского камня, из которого только что вылупился. — Но больше — нет.

— Я должна поверить тебе на слово? Или прислушаться к собственным ощущениям? — Ты качаешь головой, обходя жеоду по как можно большему кругу. Внутри ее ничего нет; это тонкая каменная скорлупа без кристаллов или обычного осадочного подбоя. Вероятно, ее и нельзя назвать жеодой. — Как ты попал в обелиск?

— Наехал не на того роггу.

Ты смеешься от неожиданности, что заставляет тебя остановиться и уставиться на него. Это неприятный смех. Он смотрит на тебя, как всегда смотрел, полными надежды глазами. Да какое значение, в самом деле, имеет то, что теперь они такие странные?

— Я не знала, что такое возможно, — говоришь ты. — В смысле, заточить камнееда.

— Ты могла бы. Это один из немногих возможных способов остановить нас.

— Но, что очевидно, не убить.

— Нет. Такое возможно единственным способом.

— И каким же?

Он резко поворачивает лицо к тебе. Это кажется мгновенным — внезапно поза статуи полностью иная, он безмятежен и прям, одна рука поднята… в призыве? В мольбе?

— Ты планируешь убить меня, Иссун?

Ты вздыхаешь и качаешь головой, протягиваешь руку, чтобы коснуться одной из половинок камня чисто из любопытства.

— Не надо. Он еще слишком горяч для твоей плоти. — Он замолкает. — Так я моюсь без мыла.

Тот день на обочине, к югу от Тиримо. Мальчик, который смотрит на кусок мыла в смятении,

затем с удовольствием. Это все еще он. Ты не можешь от этого отделаться. Потому ты вздыхаешь и отпускаешь часть себя, которая хочет обращаться с ним как с кем-то другим, чем-то пугающим, чем-то чужим. Он — Хоа. Он хочет сожрать тебя и пытается помочь тебе найти дочь, хотя и потерпел неудачу. В этих фактах есть некая близость, и как бы это ни было странно, это что-то значит для тебя.

Ты складываешь руки на груди и медленно обходишь жеоду и его. Его глаза следят за тобой.

— Так кто надрал тебе задницу? — Он восстановил отсутствующие глаза и нижнюю челюсть. Оторванные конечности снова на месте. В гостиной по-прежнему следы крови, но те, что были в твоей спальной, исчезли вместе со слоем пола и стен. Говорят, камнееды умеют контролировать мельчайшие частицы материи. Довольно просто вернуть себе собственную отделенную субстанцию, направить на другие цели неиспользованный избыточный материал. Это твоя догадка.

— С десяток моих сородичей. Затем один в особенности.

— Так много?

— Для меня они как дети. Сколько нужно детей,

чтобы завалить тебя?

– *Ты* был ребенком.

— Я выглядел как ребенок. — Голос его становится мягче. — Я сделал это только ради тебя.

Между этим Хоа и тем Хоа большая разница, чем просто в их стадиях бытия. Когда взрослый Хоа говорит такие вещи, у слов совершенно иная текстура, чем если бы их произнес Хоа-дитя. Ты не уверена, что эта текстура тебе нравится.

— Значит, ты некоторое время отсутствовал из-за драки, — говоришь ты, возвращаясь к удобной теме. — На плоской вершине был один камнеед. Серый…

— Да. — Ты не думала, что камнеед может выглядеть раздраженным, но у Хоа получается. — Вот это не ребенок. Именно он в конце концов и одолел меня, хотя я и сумел сбежать без слишком серьезных повреждений. — Ты на миг изумляешься, что для него лишиться всех конечностей и челюсти — не слишком большие повреждения. Но ты и немного счастлива. Этот серый камнеед сделал больно Хоа, а ты в ответ сделала больно ему. Может, это и мимолетная месть, но от этого ты чувствуешь себя так, словно заступилась за своего. Хоа по-прежнему говорит, оправдываясь. — С моей стороны также было…

неразумно встречаться с ним, будучи одетым в человеческую плоть.

В комнате чертовски жарко. Стирая пот с лица, ты отступаешь в гостиную, отводишь в сторону и подвязываешь полог, чтобы горячий воздух выходил быстрее, и садишься за стол. Когда ты возвращаешься, Хоа стоит у двери в твою спальную, красиво очерчиваясь в дверном проеме: образец юноши в осторожном раздумье.

— Вот почему ты вернулся к прежнему образу? Чтобы сразиться с ним? — Ты не видела ни кусочка тряпки, в которую были завязаны его камни, пока была в спальной. Может, она загорелась и просто обуглилась, как и все остальное, выполнив свое предназначение.

— Я вернулся к прежнему образу, поскольку время пришло. — Снова этот смиренный тон. Он говорил так в тот момент, когда ты впервые осознала, кто он такой. Словно знает, что утратил что-то в твоих глазах, и не может этого вернуть, и нет иного выбора, кроме как принять это — но ему это не нравится. — Я мог оставаться в том обличье только ограниченное время. Я решил сократить его и увеличить шанс твоего выживания.

— О?

Ты вдруг замечаешь, что за ним, в комнате, остатки его оболочки, э, скорлупы, плавятся. Что-то вроде. Она растворяется, светлеет и снова сливается с прозрачным материалом кристалла, обтекая остатки твоих пожиток, сливаясь с прежним веществом и снова затвердевая. Ты в этот момент в восторге наблюдаешь за этим, вместо того чтобы смотреть на него. Пока он не говорит:

— Они хотят твоей смерти, Иссун.

— Они? — Ты моргаешь. — Кто?

— Некоторые из моих сородичей. Некоторые просто хотят использовать тебя. Я им не позволю.

Ты хмуришь брови.

— Чего именно? Ты не дашь им убить меня или использовать?

– *Ни того и ни другого*. — Гулкий голос внезапно становится резче. Ты вспоминаешь, как он пригибается, скалит зубы, как дикое животное. Тебе приходит в голову с внезапностью озарения, что в последнее время ты как-то маловато видишь камнеедов вокруг. Рубиновласка, Масляный Мрамор, Рубище, Блескозуб, все привычные — ни разу за месяц. Юкка даже заметила внезапное отсутствие «своей» камнеедки.

— Ты сожрал ее, — выдыхаешь ты.

Пауза.

— Я многих сожрал, — говорит Хоа. Ровно, безэмоционально. Ты помнишь, как он хохотал и называл тебя странной. Как он спал, свернувшись подле тебя. Огонь земной, это невыносимо.

— Почему я, Хоа? — Ты разводишь руки. Это простые руки женщины средних лет. Немного сухие. Несколько дней назад ты помогала группе дубильщиков, и от раствора твоя кожа потрескалась и зашелушилась. Ты натирала их каким-то орехом, который нашла в пайковой доле за прошлую неделю, хотя жир сейчас бесценен, и ты должна была съесть его, а не тратить ради красоты. На твоей правой ладони маленький полумесяц шрама размером с ноготь. В холодный день кости этой руки ноют. Обычные женские руки.

— Во мне нет ничего особенного, — говоришь ты. — Должны существовать другие орогены, потенциально способные дотянуться до обелисков. Огонь земной, Нэссун… — Нет. — Зачем ты *здесь*? — Ты имеешь в виду его привязанность к тебе. Он молчит несколько мгновений. Затем:

— Ты спросила, в порядке ли я.

Какое-то мгновение это не имеет смысла, затем все встает по местам. Аллия. Прекрасный сол-

нечный день, назревающая катастрофа. Паря в агонии в треснувшем, дисгармоничном сердце гранатового обелиска, ты впервые увидела его. Сколько он там пробыл? Достаточно, чтобы быть погребенным под слоем донных осадков и кораллов, наросших между Зимами. Достаточно, чтобы быть позабытым, как все мертвые цивилизации в мире. И тут приходишь ты и спрашиваешь, как он себя чувствует. Злой Земля, ты-то думала, что это бред.

Ты делаешь глубокий вдох и встаешь, направляясь к выходу. Насколько ты можешь сказать, община тиха. Некоторые люди занимаются своими обычными делами, но их меньше, чем обычно. То, что они продолжают выполнять рутинную работу, — не доказательство спокойствия; люди в Тиримо занимались своими делами прямо перед тем, как попытались тебя убить. Тонки снова не было дома прошлой ночью, но на сей раз ты не уверена, что она у Хьярки или наверху в зеленой комнате. Сейчас в Кастриме есть живой катализатор, ускоряющий незримые химические реакции, приводящие к неожиданным исходам. *Присоединяйтесь к нам и живите*, сказал серый, *но без ваших рогг*.

Перестанут ли люди Кастримы думать, что ни

одна экваториальная община на самом деле не хочет внезапного притока полукровок-срединников и в лучшем случае сделает их рабами или пустит на мясо? Твой материнский инстинкт оживает от тревоги. *Позаботься о своих, шепчет он на грани твоего сознания. Собери их вокруг себя и охраняй. Ты знаешь, что случится, если ты хоть на минуту отвернешься.*

Ты забрасываешь на плечо дорожный рюкзак, который все еще держишь в руке. Держать ли его при себе в данный момент — даже не вопрос. Затем ты поворачиваешься к Хоа:

— Идем со мной.

Хоа внезапно снова улыбается.

— Я больше не хожу, Иссун.

О. Верно.

— Тогда я иду к Юкке. Встречаемся там.

Он даже не кивает — просто исчезает. Ни единого движения зря. Ну, ты привыкнешь.

Люди не смотрят на тебя, когда ты идешь по мостикам и переходам общины. У тебя между лопатками свербит от взглядов в спину. Ты не можешь отделаться от мыслей о Тиримо.

Юкки нет дома. Ты осматриваешься, ловишь схему движения в общине и в конце концов направляешься к Плоской Вершине. Ты ходила

домой, наблюдала превращение ребенка в камнееда, поспала несколько часов. Ее не может там быть.

Она там. На Плоской Вершине сейчас, как ты видишь, осталось лишь немного народу — группа человек, наверное, в двадцать, сидят или расхаживают, сердитые, отчаявшиеся, испуганные. Кроме этих двадцати наверняка еще сотня на собраниях в домах, банях и хранилищах, говорят о том же самом приглушенными голосами. Но Юкка здесь, сидит на одном из диванов, который кто-то принес из ее дома, и все еще разговаривает. Подойдя ближе, ты понимаешь, что она осипла. Явно на пределе. Но все еще разговаривает. Что-то насчет путей снабжения с одной союзной южной общиной, что она показывает какому-то мужчине, который ходит, скрестив руки на груди, и фыркает в ответ. Это страх — он не слушает. Юкка все равно пытается вразумить его. Это нелепо.

Позаботься о своих.

Ты обходишь людей — некоторые отшатываются от тебя — и останавливаешься перед ней.

— Мне нужно поговорить с тобой с глазу на глаз.

Юкка замолкает на середине слова, моргает, поднимая на тебя взгляд. Ее глаза красны и лип-

ко-сухи. Она давно уже не пила воды.

— О чем?

— О важном. — В качестве вежливой подачки ты киваешь стоящим вокруг нее людям. — Прошу прощения.

Она вздыхает и трет глаза, от чего они становятся еще краснее.

— Ладно. — Она встает, затем останавливается, обернувшись к оставшимся людям: — Голосование завтра утром. Если я вас не убедила… хорошо. Вы знаете, что делать.

Они молча смотрят, как ты уводишь ее.

Оказавшись у нее дома, ты задергиваешь входной полог и отодвигаешь тот, что ведет в ее личную комнату. Здесь мало что говорит о ее статусе: у нее два матраса и много подушек, но вся одежда в корзинке, а книги и свитки в углу комнаты просто сложены на полу. Ни книжных полок, ни одежного шкафа. Еда из общинного пайка кое-как сложена у одной стены, рядом со знакомой бутылью из тыквы, в которых кастримиты хранят питьевую воду. Ты хватаешь бутыль под руку и вытаскиваешь из груды еды сушеный апельсин, брусок массы из сушеных бобов, который Юкка размачивает вместе с какими-то грибами в неглубокой сковородке, и

маленький кусок соленой рыбы. Это не совсем обед, но питание.

— В постель, — говоришь ты, показывая подбородком и поднося ей еду. Прежде всего ты даешь ей бутыль.

Юкка, наблюдавшая за всем этим с нарастающим раздражением, резко отвечает:

— Ты не в моем вкусе. Ты за этим притащила меня сюда?

— Не совсем. Но пока ты здесь, тебе надо отдохнуть. — Она непокорно смотрит на тебя. — Ты не сможешь никого ни в чем убедить… — Отстань от тех, чью ненависть нельзя утихомирить разумными доводами. — …Если будешь слишком усталой, чтобы нормально думать.

Она ворчит, но ее усталость проявляется в том, что она действительно подходит к постели и садится на краешек. Ты киваешь на тыкву, и она покорно пьет — три коротких глотка, и пока хватит, как советуют лористы при обезвоживании.

— Я воняю. Мне надо помыться.

— Надо было думать об этом прежде, чем ты решила попытаться уговорить толпу, готовую на самосуд. — Ты забираешь бутыль и суешь ей в руки тарелку с едой. Она вздыхает и начинает мрачно жевать.

— Они не собираются. — Однако ей не удается зайти далеко в своей лжи. Она вздрагивает и смотрит на что-то у тебя за спиной. Ты понимаешь на что, прежде чем успеваешь обернуться. Хоа. — Хорошо, нет, только не в моей ржавой комнате.

— Я сказала ему прийти сюда, — говоришь ты. — Это Хоа.

— Ты сказала… это… — Юкка громко сглатывает, еще мгновение смотрит на него, затем снова продолжает жевать апельсин. Она жует медленно, не сводя взгляда с Хоа. — Значит, надоело притворяться человеком? Не понимаю, зачем вообще было надо, ты был слишком странным для этого.

Ты идешь к стене возле входа в спальную и садишься на пол, привалившись к ней. Дорожный рюкзак приходится снять, но ты держишь его под рукой. Ты говоришь Юкке:

— Ты разговаривала с другими членами твоего совета и половиной общины, глухачами и роггами, местными и пришедшими. Ты не учла *их* точку зрения, — киваешь ты на Хоа. Юкка моргает, затем с новым интересом смотрит на Хоа.

— Однажды я *просила* тебя войти в мой совет.

— Я могу говорить от лица своих сородичей не

больше, чем ты за своих, — говорит Хоа. — И у меня были более важные дела.

Ты видишь, как Юкка моргает, услышав его голос, и откровенно пялится на него. Ты предостерегающе машешь Хоа рукой. В отличие от Юкки ты поспала, пока сидела в жаре дома, ожидая, когда жеода треснет, хотя это был не то чтобы полноценный сон.

— Расскажи, что ты знаешь, это поможет. — И затем, повинуясь внезапному инстинкту, добавляешь: — Пожалуйста.

Потому что ты почему-то думаешь, что он скуп на слова. Выражение его лица не меняется. Его поза та же самая, в которой ты видела его последний раз, — спокойный молодой человек с поднятой рукой; он сменил местоположение, но не позу. И все же.

Его неразговорчивость подтверждается, когда он говорит:

— Хорошо. — В его тоне все. Но ладно, ты умеешь разговорить неразговорчивого.

— Чего хотел серый камнеед?

Поскольку ты, ржавь, совершенно уверена, что он на самом деле не хотел, чтобы Кастрима присоединялась к какой-то экваториальной общине. Человеческая политика национального

государства мало значит для них, если только она не служит иной цели. Жители Реннаниса — его пешки, и никак иначе.

— Нас теперь много, — отвечает Хоа. — Достаточно, чтобы зваться народом, а не просто ошибкой.

При ответе вроде бы невпопад вы с Юккой переглядываетесь, она смотрит на тебя, словно говорит — *он твоя забота, не моя*. Может, это имеет отношение к делу.

— И? — подстегиваешь ты его.

— Среди моих сородичей есть те, кто считает, что в этом мире может спокойно существовать лишь один народ.

О, Злой Земля. Это то, о чем говорил Алебастр. Как он это описывал? Стороны древней войны. Те, кто хочет… нейтрализации людей.

Как самих камнеедов, сказал Бастр.

— Вы хотите уничтожить нас, — говоришь ты. Шепчешь. — Или… превратить нас в камень? Как то, что происходит с Алебастром?

— Не все мы, — мягко говорит Хоа. — И не всех вас.

Мир только каменных людей. От одной этой мысли ты вздрагиваешь. Ты рисуешь в своем воображении падающий пепел и скелеты деревьев,

и повсюду статуи, некоторые из них двигаются. Как? Их не остановить, но пока они охотились только друг на друга. (Ты об этом знаешь.) Могут они превратить вас всех в камень, как Алебастра? И если они хотят уничтожить человечество, разве не могли они уже давно этого сделать? Ты качаешь головой.

— Это мир породил два народа, для Зим. Три, если считать орогенов; глухачи считаются.

— Не все из нас этим довольны. — Его голос сейчас очень тих. — Рождение одного из наших — очень редкое событие. Нас все меньше, в то время как вы поднимаетесь, плодитесь и дряхлеете, как грибы. Трудно вам не завидовать. Или не вожделеть вас.

Юкка растерянно качает головой. Хотя голос ее сохраняет невозмутимость, ты видишь, как она чуть сдвигает брови в изумлении. Рот ее чуть кривится, словно она не может хотя бы немного не показать своего отвращения.

— Отлично, — говорит она. — Значит, камнееды были нами, а теперь вы хотите нас перебить. С чего нам доверять вам?

— Не «камнееды». Не все мы хотим одного и того же. Некоторым нравится состояние дел как оно есть. Некоторые даже хотят сделать мир лучше…

хотя не все согласны в том, что это значит. — Внезапно его поза меняется — руки вытянуты вперед ладонями вверх, плечи приподняты, словно он говорит — *что я могу поделать*? — Мы — люди.

— А чего хочешь *ты*? — спрашиваешь ты. Поскольку он не ответил на вопрос Юкки, и ты это заметила. Эти серебряные радужки вспыхивают и останавливаются на тебе. Тебе кажется, что ты видишь сожаление на его лице.

— То же самое, чего я всегда хотел, Иссун. Помочь тебе. Только это.

Ты думаешь, что *не все одинаково понимают слово «помочь»*.

— Трогательно, — говорит Юкка. Она трет усталые глаза. — Но ты не сказал главного. Как разрушение Кастримы связано с тем, чтобы… отдать мир одному народу? Чего хотел этот серый?

— Я не знаю. — Хоа по-прежнему смотрит на тебя. Это не так нервирует, как должно бы. — Я пытался спросить у него. Не очень получилось.

— Догадываюсь, — говоришь ты. Поскольку прекрасно понимаешь, что в первую очередь он спросил серого о причине.

Хоа опускает взгляд. Твое недоверие болезненно.

— Он хотел, чтобы Врата Обелисков никогда

больше не открылись.

— Что-что? — спрашивает Юкка. Но ты опираешься затылком на стену, пораженная, испуганная, изумленная. Конечно. Алебастр. Есть ли способ проще уничтожить народ, который зависит от пищи и солнечного света, чем просто затянуть эту Зиму, пока сами не вымрут? И останутся только камнееды, которые и унаследуют затемненную Землю. А чтобы это обеспечить — убейте единственного, кто способен покончить с этим.

Единственного, кроме тебя, — с дрожью осознаешь ты. Но нет. Ты можешь управлять обелиском, но ты понятия не имеешь, как активировать две сотни этой ржавой хрени зараз. И способен ли Алебастр сделать это еще раз? Каждое использование орогении медленно добивает его. Ржавь сыпучая, из имеющих потенциал открыть Врата осталась только *ты*. Но если карманная армия Серого Человека убьет вас обоих, он, так или иначе, достигнет своей цели.

— Это значит, что Серый Человек в первую очередь хочет извести орогенов, — говоришь ты Юкке. Ты сильно сокращаешь, но не лжешь, убеждаешь себя ты. Это то, что тебе нужно сказать Юкке, так что она так и не узнает, что у орогенов

есть способность спасти этот мир, и она никогда не попытается сама дотянуться до обелиска. Так, видимо, и поступал с тобой все время Алебастр — говорил частичную правду, поскольку ты этого заслуживала, но недостаточно, чтобы ты зациклилась на этом. Затем ты думаешь, какую еще кость ты можешь бросить.

— Хоа какое-то время был заточен в обелиске. Он сказал, что только это может их остановить.

Не единственный способ, сказал он. Но возможно, и Хоа сказал тебе безопасную правду.

— Вот дерьмо, — раздраженно говорит Юкка. — Ты умеешь управляться с обелиском. Брось один в него.

Ты стонешь.

— Так не получится.

— Ну а как тогда получится?

— Понятия не имею! Это то, что я пыталась узнать у Алебастра все это время. — И потерпела неудачу — не хочешь говорить ты. Юкка все равно догадывается.

— Великолепно. — Юкка внезапно словно обмякает. — Ты права; мне надо поспать. Я велела Эсни мобилизовать Опор для охраны оружия общины. Формально они готовят его на случай, если нам придется сражаться с этими экваториалами.

На деле… — Она пожимает плечами, вздыхает, и ты понимаешь. Люди испуганы. Лучше не испытывать судьбу.

— Ты не можешь доверять этим Опорам, — тихо говоришь ты.

Юкка поднимает на тебя взгляд:

— Ты не из Кастримы.

Ты хочешь улыбнуться, но не делаешь этого, поскольку знаешь, насколько противной будет эта улыбка. Ты много откуда. В каждом месте ты понимала, что рогги и глухачи не могут сосуществовать. Юкка чуть ерзает при взгляде на твое лицо. Она снова пытается:

— Послушай, сколько общин позволили бы мне жить, если бы узнали, кто я?

Ты качаешь головой:

— Ты была полезна. Такое проходило и с имперскими орогенами. — Но быть полезным — не значит быть равным.

— Прекрасно, я полезна. Как и все мы. Убей или изгони рогг, и мы потеряем нижнюю Кастриму. И нам придется сдаться на милость банды людей, которые станут относиться *к нам всем* как к роггам просто потому, что наши предки не выбирали расы и не цеплялись за нее…

— Ты продолжаешь говорить «мы», — гово-

ришь ты. Ласково. Тебе жаль губить ее иллюзии.

Она останавливается, и желваки на ее челюстях дергаются пару раз.

— Глухачей *учили* ненавидеть нас. Но их можно обучать и иначе.

— Теперь? Когда враг в буквальном смысле слова на пороге? — Ты так устала. Так устала от всего этого дерьма. — Вот теперь мы все увидим их с худшей стороны.

Юкка долго смотрит на тебя. Затем обмякает — вся. Она сутулится, голова ее падает, пепельные волосы обнажают шею, превращаясь в смешную гриву, похожую на бабочку. Они скрывают ее лицо. Но она испускает долгий усталый вздох, похожий на всхлип. Или смех.

— Нет, Иссун. — Она просто трет лицо. — Просто… нет. Кастрима мой дом, так же как и их. Я трудилась ради него. Сражалась за него. Кастримы не было бы, если бы не я — и, возможно, если бы не другие рогги, которые рисковали собой ради того, чтобы она продолжала существовать долгие годы. Я не сдамся.

— Позаботиться о себе — это не капитуляция…

– *Это капитуляция*. — Она поднимает голову. Это не всхлип и не смех. Она в ярости. Но не на тебя. — Ты говоришь, эти люди — мои родители,

мои воспитатели в яслях, мои друзья, мои любовники — ты говоришь, оставь их на произвол судьбы. Ты говоришь — они ничто. Они вообще не люди, просто животные, убийцы по природе. Ты говоришь, что рогги просто *дичь*, и не более, и всегда будем такими! Нет! Я не смирюсь с этим.

Она говорит с такой решительностью. У тебя душа болит, поскольку некогда ты испытывала те же чувства. Как хорошо было бы продолжать так думать. Иметь какую-то надежду на настоящее будущее, настоящую общину, настоящую жизнь… но ты потеряла троих детей, полагаясь на добрые чувства глухачей.

Ты хватаешь дорожный рюкзак и встаешь, чтобы уйти, приглаживая волосы рукой. Хоа исчезает, поняв, что разговор закончен. Значит, позже. Когда ты уже почти у полога, Юкка останавливает тебя.

— Передай, — говорит она тебе. В ее голосе нет эмоций. — Что бы ни случилось, *мы* не можем ничего начать. — Она деликатно подчеркивает то, что ее «мы» на этот раз относится к орогенам. — Мы не должны даже заканчивать. Если соберемся, то спровоцируем толпу. Только разговаривать с малыми группами. Лучше с глазу на глаз, если сможешь, чтобы никто не *подумал*,

что мы что-то затеваем. Позаботься, чтобы дети все это знали. Чтобы никто из них не оставался один.

Большинство детей-орогенов умеют защищать себя. Техника, которой ты научила их, одинаково работает как для отпугивания или пресечения нападения, так и на заморозку гнезд жуков-кипячей. Но Юкка права: вас слишком мало, чтобы защищаться — только если вы уничтожите Кастриму, а это пиррова победа. Это значит, что некоторым орогенам придется погибнуть. Ты *намерена* дать им погибнуть, если придется, даже если бы и могла спасти их. И ты не думала, что Юкка способна сейчас думать таким образом.

Твое изумление, видимо, отразилось на твоем лице. Юкка улыбается.

— У меня есть надежда, — говорит она, — но я не глупая. Если ты права и все станет безнадежным, то без боя мы не уйдем. Мы заставим их пожалеть о нападении на нас. Но до этой точки невозврата… надеюсь, ты не права.

Ты знаешь, что ты права. Уверенность в том, что орогены никогда не станут чем-то большим, чем пушечным мясом мира, пляшет среди клеток твоего тела, как магия. Это нечестно. Ты просто хочешь, чтобы твоя жизнь имела значение.

Но ты говоришь:
— Я тоже надеюсь, что я не права.

*** * ***

У мертвых нет желаний.

– Табличка третья, «Структуры», стих шестой.

17. Нэссун, в противопоставлении

Нэссун так давно не испытывала гордости за себя, что, когда она получает способность вылечить Шаффу, она бежит через весь городок до найденной луны, чтобы сказать ему.

Она думает об этом как об «исцелении». Последние несколько дней она провела в лесу, оттачивая новое умение. Не всегда просто найти неправильность в теле; иногда ей приходится тщательно следовать по серебряным нитям внутри предмета, чтобы найти в нем узлы и деформации. Пеплопады в последнее время участились и стали более долгими, большая часть леса покрывается серыми заплатками, некоторые растения начинают чахнуть или засыпать. Для них это нормально, и серебряные нити подтверждают это своим непрерывным потоком. Но когда Нэссун идет медленно, смотрит внимательно, она, как правило, может найти вещи, для которых перемены ненормальны и нездоровы. У этой личинки под камнем странный нарост на боку. Змея — ядовитая и более агрессивная с началом Зимы, так что она смотрит на нее только издали

— со сломанным позвоночником. Дынная лоза с вогнутыми листьями, в которые набивается пепел, вместо выгнутых, с которых он спадает. Несколько муравьев в гнезде, зараженном грибком-паразитом.

Она практикуется в устранении неправильности в этих вещах и многих других. Это сложный трюк — это как делать хирургическую операцию, используя только нить, не прикасаясь к пациенту. Она узнает, как сделать край одной нити очень острым, как набросить другую как лассо и как обрезать третью нить и использовать ее горящий кончик для прижигания. Она снимает нарост с личинки, но та умирает. Она сшивает края расколотой кости внутри змеи, хотя это лишь ускоряет то, что уже происходит по естественным причинам. Она находит части растения, *закручивающиеся вверх,* и убеждает их *скрутиться внутрь*. Лучше всего выходит с муравьями. Она не может вытащить из них весь или большую часть грибка, но у нее получается выжечь те связи в их мозгу, которые заставляют их вести себя странно и распространять инфекцию. Она очень, очень счастлива, что заставила мозги работать.

Кульминацией практик Нэссун становится

день очередного нападения банды неприкаянных, утром, когда роса еще лежит на пепле и лесной подстилке.

Банда, которую вырезал Шаффа, исчезла; это новые негодяи, которые не знают об опасности. Нэссун уже не отвлекается на отца, как тогда, она уже не беспомощна, и когда она замораживает одного из налетчиков, большинство разбегается. Но она в последний момент замечает в одной из них клубок нитей, и ей приходится прибегнуть к орогении старого стиля (так она начала о ней думать), чтобы провалить землю у нее под ногами и поймать ее в яму.

Налетчица бросает в Нэссун нож, когда та заглядывает через край, ей везет, что он проходит мимо. Но, оставаясь вне зоны видимости, Нэссун тщательно следует по нити и находит трехдюймовую деревянную щепку, всаженную в руку женщины так глубоко, что та царапает кость. Это отравляет ее кровь и убьет ее; зараза уже проникла так глубоко, что рука ее распухла в два раза. Общинный доктор или даже приличный коновал мог бы вытащить щепку, но у неприкаянных нет роскоши профессионального ухода.

Они живут удачей, а Зимой ее мало.

Нэссун решает стать удачей этой женщины.

Она устраивается поблизости, чтобы сконцентрироваться, а затем осторожно — пока женщина ахает, бранится и вопит — *В чем дело*? — вытаскивает щепку. Когда она снова заглядывает в яму, женщина стоит на коленях, стонет, держась за кровоточащую руку. Нэссун запоздало понимает, что надо бы научиться анестезии, потому снова устраивается за деревом и пытается на сей раз поймать нерв. Приходится потратить некоторое время, чтобы научиться отключать его и не вызывать большей боли.

Но ей удается, и когда она заканчивает, она благодарна налетчице, которая лежит и стонет в беспамятстве в яме. Нэссун понимает, что ей нельзя дать уйти — если она останется жить, она будет умирать долго и тяжко или вернется в другой раз и снова будет угрожать тем, кого Нэссун любит. Потому Нэссун в последний раз бросает свои нити и на сей раз аккуратно рассекает верхнюю часть ее позвоночника. Это безболезненно и гораздо милосерднее, чем то, что эта женщина готовила для Нэссун.

Теперь она бежит вверх по холму к Найденной Луне, ликуя в первый раз с той минуты, как убила Эйтца. Она так жаждет увидеть Шаффу, что едва замечает, как остальные дети поселения бросают

свои дела и провожают ее ледяными взглядами. Шаффа объяснил им, что то, что она сделала с Эйтцем, — несчастный случай, и заверил ее, что со временем они переменят свое отношение к ней. Она надеется, что так и будет, поскольку ей не хватает их дружбы. Но сейчас это не важно.

— Шаффа! — Она впервые заглядывает в хижину Стражей. Там только Нида, она стоит в углу, как часто с ней бывает, глядя куда-то в пространство, словно задумавшись. Однако ее взгляд фокусируется, как только Нэссун входит, и она улыбается своей пустой улыбкой.

— Привет, малышка Шаффы, — говорит она. — Ты сегодня радостная.

— Привет, Страж. — Она всегда вежлива с Нидой и Умброй. Даже если они и хотят ее убить, это не повод забывать о манерах. — Вы не знаете, где Шаффа?

— Он в тигле с Вудехом.

— Спасибо! — Нэссун спешит прочь, не задерживаясь. Она знает, что Вудех после гибели Эйтца самый способный, это единственный ребенок в Найденной Луне, у которого есть некоторая надежда связаться с обелиском. Нэссун считает это делом безнадежным, поскольку никто не может его обучать так, как необходимо ему, ведь он

маленький и хрупкий. Вудех никогда не пережил бы маминого тигля.

Все же она вежлива и с ним. Она подбегает к краю внешнего тренировочного круга почти что вприпрыжку и держит свою орогению в состоянии покоя, чтобы не отвлекать его, поскольку он поднимает большую базальтовую колонну из земли, а затем пытается загнать ее назад. Он уже тяжело дышит, хотя колонна движется не очень быстро. Шаффа напряженно смотрит на него, но улыбается не так широко, как обычно.

Наконец Вудех загоняет колонну обратно в землю. Шаффа берет его за плечо и помогает сесть на скамью, что явно необходимо, поскольку Вудех едва на ногах стоит. Шаффа бросает взгляд на Нэссун, та кивает и бежит назад в столовую, чтобы налить из кувшина стакан фруктовой воды и принести ему. Когда она его приносит, Вудех смотрит на нее и моргает, затем, устыдившись своего замешательства, робко кивает и берет стакан. Шаффа всегда прав.

— Тебе помочь дойти до спальной? — спрашивает Шаффа.

— Я сам дойду, спасибо, — говорит Вудех. Он бросает взгляд на Нэссун, и она понимает, что Вудех был бы рад помощи, но понимает, что не

надо становиться между Шаффой и его любимой ученицей. Нэссун смотрит на Шаффу. Она возбуждена, но может подождать. Он поднимает бровь, затем наклоняет голову и протягивает Вудеху руку, чтобы помочь ему встать.

Как только Вудеха укладывают в постель, Шаффа возвращается туда, где Нэссун ждет его сидя на скамье. Она успела успокоиться, что хорошо — она знает, что следует выглядеть спокойной, холодной и профессиональной, чтобы убедить его позволить недостаточно взрослой, полуобученной девочке поставить на нем магический эксперимент.

Шаффа с заинтересованным видом садится рядом с ней.

— Итак?

Она делает глубокий вдох прежде, чем начать.

— Я знаю, как вытащить из тебя ту штуку.

Они оба прекрасно понимают, о чем она. Она сидела рядом с Шаффой, спокойно предлагая себя в тот момент, когда он, сгорбившись, держался за голову и шепотом отвечал голосу, которого она не могла слышать, содрогаясь от ударов карающего кнута серебряной боли. Даже сейчас в нем видна низкая сердитая пульсация, принуждающая его повиноваться. Убить ее. Она делает себя

доступной, поскольку ее присутствие ослабляет его страдания и поскольку не верит, что он на самом деле ее убьет. Это безумие, она это знает. Любовь — не прививка от убийства. Но ей нужно в него верить.

Шаффа хмуро смотрит на нее, и она любит его в частности и за то, что он не показывает признаков недоверия.

— Да. В последнее время я чувствовал, что ты все быстрее становишься… отточеннее. Это случалось и с орогенами Эпицентра, когда им позволяли прогрессировать до этого момента. Они становились сами себе учителями. Сила ведет их особыми путями, по линиям природной склонности. — Он чуть сдвигает брови. — Однако мы побуждали их уходить с *этого* пути.

— Почему?

— Потому, что это опасно. Для всех, не только для конкретного орогена. — Он приваливается к ней своим теплым крепким плечом. — Ты пережила рубеж, после которого большинство погибает: связь с обелиском. Я… помню, как другие умирали при попытке. — Какое-то мгновение он кажется потерянным, встревоженным, сбитым с толку, опасливо касаясь кровоточащих краев своей растерзанной памяти. — Я помню кое-что.

Я рад… — Он снова морщится с беспокойным видом. На сей раз его ранит не серебро. Нэссун догадывается, что он вспоминает либо что-то неприятное и не может вспомнить чего-то, что должен.

Она не сможет забрать у него боль этой потери, как бы хорошо у нее ни получилось. Это отрезвляет. Она не сможет убрать его остальную боль, и это имеет значение. Она касается его руки, накрывая пальцами шрамы от его собственных ногтей — он всаживает их в ладони, когда боль становится слишком сильной и даже улыбка не помогает. Сегодня их больше, чем несколько дней назад, некоторые еще кровоточат.

— Я же не умерла, — напоминает ему она.

Он моргает, и этого достаточно, чтобы он резко вернулся в себя здесь и сейчас.

— Нет. Не ты. Но, Нэссун. — Он перехватывает ее руки. Его ладони огромны, и ее руки даже не видны в них. Ей всегда нравилось быть полностью окруженной им. — Моя сердобольная. Я *не хочу*, чтобы ты вынимала мой сердечник.

Сердечник. Теперь она знает имя своего заклятого врага. Слово бессмысленно, потому что это металл, не камень, и не его суть, он просто у него в голове, но это не имеет значения. Она стискивает

зубы от ненависти.

— Оно делает тебе больно.

— Понятное дело. Я предал его. — Его челюсти на миг твердеют. — Но я принял последствия, Нэссун. Я могу их выдерживать. — Это бессмысленно.

— Он делает тебе *больно*. Я могу остановить боль. Я могу даже заставить его прекратить мучить тебя, не извлекая его, но только на время. Мне надо оставаться с тобой. — Она узнала это из разговора со Сталью и из наблюдений за действиями камнееда. Камнееды полны магии, куда больше, чем люди, но Нэссун может примерно прикинуть. — Но если я извлеку его…

— Если ты это сделаешь, — говорит Шаффа, — я перестану быть Стражем. Ты понимаешь, что это значит, Нэссун?

Это значит, что Шаффа сможет стать ее отцом. Он уже и так во всем ее отец. Нэссун не думает об этом многословно, поскольку есть в ней самой и ее жизни то, чему она еще не готова противостоять. (Очень скоро это изменится.) Но это в ее голове.

— Это значит, что я утрачу большую часть силы и здоровья, — говорит он в ответ на ее молчаливое желание. — Больше я не смогу тебя

*защищать*ь, малышка. — Взгляд его устремляется на хижину Стражей, и тогда она понимает. Умбра и Нида ее убьют.

Попытаются, думает она.

Он склоняет голову набок; конечно же, он сразу улавливает ее непокорное намерение.

— С двумя тебе не справиться, Нэссун. Даже ты не так сильна. У них есть приемы, которых ты еще не видела. Умения, которые… — У него снова встревоженный вид. — Не хочу вспоминать, что они способны с тобой сделать.

Нэссун старается не выпячивать нижнюю губу. Ее мать всегда говорила, что она дуется, а дуться и хныкать — это для малышей.

— Не надо отказываться ради *меня*. — Она может позаботиться о себе.

— Я и не отказываюсь. Я говорю об этом лишь в надежде, что твое чувство самосохранения поможет тебя убедить. Но что до меня, я не хочу становиться слабым, больным и умирать, Нэссун, что случится, если ты вынешь этот камень. Я старше, чем ты думаешь… — На миг возвращается этот расплывчатый взгляд. По нему она понимает, что он не помнит, насколько он стар. — Старше, чем я сам осознаю. Без этого сердечника время настигнет меня. Через пару месяцев я ста-

ну стариком, обменявшим боль от сердечника на страдания дряхлости. А потом я умру.

— Ты этого не знаешь. — Ее немного трясет. Горло болит.

— Знаю. Я видел, как это происходит, малышка. И когда это случается, это не милосердие, это жестокость. — Глаза Шаффы сужаются, словно ему приходится вглядываться в воспоминания. Затем он переводит взгляд на нее. — Моя Нэссун. Неужели я сделал тебе так больно?

Нэссун разражается слезами. Она не совсем уверена из-за чего, разве что… разве что потому, что она так этого *хотела*, так ради этого старалась. Она хотела сделать орогенией что-нибудь хорошее, после того как уже наделала при ее помощи столько ужасных вещей, — и она хотела сделать это для него. Он единственный человек в мире, который понимает ее, любит ее за то, что она есть, защищает ее, несмотря на то что она есть.

Шаффа вздыхает и сажает Нэссун себе на колени, где она обнимает его и долго рыдает у него на плече, не думая о том, что они на виду.

Отрыдавшись, она понимает, что он все так же крепко обнимает ее. Серебро ожило в нем и жжет, поскольку она так близко. Его пальцы у нее на затылке, и для него было бы так просто

сдавить и расплющить ее сэссапины, убить ее одним тычком. Он не делает этого. Он борется с этим позывом все это время. Он лучше перенесет боль, рискнет, чем позволит ей помочь себе, и хуже этого ничего в мире нет.

Она стискивает челюсти и вцепляется в его рубашку на спине. Танцует с серебром, течет вместе с ним. Сапфир близко. Если она сможет объединить два потока, все будет быстро. Четкий, хирургический рывок.

Шаффа напрягается.

— Нэссун. — Сияние серебра в нем внезапно успокаивается и чуть тускнеет. Словно сердечник осознает, какую она представляет угрозу.

Это ради его же блага.

Но.

Она сглатывает. Если она причиняет ему боль, потому что любит его, это же все равно боль? Если она причиняет ему сейчас много боли, чтобы позднее ему было не так больно, становится ли она от этого чудовищем?

— Нэссун, прошу тебя.

Значит, любовь действует так?

Но эта мысль заставляет ее вспомнить о матери и холодном пасмурном дне, коротком порыве ветра, от которого она задрожала, когда мамины

пальцы накрыли ее руку и прижали к плоскому камню. *Если ты сможешь контролировать себя, несмотря на боль, я поверю, что ты в безопасности.* Она отпускает Шаффу и выпрямляется, холодея от того, чем она чуть было не стала.

Он некоторое время сидит неподвижно, не то в облегчении, не то в сожалении. Затем тихо говорит:

— Тебя весь день не было. Ты ела?

Нэссун голодна, но не хочет в этом сознаваться. Внезапно она ощущает необходимость дистанции между ними. Нужно что-то, что поможет ей любить его меньше, чтобы стремление помочь ему против его воли не так горело в ней.

— Я… я хочу пойти проведать папу, — говорит она, глядя на руки.

Шаффа еще мгновение молчит. Неодобрительно. Ей не надо ни смотреть, ни сэссить, чтобы это понять. Сейчас Нэссун уже знает, что еще случилось в тот день, когда она убила Эйтца. Никто не слышал, что Шаффа сказал Джидже, но многие видели, как он сбил Джиджу с ног, сел над ним на корточки и улыбнулся ему в лицо, а Джиджа смотрел на него расширенными перепуганными глазами. Она догадывается, почему это случилось. Однако впервые Нэссун пытается не думать

о чувствах Шаффы.

— Пойти с тобой? — спрашивает он.

— Нет. — Она умеет управлять отцом и знает, что Шаффа терпеть его не может. — Я повидаюсь и сразу вернусь.

— Уж постарайся, Нэссун. — Звучит ласково. Это предостережение. Но она умеет управляться и с Шаффой.

— Да, Шаффа. — Она поднимает на него взгляд. — Не бойся. Я сильная. Ты сделал меня такой.

— Ты сама себя сделала. — Взгляд его мягок и страшен. Льдистые глаза другими не бывают, хотя поверх ужаса наложена любовь. Нэссун уже привыкла к этому сочетанию.

Нэссун сползает с его колен. Она устала, хотя ничего и не сделала. Эмоции опустошили ее. Но она спускается по холму в Джекити, кивая знакомым, даже если они и не кивают в ответ, замечает новый амбар, который строит деревня с тех пор, как у них выдалось время пополнить припасы, пока пеплопады и облачность еще не постоянные. Это обычный тихий день в обычной тихой общине, и в чем-то это похоже на Тиримо. Если бы не Найденная Луна и Шаффа, Нэссун возненавидела бы ее точно так же. Она может и не

понять никогда, почему мама, перед которой был весь мир после побега из Эпицентра, выбрала жизнь в таком мирном болоте.

С мыслями о матери Нэссун стучит в дверь отцовского дома. (У нее там есть комната, но это не ее дом. Потому она и стучит.)

Джиджа открывает почти сразу же, словно собирался куда-то уходить или словно ждал ее. Запах чего-то, сдобренного чесноком, тянется через весь дом от маленького очага в дальнем конце. Нэссун думает, что, наверное, это рыба в горшочке, поскольку в пайках Джекити много рыбы и овощей. Джиджа видит ее впервые за несколько месяцев, и глаза его на миг распахиваются.

— Привет, пап, — говорит она. Выходит неловко.

Джиджа наклоняется и, прежде чем Нэссун понимает, что происходит, подхватывает ее на руки и обнимает.

Джекити теперь напоминает Тиримо в хорошем смысле слова. Как будто вернулись те времена, когда мама рядом, но папа любит ее больше, а в очаге в горшочке не рыба, а утка. Если бы это было тогда, мама кричала бы на соседского щенка киркхуши за то, что тот таскает капусту с

огорода — старая Тукке никогда не привязывает зверька как следует. Воздух пах бы как сейчас, в нем перемешивался бы запах сытной горячей еды и более едкий аромат свежеструганного дерева и химикатов, которыми папа смягчает и выглаживает свои изделия. Где-то бегал бы Уке, шумя и вопя, что он падает, пытаясь подпрыгнуть в воздух… Нэссун застывает в объятиях Джиджи, внезапно осознавая: Уке.

Прыгает вверх. *Падает вверх* или изображает, что падает.

Уке, которого папа забил насмерть.

Джиджа тоже ощущает ее напряженность. Медленно выпускает ее, ставит на землю, и радость в его глазах превращается в беспокойство.

— Нэссун. — Его взгляд обшаривает ее лицо. — С тобой все хорошо?

— Все хорошо, пап. — Ей недостает обнимающих ее рук. Ничего поделать с этим она не может. Но озарение по поводу Уке заставляет ее быть осторожной. — Я просто хотела повидать тебя.

Беспокойство Джиджи еле заметно ослабевает. Он мнется, кажется, думает, что бы такое сказать, затем отходит в сторону.

— Заходи. Есть хочешь? Тут и на тебя хватит.

Она заходит, и они садятся поесть, и он все

говорит, как отросли у нее волосы и как красиво смотрятся ее косички и прядки. Она сама заплетала? И она ведь подросла? Наверное, покраснев, соглашается она, хотя точно знает, что выросла на целый дюйм после того, как Джиджа в последний раз измерял ее рост; Шаффа однажды проверял, поскольку думал, что надо бы запросить немного новой одежды со следующей общинной поставкой для Найденной Луны. Она теперь такая большая девочка, говорит Джиджа, и в его голосе такая настоящая гордость, что она совершенно обезоружена. Ей почти одиннадцать, и она такая красавица, такая сильная. Так похожа на… Он осекается. Нэссун смотрит в тарелку, поскольку он почти сказал — *так похожа на свою мать*. Но разве не такова любовь?

— Все в порядке, папа, — заставляет себя сказать Нэссун. Ужасно, что Нэссун красива и сильна, как ее мать, но любовь всегда связана с ужасными вещами. — Я тоже грущу по ней. — И это правда. Несмотря ни на что.

Джиджа чуть напрягается, желваки на его скулах чуть выпирают.

— Я не грущу по ней, милая.

Это такая явная ложь, что Нэссун смотрит на него и забывает согласиться с ним. О многом

забывает, включая и здравый смысл, поскольку выдает:

— Грустишь. И по Уке тоже. Я вижу. — Джиджа застывает и смотрит на нее в чем-то среднем между шоком оттого, что она сказала это вслух, и ужасом оттого, что именно она сказала. И тут, когда Нэссун понимает, что это для ее отца нормально, шок от неожиданности резко переходит в гнев.

— Вот чему они учат тебя… *в том месте*? — внезапно говорит он. — Неуважению к отцу?

Нэссун ощущает внезапную усталость. Она так устала от плясок вокруг его бесчувственности.

— Это не непочтительность, — говорит она. Она пытается говорить ровно, безэмоционально, но слышит разочарование. И ничего не поделаешь. — Я просто правду сказала, пап. Но я не думала, что ты…

— Это не правда. Это оскорбление. Я не люблю, когда со мной так разговаривают, барышня.

Теперь растеряна она.

– *Как* разговаривают? Я ничего плохого не сказала.

— Плохо называть человека рогголюбом!

— Но я… я не сказала этого! — Но ведь косвенно так и сказала. Если Джиджа тоскует по маме и

Уке, это значит, что он их любит, а значит — он рогголюб. Но. *Я рогга*. Она понимает, что лучше этого не говорить. Но ей хочется. Джиджа открывает рот, чтобы ответить, затем вроде как спохватывается. Отводит взгляд, облокачивается на стол и сплетает пальцы, как часто делал, когда пытался справиться со своей вспыльчивостью.

– *Рогги*, — говорит он, словно отплевывается от грязи, — лгут, милая. Они угрожают, манипулируют, используют. Они зло, Нэссун, как сам Отец Земля. Ты не такая.

Это тоже ложь. Все, что делала Нэссун, было лишь ради выживания, включая ложь и убийство. Она делала такое и ради *его* выживания тоже. Ей ненавистно то, что ей приходилось идти на это, и она разгневана тем, что он, похоже, так этого и не понял. Она делает это и сейчас, а он не видит.

Так за что мне его любить? Нэссун ловит себя на этой мысли, глядя на отца.

Вслух она говорит:

— За что ты так нас ненавидишь, папа?

Джиджа кривится, возможно, из-за этого небрежного «*нас*».

— Я не ненавижу тебя.

— Но маму ты ненавидишь. Наверное, ты нена-

видел и У…

— Нет! — Джиджа отталкивается от стола и встает. Нэссун невольно вздрагивает, но он отворачивается и начинает расхаживать короткими злыми кругами по комнате. — Я просто… я знаю, на что они способны, милая. Тебе не понять. Мне надо было защитить тебя.

Во внезапном порыве понимания, мощном, как магия, Нэссун осознает, что Джиджа не помнит, как стоял над трупом Уке, как вздымались его грудь и плечи, как сквозь зубы он спрашивал — *ты тоже*? Теперь он верит, что никогда ей не угрожал. Никогда не вышвыривал ее из фургона, и она не катилась по склону холма по щепкам и камням. Что-то переписало историю его детей-орогенов в голове Джиджи — ту, которая высечена в камне в памяти Нэссун. Возможно, то же, что изобразило Нэссун его *дочерью*, а не *роггой*, словно одно можно оторвать от другого.

— Я узнал о них, когда был маленьким. Младше тебя. — Джиджа больше не смотрит на нее, жестикулируя на ходу. — Двоюродный брат Макенбы. — Нэссун моргает. Она помнит госпожу Макенбу, тихую старушку, которая всегда пахла чаем. Лерна, городской доктор, был ее сыном. У госпожи Макенбы был в городе двоюродный

брат? Затем Нэссун понимает. — Я однажды нашел его за силосной ямой. Он там сидел на корточках и весь дрожал. Я подумал, что он болен. — Джиджа качает головой все время, продолжая расхаживать. — Со мной был еще один мальчик. Мы всегда играли вместе, втроем. Кирл пошел встряхнуть Литиска, а Литиск просто… — Джиджа резко останавливается. Обнажает зубы. Плечи его поднимаются и опадают, как в тот самый день. — Кирл *кричал*, и Литиск говорил, что он просто не может остановиться, он не знал, как это сделать. Лед сожрал руку Кирла, и она отвалилась. Льдинки крови валялись на земле. Литиск сказал, что ему жаль, он даже заплакал, но продолжал замораживать Кирла. Он не останавливался. Когда я побежал прочь, Кирл тянулся ко мне, и единственное, что осталось не замороженным, были его голова, грудь и та самая рука. Но было слишком поздно. Я это знал. Было поздно еще до того, как я бросился бежать за помощью.

Нэссун не утешает то, что теперь она знает причину — особую причину — того, что сделал ее отец. Все, что она может думать, *что Уке никогда так не терял контроль — мама бы не позволила.* Это правда. Мама была способна сэссить и гасить орогению Нэссун порой через весь город. Значит,

Уке не сделал ничего такого, чтобы спровоцировать Джиджу. Джиджа убил собственного сына за то, что сделал совершенно другой человек задолго до рождения сына. Это, более чем все остальное, помогает ей в конечном счете понять причину ненависти отца.

Потому Нэссун готова, когда отец внезапно смотрит на нее искоса и с подозрением.

— Почему ты до сих пор не исцелилась?

Оправдания нет. Но она пытается. Поскольку некогда этот человек представлял собой весь ее мир.

— Вскоре смогу. Я научилась делать многое при помощи серебра и как извлекать всякое из людей. Я не знаю, как работает орогения или откуда она берется, но если что-то можно изъять, то…

— Ни одна из этих тварей в том лагере не исцелилась. Я спрашивал. — Шаги Джиджи заметно ускоряются. — Они уходят наверх и лучше не становятся. Они живут там с этими Стражами, с каждым днем их все больше, и ни один не исцелился! Это ложь?

— Это не ложь. Если я стану достаточно умелой, я смогу это сделать. — Она понимает это инстинктивно. При достаточно тонком контроле и при помощи сапфирового обелиска она сможет

сделать практически все. — Но…

— Почему ты еще недостаточно умелая? Мы тут почти год!

Потому что это трудно, хочет сказать она, но понимает, что он не хочет этого слышать. Он не хочет понять, что единственный путь использовать орогению и магию для преобразования чего бы то ни было — стать экспертом в орогении и магии. Она не отвечает, потому что это бессмысленно. Она не может сказать ничего, что он захотел бы услышать. Нечестно, что он называет орогенов лгунами и требует от нее лжи.

Он останавливается и набрасывается на нее, внезапно проникшись подозрениями от ее молчания.

— Ты ведь не пытаешься стать лучше, верно? Скажи правду, Нэссун?

Она так *ржавски* устала.

— Я пытаюсь стать лучше, папа, — отвечает наконец Нэссун. — Я пытаюсь стать лучшим орогеном.

Джиджа отшатывается, как от удара.

— Я не для этого позволил тебе жить там!

Да ничего он не *позволял* — его Шаффа заставил. Он теперь даже себе самому лжет. Но именно та ложь, которую он говорит ей — как всю жизнь,

внезапно осознает Нэссун, — разбивает ей сердце. Он говорил, что любит ее, в конце концов, но это очевидная неправда. Он не может любить орогена, а она ороген. Он не может быть отцом орогена, потому постоянно требует, чтобы она стала не тем, что она есть.

А она устала. Устала, и с нее довольно.

— Мне нравится быть орогеном, папа, — говорит она. Его глаза расширяются. Она говорит ужасную вещь. Ужасно, что она любит себя. — Мне нравится заставлять предметы двигаться, делать серебро и падать в обелиски. Мне не нравится…

Она готова сказать, что она ненавидит то, что сделала с Эйтцем, и в особенности ей ненавистно, как другие теперь с ней обращаются, узнав, на что она способна, но не успевает. Джиджа делает к ней два шага и так быстро бьет ее наотмашь, что она не успевает увидеть его руки прежде, чем та сметает ее со стула.

Это как в тот день на имперской дороге, когда она внезапно оказалась у подножия холма, корчась от боли. Наверное, понимает она во внезапном озарении, так было и с Уке. Нормальный мир в мгновение ока становится неправильным, сломанным. *У Уке хотя бы не было времени на*

ненависть или печаль, думает она.

А затем она замораживает весь дом.

Это не рефлекс. Она делает это преднамеренно, четко, создав торус, который точно подходит под размеры дома. За стенами он ничего не затронет. Она создает также двойные сердечники за пределами торуса, и каждый сосредотачивает на себе и отце. Она ощущает холод между волосками на своей коже, рывок пониженного воздушного давления на одежде и заплетенных волосах. Джиджа ощущает то же самое, *кричит*, выкатив невидящие глаза. На его лице память о той мерзкой, ледяной гибели мальчика. Когда Нэссун встает на ноги, глядя на отца через дом, пол которого покрыт скользкими слоями льда, и на упавший стул, который так сломан, что больше не годится ни на что, Джиджа пятится, скользит на льду, падает и едет по полу, ударяясь о ножки стола.

Опасности нет. Нэссун показала торус лишь на мгновение, как предостережение, чтобы отец не наделал глупостей. Джиджа, однако, продолжает орать, пока Нэссун смотрит на своего съежившегося, перепуганного до паники отца. Возможно, ей надо ощущать жалость или сожаление. Однако она ощущает лишь холодную злобу на мать. Она понимает, что это иррационально. Это ничья

вина. Только Джиджа виноват в том, что его страх перед орогенами не позволял ему любить своих детей. Но однажды Нэссун все же могла любить отца без оговорок. Но теперь ей нужен кто-то, кого можно обвинить в потере этой совершенной любви. Она знает, что ее мать это вынесет.

Надо было тебе заделать нас с кем-нибудь покрепче, мысленно говорит она Иссун, где бы та ни находилась.

По скользкому полу надо идти осторожно, и Нэссун приходится несколько секунд дергать засов, чтобы со скрежетом отодвинуть его. Когда она справляется с этим, Джиджа перестает кричать у нее за спиной, хотя она продолжает слышать его тяжелое дыхание и слабые стоны, которые он издает с каждым выдохом. Она не хочет оборачиваться к нему. Однако она заставляет себя это сделать, поскольку хочет быть хорошим орогеном, а хороший ороген не может позволить себе самообмана.

Джиджа вздрагивает, словно ее взгляд может прожигать.

— Пока, папа, — говорит она. Он не отвечает словами.

* * *

И она уронила последнюю слезу, когда он заморозил ее живьем, разбил, как землю Расколом. Ожесточи свое сердце против рогг, ибо в душах у них одна ржавчина!

– Из лористского предания «Ледяные поцелуи», записанного в квартенте Беббек, театр Мсида, Уозом Лористом Беббек. (Примечание: письмо, подписанное семью экваториальными странствующими лористами, дезавуирует Уоза как «вульгарного лористского писаку». Предание может быть апокрифическим.)

18. Ты, в обратном отсчете

Когда эта женщина санзе уходит, я оттаскиваю тебя в сторону. Фигурально выражаясь.

— Тот, кого ты называешь Серым Человеком, не хочет помешать открытию Врат, — говорю я. — Я солгал.

Теперь ты так настороженно относишься ко мне. Это тревожит тебя, я вижу; ты хочешь поверить мне, хотя твои собственные глаза напоминают тебе о том, как я тебя обманул. Но ты вздыхаешь и говоришь:

— Да. Я так и думала, что тут что-то не так.

— Он убьет тебя потому, что тобой нельзя манипулировать, — говорю я, игнорируя иронию. — Потому что, если ты откроешь Врата, ты вернешь Луну и покончишь с Зимами. На самом деле он хочет, чтобы кто-то открыл Врата ради его целей.

Ты теперь понимаешь расстановку игроков, если не всю игру в целом. Ты хмуришься.

— И каковы его цели? Трансформация? Статус-кво?

— Не знаю. Разве это имеет значение?

— Полагаю, нет. — Ты проводишь рукой по волосам, которые недавно расплела. — Полагаю, именно поэтому он пытается заставить Кастриму изгнать всех своих рогг?

— Да. Он найдет способ заставить тебя сделать то, чего он хочет, Иссун, если сможет. Если нет… ты бесполезна для него. Хуже. Ты враг.

Ты вздыхаешь с усталостью и только киваешь в ответ и уходишь. Я так боюсь, глядя тебе вслед.

* * *

Как и в другие моменты отчаяния, ты идешь к Алебастру. От него мало что осталось. С тех пор как он отдал свои ноги, он проводит дни в дурманном беспамятстве, приткнувшись к Сурьме, как щенок к суке. Иногда, приходя к нему, ты не просишь уроков. Зря, поскольку ты уверена, что единственная причина, по которой он заставляет себя жить, — передать тебе искусство планетарного разрушения. Несколько раз он застукал тебя на таком — ты просыпалась, лежа клубком рядом с его гнездом, от того, что он смотрел на тебя. Он не упрекает тебя за это. Возможно, у него просто сил нет. Ты благодарна ему. Он сейчас бодрствует, когда ты садишься рядом с ним, хотя он почти не шевелится. В эти дни Сурьма полностью переме-

стилась в его гнездо, и ты редко видишь ее в иной позе, кроме «живого кресла» для него — на коленях с раздвинутыми ногами и упертыми в бедра руками. Алебастр лежит на ее груди, что сейчас единственно возможное положение, поскольку неестественным образом несколько ожогов на его спине зажили, хотя ноги отгнили. К счастью, у нее нет грудей, иначе его положение было бы менее комфортным, и, вероятно, ее квазиодеяние не острое и не грубое. Алебастр следит за тобой глазами, когда ты садишься, как камнеедка. Ты ненавидишь себя за то, что тебе пришло на ум такое сравнение.

— Это опять происходит, — говоришь ты. Ты даже не объясняешь, что такое «это». Он и так знает. — Как ты это сделал… в Миове? *Пытался*. Как? — Поскольку «этого» ты больше не находишь в себе, чтобы сражаться за это место или строить здесь жизнь. Все твои инстинкты велят тебе схватить твой дорожный рюкзак, схватить своих людей и удрать прежде, чем Кастрима обернется против тебя. Возможно, это смертный приговор, Зима уже утвердилась наверху, но остаться здесь — это верная смерть.

Он глубоко, медленно втягивает воздух, и ты понимаешь, что он хочет ответить. Просто ему

требуется подобрать слова.

— Я не хотел. Ты была беременна; я был… одинок. Я думал, что поможет. На время.

Ты качаешь головой. Конечно, он знал о твоей беременности прежде тебя. Сейчас это все не имеет значения.

— Ты сражался за них. — Чтобы подчеркнуть последнее слово, приходится сделать усилие, но ты делаешь его. Ради себя и Корунда, и Иннона, да, но он сражался и за Миов. — Они тоже однажды обратились бы против нас. Ты знаешь, что они это сделали бы. — Когда Корунд показал бы себя слишком мощным или если им удалось бы прогнать Стражей, только чтобы покинуть Миов и уехать куда-то еще. Это было неизбежно.

Он что-то одобрительно мычит.

— Тогда почему?

Он испускает долгий, медленный вздох.

— Был шанс, что они так не поступили бы. — Ты качаешь головой. В эти слова настолько невозможно поверить, что они кажутся чушью. Но он добавляет: — Любой шанс достоин попытки.

Он не говорит «*для тебя*», но ты это чувствуешь. Этот подтекст почти сэссится под поверхностью слов. Значит, твоя семья могла бы нормально жить среди других людей, как одна из них. Нор-

мальные возможности. Нормальные проблемы. Ты пристально смотришь на него. Ты импульсивно подносишь руку к его лицу, проводишь пальцами по его покрытым шрамами губам. Он смотрит на тебя и отвечает своей четвертью улыбки — все, на что он способен в эти дни. Это больше, чем тебе нужно.

Затем ты встаешь и идешь пытаться спасти тонкую, треснувшую видимость шанса для Кастримы.

* * *

Юкка объявила голосование на следующее утро — через двадцать четыре часа после «приглашения» Реннаниса. Кастрима должна дать какой-то ответ, но она не думает, что это должен сделать ее неформальный совет. Ты не понимаешь, в чем смысл голосования, разве что подчеркнуть, что если община переживет ночь без потерь, то это, ржавь, будет чудо.

Люди смотрят на тебя, пока ты идешь сквозь общину. Ты смотришь перед собой и пытаешься не дать им явно повлиять на себя.

Ты на минутку заходишь к Каттеру и Темеллу, передаешь им приказ Юкки и велишь им распространить это сообщение. Темелл, как правило,

все равно уводит детей на занятия; он говорит, что посетит своих учеников на дому и скажет им создать учебные группы по два, по три в домах доверенных взрослых. Ты хочешь сказать — всем взрослым нельзя доверять, но это бесполезно.

Каттер говорит, что передаст сообщение немногим взрослым роггам. Не всем им хватает мастерства, чтобы запустить торус или хорошо контролировать себя; кроме вас с Алебастром, они все дички. Но Каттер позаботится, чтобы те, кто не умеет, оказались рядом с теми, кто умеет. С бесстрастным лицом он добавляет:

— А кто будет прикрывать твою спину?

Это предложение. Тебя удивляет вызванное этой мыслью отвращение. Ты никогда по-настоящему не доверяла ему, хотя не понимаешь почему. Наверное, потому, что он всю жизнь скрывался — что просто верх лицемерия после твоих десяти лет в Тиримо. Но, ржавь гребаная, ты вообще хоть кому-то доверяешь? Пока он делает свое дело, это не имеет значения. Ты заставляешь себя кивнуть.

— Тогда как закончишь, найди меня.

Он соглашается.

После этого ты решаешь немного отдохнуть. Твоя спальная благодаря Хоа вся перевернута, и

ты не особо хочешь спать в постели Тонки; прошло много месяцев, но память о плесени уходит тяжело. Так же как ты запоздало понимаешь, что некому прикрыть спину Юкке. Она верит своей общине, но ты — нет. Хоа сожрал Рубиновласку, которая хотя бы была заинтересована в том, чтобы сохранить ей жизнь. Потому ты берешь взаймы рюкзак у Темелла и забираешь из своего жилища основные припасы — не то чтобы дорожный рюкзак, это оправдание на случай протеста Юкки — и направляешься к ней домой. (Есть еще дополнительная причина — Каттеру будет труднее найти тебя.) Юкка все еще спит, судя по звуку ее дыхания из-за полога спальной. У нее очень удобные диваны, особенно по сравнению с жестким ложем на дороге. Ты суешь себе под голову вместо подушки рюкзак и сворачиваешься в клубок, пытаясь на время позабыть о мире.

А потом ты просыпаешься, когда Юкка ругается и спотыкается о тебя, вылетая из комнаты и чуть не срывая полог в спешке. Ты с трудом просыпаешься и садишься.

— Что… — Но тут и ты сама слышишь нарастающий шум снаружи. *Злые* крики. Собирается толпа. Значит, началось. Ты вскакиваешь и бежишь за ней, и в последний момент хватаешь

рюкзак.

Люди собираются на нижнем уровне, возле общинных бань. Юкка спускается туда таким способом, которым ты не можешь, — просто съезжает по металлическим перилам, перепрыгивая через ограды с платформы на платформу, бежит по мостикам, которые опасно раскачиваются под ней. Ты спускаешься осторожно, не самоубийственно, так что к тому моменту, когда ты добираешься до толпы, Юкка уже кричит во весь голос, призывая всех заткнуться, отойти и отвалить.

В центре толпы стоит Каттер, на нем ничего, кроме полотенца, и впервые он не выглядит бесстрастным. Сейчас он напряжен, выдвинул челюсть, у него непокорный вид, он готов бежать. И в пяти футах от него на полу сидит мужчина, насмерть замороженный в попытке отползти, и на лице его навечно отпечатался крайний ужас. Ты не знаешь его. Это не важно. А важно то, что рогга убил глухача. Это зажженная спичка, брошенная прямо в сухие, пропитанные маслом дрова общины.

— …как это случилось? — орет Юкка, когда ты добираешься до группы людей. Ты едва видишь ее; здесь уже около пятидесяти человек.

Ты можешь и протолкаться вперед, но остаешься позади. Сейчас не время привлекать к себе внимание. Ты оглядываешься по сторонам и видишь Лерну в тылу толпы. Глаза его навыкате, на скулах играют желваки, и он смотрит на тебя. И еще здесь — о, горящая Земля — группа из трех детишек-рогг. Одна из них Пенти, главарь шайки самых отважных, глупых детишек-рогг. Она стоит на цыпочках, тянет шею, чтобы посмотреть. Когда она пытается протиснуться сквозь толпу, ты перехватываешь ее взгляд и смотришь на нее По-Матерински. Она вздрагивает и тут же повинуется.

— Да кому какое, ржавь, дело, как это случилось? — Это Секким, один из Инноваторов. Ты знаешь это лишь потому, что Тонки постоянно жалуется на его тупость, и что у него нет права быть в касте, и что его нужно выпнуть в какую-то менее важную касту вроде Лидеров. — Это потому…

Кто-то перекрикивает его:

– *Сраный рогга!*

Кто-то другой затыкает ее:

— Заткнись! Это Юкка!

— Да ржавь побери эту роггу…

— Ржавый людоедский сын, я тебя порву…

Кто-то кого-то толкает. Толчки, ругань, угрозы убийства. Это катастрофа.

Затем какой-то мужчина проталкивается сквозь толпу, садится на корточки возле замороженного трупа и пытается обнять его. Сходство его с убитым очевидно, несмотря на разницу лет, — возможно, они братья. От его горестного вопля по толпе проходит внезапная волна нервной тишины. Они нервно перетаптываются, когда его вой переходит в низкие, душераздирающие всхлипы.

Юкка делает глубокий вдох и шагает вперед, используя возможность, предоставленную этим горем. Она жестко обращается к Каттеру:

— Что я говорила? Что я, ржавь тебя побери, *говорила*?

— Он напал на меня, — говорит Каттер. На нем ни царапины.

— Дерьмо, — говорит Юкка. Несколько человек в толпе эхом повторяют ее слова, но она гневно смотрит на них, пока они не замолкают. Стиснув челюсти, она смотрит на мертвого. — Бетин не стал бы такого делать. Он даже курицу зарезать не мог, когда была его очередь следить за птицами.

Каттер зло смотрит на него.

— Я знаю только, что хотел помыться. Я сел по-

мыться, и он отошел от меня. Я подумал — ладно, обычное дело, все равно. Затем я прошел мимо него, чтобы спуститься в пруд, и тут он меня ударил. Сильно, по затылку.

В толпе слышится низкий злой гул — но и тревожное шарканье. Говорят, роггу лучше всего бить в затылок. Это неправда. Срабатывает только, если удар достаточно сильный, чтобы человек потерял сознание или треснул череп, и вот это убивает их, а не повреждение сэссапин. Но это до сих пор популярный миф. А если так, то у Каттера была причина ответить.

– *Ржавь*, — слышится рык. Это мужчина, который держит слегка шипящее тело Бетина. — Бет был не такой. Юкк, ты же *знаешь*, что…

Юкка кивает, подходит к нему и касается его плеча. Толпа снова колышется, и в ней плещется потаенный гнев. Но при ней, на сей раз, слабо.

— Знаю. — Желваки на ее скулах вздрагивают раз, два. Она оглядывается. — Кто-то видел драку?

Несколько человек поднимают руки.

— Я видела, как Бет подвинулся, — говорит одна женщина. Она сглатывает, глядя на Каттера. На ее верхней губе высыпал пот. — Думаю, он просто хотел быть поближе к мылу.

— Он смотрел на меня, — рявкает Каттер. — Я, ржавь побери, знаю, что значит, когда на тебя так смотрят!

Юкка жестом заставляет его замолчать.

— Знаю, Каттер, заткнись. Что еще? — спрашивает она женщину.

— Да это все. Я посмотрела в сторону, а когда снова глянула туда — там вихрь. Ветер и лед. — Она кривится, поджимает челюсть. — Ты знаешь, как ваши убивают.

Юкка ожигает ее взглядом, но затем вздрагивает, когда поднимаются крики на сей раз в поддержку женщины. Кто-то пытается протиснуться сквозь толпу, чтобы добраться до Каттера; кто-то пытается удержать нападающего, но катастрофа близка. Ты видишь, как до Юкки доходит, что она их теряет. Она не собирается показывать это людям. Они действуют как толпа, и она ничем не может их остановить.

Что же. Ты ошиблась. Кое-что она сделать может.

Она и делает это, положив руку на грудь Каттера и посылая что-то сквозь него. Ты этого момента не сэссишь, так что улавливаешь лишь последствия, и… что? Это как… как Алебастр однажды много лет назад и в пятой части континента

отсюда ударом заткнул горячую точку. Просто масштаб меньше. Это то, что Страж сделал с Инноном, только точечно и не слишком жутко. И ты не знала, что рогги на такое способны.

Что бы там ни было, Каттер даже ахнуть не успевает. Глаза его выкатываются на лоб. Он отшатывается на шаг. Затем он падает. На лице его шок под стать ужасу на лице Бетина.

Все молчат. Не только у тебя челюсть отвисла. Юкка переводит дух. Что бы она ни сделала, это отняло у нее много сил; ее пошатывает, затем она берет себя в руки.

— Довольно, — говорит она, поворачиваясь к толпе. — Более чем. Правосудие свершено, все видели? Теперь все, ржавь, по домам.

Ты не ожидаешь, что это подействует. Ты считаешь, что это лишь подхлестнет кровожадность толпы… но это показывает, как мало ты знаешь. Люди еще немного мнутся, перешептываются, а потом начинают расходиться. И все время вслед им несутся тихие всхлипывания горюющего мужчины.

Полночь, провозглашает сторож. До утреннего голосования восемь часов.

* * *

— Я должна была это сделать, — шепчет Юкка. Вы снова у нее дома, ты стоишь возле нее. Полог отдернут, так что она может видеть своих людей, а они ее, но она стоит, привалившись к дверному косяку, и ее до сих пор трясет. Немного. Издали не видно. — Я должна была.

— Да. Должна. — Ты выражаешь уважение к ее честности.

Два часа ночи.

* * *

К пяти ты подумываешь пойти поспать. Сейчас спокойнее, чем ты ожидала. Лерна и Хьярка пришли к вам в дом Юкки. Никто не сказал бы, что ты стоишь на страже, молча сочувствуешь, оплакиваешь Каттера, ждешь конца света (опять), но это так. Юкка сидит на диване, обхватив колени руками и опершись головой на стену, и взгляд у нее усталый и пустой.

Когда ты снова слышишь крики, ты закрываешь глаза и думаешь, что не стоит их слушать. Но пронзительные детские вопли заставляют тебя вынырнуть из полного бесчувствия. Остальные

тоже вскакивают, и все вы бежите на балкон. Люди сбегаются к одной из широких платформ, окружающих кристалл, слишком маленький, чтобы в нем сделать жилище. Вы с остальными тоже бежите туда. Община использует такие кристаллы под хранилища, так что он заполнен бочками, ящиками и глиняными горшками. Один из глиняных горшков валяется рядом, но целый; ты видишь это, когда вместе с остальными добегаешь до платформы. Что вовсе не объясняет того, что вы видите.

Это снова детишки-рогги, банда Пенти. Двое из них вопят, оттаскивая и колотя кулаками женщину, которая прижала Пенти к полу и орет на нее, вцепившись ей в глотку. Рядом стоит другая женщина и тоже кричит на детей, но никто не обращает на нее внимания. Она просто подзуживает невнятным голосом.

Ты вроде как знаешь женщину, которая держит Пенти. Она лет на десять, наверное, тебя моложе, более массивная и с более длинными волосами: Вайнин, одна из Стойкостей. Она довольно мило с тобой общалась, когда ты посменно работала в грибницах или чистила уборные, но ты слышала, как остальные шепчутся у нее за спиной. Вайнин крутит мелло, которые Лерна порой курит, и го-

нит самогон, который некоторые в общине пьют. До Зимы у нее был неплохой приработок — она помогала урожденным кастримитам вносить разнообразие в свою нудную жизнь горняков и торговцев, и она хранила свой продукт в нижней Кастриме, чтобы сборщики налогов квартента никогда его не нашли. Удобно вышло, когда этот мир кончился. Но самый верный ее клиент — она сама, и частенько она слоняется по общине громогласная и красномордая, пердя сильнее, чем недавний разлом.

Вайнин обычно не жадная, охотно делится, никогда не пропускает смену, потому всем наплевать, что она делает со своим товаром. Всякий переживает Зиму по-своему. И все же что-то снесло ей крышу. Пенти все хуже. Хьярка и несколько других кастримитов бросаются оттащить женщину от девочки, и ты говоришь себе — хорошо, что у Пенти достаточно самоконтроля, чтобы не заморозить всю эту клятую платформу, когда женщина заносит кулак.

кулак

как

ты видела следы кулака Джиджи, синяк с четырьмя параллельными полосами на животе и лице Уке

кулак
который
что
нет

Ты оказываешься внутри топаза и среди клеток женщины почти в одно и то же мгновение. Даже не думая. Твой разум падает, ныряет в идущий вверх поток желтого света, словно он здешний. Твои сэссапины сжимаются вокруг серебристых нитей, и ты свиваешь их вместе, ты часть и обелиска, и женщины, и ты *не* позволишь этому случиться, никогда, больше никогда, ты не могла остановить Джиджу, но…

— Больше ни единого ребенка, — шепчешь ты, и все твои товарищи с изумлением и растерянностью смотрят на тебя. Затем они перестают смотреть на тебя, поскольку женщина, готовая начать избиение, внезапно вскрикивает, и дети начинают вопить еще громче. Даже Пенти теперь орет, поскольку женщина над ней превращается в блестящий разноцветный камень. — Больше ни одного ребенка! — Ты сэссишь всех, кто рядом с тобой, — других членов совета, орущую пьянчужку, Пенти и ее девчонок, Хьярку и остальных, всех их. Всех в Кастриме. Они тянут нити твоих нервов, дергают и рвут, и они *Джиджа*. Ты

фокусируешься на пьяной женщине, и почти инстинктивно побуждение душить, движение и жизнь уходят из нее и сменяются побочным продуктом магических реакций, этим материалом, который выглядит как камень. Материалом, убивающим Алебастра, отца твоего мертвого ребенка, БОЛЬШЕ НИ ОДНОГО РЖАВОГО РЕБЕНКА. Сколько столетий мир убивал детей-рогг, чтобы все остальные дети спали спокойно?

Все они — Джиджа, весь этот проклятый мир — Шаффа, Кастрима — это Тиримо, это Эпицентр. БОЛЬШЕ НИ ЕДИНОГО РЕБЕНКА, и ты вращаешься вместе с обелиском, направляя его силу, чтобы начать убивать всех, кто в пределах и за пределами твоего зрения. Но что-то рвет твою связь с обелиском. Внезапно тебе приходится сражаться за силу, которую он так охотно отдавал тебе прежде. Ты, не думая, скалишься, рычишь, не слыша себя, воешь, не слыша себя, стискиваешь кулаки и кричишь в своем разуме — НЕТ, Я НЕ ДАМ ЕМУ СНОВА ЭТО СДЕЛАТЬ, и видишь Шаффу, думая о Джидже.

Но *сэссишь* ты Алебастра.

Ощущаешь его в пылающих белых щупальцах, ударивших по твоей связи с обелиском. Это сила Алебастра столкнулась с твоей и… не победила.

Он не затыкает тебя так, как, ты знаешь, он может. Или думала, что может. Он ослабел? Нет. Просто ты стала сильнее, чем прежде.

И внезапно значение этого хлещет сквозь бессознательный поток твоих воспоминаний и ужасов, в которых ты тонешь, возвращая тебя в ледяную, страшную реальность. Ты убила женщину магией. Ты была готова выжечь Кастриму магией. Ты сражалась с Алебастром магией — *а Алебастр не может выдержать больше магии.*

— О, Земля бесчувственный, — шепчешь ты. Ты тут же перестаешь сражаться. Алебастр разрушает твою связь с обелиском; он все еще более точен, чем ты. Но ты чувствуешь его слабость. Его угасающую силу.

Сначала ты даже не понимаешь, что бежишь. Да это и не назовешь бегством, поскольку магическое состязание и резкий разрыв связи с обелиском настолько выбивают тебя из колеи и ослабляют, что ты шатаешься от поручней к веревкам, как пьяная. Кто-то кричит тебе в ухо. Кто-то хватает тебя за плечо, и ты с рыком стряхиваешь чужую руку. Каким-то образом ты спускаешься вниз и не убиваешься насмерть. Ты не видишь, поскольку рыдаешь в голос, бормоча — нет, нет, нет. Ты понимаешь, что сделала, хотя

отрицаешь это словами, телом и душой.

Затем ты в лазарете.

Ты в лазарете, смотришь на нелепо маленькую, но прекрасно сделанную каменную скульптуру. На сей раз ни цвета, ни полировки, просто тусклый коричневый песчаник. Она почти абстрактна — *Человек в последний момент своей жизни. Иссечение духа. Никто. Обретенный и утраченный.*

Или, возможно, тебе следует просто называть его Алебастром.

Пять тридцать утра.

* * *

В семь приходит Лерна, туда, где ты лежишь, свернувшись, на полу перед статуей Алебастра. Ты едва слышишь, как он садится рядом, и думаешь — зачем он пришел. Он понимает. Он должен был прийти прежде, чем ты снова сорвешься и убьешь и его.

— Юкка уговорила общину не убивать тебя, — говорит он. — Я рассказал им о твоем сыне. Все, э, согласились, что Вайнин могла-таки убить Пенти. Твоя чрезмерная реакция была… понятна. — Он замолкает. — Хорошо, что Юкка до того убила Каттера. Теперь они больше доверяют ей.

Они знают, что она заступилась за тебя не только потому, что… — Он вздыхает, пожимает плечами. — Что сама такая.

Да. Так тебя учили в Эпицентре — все рогги одно и то же. Преступление одного — преступление всех.

— Никто ее не убьет. — Это Хоа. Конечно, он теперь здесь, охраняет свое имущество.

Лерна при этом нервно ерзает. Но затем слышится еще один голос:

— Никто ее не убьет. — И ты вздрагиваешь, потому что это Сурьма.

Ты медленно встаешь. Она сидит в той же позе — она все время была здесь, — и каменный комок, который был Алебастром, лежит на ее груди, как при жизни. Она уже смотрит на тебя.

— Ты не можешь забрать его, — говоришь ты. Рычишь. — Или меня.

— Я не хочу тебя, — отвечает Сурьма. — Ты убила его.

Ох, блин. Ты пытаешься сдерживать жалкую ярость, использовать ее для фокуса и обрести силу отринуть ее, но ярость перетекает в стыд. Да и дотянуться ты можешь только до этого проклятого обелиска — длинного ножа Алебастра. Шпинели. Он отбрасывает твою шаткую хватку почти сразу

же, словно плюет тебе в лицо. Ты ведь *достойна* презрения, не так ли? Эти камнееды, эти люди, эти орогены, даже эти гребаные обелиски — все это знают. Ты ничто. Нет — ты смерть. И ты убила еще одного, кого любила.

И ты стоишь тут на четвереньках, обездоленная, отвергнутая, и тебе так больно, как будто в тебе тикает часовой механизм боли. Может, строители обелисков могли изобрести способ справляться с такой болью, но они все давно мертвы.

Какой-то звук отвлекает тебя от скорби. Сурьма теперь стоит. Она впечатляет — с распрямленными ногами, неумолимая. Она смотрит на тебя сверху вниз. В ее руках коричневый комок останков Алебастра. С этого ракурса он вообще не похож на человека. Официально он им и не был.

— Нет, — говоришь ты. На сей раз это не непокорство, это мольба. *Не забирай его*. Но именно этого он у тебя и просил. Этого он и хотел — чтобы его отдали Сурьме, а не Отцу Земле, который столько отнял у него. Вот такой выбор — Земля или камнеедка. Тебя в списке нет.

— Он оставил тебе послание, — говорит она. Ее ровный голос не меняется, и все же. Что-то такое. Жалость? — «Оникс — ключ. Сначала сеть, затем

Врата. Не проржавь все, Иссун. Мы с Инноном не просто так любили тебя».

— Что? — спрашиваешь ты, затем она мерцает, становится прозрачной. Впервые тебе приходит в голову, что передвижение камнеедов сквозь камень и переход обелисков из состояния реальности в нереальность — это одно и то же. Это бесполезное наблюдение. Сурьма исчезает в ненавидящей тебя Земле. Вместе с Алебастром.

Ты сидишь там, где она оставила тебя, где он оставил тебя. В голове нет никаких мыслей. Но когда чья-то рука касается твоего плеча, и чей-то голос называет тебя по имени, и появляется связь — не с обелиском, ты поворачиваешься навстречу. Ты не можешь не сделать этого. Тебе нужно что-то, и если это не семья и не смерть, то это должно быть нечто иное. Потому ты поворачиваешься и хватаешься, и вот он — Лерна, у него теплое мягкое плечо, и он нужен тебе. Но только сейчас, пожалуйста. Только один раз тебе нужно почувствовать себя человеком, не думать об официальных определениях, и, может быть, когда тебя обнимают человеческие руки и человеческий голос шепчет тебе на ухо — прости, прости Иссун, — может, ты и чувствуешь себя человеком. Может быть, ты и *есть* человек, хотя

бы на короткое время.

* * *

В семь сорок пять ты снова сидишь одна.

Лерна ушел поговорить с одним из ассистентов и, возможно, Опорами, которые наблюдают за тобой из дверей лазарета. На дне твоего дорожного рюкзака есть карманчик для того, чтобы прятать всякое. Вот почему ты купила именно этот рюкзак много лет назад конкретно у этого кожевенника. Когда он показал тебе этот карманчик, ты немедленно подумала о том, что ты хотела бы в нем спрятать. Нечто, о чем ты как Иссун не часто позволяла себе думать, поскольку это принадлежало погибшей Сиенит. Ты хранила ее останки.

Ты роешься в рюкзаке, пока твои пальцы не нащупывают карман и не залезают внутрь. Сверток все еще там. Ты вытаскиваешь его, разворачиваешь дешевый лен. Шесть колец, полированных и полудрагоценных, лежат там.

Недостаточно для тебя, девятиколечницы, но первые четыре в любом случае для тебя ничего не значат. Ты выбрасываешь их, они звенят и катятся по полу. Два последних, те, которые сделал для тебя он, ты надеваешь на указательные

пальцы рук.

Затем ты встаешь.

* * *

Восемь. Представители всех семейств общины собираются на Плоской Вершине.

Правило — один голос на один паек. Ты снова видишь Юкку в центре круга, руки ее сложены на груди и лицо старательно бесстрастное, хотя ты сэссишь некое напряжение в окружающей среде, по большей части исходящее от нее. Кто-то принес старый деревянный ящик, и люди суетятся вокруг, переговариваются, пишут на обрывках бумаги и кожи.

Ты идешь к Плоской Вершине в сопровождении Лерны. Люди не замечают тебя, пока ты не оказываешься почти на середине моста. Почти над ними. Затем кто-то видит твое приближение и громко ахает. Кто-то кричит, предупреждая:

– *Ржавь, опять она*! — Люди расступаются перед тобой, спотыкаясь друг о друга.

И правильно. У тебя в руке нелепый розовый длинный нож Алебастра, миниатюрный и получивший новую форму шпинельный обелиск. Сейчас ты уже настроилась на него, слышишь его отклик, он твой. Он отвергал тебя прежде,

поскольку ты была нестабильна, сбита с толку, но теперь ты знаешь, что тебе от него нужно. Ты нашла свой фокус. Эта шпинель не повредит никому, пока ты ей не позволишь. А позволишь или нет — это совсем другой вопрос.

Ты входишь в центр круга, и человек с ящиком для голосования пятится от тебя, оставляя его на месте. Юкка сдвигает брови, шагает к тебе и говорит:

— Иссун…

Но ты игнорируешь ее. Ты делаешь выпад, и внезапно инстинктивно, просто, естественно становится схватиться за рукоять длинного розового ножа обеими руками, крутануть его и взмахнуть им, сделав поворот бедрами. Как только меч касается деревянного ящика, он исчезает. Он не разрублен, не сломан, он просто рассыпается на микроскопические частицы. Для глаза он рассыпается прахом, который блестит на свету, прежде чем исчезнуть. Превратиться в камень. Многие ахают или вскрикивают, вдыхая свои голоса. Вероятно, это им не повредит. Не сильно.

Затем ты поворачиваешься и поднимаешь свой длинный нож и медленно вращаешься, показывая им на каждое лицо.

— Никакого голосования, — говоришь ты. Здесь

так тихо, что ты слышишь, как струится вода в одной из труб общинного пруда в сотне футов внизу. — Уходите. Присоединяйтесь к Реннанису, если они вас примут. Но если вы остаетесь, то ни одна часть этой общины не будет решать, считать ли расходным материалом другую. Никто не будет *голосовать* насчет того, кого считать человеком.

Некоторые перетаптываются или переглядываются. Юкка не сводит с тебя глаз, словно с потенциально опасной твари, что смешно. Она уже должна знать, что не потенциально, а точно.

— Иссун, — начинает было она голосом, которым уговаривают домашних питомцев или безумцев, — это… — Она замолкает, поскольку не знает, что именно «это». Но ты знаешь. Это гребаный государственный переворот. Не важно, кто у власти, но в этом вопросе ты намерена стать диктатором. Ты не допустишь, чтобы Алебастр погиб, спасая этих людей, зазря.

— Никакого голосования, — повторяешь ты. Ты повышаешь голос, как будто они подростки в твоих старых яслях. — Это община. Вы будете едины. Вы будете сражаться друг за друга. *Или я, к ржави, перебью вас всех до единого.*

На сей раз воцаряется настоящее молчание. Они не шевелятся. Глаза их белы и настолько полны запредельного страха, что ты понимаешь, что они тебе верят.

Хорошо. Ты поворачиваешься и уходишь.

Интерлюдия

Во вращающейся глубине я резонирую, взывая к моему врагу — или пытаюсь.

— Перемирие, — говорю я. Молю. Уже было столько потерь со всех сторон. Луна. Будущее. Надежда.

Здесь, внизу, почти невозможно услышать ответ словами. До меня доходит лишь яростное эхо, дикие флуктуации давления и гравитации. Через некоторое время я вынужден бежать, чтобы меня не раздавило, — и хотя это было бы лишь временным отступлением, я не могу себе позволить стать недееспособным прямо сейчас. Среди твоих сородичей меняется ситуация, так же быстро, как вы часто вершите дела, когда принимаете окончательное решение. Я должен быть готов.

В любом случае в ответ я получил только ярость.

19. Ты готовишься громыхнуть

В последний раз ты была на поверхности месяц назад. Это было через два дня после того, как ты убила Алебастра в приступе безумия и боли. Зимой все меняется.

Верхняя Кастрима оккупирована. Туннель, по которому ты впервые попала в общину, перекрыт, один из орогенов общины поднял из земли большую плиту, намертво заблокировав его. Возможно, Юкка или Каттер до того, как Юкка его убила; эти двое в общине умели лучше всего держать контроль после тебя и Алебастра. Теперь двое из вас четырех мертвы, и враг у ворот. Опоры, сгрудившиеся в туннеле за камнем, подпрыгивают, когда ты вступаешь в круг электрического света, а те, кто и так на ногах, встают навытяжку. Ксебер, заместитель Эсни по команде среди Опор, прямо улыбается при виде тебя. Вот настолько плохи дела. Вот настолько они встревожены. Они так растеряны, что считают тебя своей поборницей.

— Мне это не нравится, — сказала тебе Юкка. Она снова в общине, организует оборону, которая

понадобится, если в туннели прорвутся. Настоящая опасность настанет тогда, когда лазутчики Реннаниса обнаружат вентиляционные выходы жеоды Кастримы. Они хорошо спрятаны — одна в пещере подземной реки, остальные в столь же потаенных местах, словно строители Кастримы сами опасались нападения, — но если их перекроют, жителям общины придется выйти. — И на них работают некоторые камнееды. Ты достаточно опасна, Исси, ржавски способна уделать армию, я признаю, но никто из нас не способен сражаться с камнеедами. Если тебя убьют, мы потеряем наше лучшее оружие.

Она говорит тебе это на Смотровой Площадке, где вы вдвоем встретились, чтобы разобраться с делами. Вы испытывали неловкость около суток по отношению друг к другу. Запретив голосование, ты подорвала авторитет Юкки и уничтожила иллюзию того, что у всех есть голос в правлении общины. Ты до сих пор уверена, что это необходимо; никто *не должен* решать, чью жизнь стоит защищать, а чью — нет. Она согласилась, признала это в вашем разговоре. Но это повредило ей.

Ты не стала извиняться, но попыталась зашпаклевать трещины.

— Лучшее оружие Кастримы — ты, — твердо

сказала ты. И ты даже не лгала. То, что Кастрима столько прожила, эта община глухачей, которой ни разу не удалось линчевать рогг, открыто живущих среди них, настоящее чудо. Даже если «еще не устроили геноцида» — низкая планка, то другие общины и до такого не дотянули. Ты отдаешь ей должное.

Это смягчает неловкость между вами.

— Ладно, ты только, ржавь побери, не умирай, — сказала она тебе наконец. — Не уверена, что без тебя смогу сейчас держать весь этот бардак в руках. — Юкка умеет заставлять людей считать, что у них есть причина что-то делать. Потому она и главная.

И именно потому ты сейчас идешь через верхнюю Кастриму, которая превращена солдатами Реннаниса в военный лагерь, и тебе по-настоящему страшно. Всегда труднее сражаться за кого-то другого, чем за себя.

Пепел непрерывно падает уже целый год, и община засыпана им по колено. Недавно прошел как минимум один дождь, прибив его, так что ты сэссишь что-то вроде грязевой корки под пыльным слоем, но даже и он внушителен. Вражеские солдаты высовываются из входов и дверей некогда пустых домов, глядя на тебя, а

неутрамбованный пепел, сползающий по скатам крыш, наполовину засыпал стены. Им пришлось откапывать окна. Солдаты выглядят… как просто люди, поскольку у них нет униформы, но все же в них есть нечто общее: они полностью санзе или внешне очень похожи на санзе. Когда возможно понять цвет их поблекших от пепла одежд, ты замечаешь красноречивые обрывки более дорогой, тонкой ткани у них на рукаве, запястье или лбу. Они уже не бездомные экваториалы, стало быть; они основали общину. Нечто более древнее и примитивное, чем община — *племя*. И теперь они пришли забрать то, что принадлежит тебе.

Но в остальном они просто люди. Многие твоих лет или старше. Ты догадываешься, что многие из них — лишние Опоры или неприкаянные, старающиеся доказать свою полезность. Мужчин чуть больше, чем женщин, но это тоже следствие того, что большинство общин куда охотнее выгоняют тех, кто не может производить детей, чем тех, кто может, но количество женщин здесь говорит о том, что перед Реннанисом не стоит проблема здоровья населения. Сильная община. Их глаза следят за тобой, пока ты идешь по главной улице верхней Кастримы. Ты знаешь, что выделяешься своей не покрытой пеплом кожей,

чистыми волосами и яркой одеждой. Ты всего лишь в коричневых кожаных штанах и белой рубахе, но эти цвета стали редкими в мире серых улиц, серых мертвых деревьев и серого низкого пасмурного неба. К тому же ты видишь, что ты тут единственная срединница и, по сравнению с большинством из них, ты невысока.

Это не имеет значения. За тобой плывет шпинель, держась точно в футе позади твоей головы и медленно вращаясь. Ты не заставляешь ее это делать. Ты на самом деле не знаешь, почему она так себя ведет. Если ты только не держишь ее в руке, она ведет себя так: ты пыталась положить ее, но она всплывала и следовала за тобой вот так. Надо было спросить Алебастра, как укротить ее, прежде чем ты его убила, но ладно. Сейчас она чуточку мерцает, из реальности в прозрачность и обратно, и ты можешь слышать — не сэссить, слышать — слабое гудение энергий в ней, когда она поворачивается. Ты видишь, как дергаются лица людей, когда они это замечают. Может, они и не знают, что это, но, когда слышат ее, понимают, что это опасная штука.

В центре верхней Кастримы стоит накрытый куполом павильон, который некогда был местом собраний общины, как рассказывала тебе Юкка.

Там устраивали свадебные танцы, вечеринки и временами общинные встречи. Его преобразовали во что-то вроде оперативного центра, как видишь ты по дороге: гогочущее стадо мужчин и женщин стоит, сидит на корточках или стульях внутри, но одна группа окружает недавно сделанный стол. Когда ты подходишь достаточно близко, ты видишь, что перед ними лежат грубый план Кастримы и карта местности, что они и обсуждают. К твоему ужасу, ты видишь, что на них отмечен как минимум один вентиляционный выход — тот, что за маленьким водопадом на местной реке. При поисках они, вероятно, потеряли пару разведчиков: берег реки сейчас кишит гнездами жуков-кипячей. Как бы там ни было, они его нашли, и это плохо.

Трое разговаривающих над картой поднимают головы при твоем приближении. Один пихает локтем другого и встряхивает кого-то еще, клюющего носом, когда ты входишь в павильон и останавливаешься в нескольких футах от стола. Женщина, которая встает и сонно потирает лицо, идя к остальным, выглядит не особо впечатляюще. По вискам ее волосы обрезаны прямо над ушами — уродливо, словно их резали ножом. От этого она кажется маленькой, хотя на самом деле

не так уж и мала: ее торс гладко-бочкообразный, невысокая грудь перетекает в живот, который выносил, наверное, как минимум одного ребенка, а ноги ее как базальтовые колонны. Она не носит бо€льших знаков отличия, чем прочие; ее шарф принадлежности к племени представляет собой выцветшую желтую шелковую косынку, свободно завязанную на шее. Но даже в ее полусонном взгляде есть некая тяжесть, которая заставляет тебя сосредоточиться на ней.

— Кастрима? — спрашивает она тебя вместо приветствия. В любом случае это то, что действительно имеет значение в тебе.

Ты киваешь:

— Я говорю за них.

Она опирается руками о стол, кивает:

— Значит, наше послание доставлено. — Она бросает краткий взгляд на висящую за тобой шпинель, и что-то меняется в выражении ее лица. Это не ненависть. Ненависть требует эмоций. Женщина же просто осознает, что ты рогга, и решает, что ты не личность, что-то вроде. Безразличие хуже ненависти. Ладно. Ты не можешь в ответ изобразить безразличие; ты не можешь не воспринимать ее как человека. Значит, придется обойтись ненавистью. И, что еще интереснее,

она откуда-то знает, что такое шпинель и что это значит. Очень интересно.

— Мы не присоединяемся к вам, — говоришь ты. — Хотите за это сражаться — да будет так.

Она наклоняет голову набок. Один из ее лейтенантов хихикает в кулак, но другой быстро затыкает его гневным взглядом. Тебе это нравится. Это уважение — к твоим способностям, если не к тебе как таковой, и Кастриме, даже если они считают, что у вас нет ни шанса. Даже хотя вы действительно, вероятно, не имеете ни шанса.

— Нам даже не надо нападать, сама понимаешь, — говорит женщина. — Мы просто можем сидеть здесь, убивать всех, кто вылезет охотиться или торговать. Мы возьмем вас голодом.

Тебе удается не реагировать.

— Мяса у нас мало. Это потребует времени — как минимум нескольких месяцев, — чтобы недостаток витаминов начал проявляться. В остальном у нас достаточно припасов. — Ты заставляешь себя пожать плечами. — И другие общины довольно неплохо справляются с недостатком мяса.

Она усмехается. Ее зубы не заточены, но на миг тебе кажется, что ее клыки чуть длиннее необходимого. Возможно, показалось.

— Верно, если у вас вкус такой. Потому мы и

ищем ваши вентиляционные выходы. — Она стучит по карте. — Заткнем их — и вы задохнетесь, а затем мы пробьем те барьеры, которыми вы перегородили коридоры, и войдем. Глупо жить под землей — как только кто-то узнает, где вы, вы становитесь более легкой добычей, чем прочие.

Это правда, но ты качаешь головой:

— Мы можем оказаться крепким орешком, если нас припереть к стенке. Но Кастрима небогата, и наши хранилища ничуть не лучше, чем в других общинах, не набитых роггами.

Ты замолкаешь ради эффекта. Женщина не выдает реакции, но среди людей в беседке начинается движение. Осознали. Хорошо. Значит, думают.

— Вокруг так много более легкой добычи. Почему мы?

Ты знаешь, почему они это делают, поскольку Серый Человек охотится за орогенами, способными открыть Врата Обелиска, но этого он им сказать не может. Что может подтолкнуть сильную, стабильную экваториальную общину к завоеваниям? Минутку, нет, она не может быть стабильной. Реннанис относительно близко к Разлому. Даже при живых узловиках жизнь в такой общине должна быть тяжелой. Ежеднев-

ные выбросы ядовитого газа. Куда более сильные, чем здесь, пеплопады, заставляющие постоянно носить маску. Земля еще усугубляет ситуацию дождями — это может быть чистая кислота, да и то если дождь вообще возможен, когда по соседству находится Разлом, постоянно выдающий жар и пепел. Сомнительно, чтобы у них был скот… значит, может, и у них мяса не хватает.

— Потому что этого требует выживание, — говорит женщина, к твоему удивлению. Она выпрямляется и складывает руки на груди. — В Реннанисе слишком много людей для такого количества запасов. Все выжившие из всех экваториальных городов пришли и разбили лагеря у нашего порога. Нам в любом случае пришлось бы это сделать, иначе у нас были бы проблемы со слишком большим количеством неприкаянных в округе. Дать им оружие ради прокорма, чтобы приносили оставшееся в общину. Ты знаешь, что эта Зима не собирается заканчиваться.

— Она закончится.

— Когда-нибудь. — Она пожимает плечами. — Наши месты подсчитали, что, если мы будем выращивать достаточно грибов и строго ограничим наше население, мы сможем стать самодостаточными и дотянуть до конца Зимы. Но

шансы будут лучше, если мы заберем припасы у всех общин, которые встретим…

Ты выкатываешь глаза, потому что не можешь сдержаться.

— Вы думаете, что зерно пролежит тысячу лет? — Или две. Или десять. А потом несколько сотен тысяч лет оледенения. Она замолкает, пока ты не приходишь в себя.

— …и если мы установим пути снабжения из каждой общины для пополнения. Нам понадобятся некоторые береговые общины с ресурсами океана, возможно, несколько антарктических, где выращивают растения, которым не нужно много солнечного света. — Она замолкает тоже ради эффекта. — Но вы, срединники, слишком много едите.

Ладно.

— Короче, вы здесь, чтобы уничтожить нас. — Ты качаешь головой. — Почему бы просто откровенно не сказать? Зачем эта чушь насчет избавления от орогенов?

Кто-то зовет извне павильона:

— Данель! — И женщина поднимает взгляд, рассеянно кивая. Возможно, это ее имя. — Всегда есть шанс, что вы наброситесь друг на друга. Тогда мы просто войдем и заберем то, что оста-

нется. — Она качает головой. — Наверняка дела у вас плохи.

Внезапно тупое, настойчивое жужжание, которое вдруг ощущают твои сэссапины, становится предупреждением, громким, как вопль. Как только ты его почувствовала, уже поздно, поскольку ты в радиусе способности Стража гасить орогению. Все же ты оборачиваешься, чуть не споткнувшись, когда начинаешь ткать огромный торус, который мгновенно заморозит весь этот ржавый городишко, и поскольку ты ожидаешь нейтрализации и не разворачиваешь тугой защитный торус, нож-разрушитель вонзается тебе в правую руку.

Ты помнишь, как Алебастр говорил тебе, что эти ножи причиняют боль. Он маленький, предназначен для метания и должен причинять боль, поскольку погружается в твой бицепс и, вероятно, раскалывает кость. Но что Алебастр не подчеркнул особо — ты иррационально злишься на него всего через несколько часов после его смерти, тупого, бесполезного ржавяка, — что этот нож зажигает пламенем всю твою нервную систему. В сэссапинах она сильнее всего, раскаленная добела, хотя это далеко от твоей руки. Это так больно, что все твои мускулы сводит судорога;

ты падаешь на бок и даже не можешь закричать. Ты просто лежишь в конвульсиях, глядя на женщину, которая выступает из гогочущей толпы реннанитских солдат и с усмешкой смотрит на тебя. Она на удивление молода — или кажется такой, хотя внешность не имеет значения, поскольку она Страж. Она обнажена до пояса, ее кожа на диво темная среди всех этих санзе, ее груди маленькие — почти один околососковый кружок, они напоминают тебе о времени, когда ты была беременна. Ты думала, что после Уке твои груди так и не поднимутся… и ты думаешь, будет ли это больно, когда тебя разорвет в клочья, как Иннона. Все становится черным. Ты не понимаешь, что случается первым. Ты мертва? Это было так быстро? Все по-прежнему горит, и тебе кажется, что ты все еще пытаешься закричать. Но ты осознаешь новые ощущения. Движение. Бросок. Что-то вроде ветра. Прикосновение инородных молекул к мельчайшим рецепторам на твоей коже. Это… странно спокойно. Ты почти забываешь о боли.

Затем свет, проникающий сквозь закрытые, как ты поняла, веки. Ты не можешь их поднять. Кто-то ругается рядом, и чьи-то руки заставляют тебя лечь, отчего ты почти паникуешь, поскольку

ты не можешь вершить орогении, когда твои нервы так полыхают. Но затем кто-то вырывает нож из твоей руки.

Это как будто выключили сирену у тебя внутри. Ты облегченно обмякаешь, боль становится просто болью, и ты открываешь глаза, теперь, когда можешь снова контролировать свои мышцы.

Это Лерна. Ты лежишь на полу в его доме, свет исходит от стен кристалла, и он держит нож и смотрит на тебя. За ним в умоляющей позе стоит Хоа, наверняка обращаясь к Лерне. Его взгляд смещается к тебе, хотя позу он сменить не удосужился.

— Гребаная *жгучая* ржавь, — со стоном выдыхаешь ты. А потом, поскольку уже понимаешь, что должно было произойти, добавляешь, обращаясь к Хоа: — Спасибо. — Он втащил тебя в землю, прежде чем Страж успела убить тебя. Ты не думала, что когда-то будешь благодарить за нечто подобное.

Лерна бросил нож и уже ищет бинты. Кровь идет несильно; нож вошел вертикально, скорее параллельно связкам, чем рассекая их, и, видимо, не задел большой артерии. Трудно сказать, не трясутся ли у тебя еще руки — ты в шоке. Но Лерна не движется с этой размытой, почти нечелове-

ческой скоростью, как в том случае, когда чья-то жизнь на волоске, и это тебя подбадривает.

Лерна говорит, стоя к тебе спиной, собирая нужные материалы:

— Полагаю, твоя попытка переговоров прошла не очень хорошо.

В последнее время между вами возникла неловкость. Он откровенно выразил свой интерес к тебе, а ты не ответила подобным же образом. Но ты и не отвергла его, в этом и неловкость. В какой-то момент, всего несколько недель назад, Алебастр ворчливо заметил тебе, что ты должна бы уже принять парня, поскольку тебя всегда разносит, когда ты без секса. Ты назвала его козлом и сменила тему, но на самом деле именно Алебастр — причина того, что ты все больше думала об этом.

Ты, однако, продолжаешь думать и об Алебастре. Это скорбь? Ты ненавидела его, любила его, тосковала по нему долгие годы, заставила себя его забыть, снова нашла его, снова полюбила, убила его. Эта скорбь ощущается не так, как в случае с Уке, Корундом или Иннoном, — это раны в твоей душе, которые до сих пор кровоточат. Потеря Алебастра просто… истончила то, чем ты являешься. И возможно, сейчас не время думать

о своем жизненном любовном катаклизме.

— Да, — говоришь ты. Ты вылезаешь из куртки. Под ней на тебе рубашка без рукавов, пригодная для теплой Кастримы. Лерна поворачивается к тебе, садится на корточки и начинает промокать кровь мягкой тканью.

— Ты был прав. Мне не стоило идти наверх. У них был Страж.

Лерна смотрит тебе в глаза, затем на твою рану.

— Я слышал, они могут гасить орогению.

— Этой и не пришлось. Этот проклятый кинжал сделал все за нее. — Ты думаешь, что понимаешь как, вспоминая Иннона. Тот Страж тоже не нейтрализовал его. Может, прикосновение к коже работает только с роггами, чья орогения еще активна. Так она хотела убить тебя. Но желваки на скулах Лерны уже заиграли, и ты решаешь, что ему не следует этого знать.

— Я не знал о Стражах, — неожиданно говорит Хоа. — Мне жаль.

Ты смотришь на него.

— Я и не надеялась, что камнееды всезнающи.

— Я сказал, что защищу тебя. — Голос его более бесстрастен теперь, когда он уже не одет плотью. Или, может, тот же самый, и ты просто сочла это

бесстрастностью потому, что у него больше нет телесного языка, чтобы украсить речь. Но кроме этого ты слышишь… гнев. Возможно, на себя.

— Ты и защитил. — Ты морщишься, когда Лерна туго забинтовывает твою руку. Но не зашивает, что хорошо. — Не то чтобы мне хотелось, чтобы меня втянули в землю, но ты появился как раз вовремя.

— Ты была ранена. — Определенно зол на себя. Впервые он говорит, как тот мальчик, которым он прикидывался так долго. Или он молод для своего племени? Молод душой? Может, он настолько открыт и честен, что может показаться юным.

— Выживу. Остальное не важно.

Он замолкает. Лерна работает молча. Из-за их общего неодобрения ты невольно чувствуешь себя виноватой.

После того как ты покидаешь дом Лерны, ты идешь к Плоской Вершине, где Юкка устроила собственный оперативный центр. Кто-то принес остальные диваны из ее жилища, и она установила их грубым полукругом, вынеся свои совещания на открытое обозрение. В знак этого Хьярка разлеглась на диване, как обычно, подперев голову кулаком, чтобы никто не смог больше на него сесть, Тонки расхаживает посередине.

Вокруг есть и другие, усталые или встревоженные люди, которые принесли свои стулья или сидят на жестком кристаллическом полу, но не так много, как ты ожидала. По дороге к Плоской Вершине ты замечаешь повсюду оживленную деятельность: люди в одном помещении оперяют стрелы, в другом делают арбалеты. На уровне пола ты видишь нечто вроде учений по владению длинным кинжалом; хрупкий молодой человек обучает примерно тридцать человек наносить верхние и нижние удары. На Смотровой Площадке несколько Инноваторов прилаживают нечто вроде ловушки с падающими камнями.

Зрители оживляются, когда вы с Лерной поднимаетесь на Плоскую Вершину; это забавно. Все знают, что ты сама вызвалась пойти наверх и передать Реннанису ответ Кастримы. Ты сделала это отчасти, чтобы публично показать, что ты не отняла власти у Юкки — она по-прежнему главная. Все, похоже, сочли это свидетельством твоего сумасшествия, но хотя бы ты на их стороне. Какая надежда в их глазах! Но она быстро угасает. То, что ты вернулась с окровавленной рукой на перевязи, никого не обнадеживает.

Тонки вовсю о чем-то разглагольствует. Даже она готова к бою, сменила юбку на широкие

штаны, затянула волосы на темени лохматым кудрявым пучком, на каждом бедре по стеклянному ножу. Она действительно выглядит сногсшибательно. Затем ты прислушиваешься к тому, что она говорит.

— С третьей волной потребуется особо тонкое обращение. Их активирует давление, понимаете? Разница температур должна создать достаточно сильную тягу, давление воздуха должно достаточно упасть. И никакого землетрясения. Мы и так потеряем лес, но землетрясение просто заставит их окопаться. Нам надо, чтобы они двигались.

— Я смогу с этим справиться, — говорит Юкка, хотя вид у нее тревожный. — Как минимум частично.

— Нет, это надо сделать всем сразу. — Юкка останавливается и сердито смотрит на нее. — Это не предмет переговоров. — Она видит тебя и замолкает, ее взгляд тут же притягивает повязка на твоей руке.

Юкка оборачивается, и ее глаза тоже расширяются.

— Блин.

Ты скучно качаешь головой.

— Я согласилась, что попробовать стоило. И теперь мы знаем, что их не вразумить.

Затем ты садишься, и люди на Плоской Вершине замолкают, когда ты делишься с ними сведениями, которые тебе удалось добыть за время твоей вылазки наверх. Армия лишних людей, занявшая дома, генерал по имени Данель, как минимум один Страж. Если добавить к этому то, что вам уже известно — камнееды на их стороне, целый город таких где-то в Экваториалях, — то картина рисуется мрачная. Но тревожнее всего неизвестность.

— Как ты узнала о нехватке мяса? — Кажется, никто не укоряет Юкку за слова серого камнееда или хотя бы не сейчас, хотя теперь все уже знают, что она скрыла от них эту информацию. Главам общин приходится делать подобный выбор. — Но как они нашли эти ржавые выходы?

— Когда у тебя много людей, нетрудно организовать поиски, — начинаешь было ты, но она перебивает тебя:

— Это так. Мы, так или иначе, использовали эту жеоду пятьдесят лет. Мы знаем местность — и у нас годы ушли на то, чтобы найти эти выходы. Одна дальше по реке в том проклятом торфянике, который невыносимо воняет и порой загорается. — Она наклоняется вперед, облокачивается на колени и вздыхает. — Как они вообще узнали, что

мы здесь? Даже наши торговые партнеры видели только верхнюю Кастриму.

— Может, на них тоже работают орогены, — говорит Лерна. После стольких недель этого «ронга» от него вежливое «орогены» звучит натянуто и искусственно для твоего слуха. — Они могли бы…

— Нет, — говорит Юкка. Затем она смотрит на тебя. — Кастрима огромна. Когда ты попала сюда, разве ты не заметила этой огромной дыры в земле? — Ты удивленно моргаешь. Она кивает прежде, чем ты успеваешь ответить, поскольку на твоем лице написано все. — Да, ты должна была заметить, но что-то здесь как-то… не знаю. *Отводит* орогению. Как только ты оказываешься внутри, все наоборот, конечно же; жеода подпитывается ею. Но когда ты в другой раз окажешься наверху — то есть если тебя там не угробят, конечно, — попытайся сэссить это место. Увидишь, о чем я. — Она качает головой. — Даже если у них есть карманные рогги, они не должны были знать, что мы здесь.

Хьярка вздыхает и перекатывается на спину, бормоча что-то себе под нос. Тонки скалится, возможно, переняв эту привычку от Хьярки.

— Это не имеет значения, — рявкает она.

— Потому, что ты не хочешь этого слышать, малышка, — говорит Хьярка. — Это не значит, что это не так. Ты любишь, чтобы все было четко. А жизнь не такая.

— А *ты* любишь бардак.

— Юкка любит, чтобы все было *понятно*, — с нажимом говорит Юкка.

Тонки мнется, и Хьярка вздыхает и говорит:

— Не в первый раз я думаю, что в общине шпион.

О, ржавь. Среди слушателей шарканье ног и перешептывание. Лерна сверлит ее взглядом.

— Это бессмысленно, — говорит он. — Ни у кого из нас нет причины предавать Кастриму. Всем, кого приняла эта община, было некуда больше идти.

— Это не так. — Хьярка садится и сверкает заостренными зубами. — Я могла бы уйти в родную общину моей матери. Она была из тамошних Лидеров до того, как уехала в общину моего рождения, — слишком много конкуренции, а она хотела быть главой. Я покинула свою общину, потому что *не хотела* быть главой после нее. В общине полно сволочей. Но я определенно не планировала проводить свои бесполезные годы в дыре в земле. — Она смотрит на Юкку.

Юкка мучительно вздыхает.

— Поверить не могу, что ты до сих пор злишься на то, что я не испепелила тебя. Я же сказала тебе, что мне нужна помощь.

— Верно. Но запомни — я не осталась бы, если б ты не попросила меня тогда.

— Ты предпочла бы перенаселенную экваториальную общину, мнящую себя возрожденной Старой Санзе? — хмурится Лерна.

– *Я* — нет, — пожимает плечами Хьярка. — Теперь мне тут нравится. Но я хочу сказать, что кто-то мог бы и предпочесть Реннанис. И продать нас за место в этой общине.

— Мы должны найти этого шпиона! — выкрикивает кто-то с ближайшего веревочного моста.

— Нет, — резко говоришь ты. Это твой учительский голос, и все подпрыгивают и глядят на тебя. — Данель сказала, что *надеется*, что Кастрима взорвется изнутри. Мы не начнем здесь никаких охот на рогг. — Это двусмысленное утверждение, но ты не пытаешься умничать. Ты прекрасно понимаешь, что твой учительский голос — не единственная причина того, что они смотрят на тебя с почти ощутимым беспокойством. Шпинель по-прежнему плавает у тебя за спиной, проследовав за тобой с поверхности.

Юкка трет глаза.

— Хватит пугать людей, Исси. То есть я знаю, что ты выросла в Эпицентре и иначе не умеешь, но… в общине так себя вести плохо.

Ты моргаешь, слегка ошеломленная и очень обиженная. Но… она права. Общины выживают на тщательном равновесии доверия и страха. Твоя нетерпимость слишком перекашивает равновесие в сторону страха.

— Ладно, — говоришь ты. Все чуть выдыхают, поскольку Юкка способна тебя утихомирить, и слышатся даже несколько нервных смешков. — Но мне все равно кажется, что нет смысла что-то обсуждать, есть ли здесь и сейчас у нас шпионы. Если так, то Реннанис знает то же, что и они. Все, что мы можем, — попытаться выработать план, которого они не ожидают.

Тонки показывает на тебя и молча ожигает взглядом Хьярку. *Видишь*? Хьярка подается вперед, опершись рукой на колени и зло глядя на тебя. Она обычно мало спорит — это была роль Каттера, — но по тому, как она выдвинула челюсть, ты читаешь в ней упрямство.

— Это, ржавь, имеет значение, если шпион все еще здесь. Нам повезет сохранить эффект неожиданности, если…

На Смотровой Площадке началось какое-то движение. С Плоской Вершины это плохо видно, но кто-то окликает Юкку. Она сразу же вскакивает на ноги и идет туда, но какая-то маленькая фигурка — один из детишек, который служит гонцом, — несется по переходам и подбегает к ней прежде, чем она успевает перейти главный мост от Плоской Вершины.

— Сообщение из верхних туннелей! — кричит мальчик прежде, чем останавливается. — Говорят, ренни пробиваются сквозь барьеры!

Юкка смотрит на Тонки. Та коротко кивает.

— Морат говорит, заряды установлены.

— Погоди, что? — спрашиваешь ты.

Юкка не обращает на тебя внимания. Мальчику она говорит:

— Вели им отойти и приступить к выполнению плана. Давай. — Мальчик разворачивается и убегает, хотя добегает лишь до точки, где его хорошо видно с Площадки; он поднимает руку, сжимает кулак, а затем резко разжимает. По общине раздается ряд свистков, передавая сигнал, и закипает деятельность, когда группы людей бегут в туннели. Ты узнаешь многих из них: Опор и Инноваторов. Ты не понимаешь, что происходит.

Юкка с замечательным спокойствием оборачи-

вается к тебе.

— Понадобится твоя помощь, — негромко говорит она. — Если они используют кувалды, то это хорошо, значит, у них нет рогг. Но обрушение туннелей задержит их ненадолго, если они действительно решительно настроены проникнуть сюда. И мне не очень нравится идея оказаться в ловушке. Поможешь мне построить аварийный выход?

Ты чуть отшатываешься, ошеломленная. Обрушить туннели? Но конечно, это единственная осмысленная стратегия. Кастрима не может сопротивляться армии, которая превосходит их числом, вооружением, имеет союзников-камнеедов и Стражей.

— Что предполагается делать? Бежать?

Юкка пожимает плечами. Ты понимаешь, почему у нее такой усталый вид — не потому, что община чуть было не набросилась на собственных рогг, но от страха за будущее.

— Это чрезвычайная ситуация. Я уже несколько дней как отправила людей переносить необходимые припасы в боковые пещеры. Все мы, конечно, перенести не сможем или даже большую часть. Но если мы уйдем и где-то спрячемся — можешь не спрашивать, место у нас есть, в пещере-храни-

лище в нескольких милях отсюда, — тогда, даже если ренни прорвутся, они обнаружат темную бесполезную общину, в которой они задохнутся, если останутся надолго. Они заберут все, что смогут, и уйдут, и, возможно, после этого мы вернемся.

Вот почему она глава — пока ты погружена в собственные трагедии, Юкка делает все это. И все же…

— Если при них есть хоть один рогга, жеода будет продолжать функционировать. Она будет принадлежать им. Мы станем неприкаянными.

— Да. Ты права, экстренный план небезупречен. — Юкка вздыхает. — Вот почему я хочу попробовать план Тонки.

Хьярка взбешена:

— Я, ржавь побери, уже *говорила* тебе не раз, что не хочу быть главой, Юкк!

Юкка выкатывает глаза:

— Лучше стать неприкаянной? Не будь тряпкой!

Ты смотришь на Тонки, затем обратно, совершенно сбитая с толку. Тонки раздраженно вздыхает, но заставляет себя объяснить.

— Контролируемая орогения, — говорит она. — Постоянное медленное направленное

охлаждение поверхности, кольцо вокруг района, медленно схлопывающееся внутрь, с центром в общине. Это заставит кипячей перейти в состояние роя. Прочие Инноваторы изучали их поведение в течение долгих недель. — Она взмахивает пальцами, возможно, неосознанно считая эти исследования незначительными. — Должно подействовать. Но это надо сделать быстро, кем-то обладающим необходимой точностью и выносливостью. Иначе жуки просто закопаются и впадут в спячку.

И тут ты понимаешь. Это чудовищно. И это может спасти Кастриму. И все же… Ты смотришь на Юкку. Юкка пожимает плечами, но тебе кажется, что ты читаешь напряженность в линии ее плеч.

Тебе никогда не понять, как Юкка проделывает то, что она делает при помощи орогении. Она дичок. В теории она *способна* делать то же, что и ты. Упорный самоучка очень даже может овладеть базой и потом совершенствоваться. Большинство рогг-самоучек… просто не могут. Но ты сэссила Юкку, когда та работала, и в Эпицентре она явно была бы окольцованной, хотя имела бы всего два-три кольца. Она может сдвинуть скалу — но не гальку.

И все же. Она каким-то образом может прима-

нивать рогг в радиусе сотни миль от Кастримы. И все же она ведь сделала что-то с Каттером. И все же в ней есть основательность, стабильность и впечатление силы, хотя ты ничем этого не можешь объяснить, что заставляет тебя усомниться в своей оценке по эпицентровской шкале. Двух- или трехколечник не сэссится так. И все же. Орогения есть орогения, сэссапины есть сэссапины. У плоти есть пределы.

— Эта армия заполняет верхнюю Кастриму и лесную впадину, — говоришь ты. — Ты сдохнешь прежде, чем заморозишь половину этого круга.

— Возможно.

— Точно!

Юкка выкатывает глаза:

— Да ржавь, знаю я, что делаю, я и прежде такое делала. Я знаю способ. Это как… — Она осекается. Ты решаешь, что если все это переживешь, то рогги Кастримы должны научиться находить слова для того, что они делают. Юкка разочарованно вздыхает, словно слышит твои мысли. — Может, это эпицентровская штука? Когда ты бежишь с другим роггой, держишь всех на одной скорости, ориентируешься на способности последнего, но используешь выносливость сильнейшего?..

Ты моргаешь… а затем по твоей спине прохо-

дит дрожь.

— Огни земные и ржавь! Ты умеешь… — Алебастр делал с тобой такое дважды, давно, один раз, чтобы запечатать горячую точку, и второй, чтобы спастись от отравления. — Масштабирование?

— Вы так это называете? Короче, когда ты заставляешь целую группу работать параллельно… сетью, я могла делать это с Каттером и Темеллом прежде… Как бы то ни было, я могу это сделать сейчас. Использовать других рогг. Даже дети могут помочь. — Она вздыхает. Ты уже догадалась. — Дело в том, что тот, кто объединяет всех… — Ярмо, думаешь ты, вспоминая тот давний жаркий разговор с Алебастром. — Тот выгорает первым. Приходится принимать на себя… *трение* всего этого. Или все в сети просто отключат друг друга. Ничего не случится.

Выгорает. *Гибнет.*

— Юкка. — Ты в сто раз умелее, точнее, чем она. Ты можешь использовать обелиски.

Она ошеломленно качает головой:

— Ты когда-нибудь устанавливала сеть с кем-нибудь прежде? Я говорила тебе, это требует практики. А у тебя есть и другие дела. — У нее напряженный взгляд. — Я слышала, что твой при-

ятель в конце концов откинулся в лазарете. Он успел научить тебя тому, что тебе следует знать?

Ты отводишь взгляд. Твой рот полон горечи, поскольку доказательством твоего владения обелисками является факт убийства. Но ты ни на шаг не приблизилась к пониманию, как открыть Врата. Ты не знаешь, как использовать несколько обелисков вместе.

Сначала сеть, затем Врата. Не проржавь все, Иссун.

О, Земля. Ох, *дерьмо ты охрененное*, думаешь ты. Не только об Алебастре, но и о себе.

— Научи меня строить… сетку, — выпаливаешь ты Юкке. — Сеть. Назовем ее сетью.

Она сводит брови:

— Я только что сказала тебе…

— Так этого он и хотел от меня! Гребаная ржавь. — Ты разворачиваешься и начинаешь расхаживать взад-вперед, одновременно возбужденная, перепуганная и взбешенная. Все пялятся на тебя. — Не сеть орогении, сеть… — все это время он заставлял тебя изучать нити магии в его теле, в твоем теле, ощущать, как они связываются и текут. — И конечно, он, ржавь, не мог прямо мне *сказать*, ну почему он не мог сказать это вразумительно?

— Иссун. — Тонки смотрит на тебя искоса, на лице ее тревога. — Ты начинаешь говорить, прям как я.

Ты смеешься в ответ, хотя не думала, что сможешь смеяться после того, что сделала с Бастером.

— Алебастр, — говоришь ты. — Тот человек в лазарете. Мой друг. Он был орогеном-десятиколечником. И именно он расколол континент там, на севере.

Поднимается шепот. Пекарь Тлино говорит:

— Рогга из *Эпицентра*? Он был из Эпицентра и сделал это?

Ты игнорируешь его.

— У него были причины. — Месть и шанс сделать мир таким, в котором мог бы жить Кору, хотя Кору уже мертв. Надо ли им знать о Луне? Нет, еще не время, и это только собьет всех с толку, как все это сбило с толку тебя. — Я до сих пор не понимала, как он это делал. «Сначала сеть, потом Врата». Я должна теперь узнать, как делать то, что ты собираешься сделать, Юкка. Ты не можешь умереть прежде, чем меня научишь.

Что-то встряхивает окружающее. Это слабая встряска по сравнению с силой землетрясения и локализованная. Ты и Юкка, и все рогги на

Плоской Вершине немедленно поворачивают головы вверх, ориентируясь на него. Взрыв. Кто-то запустил маленькие заряды и обрушил один из туннелей, ведущих в Кастриму. Через несколько мгновений со Смотровой Площадки слышатся крики. Ты прищуриваешься и видишь группу Опор — тех, что охраняли главный туннель, ведущий в общину, по которому ты поднималась для переговоров с Данель и реннанитами, — они останавливаются, запыхавшиеся и встревоженные… они в пыли. Они, убегая, взорвали туннель.

Юкка качает головой и говорит:

— Тогда займемся аварийным туннелем. Надеюсь, мы не перебьем друг друга в процессе.

Она жестом зовет тебя за собой, и ты идешь следом, и вместе вы наполовину идете, наполовину бежите к противоположной стене жеоды. Это делается по негласному соглашению — обе вы инстинктивно понимаете, где находится лучшая точка прорыва жеоды. Вокруг двух платформ, за двумя мостами лежит дальняя стена жеоды, усеянная кристаллами, слишком короткими для жилья. Хорошо.

Юкка поднимает руки и обводит квадрат, что смущает тебя, пока ты не сэссишь внезапной острой силы ее орогении, которая пронзает стену

жеоды в четырех точках. Это потрясающе. Ты и прежде видела, как она творит орогению, но в первый раз она попыталась сделать что-то точно. И — это совершенно не то, чего ты ожидала. Она не может поднять гальку, но она может вырезать углы и линии так точно, что в результате они смотрятся как сделанные машиной. Это лучше, чем смогла бы сделать ты, и ты внезапно осознаешь: может, она и не может сдвинуть гальку, но кому это надо? Так Эпицентр испытывает точность. А Юкка точна тогда, когда это надо. Может, она провалила бы испытания потому, что эти испытания неверны.

Теперь она останавливается, и ты сэссишь, что ее «рука» протянута к тебе. Ты стоишь на платформе вокруг стержня кристалла слишком узкого, чтобы сделать в нем жилье, в котором вместо этого находятся склады и маленькая мастерская инструментов. Его сделали недавно, так что перила деревянные, и тебе не очень хочется доверять им свою жизнь. Но ты хватаешься за них, закрываешь глаза и орогенически тянешься к той связи, которую предлагает она. Она хватает тебя. Если бы ты не привыкла к таким действиям со стороны Алебастра, ты бы запаниковала, но это то же самое, что случилось тогда — орогения

Юкки вроде как сливается с твоей и поглощает ее. Ты расслабляешься и позволяешь ей взять контроль, поскольку ты внезапно понимаешь, что ты сильнее ее и могла бы, должна бы сама взять контроль — но сейчас ты учишься, а она учит. И ты отступаешь, чтобы учиться.

Это как танец. Ее орогения как… река с завихрениями, кружится и медленно струится. Ты быстрее, глубже, прямее, мощнее, но она модулирует тебя настолько эффективно, что два потока сливаются. Ты течешь медленнее и свободнее. Она течет быстрее, использует твою глубину для увеличения твоей силы. На миг ты открываешь глаза, видишь, как она опирается на кристаллическую колонну и сползает по ней до основания, чтобы не отвлекаться на тело, когда она концентрируется… а затем ты уже внутри основы кристалла жеоды, вне ее оболочки, погружаешься в скалу, окружающую ее, течешь по изгибам и завихрениям древнего холодного камня. Течь с Юккой так легко, что ты в изумлении. Алебастр был более груб, но, возможно, он не привык такое делать, когда впервые попробовал это на тебе. Юкка уже делала это с другими, и она лучший учитель, которого ты встречала в жизни.

Но –

Но. О! Ты теперь легко это видишь.

Магия. Ее нити вплетены в поток Юкки. Поддерживают ее поток там, где она слабее тебя, сглаживают контактный слой между вами. Откуда все это идет? Она вытягивает это из самой скалы, что очередное чудо, поскольку ты до сих пор не понимала, что *в скале* вообще есть магия. Но вот она, порхает между мельчайшими частицами кремня и кальцита так же легко, как между частицами каменного материала Алебастра. Минутку. Нет. В особенности между кальцитом и кальцитом, хотя это касается и кремня. Ее генерирует кальцит, который существует в известковых включениях в камне. В какой-то момент миллионы и миллиарды лет назад, подозреваешь ты, весь этот регион был дном океана или, возможно, внутреннего моря. Поколения морских обитателей рождались, жили, умирали здесь, затем оседали на океанское дно, образуя слои, которые потом уплотнялись. Это следы ледника ты видишь? Трудно сказать. Ты не геомест.

Но затем ты внезапно понимаешь следующее — магия происходит из жизни. Все, что живо или было живым, или даже то, что было живым столько эпох назад, что превратилось во что-то иное. Это осознание в одно мгновение вызывает

нечто, смещающее твое восприятие, и

и

и

Ты внезапно видишь ее: *сеть*. Паутина серебряных нитей пронизывает землю, проникает в скалы и даже в магму внизу, вися, как драгоценное ожерелье между лесами и окаменевшими кораллами и нефтяными бассейнами. Несется по воздуху на паутинках молодых паучков-путешественников. Тянется в облаках, пусть и тоненько, протянута между микроскопическими живыми существами в каплях воды. Насколько может распространиться твое ощущение, она касается самих звезд.

И там, где сеть касается обелисков, эти нити становятся совершенно иной вещью. Поскольку каждый из обелисков, которые плывут по карте твоего сознания — которая внезапно становится широкой, раскинувшись на многие мили, далеко за пределы чувствительности твоих сэссапин, — парит в узле тысяч, миллионов, триллионов нитей. Вот какая сила держит их в воздухе. Каждая пульсирует серебристо-белым светом; Злой Земля, *вот что такое обелиски в момент своей нереальности*. Они парят и мерцают, от плотности к магии и снова к плотности, и в другой

плоскости бытия ты резко втягиваешь воздух в священном восхищении перед их красотой.

И затем ты снова ахаешь, поскольку замечаешь рядом…

Контроль Юкки тянет тебя, и ты запоздало замечаешь, что она использовала твою силу, даже когда ты блуждала в своем озарении. Теперь новый туннель наклонно поднимается вверх сквозь слои осадочных и вулканических пород. В нем лестница с широкими невысокими ступеньками, прямая, не считая широких площадок через равные промежутки. Для этого туннеля порода не выбрасывалась, вместо этого Юкка просто деформировала камень, утрамбовывая его в стены и уплотняя пол, формируя ступени и используя повышенную плотность для стабилизации туннеля, чтобы на него не давил вес окружающей его породы. Но она остановила туннель прямо под проломом поверхности, и теперь она выплетает тебя из сети (снова это слово). Ты моргаешь и оборачиваешься к ней, сразу поняв почему.

— Ты можешь закончить его, — говорит Юкка. Она поднимается с платформы, отряхивая пыль с задницы. Она уже выглядит усталой; она наверняка устала, пытаясь модулировать твои удивленные флуктуации. Она не может сделать

того, что решила сделать. Она выгорит прежде, чем охватит половину периметра долины. Но она не обязана делать этого прямо сейчас.

— Нет. Это сделаю я.

Юкка трет глаза.

— Исси.

Ты улыбаешься. Сейчас это прозвище тебя не заботит. И затем ты используешь то, что ты только что узнала от нее, схватив ее так, как однажды поступил с тобой Алебастр, и хватаешь еще и всех остальных рогг в общине тоже. (Когда ты делаешь это, возникает коллективная дрожь. Они привыкли к Юкке, но они понимают, что это какое-то другое ярмо, когда сэссят его. Ты не заслужила их доверия, как она.) Юкка напрягается, но ты ничего не делаешь, просто держишь ее, и теперь это очевидно: ты действительно можешь это делать.

Затем ты для пущей наглядности связываешься со шпинелью. Она за тобой, но ты сэссишь момент, когда она перестает мерцать и вместо этого посылает вперед молчаливый импульс, от которого дрожит земля. Ты думаешь, что она говорит — я *готова*. Словно она умеет говорить. Глаза Юкки внезапно расширяются, когда она сэссит, как катализ обелиска… заряжается? пробуждается?

И пробуждается сеть рогг. Вот почему сейчас ты делаешь то, чему пытался научить тебя Алебастр в течение шести месяцев: используешь орогению и магию вместе таким образом, чтобы каждая поддерживала и усиливала другую, делая целое еще мощнее. Затем встраиваешь это в сеть орогенов, работающих вместе ради единой цели, и все вместе они становятся сильнее, чем поодиночке, и подключаешься к обелиску, который во много раз увеличивает их мощность. Это потрясающе.

Алебастр не мог научить тебя, поскольку, как и ты, был обучен и ограничен Эпицентром, обученный думать о силе лишь в терминах энергии, равновесия и геометрических форм. Он овладел магией потому, что был тем, кем он был, но он не до конца понимал это. И ты тоже даже сейчас до конца не понимаешь. Юкка, дичок, которой не надо переучиваться, все время была ключом. Если бы ты не была столь надменной…

Что же. Нет. Ты не можешь сказать, что Алебастр остался бы жив. Он умер в тот же миг, когда воспользовался Вратами Обелиска, чтобы разорвать континент пополам. Ожоги и так уже убивали его, так что прикончить его было бы милосердием. В конце концов, ты поверишь в это.

Юкка моргает и хмурится.

— С тобой все в порядке?

Она знает твою магию и ощущает вкус твоей скорби. Ты снова сглатываешь комок — осторожно, не отпуская силу, затаившуюся в тебе.

— Да, — *лжешь* ты.

У Юкки чересчур понимающий взгляд. Она вздыхает.

— Ты знаешь… мы обе прошли через это. У меня есть нычка юменесского середиса в одном из схронов. Напиться хочешь?

Спазм в твоей глотке вроде бы щелкает, и ты выталкиваешь его смехом. Середис — самогон из фрукта с таким же названием, который собирали в предгорьях рядом с Юменесом. Больше эти деревья нигде толком не росли, так что заначка Юкки может оказаться последним середисом во всем Спокойствии.

– *Бесценно* напьемся?

– *Катастрофически* напьемся. — Она улыбается устало — но по-настоящему.

Тебе нравится предложение.

— Если переживем все это. — Но теперь ты полностью уверена, что переживете. В орогенической сети и шпинели мощности более чем достаточно. Ты сделаешь Кастриму безопасной для глухачей и рогг, и для всего, что на вашей

стороне. Никому не придется умирать, кроме ваших врагов. Ты поворачиваешься и поднимаешь руки, растопыривая пальцы, пока твоя орогения — и магия — устремляется вперед.

Ты видишь Кастриму: верхнюю, нижнюю, и все, что имеет значение между ними, ниже и выше. Теперь перед тобой армия Реннаниса, сотни точек тепла и магии на твоей ментальной карте, некоторые сбились в домах, не принадлежащих им, а остальные сгрудились вокруг трех входов в туннели, ведущих в подземную общину. В двух туннелях они пробились сквозь скалу, которой кастримитские рогги перегородили их. В одном из них камни завалили проход. Некоторые из солдат погибли, их трупы остывают. Остальные солдаты разбирают завал. На это уйдет как минимум несколько дней.

Но в остальных — *гребаная ржавь* — они обнаружили и обезвредили заряды. Ты ощущаешь едкий вкус неиспользованного химического потенциала и кислинку кровожадного пота; они беспрепятственно продвигаются в нижнюю Кастриму и уже на полпути к Смотровой Площадке. Через несколько минут первые из них, несколько десятков Опор с длинными ножами, арбалетами, пращами и копьями, столкнутся с защитниками

общины. Еще сотни хлынут в туннель за ними.

Ты знаешь, что должна сделать.

Ты уходишь от сближения. Теперь под тобой раскинулся лес вокруг Кастримы. Еще более широкий вид — теперь ты ощущаешь края кастримского плато и ближайшее снижение лесной впадины. Теперь очевидно, что там некогда было море, а до него ледник, и еще много что.

Так же очевидно, что узлы света и огня, составляющие жизнь региона, разбросаны по лесу. Их больше, чем ты думала, хотя большая их часть в спячке, или они спрятались, или еще как-то обороняются против наступления Зимы. Вдоль реки очень яркое свечение: кипячи кишат по обоим берегам, плато и во впадине за ним.

Ты начинаешь с реки, тихонько замораживая почву, воздух и камни по всей ее длине. Ты делаешь это пульсирующими волнами, холодно, холоднее и еще чуть холоднее. Ты снижаешь давление воздуха внутри круга холода, который ты формируешь, в результате чего поднимается ветер, который дует внутрь круга, в направлении Кастримы. Это поощрение и предупреждение: *двигайтесь и выживете. Останьтесь на месте — и я заморожу вас, маленькие ублюдки, насмерть.*

Кипячи двигаются. Ты видишь их как волну

яркого тепла, которая выплескивается из подземных гнезд и наземных кормовых куч, которые они сформировали вокруг множества жертв, — сотни гнезд, миллионы жуков, ты понятия не имела, что лес Кастримы настолько ими заражен. Предупреждение Тонки насчет недостатка мяса бессмысленно и слишком запоздало, вы никогда не смогли бы соревноваться с такими успешными хищниками. Вам все равно придется быть готовыми попробовать на вкус человеческую плоть.

Но не здесь и не сейчас. Кольцо холода вокруг территории Кастримы замкнуто, и ты направляешь его энергию внутрь волнами, толкаешь, направляешь. Жуки *быстры* — и, ржавь преисподней, они умеют летать. Ты забыла о надкрыльях.

И… о, жгучий Земля. Внезапно ты рада, что ты можешь только сэссить то, что происходит наверху, а не видеть и слышать это.

То, что ты ощущаешь, нарисовано давлением, температурой, химией и магией. Вот яркая живая группа реннанитских солдат, втиснутых в ограниченное камнем и деревом пространство, и вот рой раскаленных добела жуков достигает его. Сквозь основание дома ты сэссишь топот ног, хлопанье дверей, более мясистые звуки па-

дения тел друг на друга и на пол. Мини-встряски паники. Очертания солдат горят ярче на фоне окружающей среды, когда жуки принимаются за работу, исходя кипящим паром.

Тертейсу Охотнику Кастриме не повезло — до него добралось лишь несколько жуков, потому он не умер. А здесь по нескольку десятков жуков на каждого солдата, они покрывают все доступные участки кожи, и это милосердно. Они недолго мечутся, ваши враги, и один за другим дома верхней Кастримы снова становятся тихими и молчаливыми.

(Сеть дрожит в твоем ярме. Никому из остальных это не нравится. Ты твердо подгоняешь их, заставляя выполнять задачу. Сейчас не до милосердия.)

Теперь жуки проникают в фундамент, падают на собравшихся там солдат сверху, находят потайные туннели, ведущие в Кастриму. Ты еще больше опираешься на силу шпинели, пытаясь сэссить, какие из живых точек в туннелях солдаты-реннаниты, а какие — защиты Кастримы. Они сцепились в драке. Ты должна помочь своим — *ах* — ржавь сраная. Юкка противится твоему контролю, и хотя ты слишком погружена в сеть, чтобы слышать, что она говорит, ты улавлива-

ешь ее мысль.

Ты знаешь, что должна делать.

Потому ты вытаскиваешь кусок стены и запечатываешь ею туннели. Некоторые Опоры и Инноваторы Кастримы остаются на кипящей ее стороне, некоторые из реннанитов — на безопасной. Но никто не получает всего, чего хочет. Сквозь камень туннеля ты невольно сэссишь вибрацию криков.

Но прежде чем ты заставляешь себя не обращать внимания, слышится другой крик, ближе, вибрация, которую ты воспринимаешь барабанными перепонками, а не сэссапинами. В испуге ты начинаешь распутывать сеть — но недостаточно быстро, совсем недостаточно прежде, чем что-то дергает твое ярмо. Ломает его, ты и все прочие рогги валитесь друг на друга и гасите торусы друг друга, когда ты выходишь из настройки. Что за ржавь? Что-то оторвало вас двоих друг от друга.

Ты открываешь глаза и понимаешь, что лежишь, растянувшись, на деревянной платформе, больно подвернув под себя одну руку, уткнувшись лицом в ящик. Растерянная, стонущая — колени у тебя подгибаются, ярмом быть трудно — ты заставляешь себя подняться.

— Юкка? Что это было?..

За ящиками слышен какой-то звук. Аханье. Скрип дерева платформы у тебя под ногами, когда что-то невероятно тяжелое давит на подпорки. Хруст камня, настолько пугающе громкий, что ты вздрагиваешь, даже осознавая, что слышала такой звук прежде. Схватившись за ящик и деревянные перила, ты поднимаешься на колено. Этого достаточно, чтобы ты увидела:

Хоа. В позе, которую твой разум тут же бессознательно называет *Воином*, стоит, вытянув руку. В ней голова. Голова *камнееда*, с кудрявой перламутровой гривой, с оторванной челюстью. Остальная часть камнееда, от нижней челюсти до ног, стоит перед Хоа, застыв, словно к чему-то тянется. Ты видишь лицо Хоа анфас. Оно не движется, не жует, но на его красиво вырезанных каменных губах видна бледная пыль. На левой стороне затылка камнееда зияет дыра размером с укус. Вот откуда был знакомый хруст.

Через мгновение останки камнееда *рассыпаются*, и ты осознаешь, что поза Хоа изменилась и его кулак пробил торс камнееда. Затем его взгляд смещается к тебе. Ты не видишь, чтобы он что-то глотал, но ему в любом случае для разговора не нужен рот.

— Камнееды Реннаниса пришли за орогенами Кастримы.

О, Злой Земля. Ты заставляешь себя подняться, хотя голова у тебя кружится и тебя пошатывает.

— Сколько их?

— Достаточно. — Голова Хоа в мгновение ока отворачивается к Смотровой Площадке. Ты смотришь туда и видишь там горячую схватку — люди Кастримы отбиваются от реннанитов, которые пробились по туннелю. Среди атакующих ты замечаешь Данель, отмахивающуюся парными клинками от двух ближайших Опор, рядом Эсни требует другой арбалет — ее заклинило. Она бросает бесполезное оружие и выхватывает точеный агатовый кинжал, сверкающий белым на свету, затем бросается в схватку с Данель. Затем твое внимание привлекает то, что находится ближе, где Пенти запуталась в веревках моста. Ты видишь почему: на металлической платформе у нее за спиной стоит другая странная камнеедка, цитриново-золотистая с ног до головы, за исключением белой слюды на губах. Она стоит, вытянув руку, согнув пальцы, словно подзывает Пенти к себе. Пенти далеко от тебя, футах в пятидесяти, наверное, но ты видишь слезы на лице девочки, пока она пытается выпутаться из веревок. Одна

ее рука безвольно висит. Сломана.

Ее рука сломана. У тебя все волосы на теле встают дыбом.

— Хоа.

Слышится глухой удар о деревянную платформу, когда он бросает голову соперника.

— Иссун.

— Мне надо быстро попасть наверх. — Ты сэссишь это там, наверху, магически, оно нависающее и громадное. Оно было там все время, но ты уклонялась. Слишком много для того, что тебе было нужно прежде. Но ровно столько нужно тебе сейчас.

— Наверху все кишит кипячами, Иссун. Ничего, кроме них. — Юкка стоит, привалившись к стене кристалла. Ты хочешь предостеречь ее — камнееды могут передвигаться сквозь кристаллы, — но времени нет. Будешь тянуть, они и так ее достанут.

Ты мотаешь головой и, шатаясь, шагаешь к Хоа. Он не может подойти к тебе, он настолько тяжел, что деревянная платформа только чудом еще не рухнула под ним. Поза его снова изменилась, теперь другой камнеед — лишь обломки, валяющиеся вокруг; Хоа положил руку на стенку кристалла, во всем остальном повернувшись к

тебе. Его другая рука протянута к тебе жестом приглашения. Ты вспоминаешь день на берегу реки после того, как Хоа упал в грязь. Ты протянула ему руку, чтобы помочь подняться, не осознавая веса его алмазных костей и невообразимо древних преданий. Он отказал тебе в хранении его тайны, и ты была уязвлена, хотя и пыталась не поддаваться.

Его рука холодна по сравнению с теплом Кастримы. Твердая — хотя он сэссится не совсем как камень, в мимолетном изумлении осознаешь ты. У его плоти странная текстура. Она еле заметно поддается под нажатием. У него есть отпечатки пальцев. Это удивляет тебя. Затем ты смотришь ему в лицо. Он изменил выражение — это уже не холодность, с которой он убивал врага. Теперь на его лице слабая улыбка.

— Конечно, я помогу тебе, — говорит он. В нем по-прежнему столько от того мальчика, что ты почти улыбаешься в ответ. Нет времени разбираться с этим дольше, поскольку вся Кастрима вмиг размывается белым вокруг тебя, затем она сменяется черной, как земля, тьмой. Рука Хоа лежит в твоей, так что ты не паникуешь.

Затем ты стоишь перед павильоном верхней Кастримы, среди мертвых и умирающих. Вокруг

тебя на дорожках и плитах павильона лежат солдаты Реннаниса, их тела содрогаются, некоторые невозможно различить под ковром насекомых, очень немногие еще ползают и кричат. Стол, на котором Данель замышляла план атаки, перевернут; по нему ползают жуки. И снова этот запах мяса в рассоле. Воздух кишит кипячами и колышется от ветерка, созданного тобой.

Один из жуков устремляется к тебе, и ты пятишься. Через мгновение на месте жука возникает рука Хоа, роняя горячую воду, пока затихает свист раздавленного насекомого.

— Подняла бы ты торус, — советует он. Ржавь. Он прав. Ты идешь от него, чтобы сделать это безопасно, но он чуть крепче сжимает твою руку. — Орогения не может мне повредить.

У тебя под рукой куда больше могущества, чем просто орогения, но он в курсе, так что все нормально. Ты поднимаешь высокий крепкий торус вокруг себя, кружащийся снегом вымороженной влаги, и кипячи тут же начинают избегать тебя. Возможно, они находят добычу, чуя тепло тела. Это все пустое. Ты поднимаешь взгляд на черноту, загораживающую небо. Оникс не похож ни на один обелиск, который тебе приходилось видеть. Большинство из них двухконечные гексагональ-

ные или октагональные колонны — хотя ты видела несколько неидеальных или с неровными концами. Этот же яйцеобразный кабошон, медленно нисходящий по твоему зову сквозь слой облаков, скрывавший его с момента прибытия несколько недель назад. Ты даже не представляешь его размеров, но, когда ты поворачиваешь голову, чтобы обозреть купол небес над верхней Кастримой, оникс почти заполняет его, от южного до северного горизонта, от затянутого серыми облаками до подсвеченного красным. Он ничего не отражает и не блестит. Когда ты вглядываешься в него — это на удивление трудно сделать без подобострастия, — только скользящие вдоль его краев облака говорят тебе, что он действительно нависает над Кастримой. Если смотреть на него, он ощущается ближе. Прямо над тобой. Только руку протянуть… но часть тебя в ужасе от этого.

Слышится сотрясающий слои гул, когда шпинель падает наземь у тебя за спиной, словно падая ниц перед этой громадностью. Или, возможно, это лишь потому, что оникс здесь и тянет тебя, втягивает в себя, наверх…

… о, Земля, он тянет тебя так *быстро*…

…от тебя не осталось ничего, чтобы ты могла управлять каким-либо другим обелиском.

Тебе нечего отдать. Ты падаешь вверх, летишь в пустоту, которая не столько тянет тебя, сколько высасывает тебя. На примере других обелисков ты научилась подчиняться их потоку, но ты сразу понимаешь, что здесь этого делать нельзя. Оникс поглотит тебя целиком. Но и сражаться с ним ты не можешь; он разорвет тебя.

Лучшее, что тебе удается сделать, — достичь шаткого равновесия, в котором ты тянешь наперекор ему и все же плывешь сквозь его пустоты. И слишком много его уже в тебе. Тебе нужно использовать его силу или, или, но нет, что-то не так, что-то ускользает от равновесия, внезапно вокруг тебя хлещет свет, и ты осознаешь, что запуталась в миллиардах, квинтильонах нитей магии, и они сжимаются.

На ином плане бытия ты кричишь. Это было ошибкой. *Он пожирает тебя*, и это ужасно. Алебастр был неправ. Пусть лучше камнееды перебьют всех до единого рогг в Кастриме и уничтожат общину, чем умирать вот так. Пусть лучше Хоа сгрызет тебя своими прекрасными зубами; по крайней мере он тебе нравится.

ты его любишь

лю лю лю любишь

Всплеск натяжения магии во всех направлени-

ях. Световая кристаллическая решетка внезапно вспыхивает на черном фоне. *Ты видишь*. Это настолько дальше твоего обычного радиуса, что практически недоступно пониманию. Ты видишь Спокойствие, все целиком. Ты видишь половину оболочки этой стороны планеты, ощущаешь ароматы другой стороны. Это чересчур — и, огонь подземный, ты дура. Алебастр говорил же тебе: сначала сеть, потом Врата. Ты не можешь сделать этого в одиночку; тебе нужна маленькая сеть для амортизации большей. Ты снова тянешься к орогенам Кастримы, но не можешь охватить их. Их теперь меньше, они вспыхивают и гаснут, едва ты касаешься их, и они слишком перепуганы даже для тебя.

Но прямо рядом с тобой небольшая гора силы — Хоа. Ты даже не пытаешься тянуться к нему, поскольку эта сила чуждая и пугающая, но он сам тянется к тебе. Стабилизирует тебя. Крепко держит. Что позволяет тебе в конце концов вспомнить — *оникс ключ*.

Ключ открывает Врата.

Врата активируют сеть…

Внезапно оникс пульсирует глубоко, как магма, и тяжело, как земля вокруг тебя.

О, Земля, не сеть орогенов, он говорил о сети…

Шпинель первая, прямо здесь. Потом топаз, его яркая воздушная сила легко поддается тебе. Дымчатый кварц. Аметист, старый твой друг, тащившийся за тобой от Тиримо. Кунцит. Нефрит.

о

Агат. Яшма, опал, цитрин…

Ты открываешь в крике рот и не слышишь себя.

Рубин сподумен АКВАМАРИН ПЕРИДОТ

— Слишком много! — Ты не знаешь, кричишь ли ты эти слова мысленно или вслух. — Слишком много!

Гора рядом с тобой говорит:

— Ты нужна им, Иссун.

И все мгновенно фокусируется. Да. Врата Обелисков открываются только ради конкретной цели.

Вниз. Стены жеоды. Мерцающие колонны протомагии, из которой создана Кастрима. Ты сэссишь-чувствуешь-знаешь примеси в их структуре. Тем, что ползут по ее поверхности, ты дозволяешь это.

(Юкка, Пенти, все прочие рогги и зависящая от них жизнь общины и глухачей. Ты всем им нужна.)

Но есть и те, кто примешался к кристалличе-

ской решетке кристаллов, текут по нитям их материи и магии, рыщут в камне вокруг оболочки жеоды, как паразиты, пытающиеся вгрызться в нее. Они тоже подобны горам — но они не *твоя* гора.

Нарвался не на того роггу, так сказал Хоа о своем заточении. Ну так эти ржавые камнееды тоже так попали.

Ты снова кричишь, на сей раз от усилия, от гнева. РАЗ — и ты ломаешь решетки и рвешь магические нити, перестраивая их по собственному замыслу. ДВА — и ты поднимаешь целые колонны кристаллов, бросая их, словно копья, и давя своих врагов. Ты ищешь Серого Человека, камнееда, ранившего Хоа, но его нет среди гор, угрожающих твоему дому. Они лишь его прихвостни. Отлично. Ты отправишь ему послание, написанное их страхом.

Когда ты заканчиваешь, ты запечатала не менее пяти камнеедов в кристаллах. На самом деле это легко, раз им хватило дури проникать по ним у тебя на виду. Они включаются в кристалл, а ты просто исключаешь их, замораживая их там, как жуков в янтаре. Остальные разбегаются.

Некоторые бегут на север. Это неприемлемо. И сейчас расстояние для тебя ничто. Ты подбира-

ешься и разворачиваешься, и снова вонзаешься вниз, и вот он, Реннанис, в гнезде своей решетки узлов, как паук среди замотанных в паутину высосанных досуха жертв. Врата предназначены для действий планетарного масштаба. Тебе ничего не стоит загнать силу вниз и сделать с каждым жителем Реннаниса то, что ты сделала с женщиной, готовой забить Пенти насмерть. Убийцы есть убийцы. Так легко скручивать мерцающее серебро между их клетками, пока те не затихают, не твердеют. Каменеют. Дело сделано, и Кастрима выиграла войну в мгновение ока.

Теперь это опасно. Теперь ты понимаешь — задействовать силу сети обелисков без фокуса означает *стать* ее фокусом и погибнуть. Теперь, когда Кастрима спасена, мудро было бы демонтировать Врата и выйти из связи прежде, чем они тебя уничтожат.

Но тебе нужно еще кое-что помимо безопасности Кастримы.

Врата, понимаешь ли, похожи на орогению. Без сознательного контроля они отвечают на все пожелания, даже будь это желание уничтожить мир. И ты не будешь этого контролировать. Не можешь. Это желание жизненно важно для тебя, как твое прошлое или твоя ощетинившаяся лич-

ность или многократно разбитое сердце.

Нэссун.

Твое сознание вращается. На юг. Отслеживает.

Нэссун.

Вмешательство. Это больно. Жемчуг алмаз сапфир. Он сопротивляется, будучи затянутым в сеть Врат. Ты едва замечала это прежде, ошеломленная десятками, сотнями обелисков, но сейчас замечаешь из-за

НЭССУН

ЭТО ОНА

Это твоя дочь, это Нэссун, ты знаешь эту ее невозмутимую сложность, как свою душу и сердце, *это она, написано на этом обелиске,* и ты нашла ее, она жива.

Выполнив свою (твою) цель, Врата начинают автоматически распадаться. Остальные обелиски отсоединяются; оникс в конце концов освобождает тебя, хотя и с еле заметной холодной неохотой. В другой раз.

И когда ты оседаешь и валишься на бок, поскольку что-то внезапно выбивает тебя из равновесия, тебя подхватывают под руки и ставят на ноги. Ты едва поднимаешь голову. Твое тело кажется чужим, тяжелым, словно ты завязла в камне. Ты не ела много часов, но не ощущаешь

голода. Ты знаешь, что выложилась сверх предела, но не чувствуешь усталости.

Вокруг тебя горы.

— Отдохни, Иссун, — говорит та, которую ты любишь. — Я позабочусь о тебе.

Ты киваешь тяжелой, как булыжник, головой. Затем твое внимание привлекает иное присутствие, и ты заставляешь себя посмотреть на нее в последний раз. Перед тобой стоит Сурьма, бесстрастная, как всегда, но тем не менее в ней есть нечто успокаивающее. Ты инстинктивно понимаешь, что она не враг.

Рядом с ней стоит другой камнеед: высокий, стройный, немного неловкий в своих «одеждах». Он белый с ног до головы, хотя черты его лица как у восточного побережника — полные губы, длинный нос, высокие скулы и тщательно вырезанные курчавые волосы. Только глаза черные, и хотя они смотрят на тебя лишь с легким узнаванием, с озадаченным мерцанием чего-то, что может быть (но не обязано) воспоминанием… его глаза чем-то знакомы.

Какая ирония. Ты впервые видишь алебастрового камнееда.

И тут ты отключаешься.

* * *

Что если он – не мертв?

– Письмо Ридо Инноватора Дибарс в Седьмой университет, доставленное курьером из квартента и общины Аллия после подъема гранатового обелиска, полученное через три месяца после получения известия о разрушении Аллии телеграфом. Адресат неизвестен.

Интерлюдия

Ты падаешь в мои объятия, и я отношу тебя в безопасное место.

Безопасность относительна. Ты отогнала моих отвратительных братьев, тех моих сородичей, что убили бы тебя за то, что не могут тебя контролировать. Однако, спускаясь в Кастриму и выходя в спокойное знакомое пространство, я ощущаю привкус железа среди запахов дерьма, смрадного дыхания и прочих запахов плоти — и дыма. Это железо — тоже запах плоти: того варианта железа, что содержится в крови. Снаружи на мостиках и ступеньках лежат трупы. Один даже болтается на подъемном тросе. Бой по большей части закончен. Во-первых, захватчики поняли, что попали в ловушку между кишащей насекомыми поверхностью и врагами, у которых теперь численное превосходство, поскольку армия вторжения перебита. Те, кто хочет жить, сдаются; кто боится еще более страшной смерти, бросаются на мечи или кристаллы Кастримы.

Второе, что остановило сражение, — неоспори-

мый факт того, что жеода сильно повреждена. По всей общине некогда светящиеся кристаллы теперь неровно мерцают. Один из самых длинных отделился от стены и разбился, засыпав пол жеоды осколками и пылью. На нижнем уровне прекратилась подача теплой воды в общинный бассейн, хотя порой труба выдает случайные плевки. Несколько кристаллов общины совсем потемнели, умерли, треснули — но в каждом виден еще более темный образ, застывший, плененный. Гуманоидный.

Дураки. Это вам за то, что разозлили мою роггу.

Я укладываю тебя в постель и обеспечиваю, чтобы рядом были вода и еда. Кормить тебя будет трудно теперь, когда я сбросил поспешный камуфляж, который носил, чтобы подружиться с тобой, но, скорее всего, тут окажется кто-то другой прежде, чем я буду вынужден попытаться. Мы в комнате Лерны. Я уложил тебя в его постель. Думаю, ему понравится. И тебе тоже, как только захочешь снова ощутить себя человеком.

Я не обижен на тебя за эти связи. Они нужны тебе.

(Я не обижен на тебя за эти связи. Они нужны тебе.)

Но я тщательно укладываю тебя, чтобы тебе было удобно. И кладу твою руку поверх одеяла, чтобы, как только ты очнешься, ты поняла, что должна сделать выбор.

Твою правую руку, которая стала коричневой, твердой, концентрированной магией. В этом нет жестокости; твоя плоть чиста, совершенна, здорова. Каждый атом там, где должен быть, магическая кристаллическая решетка точна и крепка. Я легонько прикасаюсь к ней, хотя мои пальцы едва ощущают давление. Остаточное желание плоти, которую я так недавно носил. Справлюсь.

Твоя каменная рука застыла сжатым кулаком. По ее тыльной части идет трещина, перпендикулярная косточкам. Даже когда магия трансформировала тебя, ты боролась. (Ты боролась. Такой ты и должна быть. Ты всегда боролась.)

Ах, я становлюсь сентиментальным. Несколько недель ностальгии во плоти, и я забываю себя.

Так я жду. И через несколько часов или дней, когда Лерна возвращается к себе, воняя чужой кровью и собственной усталостью, он замирает при виде меня на страже в его гостиной.

Его оцепенение длится лишь мгновение.

— Где она?

Да. Он достоин тебя.

— В спальной. — Он тут же идет туда. Мне незачем идти за ним. Он вернется. Чуть позже — через несколько минут или часов, я знаю эти слова, но они значат так мало — он возвращается в гостиную, где я стою. Он тяжело садится и трет лицо.

— Она выживет, — не к месту говорю я.

— Да. — Он знает, что это кома, и будет за тобой ухаживать, пока ты не очнешься. Мгновением позже он роняет руки и смотрит на меня. — Ты этого не сделал, ну... — Он облизывает губы. — Ее рука.

Я прекрасно понимаю, о чем он.

— Только с ее разрешения.

Его лицо дергается. Я испытываю легкое отвращение прежде, чем успеваю вспомнить, что не так давно я тоже был в постоянном, влажном движении. Рад, что все закончилось.

— Как благородно, — говорит он тоном, предполагающим оскорбление.

Не более благородно, чем его решение не есть твоей другой руки. Некоторые вещи всего лишь приличие.

Чуть позже, вероятно, не через годы, поскольку

он не шевелился, возможно, часы, поскольку у него такой усталый вид, он говорит:

— Не знаю, что нам делать. Кастрима гибнет. — И, словно подчеркивая его слова, кристалл вокруг нас на миг гаснет, погружая нас во тьму, раздражающе подсвеченную светом из другого жилища. Затем свет снова вспыхивает. Лерна выдыхает, в его выдохе много альдегидов страха.

— Мы неприкаянные.

Незачем упоминать, что они стали бы такими же неприкаянными, если бы их врагам удалось убить Иссун и прочих орогенов. Он поймет это в конце концов, по-своему трудно, тяжело. Но поскольку он кое-чего не знает, я говорю это вслух.

— Реннанис мертв, — говорю я. — Иссун убила его.

— Что? — Он слышал меня. Он просто не верит тому, что слышал. — Ты хочешь сказать… она заморозила их? Отсюда?

Нет, она использовала магию, но все, что сейчас имеет значение, — это:

— Все в его стенах сейчас мертвы.

Он обдумывает это целую вечность или несколько секунд.

— В экваториальном городе должны быть обширные запасы. Нам на много лет хватит. —

Затем он сдвигает брови. — Но отправиться туда и принести назад столько добра — это же целый подвиг.

Он не дурак. Я думаю о прошлом, пока он соображает. Когда он ахает, я снова обращаю на него внимание.

— Реннанис пуст. — Он смотрит на меня, встает и начинает расхаживать по комнате, топая и плюхая. — Злой Земля — Хоа, вот ты о чем! Целые стены, дома, хранилища… и, ржавь, не с кем сражаться за все это! В эти дни никто в здравом уме не идет на север. Мы могли бы там поселиться!

Наконец-то. Я возвращаюсь к размышлениям, пока он бормочет, и ходит, и, наконец, смеется. Но тут Лерна останавливается и смотрит на меня сузившимися от подозрения глазами.

— Ты для нас ничего не делаешь, — говорит он. — Только для нее. Зачем ты мне это рассказываешь?

Я складываю губы изгибом, и его челюсть твердеет от отвращения. Мне-то что.

— Иссун хочет безопасного места для Нэссун, — говорю я. Молчание, возможно, проходит час. Или мгновение.

— Она не знает, где Нэссун.

— Врата Обелисков дают достаточную четкость видения.

Вздрагивание. Я вспоминаю слова для этого движения — вздрагивание, вдох, сглатывание, гримаса.

— Огонь подземный. Тогда… — Он мрачнеет и смотрит на полог перед спальной.

Да. Когда ты очнешься, ты захочешь найти свою дочь. Я вижу, как осознание этого смягчает выражение лица Лерны, снижает напряжение его мышц, расслабляет позу. Я понятия не имею, что все это значит.

— Почему? — У меня уходят годы на осознание того, что он говорит со мной, а не с собой. Однако, когда я это понимаю, он заканчивает вопрос. — Почему ты остаешься с ней? Ты просто… голоден?

Я справляюсь с желанием размозжить ему голову.

— Конечно же, потому, что я люблю ее. — Вот, мне удалось сохранить цивилизованный тон.

— Конечно. — Голос Лерны звучит тихо.

Конечно.

Он выходит, чтобы передать мою информацию другим лидерам общины. За этим следует столетие или неделя кипучей деятельности, пока

остальные общинники пакуются и собираются с силами для явно долгого, изнурительного и — для многих — смертельного путешествия. Но выбора у них нет. Такова жизнь Зимой.

Спи, любовь моя. Исцеляйся. Я постою на страже и буду рядом, когда ты снова отправишься в путь. Конечно. Смерть тоже выбор. Я позабочусь об этом ради тебя.

(Но не для тебя.)

20. Нэссун, ограненная

Но еще…

Я слушаю сквозь землю. Я слышу эти вибрации. Когда вырезан новый ключ, его бородка оформлена и заточена достаточно, чтобы он мог связаться с обелисками и заставить их петь, мы все это узнаем. Те из нас, кто… надеется… ищут этого певца. Мы навеки лишены способности повернуть ключ сами, но мы можем повлиять на направление его поворота. Когда какой-либо обелиск резонирует, можешь быть уверена, что кто-то из нас рыщет поблизости. Мы разговариваем. Потому я и знаю.

* * *

Нэссун просыпается среди ночи. В бараках темно, так что она старается не наступать на самые скрипучие половицы, надевает ботинки и пальто и выходит из комнаты. Никто из остальных не шевелится, если и замечает. Они, вероятно, думают, что ей надо выйти по нужде.

Снаружи тихо. Небо на востоке начинает светлеть, хотя сейчас это сложнее заметить, поскольку пепельные облака стали плотнее. Она

идет к вершине холма к началу тропинки вниз и замечает в Джекити несколько огней. Некоторые из фермеров и рыбаков проснулись. В Найденной Луне же все тихо. Так что же тревожит ее разум? Это ощущение раздражающее, липкое, словно что-то запуталось у нее в волосах и надо это оттуда убрать. Ощущение сосредоточено в ее сэссапинах — нет. Глубже. Оно тянет за свет в ее позвоночнике, серебро между клетками, нити, что связывают ее с землей, Найденной Луной и Шаффой, и сапфиром, парящим за облаками над Джекити, видимым порой, когда облака расходятся. Это раздражение… на севере.

На севере что-то происходит.

Нэссун поворачивается следом за ощущением, взбирается по холму к мозаике тигля, останавливается в центре, когда ветер взметает ее волосы. Отсюда ей как на карте виден окружающий Джекити лес: круглые кроны и случайные выходы ленточного базальта. Какой-то частью себя она ощущает перемещение сил, вибрирующие эхом линии, связи, усиление. Но чего? Чего-то громадного.

— Ты чувствуешь открытие Врат Обелисков, — говорит Сталь. Ее не удивляет, что он внезапно оказался рядом с ней.

— Больше одного обелиска? — спрашивает Нэссун, поскольку она их сэссит. *Намного* больше.

— Все, расположенные над этой частью континента. И сотая часть великого механизма, снова работающего так, как предназначено.

Голос Стали, на удивление приятный баритон, звучит в этот момент тоскливо. Нэссун обнаруживает, что ей интересна его жизнь, его прошлое, был ли он когда-нибудь ребенком вроде нее. Это кажется невозможным.

— Столько мощи. Через Врата идет канал к самому сердцу планеты… а она использует их на такие пустяки. — Слабый вздох. — Как и их первоначальные создатели. Полагаю.

Каким-то образом Нэссун понимает, что Сталь говорит о ее матери. Мама жива, разозлена и полна такой чудовищной силы.

— Какие пустяки? — заставляет себя спросить Нэссун.

Глаза Стали поворачиваются к ней. Она не спросила, о чьей цели — ее матери или тех древних людей, которые создали и развернули обелиски.

— Уничтожение одного из своих врагов, естественно. Мелкая эгоистическая цель, которая в конкретный момент ощущается великой — хотя и не без последствий.

Нэссун раздумывает о том, что поняла, сэссила и увидела в мертвых улыбках двух других Стражей.

— Отец-Земля нанес ответный удар, — говорит она.

— Любой будет отбиваться от тех, кто хочет тебя поработить. Это можно понять, не так ли?

Нэссун закрывает глаза. Да. Это все действительно можно понять, когда она об этом думает. Путь мира не в том, чтобы сильный пожирал слабого, но слабый обманывает, отравляет, нашептывает сильному, пока тот сам не становится слабым. А потом — сломанные руки, серебристые нити, сплетающиеся в канаты, и матери, которые передвигают землю, чтобы уничтожить своих врагов, но неспособные спасти одного маленького мальчика.

(Девочку.)

У Нэссун никогда не было никого, кто бы спас ее. Мать предупреждала, что такого никогда не будет. Если Нэссун хочет освободиться от страха, ей придется самой себе выковать свободу — иного пути нет.

Потому она медленно оборачивается к отцу, который тихо стоит у нее за спиной.

— Сладкая моя, — говорит он. Обычно он об-

щается с ней именно таким голосом, но она понимает, что это фальшь. Глаза его холодны, как тот лед, которым она несколько дней назад покрыла его дом. Челюсти напряжены, он чуть дрожит. Она смотрит на его крепко сжатый кулак. В нем нож — красивый, из красного опала, самая любимая из последних его работ. У него легкий радужный перелив и гладкий блеск, полностью маскирующий бритвенную остроту его отточенных краев.

— Привет, пап, — говорит она. Она бросает взгляд на Сталь, который явно знает о намерениях Джиджи. Но серый камнеед даже не удосужился отвернуться от предрассветного леса или северного неба, где происходит столько меняющих землю событий.

Ладно же. Она снова поворачивается к отцу:

— Мама жива, пап.

Если эти слова что-то значат для него, он не показывает. Он просто продолжает стоять, глядя на нее. Особенно ей в глаза. У нее всегда были глаза ее матери.

Внезапно это теряет значение. Нэссун вздыхает и трет лицо руками, усталая, как сам Отец-Земля, наверное, после целой вечности ненависти. Ненависть утомляет. Нигилизм проще, хотя она не

знает этого слова и несколько лет еще не будет знать. Но это то, что она ощущает: всеобъемлющее чувство бессмысленности всего этого.

— Мне кажется, я понимаю, почему вы нас ненавидите, — говорит она отцу, роняя руки. — Я делала плохие вещи, наверное, так, как ты и думал. Я не знаю, как их *не* делать. Это все равно как если бы все хотели, чтобы я была плохой, так что иной я и не могла стать. — Она мнется, затем высказывает то, что держала в себе столько месяцев. Она не думает, что у нее будет другой шанс это сказать. — Я хотела бы, чтобы ты все равно любил меня, пусть я и плохая.

Говоря это, она думает о Шаффе. О Шаффе, который любит ее, несмотря ни на что, как следовало бы отцу.

Джиджа просто продолжает смотреть на нее. Где-то в тишине, на плане восприятия, отведенном сэсуне и ощущению серебряных нитей, как бы оно ни называлось, Нэссун чувствует, как теряет сознание ее мать. Точнее, как влияние ее матери на подвижную, мерцающую сеть обелисков внезапно заканчивается. Даже не коснувшись ее сапфира.

— Прости, папа, — говорит в конце концов Нэссун. — Я пыталась продолжать тебя любить, но

это слишком тяжело.

Он намного крупнее ее. Вооружен — а она нет. Он движется громоздко, как гора, пригнувшись, всем телом, сначала медленно, потом разгоняясь до неостановимости. Она весит едва ли сотню фунтов. У нее нет шанса.

Но в тот момент, когда она ощущает сокращение отцовских мускулов — маленькими вибрирующими сотрясениями земли и воздуха, — она направляет свое сознание вверх единственной звонкой командой.

Сапфир преобразуется в мгновение ока. Это вызывает сотрясение воздуха, который устремляется внутрь, заполняя вакуум с самым громким громовым раскатом, который только слышала Нэссун. Джиджа, наполовину в выпаде, пугается и спотыкается, поднимая взгляд вверх. Через мгновение сапфир врезается в землю перед Нэссун, раздробив центральный камень мозаики в тигле и вдавив землю в радиусе шести футов вокруг нее.

Это не тот сапфир, который она видела прежде, хотя их тождество за пределами таких вещей, как размер. Когда она протягивает руку, чтобы взяться за рукоять длинного мерцающего клинка из голубого камня, она немного падает в него.

Вверх, сквозь водянистые грани света и тени. Внутрь, в землю. Прочь, скользя по другим частям целого, именуемого Вратами. Эта штука в ее руке — тот же самый, чудовищный, как гора, генератор серебристой силы, которым всегда и был. Тот же инструмент, только сейчас более универсальный.

Джиджа смотрит на него, затем на нее. Какое-то мгновение он колеблется, и Нэссун ждет. Если он повернется, побежит… он ведь был ей отцом. Помнит ли он об этом? Она хочет, чтобы помнил. Ничто между ними не будет прежним, но ей хочется, чтобы это время для него имело значение.

Нет. Джиджа снова наступает на нее, с криком занося нож.

И Нэссун поднимает сапфировый клинок с земли. Он почти с нее ростом, но не весом; сапфир парит, в конце концов. Он просто парит перед ней, а не над ней. По правде говоря, она и не поднимает его. Она хочет, чтобы он сменил положение, и он меняет. Он перед ней. Между ней и Джиджей, так что, когда Джиджа наклоняется, чтобы пырнуть ее, он налетает прямо на него. Это дает ей с легкостью, неизбежно разделаться с ним при помощи ее силы.

Она не убивает его льдом. Нэссун по большей

части в эти дни использует серебро вместо орогении. Перегруппировка тела Джиджи более контролируема, чем Эйтца, по большей части потому, что она осознает, что делает, и потому, что делает это целенаправленно. Джиджа начинает превращаться в камень, начиная с точки контакта с обелиском.

Но Нэссун не учитывает инерции, которая проносит Джиджу дальше, даже когда он отводит взгляд от сапфира, изворачивается, видит, что происходит с его плотью, и набирает воздуха, чтобы закричать. Он не успевает закончить вдоха, прежде чем его легкие каменеют. Но он успевает закончить выпад, хотя уже утратил равновесие и контроль, и это скорее падение, чем нападение. Но это падение с направленным в цель ножом, и он попадает Нэссун в плечо. Целился он ей в сердце.

Боль от удара внезапна и чудовищна и сразу же нарушает концентрацию Нэссун. Это плохо, поскольку сапфир вспыхивает, как ее боль, уходит в свое полуреальное состояние и обратно, когда она ахает и шатается. Это приканчивает Джиджу в мгновение ока. Он полностью каменеет, превращаясь в статую с курчавой шевелюрой из дымчатого кварца и круглым лицом цвета охры,

одеждой из темно-синего серендибита, поскольку он оделся в темное, выйдя на охоту за дочерью. Но эта статуя стоит неподвижно лишь мгновение — потом вспышка сапфира посылает сквозь него рябь, как удар колокола.

Похоже на удар обращенной внутрь орогении вроде того, как некий Страж однажды убил человека по имени Иннон.

Джиджа рассыпается точно так же, хотя не так мокро. Он из хрупкого материала, сделан на скорую руку и плохо. Его осколки рассыпаются у ног Нэссун. Нэссун долгое болезненное мгновение смотрит на останки отца. За ее спиной, в Найденной Луне и Джекити, в домиках загораются огни. Громовой раскат сапфира разбудил всех. Там суматоха, голоса, хаотичное сэссенье и ощупывание земли.

Сталь смотрит на Джиджу вместе с ней.

— Это никогда не кончится, — говорит он. — Лучше не становится.

Нэссун не говорит ничего. Слова Стали падают в нее, как камень в воду, но по ней не расходятся круги.

— В конце концов ты убьешь всех, кого любишь. Мать. Шаффу. Всех твоих друзей в Найденной Луне. Иного пути нет.

Она закрывает глаза.

— Пути нет… кроме одного. — Тщательно выдержанная пауза. — Подсказать?

Подходит Шаффа. Она сэссит его, его жужжание, постоянную пытку той штуки у него в мозгу, которую он не хочет позволить ей удалить. Шаффа, который любит ее.

В конце концов ты убьешь всех, кого любишь.

— Да, — заставляет она себя сказать. — Скажи, как мне не… — Она осекается. Она не может сказать «не навредить им», поскольку уже стольким навредила. Она чудовище. Но должен быть способ сдержать ее чудовищную сущность. Ибо нужно покончить с угрозой существованию орогенов.

— Луна возвращается, Нэссун. Она была потеряна так давно, улетела, как мячик на резинке — но эта резинка тянет ее обратно. Если ее оставить как есть, она пройдет мимо и снова улетит; она уже несколько раз так делала.

Она видит один глаз отца в осколке его лица, глядящий на нее из груды обломков. У него были зеленые глаза, и теперь они стали дымчатым перидотом красивого оттенка.

— При помощи Врат ты можешь… подтолкнуть ее. Чуть-чуть. Исправить ее тра… — мягкий, смешливый звук. — Путь, которым следует Луна.

Вместо того чтобы дать ей пройти мимо снова потерявшейся скиталицей, верни ее домой. Отец-Земля тоскует по ней. Верни ее и дай им воссоединиться.

О. *О*. Она внезапно понимает, почему Отец-Земля хочет ее смерти.

— Это будет ужасно, — тихо говорит Сталь почти на ухо ей. Поскольку придвинулся ближе. — Это покончит с Пятым временем года. Со всеми временами года. И все же… ты не должна больше переживать того, что чувствуешь сейчас. Больше никто не будет страдать.

Нэссун поворачивается к Стали. Он склонился к ней почти с комическим лукавством на лице.

Затем подбегает Шаффа и останавливается перед ними. Он смотрит на останки Джиджи, и она замечает тот момент, когда он понимает, что он видит, — это волной проходит по его лицу. Он поднимает на нее льдистый взгляд, и она изучает его лицо, а нутро у нее сводит от предчувствия неизбежного наказания.

На его лице только страдание. Страх за нее, печаль от ее поведения, тревога за ее окровавленное плечо. Настороженность и защитный гнев, когда он сосредоточивается на Стали. Он по-прежнему ее Шаффа. Боль за Джиджу ослабе-

вает от его взгляда. *Шаффа* будет любить ее, чем бы она ни стала.

Потому Нэссун поворачивается к Стали и говорит:

— Расскажи мне, как вернуть Луну домой.

Приложения

Приложение 1
Перечень Пятых времен года или Зим, что были занесены в хроники до и после основания Экваториального Объединения Санзе От самых недавних к более древним

Удушливая Зима: 2714–2719 по Имперскому летоисчислению. Непосредственная причина: извержение вулкана. Локализация: Антарктика близ Деветериса. Извержение вулкана Акок окутало облаками тонкого пепла пространство радиусом в пять сотен миль. Этот пепел затвердевал в легких и на слизистых оболочках. Пять лет без солнца, хотя северное полушарие не так сильно пострадало (всего два года).

Кислотная Зима: 2322–2329 по Имперскому летоисчислению. Непосредственная причина: землетрясение выше десяти баллов. Локализация: неизвестно, далеко в океане. Внезапное смещение пластов привело к возникновению цепи вулканов на пути основного океанского течения. Это течение, идущее к западному побережью и в конце концов вокруг всего Спокой-

ствия, было отравлено кислотой. Большинство прибрежных поселений погибло от начального цунами, остальные ослабели или были вынуждены переселиться, когда их флоты и портовые сооружения пострадали от коррозии, а рыбная ловля заглохла. Затемнение атмосферы облаками длилось семь лет, уровень pH прибрежных вод много лет оставался непригодным для жизни.

Кипящая Зима: 1842–1845 по Имперскому летоисчислению. Непосредственная причина: взрыв горячей точки под большим озером. Локализация: Южное Срединье, квартент озера Теккарис. В результате извержения в атмосферу было выброшено несколько миллионов галлонов пара и макрочастиц, которые вызвали кислотные дожди и затемнение атмосферы над южной половиной континента в течение трех лет. Северная половина, однако, не пострадала, так что археоместы спорят, можно ли эту Зиму считать «истинной».

Бездыханная Зима: 1689–1798 по Имперскому летоисчислению. Непосредственная причина: несчастный случай в шахте. Локализация: Северное Срединье, квартент Сатд. Эта абсолютно антропогенная Зима началась, когда шахтеры северо-западных угольных разрезов Северного Срединья устроили подземный пожар. Относи-

тельно мягкая Зима, во время которой порой проглядывало солнце, без пеплопада или кислотных дождей, разве что в самом регионе, лишь некоторые общины объявили Зимний Закон. Около четырнадцати миллионов человек в городе Хельдин погибли при первоначальном взрыве природного газа и в быстро распространяющейся воронке пожара прежде, чем имперские орогены успешно затушили и запечатали границу пожара, предотвратив дальнейшее распространение. Оставшуюся массу можно было только изолировать, она продолжала гореть еще сто двадцать лет. Дым горения, разносимый господствующими ветрами, вызывал проблемы с дыханием и порой массовое удушение в регионе в течение нескольких десятков лет. Вторичным эффектом потери угольных разрезов Северного Срединья стал катастрофический рост цен на топливо и расширение применения геотермального и гидроэлектрического обогрева, что привело к основанию Патентного общества джинеров.

Зима Зубов: 1553–1566 по Имперскому летоисчислению. Непосредственная причина: океаническое землетрясение, вызвавшее извержение супервулкана. Локализация: Арктические разломы. Афтершок после океанического извержения

взломал прежде неизвестную горячую точку. Это привело к извержению супервулкана. Свидетели говорят, что звук взрыва был слышен даже в Антарктике. Пепел был выброшен в верхние слои атмосферы и быстро распространился по всей планете, хотя тяжелее всего пострадала Антарктика. Последствия Зимы усугубились плохой подготовкой многих поселений, поскольку после последней Зимы прошло около девяти сотен лет. В то время общим убеждением было то, что Зимы — просто легенда. От севера до самого экватора распространялись слухи о людоедстве. В конце этой Зимы в Юменесе был основан Эпицентр с филиалами в Арктике и Антарктике.

Грибковая Зима: 602 год по Имперскому летоисчислению. Непосредственная причина: извержение вулкана. Локализация: западные Экваториали. Серия извержений в сезон муссонов усилила влажность и затмила солнечный свет примерно на 20 процентах площади континента на шесть месяцев. Хотя по ходу событий это была умеренная Зима, она пришлась на момент идеальных условий для роста грибковой плесени, распространившейся по Экваториалям и северному и южному Срединью, уничтожив основной в то время злак мирок (ныне вымерший). Возник-

ший голод длился четыре года (два года, пока не прекратилась грибковая напасть, и два на восстановление системы распределения). Почти все пострадавшие поселения смогли выжить за счет собственных запасов, таким образом подтвердив эффективность имперских реформ и сезонного планирования, и империя щедро поделилась запасами зерна с регионами, зависящими от мирока. Впоследствии многие срединные и прибрежные регионы добровольно присоединились к империи, удвоив ее размеры, что стало началом ее Золотого Века.

Зима Безумия: 3 год до империи — 7 год по Имперскому исчислению. Непосредственная причина — извержение вулкана. Локализация: Пасти Киаша. Взрыв многочисленных выходов древнего супервулкана (того же самого, что стал причиной Двойной Зимы примерно за 10 000 лет до того) привел к выбросу в атмосферу больших масс темного минерала авгита. Последующие десять лет мрака были опустошительны не только как при обычной Зиме, но привели еще к более высокому уровню психических заболеваний. Экваториальный Союз Санзе (обычно называемый империя Санзе) родился в эту самую Зиму, когда военный вождь Верише из Юменеса завоевала

множество пораженных болезнью поселений, используя технику психологической войны. (См. «Искусство безумия», сборник, изд. Шестого университета). Верише назвала себя императрицей в первый день возвращения солнца.

(**Примечание редактора**: Большая часть информации о Зимах до основания Санзе противоречива или не имеет подтверждения. Перечень следующих Сезонов согласован на конференции археоместов Седьмого университета в 2532 году.)

Зима Блужданий: примерно 800 лет до империи. Вероятная причина: изменение магнитного полюса. Локализация: недоступна для подтверждения. Зима привела к исчезновению нескольких важных злаков и двадцатилетнему голоду, поскольку насекомые-опылители сбивались с курса из-за смещения истинного севера.

Зима Смены Ветров: около 1900 лет до империи. Вероятная причина: неизвестна. Локализация: недоступна для подтверждения. По непонятной причине направление господствующих ветров на много лет изменилось прежде, чем вернуться к нормальному. Решено считать это Зимой, несмотря на отсутствие затемнения атмосферы, поскольку вызвать ее могло только значительное сейсмическое событие (скорее

всего, далеко в океане).

Зима Тяжелых Металлов: примерно 4200 лет до империи. Вероятная причина: вулканическое извержение. Локализация: Южное Срединье близ восточных Побережий. Извержение вулкана (считается, что это был Ирга) вызвало затемнение атмосферы в течение десяти лет, усугубленное широким распространением ртутного загрязнения по всей восточной части Покоя.

Зима Желтых Морей: около 9200 лет до империи. Вероятная причина: неизвестна. Локализация: Восточные и Западные Побережья и прибрежные регионы вплоть до Антарктики. Об этой Зиме известно только по записям, найденным в экваториальных руинах. По неизвестным причинам широко распространившаяся бактериальная флора отравила почти всю морскую жизнь и вызвала голод на побережье в течение нескольких десятков лет.

Двойная Зима: около 9800 лет до империи. Вероятная причина: извержение вулкана. Локализация: Южное Срединье. По песням и изустно передававшимся преданиям той поры взрыв одного из выходов вулкана привел к трехлетнему затемнению. Когда тьма начала рассеиваться, за ним последовал взрыв другого выхода, в ре-

зультате чего затемнение продлилось еще на тридцать лет.

Приложение 2
Глоссарий общеупотребительных для всех квартентов Спокойствия терминов

Антарктика: самые южные широты континента. Людей из общин этого региона называют антарктами.

Арктика: самые северные широты континента. Людей из общин этого региона называют арктами.

Гальки: в Эпицентре так называют бесколечных детей-орогенов, проходящих базовое обучение.

Геомест: тот, кто изучает камень и его место в природе, общий термин для ученого. В особенности геоместы изучают литологию, химию и геологию, которые в Спокойствии не считаются отдельными дисциплинами. Некоторые геоместы специализируются в орогенезе — изучении орогении и ее эффектов.

Глухачи: презрительное название для людей, лишенных орогении, используемое орогенами.

Дефект: место, где разломы в земле приводят к

частым, жестоким толчкам и, вероятнее всего, к появлению вулканов.

Джинер: от слова «геонер». Инженер-геомеханик, специалист по геотермальным механизмам, туннелям, подземной инфраструктуре, горным разработкам.

Дорожный дом: станции, расположенные через определенные интервалы на каждом имперском тракте и менее важных дорогах. Во всех дорожных домах находится источник воды, и расположены они близ культивируемых земель, лесов или других полезных ресурсов. Многие расположены в районах минимальной сейсмической активности.

Зеленые зоны: участок пахотной земли под паром, находящийся в стенах или в непосредственной близости стен большинства общин по совету Предания камня. Общинные зеленые зоны могут использоваться для земледелия или скотоводства постоянно или служить парком или лежать под паром, когда нет Зимы. Личные домохозяйства, как правило, содержат собственные зеленые зоны или садики.

Зимний Закон: военное положение, которое может быть введено любым главой общины, губернатором квартента, региональным губер-

натором или авторитетным членом Лидеров Юменеса. Во время действия Зимнего Закона управление квартента или региона отменяется, и общины действуют как самостоятельные социополитические единицы, хотя сотрудничество на местах с соседними общинами очень поощряется имперской политикой.

Имперский тракт: одно из величайших нововведений Древней империи Санзе, виадуки (поднятые вверх дороги для движения пешком или верхом), связывающие все крупнейшие общины и квартенты друг с другом. Виадуки были построены командами джинеров и имперских орогенов, когда орогены определяли наиболее стабильные пути прохождения сквозь районы с сейсмической активностью (или гасили ее, если стабильных путей не было), а джинеры подводили воду и другие важные ресурсы к тракту, чтобы облегчить путешествие во время Пятых времен года.

Инноватор: одна из семи признанных функционал-каст. Инноваторы — люди, которые выводятся по творческой жилке и практической сметке для решения технических и логистических проблем во время Пятых времен года.

Камнееды: редко встречающийся вид гума-

ноидных существ, чья плоть, волосы, прочее напоминает камень. О них мало что известно.

Квартент: средний уровень имперской системы управления. Четыре географически граничащие общины составляют квартент. У каждого квартента есть губернатор, которому подчиняются главы отдельных общин, а тот, в свою очередь, подчиняется региональному губернатору. Крупнейшая община квартента считается столицей. Крупнейшие столицы квартентов связаны между собой системой имперских трактов.

Киркхуша: среднего размера млекопитающее, которых порой держат как питомцев или для охраны домов и скота. Обычно они травоядны, но во время Зим становятся плотоядными.

Кипучка: гейзер, горячий источник или выход горячего пара.

Кольца: используются для обозначения ранга имперских орогенов. Бесколечные курсанты должны пройти серию испытаний, чтобы получить свое первое кольцо. Десять колец — высший уровень, которого может достичь ороген. Каждое кольцо делается из полированного полудрагоценного камня.

Мела: растение Срединья, родственное дыням Экваториалей. Мела — стелющаяся лоза, как

правило, дающая лежащий на земле плод. Во время Зим мела растет под землей как клубень. Некоторые виды мелы цветут насекомоядными цветами.

Мелло: курительная наркотическая смесь.

Металлористика: подобно алхимии и астрометии, сомнительная псевдонаука, не признаваемая Седьмым университетом.

Неприкаянные: преступники и прочие нежелательные личности, неспособные добиться принятия в какую-либо общину.

Новообщины: просторечное название общин, возникших только во время последней Зимы. Общины, пережившие хотя бы одно Пятое время года, обычно считаются более желательным местом для жизни, поскольку доказали свою эффективность и силу.

Община: самая мелкая социополитическая единица имперской системы управления, обычно относящаяся к отдельному поселению или городку, хотя очень большие города могут охватывать несколько общин. Принятыми членами общины считаются те, кто получил права на долю припасов схрона и защиту и кто, в свою очередь, поддерживает общину налогами и прочими вкладами.

Общинное имя: третье имя, носимое большинством граждан, обозначающее их принадлежность к общине и права. Это имя, как правило, дается в подростковом возрасте в знак совершеннолетия, обозначая, что человек считается ценным членом общины. Иммигранты могут просить о приеме в общину, после приема они носят имя принявшей их общины как собственное.

Опоры: одна из семи признанных функционал-каст. Опоры выведены ради их физической силы, они отвечают за выполнение тяжелых работ и безопасность во время Зим.

Ороген: обладающий орогенией, обученный или нет. Уничижительное: рогга.

Орогения: способность манипулировать тепловой, кинетической и прочими подобными формами энергии, чтобы влиять на сейсмическую активность.

Пепельные волосы: характерный призрак расы санзе, которая по нынешним принципам функционал-касты Селектов считается благоприятной, и потому при селекции ему дается преимущество. Пепельные волосы откровенно жесткие, толстые и, как правило, растут дыбом. Будучи длинными, они обрамляют лицо и спадают на плечи. Они устойчивы к кислоте, при

намокании набирают мало воды и в определенных ситуациях показали себя как хороший противопепельный фильтр. В большинстве общин Селекты признают только текстуру, однако Селекты Экваториалей, как правило, требуют еще весьма желательной природной пепельной расцветки (от синевато-серого до белого с самого рождения).

Побережник: представитель прибрежной общины. Лишь немногие прибрежные поселения могут позволить себе нанять имперского орогена для того, чтобы поднять риф или как-нибудь иначе защититься от цунами, потому прибрежные города должны постоянно отстраиваться и в результате бедны ресурсами. Люди с западных побережий континента, как правило, белокожи, с прямыми волосами и иногда имеют глаза с эпикантусом [3]. Люди с восточных побережий, как правило, темнокожие, с курчавыми волосами и иногда имеют глаза с эпикантусом.

Прорыв: вулкан. Также в некоторых прибрежных языках их называют огненными горами.

Путевой рюкзак: маленький, легко переноси-

---

[3] Примечания: 3

Эпика€нтус, «монгольская складка» — особая складка у внутреннего угла глаза, в большей или меньшей степени прикрывающая слёзный бугорок.

мый запас необходимых вещей и продовольствия, который большинство людей держат дома на случай землетрясений и прочих чрезвычайных ситуаций.

Пятое время года, или Зима: продолжительная зима, длящаяся как минимум шесть месяцев, вызванная сейсмической активностью или другим крупномасштабным климатическим изменением.

Рваная земля: территория, перевернутая сильным и/или очень недавним проявлением сейсмической активности.

Регион: высший уровень имперской системы управления. Признанными в империи регионами являются Арктика, северное Срединье, Западное Побережье, Восточное Побережье, Экваториали, Южное Срединье и Антарктика. У каждого региона есть свой губернатор, которому подчиняются все местные квартенты. Региональные губернаторы официально назначаются императором, хотя на практике они, как правило, избираются и/или происходят из Лидеров Юменеса.

Резчик: мастер, работающий при помощи мелкого инструмента с камнем, стеклом, костью или другими материалами. В больших общинах резчики могут использовать механику или технику

серийного производства. Резчики, работающие с металлом, или неумелые резчики в просторечье называются ржавщиками.

Санзе: первоначально государство (образование с осуждаемой политической системой, до империи) в Экваториалях, родина расы санзе. На закате Зимы Безумия (7 год по Имперскому летоисчислению) государство Санзе было устранено и заменено Экваториальным Объединением Санзе, состоящим из шести доминирующих санзийских общин под властью императрицы Верише Лидера Юменес. После Зимы объединение быстро разрослось, к 800 году по Имперскому летоисчислению охватив все регионы Спокойствия. Примерно к Зиме Зубов Объединение в просторечии стало называться Древняя империя Санзе, или просто Древняя Санзе. По Шилтинскому договору 1850 года по Имперскому летоисчислению Объединение официально прекратило существование, поскольку местное управление (по совету юменесских Лидеров) считалось более эффективным в случае Зимы. На практике большинство общин по-прежнему придерживаются имперской системы управления, финансирования, образования и прочего, и большинство местных губернаторов по-прежнему платят налоги Юменесу.

Санзе: представители расы санзе. По стандартам юменесских Селектов, санзе в идеале бронзовокожие, с пепельными волосами, с мезоморфным или эндоморфным сложением и ростом не менее шести футов.

Санзе-мэт: язык расы санзе, официальный язык Древней империи Санзе, ныне лингва-франка большей части Спокойствия.

Седьмой университет: прославленное учебное заведение для обучения геоместов и камнелористов, в настоящее время финансируемое империей и расположенное в экваториальном городе Дибарс. Предыдущие версии университета спонсировались частным образом или коллективно. Следует заметить, что Третий университет в Ам-Элате (примерно 3000 лет до империи) в то время считался суверенным государством. Меньшие региональные или квартентные учебные заведения делают отчисления университету и получают взамен специалистов и ресурсы.

Селект: одна из семи функционал-каст. Селекты — люди, выбранные благодаря их здоровью или желательному телосложению. Во время Зимы они отвечают за поддержание здоровых породных линий и улучшения общины или расы методами селекции. Селекты, рожденные в

этой касте, но не удовлетворяющие допустимым стандартам общины, могут получить разрешение носить имя функционал-касты ближайшего родственника в общине.

Сафе: напиток, традиционно подаваемый на переговорах, первых встречах потенциально враждебных сторон и прочих формальных встречах. Содержит растительное молочко, реагирующее на все посторонние вещества.

Срединье: средние широты континента, находящиеся между экватором и арктическим или антарктическим регионом. Население этих регионов называют срединниками. Эти регионы считаются задворками Спокойствия, хотя они производят много провизии, сырья и прочих жизненно важных ресурсов. Есть два срединных региона — Северное Срединье и Южное Срединье.

Страж: член ордена, который, как говорят, был основан раньше, чем Эпицентр. Стражи выслеживают, направляют, защищают орогенов Эпицентра и защищают от орогенов Эпицентра.

Стойкость: одна из семи признанных функционал-каст. Это люди, выведенные со способностью переносить голод и эпидемии. Во время Зим они заботятся о больных и мертвых.

Схрон: запасенный провиант и необходимые вещи. Общины держат охраняемые, запертые схроны постоянно на случай Пятого времени года. Только признанные члены общины имеют право на долю запасов схрона, хотя взрослые имеют право за свой счет кормить непризнанных детей и прочих. Отдельные домохозяйства также часто держат свои домашние схроны, также охраняемые от нечленов семьи.

Сэсуна: ощущение движения земли. Сенсорным органом, осуществляющим эту функцию, являются сэссапины, расположенные в стволе головного мозга.

Толчок: сейсмическое движение земли.

Ублюдок: человек, родившийся вне функционал-касты, что возможно лишь для мальчиков, чей отец неизвестен. Те, кто показал себя достойным, могут получить разрешение добавлять функционал-касту матери к своему общинному имени.

Узлы: сеть станций, поддерживаемая империей, расположенных по всему Спокойствию с целью минимизировать или гасить проявления сейсмической активности. Из-за относительной редкости обученных Эпицентром орогенов сосредоточены в первую очередь в Экваториалях.

Функционал-имя: второе имя, которое имеет большинство граждан, обозначающее, к какой функционал-касте принадлежит человек. Существует двадцать признанных функционал-каст, но лишь семь обычно употреблялись в современной и бывшей империях. Человек наследует функционал-имя касты родителя одного с ним пола, согласно теории, что полезные качества наследуются именно по этой линии.

Чебаки: представитель расы чебак. Чебак некогда был государством (образование с осуждаемой политической системой, до империи) в Южном Срединье, хотя после того, как Древняя империя Санзе завоевала его несколько столетий назад, оно было преобразовано в квартент.

Экваториали: широты, окружающие и включающие экватор, исключая прибрежные регионы. Людей, происходящих из здешних общин, называют экваториалами. Благодаря температуре, погоде и относительной стабильности в центре континентальной плиты экваториальные общины в целом богаты и политически могущественны. Экваториали некогда составляли ядро Древней империи Санзе.

Эпицентр: полувоенный орден, созданный Древней Санзе после Зимы Зубов (1560 год по

Имперскому летоисчислению). Штаб-квартира Эпицентра находится в Юменесе, хотя имеется два филиала Эпицентра в Арктике и Антарктике для максимального территориального охвата. Обученные в Эпицентре орогены (или имперские орогены) имеют законное разрешение на использование в другом случае запрещенного искусства орогении в рамках жестких организационных правил и под строгим присмотром ордена Стражей. Эпицентр имеет самоуправление и находится на самоокупаемости. Имперских орогенов отличает их черная форма, и в просторечии их называют «черномундирниками».

Ясли: место, где присматривают за детьми, слишком маленькими, чтобы работать, пока взрослые выполняют необходимые для общины дела. Если обстоятельства позволяют — место для обучения.

Благодарности

Благодаря этой трилогии я прониклась огромным уважением к авторам, которые пишут саги в пять, семь, десять томов или больше, в миллионы слов. Нравится вам это или нет, заставляет ли вас думать «ура» или «не-а» всякий раз, когда вы слышите об этом, позвольте сказать вам: сложно рассказать одну-единственную длинную историю. Безумный респект многотомникам.

И на этот раз большое спасибо моему начальнику, который составил для меня график, позволивший закончить эту книгу за один год; как обычно, моему агенту и редактору, которые оба периодически терпели мои часовые разговоры по телефону о том, что «все всегда плохо»; публицисту Orbit Эллен Райт, которая терпеливо мирится с тем, что я забываю рассказать ей, ну, обо всем (прекратите проверять рабочую электронную почту по праздникам, Эллен); коллеге по Altered Fluidian и медицинскому консультанту Даниэль Фридман, которая в короткие сроки выполнила бета-чтение; коллеге по Fluidian Крису Дикеману, который помог мне спроектировать и построить

мой собственный вулкан (длинная история); WORD Books в Бруклине, которые позволили мне бесплатно использовать их пространство для проведения Встречи по Магической Сейсмологии; моему отцу, который приказал мне замедлиться и отдышаться; девушкам из проекта «Октавия», которые напомнили мне, как далеко я зашла и для чего все это на самом деле; моему терапевту; и, наконец, моему смешному коту КИНГУ ОЗИМАНДИАСУ, который, кажется, усовершенствовал искусство прыжка с книжного шкафа на мой ноутбук, когда я нуждаюсь в перерыве.

Н. К. ДЖЕМИСИН — автор из Бруклина, чьи рассказы и романы неоднократно номинировались на премии «Хьюго», «Мировая фантазия» и «Туманность», входили в шорт-лист «Кроуфорд и Типтри» и получали премию «Локус». Она является обозревателем научной фантастики и фэнтези в New York Times, а ее роман «Пятое время года» был отмечен в 2015 году в New York Times Notable Book. Ее веб-сайт — nkjemisin.com.